This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

D1
.V66

STK

ВѢСТНИКЪ

STANFORD
LIBRARIES

Второй годъ изданія

Для слѣдующей книжки намѣчены статьи:

1) **„Наполеонъ I“**—историко-біографическій очеркъ проф. *А. С. Трачевскаго.*
2) **„Герценъ и Тургеневъ“**—неизданныя письма Тургенева къ Герцену, сообщилъ *В. Б.*
3) **„Послѣдній валъ“**—историч. поэма въ стихахъ *Н. П. Аксакова.*
4) **„Изъ прошлой жизни дерптскаго студенчества“** *Д. К. Зеленина.*
5) **„Послѣдняя любовь поэта“**—романическій эпизодъ изъ жизни Лопе-де-Вега.
6) **„Изъ дальнихъ лѣтъ“.**—Первая любовь.—Три депутата.—Gaudeamus. Воспоминанія студенчества. *М. В. Головинскаго.*

Приложеніе: **„Исторія финскаго народа“**—по Шюбергсону.

...писокъ изданій получаемыхъ въ качествѣ ...платнаго приложенія, по своему вы...ру, годовыми подписчиками журнала „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“:

1) **„Исторія польскаго народа“** *В. Смоленскаго* въ переводѣ *Г. Ѳ. Львовича.*
2) **„Даръ слезъ“** истор. романъ *В. Я. Свѣтлова.*
3) **„Торжество силы“** истор. романъ *Поля Адамъ.*
4) **„Прошлое Китая“** краткій очеркъ исторіи Китая по Бару (Bard).
5) **„О правѣ государства наказывать“** *М. В. Головинскаго.*
6) **„Китайская императрица Си-Тай-Геу“** и **„Китайское войско въ Маньчжуріи“.**

Примѣчаніе. Годовыми подписчиками считаются уплатившіе всю годовую подписную плату при самой подпискѣ или не позднѣе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, а также подписавшіеся на годъ за ручательствомъ казначеевъ.

При настоящемъ нумерѣ разсылается объявленіе о подпискѣ на 1901 годъ на ежемѣсячный журналъ „НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и газету „СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

ДЕКАБРЬ

№ 1.

Второй годъ изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12 (уг. Б. Морской).
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Христина, королева шведская.** Истор.-психологическій очеркъ. *Проф. П. И. Ковалевскаго.* 3

II. **Венецейская Лагуна.** Истор.-романъ *В. Я. Свѣтлова.* . . . 10

III. **Кюхельбекеръ и Пушинъ.** *Н. Гастфрейнда.* 42

IV. **Восточные кредиторы Карла XII.** *Н. Я.* 81

V. **Бошнякъ.—Майборода.—Шервудъ.** По запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго. 101

VI. **На рубежѣ XIX вѣка.** *** 116

VII. **Памяти А. К. Михайлова-Шеллера.** *А. Фаресова.* . . . 151

VIII. **Историческія драмы Стриндберга.** *Сандра.* 168

IX. **Свадьба Зимняго короля.** Пер. съ нѣм. *З. М. Спировой.* 177

X. **Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка.** *К. Каутскаго* 193

XI. **Памфлетъ на русскую литературу.** *В. Б—скаго.* 217

XII. **Странички прошлаго.**—I. Къ портрету М. П. Погодина. II.—Курьезы административныхъ архивовъ.—III. Два литературныхъ документа.—IV. Грузинскій пергаментный манускриптъ 1042 года объ осадѣ Царьграда русскими въ 626 году.—V. Гербарій Петра Великаго.—VI. Образъ баллотированія. 223

XIII. **Изъ области археологіи.** *А. Миронова* 236

XIV. **Литературная лѣтопись:** — I. **Русскіе журналы.**—Полемика о «Знаменіяхъ времени». — Идеи англійскихъ экономистовъ.—Переворотъ въ образованіи русской женщины.—Европейскій романъ и его судья. — Популярность Надсона и его раннія произведенія.—Жизнь въ началѣ вѣка. II. **Изъ иностранныхъ журналовъ.**—Записки англичанина о 14 декабря.—Дворецъ и дворъ въ Византіи при императорѣ Юстиніанѣ Великомъ.—Наполеонъ и Жозефина Богарне.—Неудавшіеся переговоры о женитьбѣ Наполеона I-ва русской великой княжнѣ. — **Изъ** переписки прусской королевы Луизы съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ. III. **Новыя книги.** — «Православная богословская энциклопедія» *А. П. Лопухина.* — «En Emigration» par *M. Costa de Beauregard.* — «Napoleon, the last phase» by *lord Rosebery.*—*O. Sjögren* «Karl don tolfte och hans män».—«The Rise of Russian Empire» by *H. Munro.*—«The Story of Moscow» by *Wirt Gerrare.*—«J. S. Tourg nev's Works» by *Mrs Garnett.*—«Siberia and Central Asia» by *John W. Bookmalter.*—«Russia and Russians» by *Edmund Hoble.*—«Bilder aus dem Kaukasus» von *C. von Hahn.*—«Remarques sur la parenté de la langue étrusque» par *V. Thomsen.*—«Etude sur la langue laze» par *M. H. Adjarian* 243

ПРИЛОЖЕНІЕ: Сборникъ иностранныхъ истор. романовъ.

Послѣдній авинянинъ. Истор. романъ *Виктора Рюдберга.*

Безплатныя приложенія годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы при январской книжкѣ.

Дозв. цензъ. С.-Петербургъ 18 Декабря 1900 г.

Христина, королева шведская.

(Историко-психологическій очеркъ).

Природа чрезвычайно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Сплошь и рядомъ тѣ или другія явленія, тщательно изученныя, считающіяся законообразными и закономѣрными, вдругъ порождаютъ изъятія и исключенія, которыя представляются рѣзкимъ противорѣчіемъ и даже противоположностью основному закону своего бытія. Такія противорѣчивыя явленія, вѣроятно, существуютъ во всѣхъ областяхъ знанія, между прочимъ, наблюдаются и въ медицинѣ. Такъ, напр., существуетъ болѣзнь, которая извѣстна подъ именемъ эпилепсіи. Она характеризуется приступами судорогъ и безсознательнымъ состояніемъ. А между тѣмъ есть случаи, въ которыхъ судорогъ не бываетъ,—и есть случаи, въ которыхъ судороги протекаютъ въ сознательномъ состояніи; однако и тѣ и другіе случаи будутъ явленіями эпилепсіи. Существуютъ случаи еще болѣе противорѣчивые. Сумасшествіе или душевныя болѣзни есть страданіе мозга, въ которомъ на первомъ планѣ поражается умъ. Это болѣзнь ума. А между тѣмъ существуютъ душевныя болѣзни, въ которыхъ умъ вовсе не поражается, и тѣмъ не менѣе это всетаки будетъ болѣзнь души. Существуютъ чрезвычайно интересные случаи, когда такіе больные мыслятъ правильно, логично, разумно, послѣдовательно, а дѣйствуютъ какъ сумасшедшіе и съ полнымъ правомъ признаются таковыми.

[illegible]

[illegible]

Такова была и [illegible] королева Христина.

Отецъ Христины, шведскій король Густавъ Адольфъ, [illegible] былъ человѣкъ высоко даровитый, великій [illegible] и геніальный полководецъ, человѣкъ, одаренный неслыханной силой воли и отваги. Искренно религіозный человѣкъ, онъ всю свою жизнь отдалъ борьбѣ за религіозные принципы и погибъ въ битвѣ за протестантскую вѣру. Это [illegible] человѣкъ строгихъ нравственныхъ правилъ и суровой жизни. Крайности сходятся. Густавъ Адольфъ и жена его [illegible] крайности. Мать Христины, дочь курфюрста Іоанна Сигизмунда, [illegible] красавица, милое и граціозное существо, нѣжное, доброе и привязчивое до слабости. Вмѣстѣ съ тѣмъ она [illegible] пуста, поверхностна, съ недалекимъ умомъ и неустойчивыми убѣжденіями. Она предавалась интригамъ и не бр[illegible] побѣдъ [illegible]стію и обманомъ. Ея жизнь, пос[illegible] не [illegible]вались симпатіями ни мужа, ни [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

держать въ придворномъ обществѣ и поддерживала разговоръ съ учеными. Въ шестнадцать лѣтъ она владѣла шестью языками и любимымъ ея чтеніемъ были Ѳукидидъ и другіе классики. Въ эту пору она была настолько умна и самостоятельна, что регентство убѣдило ее принять бразды правленія въ свои руки. Восемнадцати лѣтъ она держала рѣчи къ сенату, отдавала приказанія министрамъ, давала направленіе политикѣ королевства, была самовольна, самоувѣренна, властительна и надменна... Вообще она не терпѣла опеки надъ собою. Чужіе совѣты ей были непріятны, и несогласныя съ нею мнѣнія нетерпимы,—ея капризы должны были исполняться немедленно. Всю свою жизнь она, однако, отдавала государству,—она занималась внутренними дѣлами, направляла дипломатію, поддерживала международныя отношенія и т. д.

Втеченіе всего этого времени Христина была дочерью своего отца. Она любила звукъ пушечной пальбы, любила трудности и опасности походной жизни, любила величіе и всю обстановку, неразрывно связанную съ управленіемъ дѣлами государства или командованіемъ великой арміей. Ея любимыми собесѣдниками были выдающіеся государственные дѣятели, министры, полководцы и ученые. Наиболѣе привлекательнымъ предметомъ бесѣды были воспоминанія о славныхъ дѣлахъ отечества и воинскихъ его успѣхахъ. Она принимала личное участіе въ спорахъ съ лучшими людьми и отличалась начитанностью, пониманіемъ, острымъ и глубокимъ умомъ и правильностью взгляда. Все это способствовало тому, что ея совѣтники относились къ ней съ полнымъ почтеніемъ, послушаніемъ, преданностью.

До сихъ поръ она творила все великое. Природа одарила ее блестящимъ умомъ,—она любила и изучала литературу, музыку, языки и искусства, она была окружена выдающимися учеными и обладала полной возможностью развить какъ свои природныя, такъ и пріобрѣтенныя дарованія. Она съ большимъ успѣхомъ провела благія перемѣны и достигла лучшихъ результатовъ, нежели другіе правители, и, говорятъ, принимала большое участіе въ дѣлѣ прекращенія тридцатилѣтней войны. Она обладала обаятельнымъ обращеніемъ и блестящимъ разговоромъ. Ея руки многократно искали лица, занимавшія высокое положеніе въ Европѣ. Всякое желаніе ея всегда предупреждалось и по возможности точно исполнялось какъ министрами, такъ и народомъ.

Въ сихъ поръ мужской умъ отца царилъ въ головкѣ дѣ- властвовалъ въ ея натурѣ. Но должна была пробу-

диться женщина со свойствами матери. Это скоро и совершилось.

Въ двадцать—двадцать одинъ годъ она стала капризна, измѣнчива и пуста,—она стала увлекаться придворными интригами, завела фаворитовъ, задаривала ихъ царскими подарками,—стала болѣе мелочною и во многомъ воскресила въ себѣ мать. Но рядомъ съ этимъ въ ней проявились и великія свойства натуры отца. И такъ въ жизни одного человѣка воплотились двѣ несовмѣстимыя натуры и породили крайне взбалмошную и странную личность.

Въ дѣлахъ государственныхъ она стала лишать довѣрія людей—честныхъ и преданныхъ и приближала недостойныхъ и шарлатановъ. Она раздавала большія суммы сомнительнымъ личностямъ и тратила массу денегъ на покупку ненужныхъ предметовъ, приносимыхъ ими съ совѣтомъ купить. Театры и развлеченія для нея стали выше и интереснѣе, чѣмъ дѣла государства. Сомнительнаго свойства лейбъ-медикъ теперь замѣнилъ при ней мѣсто канцлера государства и главнаго совѣтника. Постоянныя, часто неосмотрительныя и неблагоразумныя траты совершенно разорили финансы страны и поставили ихъ въ невозможное положеніе. Совѣты прежнихъ преданныхъ людей теперь принимались холодно и съ пренебреженіемъ.

Но и это все не удовлетворило молодую королеву. Ее стѣсняла внѣшность. Ее стѣсняла обстановка. Она искала свободы и независимости ни отъ кого и ни отъ чего. Поэтому она въ 22 года объявила, что оставляетъ престолъ и уѣзжаетъ изъ своей родины. Сказано—сдѣлано. Она начала готовиться къ отъѣзду, несмотря на мольбы министровъ и народа не дѣлать этого.

Покончивъ приготовленія, Христина въ торжественномъ засѣданіи произнесла блестящую рѣчь, выражая свою признательность исполнителямъ ея воли, она указала на то, что все, что она сдѣлала, она сдѣлала, благодаря имъ. Послѣ этого она сняла корону и объявила о передачѣ ея другому лицу. Затѣмъ она уѣхала въ Италію.

Сбросивъ съ себя оффиціальныя путы, Христина сразу пустилась въ разнузданную жизнь. Она стала слишкомъ веселой, слишкомъ свободной, слишкомъ откровенной. Ея рѣчи заставляли краснѣть окружающихъ,—а ея дѣянія заставляли молчать изъ уваженія къ полу. Немедленно по отъѣздѣ изъ Швеціи она забыла вѣру своего отца и быстро перемѣнила протестантизмъ на католицизмъ.

Вѣра, за которую ея отецъ сложилъ свою голову, была смѣнена съ легкомысліемъ, достойнымъ нигилиста, каковымъ и была Христина. Сама она сознавалась, что сдѣлала это изъ любезности къ странѣ, въ которой поселилась,—да и не придавала она никакого значенія дѣламъ вѣры. Она жила безъ вѣры, безъ высокой нравственности, даже безъ любви къ ближнему. Всюду, гдѣ она появлялась, правительство и народъ относились къ ней съ уваженіемъ, какъ къ представительницѣ видной державы,—но Христина мало отвѣчала этому отношенію. Она стала небрежна къ своей внѣшности, къ своему костюму и своему поведенію. Въ Римѣ она умѣла повздорить съ папой, который отнесся къ ней крайне внимательно и сочувственно. Во Франціи, изучая науку и искусства, она вмѣстѣ съ тѣмъ вела жизнь крайне легкомысленную, грубую и неприличную. Здѣсь она приговорила къ смерти одного изъ своихъ приближенныхъ и казнила. Говорятъ, что этотъ казненный, Мональдески, былъ жертвою ревности Христины... Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого авантюризма ей пришло въ голову вновь занять престолъ Швеціи. Въ это время король шведскій умеръ. Христина стала искать престола. Большихъ денегъ это стоило ей и притомъ напрасно. Что она оставила добровольно, то ужъ трудно было вернуть. Ее постигла неудача.

Тогда она вновь вернулась въ Римъ. Здѣсь ея легкомысленный образъ жизни пошелъ еще шире. Она постоянно вела ссоры и интриги то съ папой, то съ лицами, вовсе даже неизвѣстными.

Вскорѣ освободился престолъ польскій. Христина пожелала занять его. Новыя траты денегъ. Новые происки. Но и это искательство осталось безрезультатнымъ.

Самая странная и самая безшабашная теперь началась жизнь у Христины. Съ одной стороны она не разрывала съ наукой и искусствами, причемъ она интересовалась музеями, библіотеками, мѣстами важными въ историческомъ отношеніи,—собирала научныя и художественныя коллекціи, устраивала ученыя учрежденія,—она сама писала и ея сочиненія составляютъ четыре солидныхъ тома,—съ другой стороны окружила себя авантюристами, проходимцами и людьми сомнительнаго достоинства и вела жизнь, несвойственную не только женщинамъ изъ царствующаго дома, но и вообще женщинѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни она написала слѣдующее:

«я хочу жить настолько весело, насколько это возможно».

можно: смерть, приближеніе которой я чувствую, не пугаетъ меня,—я жду ее безъ желаній, но и безъ страха». Она умерла 19 апрѣля 1689 г. шестидесяти трехъ лѣтъ и передала свое состояніе кардиналу Azzolina. Христина завѣщала самую скромную надгробную надпись на своемъ памятникѣ: Vixit Christina sanno sexaginta tres.

Такова была Христина, королева шведская.

Невольно является вопросъ: съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло? Со странностью... но это не отвѣтъ.

Несомнѣнно, въ образованіи столь причудливаго характера важнѣйшее вліяніе оказало сочетаніе двухъ крайне противоположныхъ свойствъ отца и матери въ одномъ человѣкѣ. Волевые наши поступки являются слѣдствіемъ двухъ силъ: нашего ума и чувства; преобладаніе того или другого въ тотъ или другой моментъ нашей жизни всецѣло отражается на нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Христина унаслѣдовала великій умъ отца и животную сторону матери. Даже отцовскій умъ дѣйствовалъ подавляюще на животную сторону жизни организма; но наступилъ моментъ, когда всплыла послѣдняя. И вотъ началась борьба двухъ началъ, совершенно противоположныхъ и понижающихъ другъ друга. Поэтому неудивительно, что у такого умнаго и интеллигентнаго человѣка проявлялись поступки безумные и несвойственные мыслящему человѣку.

Помимо наслѣдственности, нельзя не отдать должнаго и неправильно поставленному воспитанію. Неестественно мальчика заставить играть въ куклы и заниматься кукольнымъ домашнимъ хозяйствомъ, — какъ и неестественно заставлять дѣвочку вести образъ жизни воина. Организмъ можетъ выдерживать только до извѣстной степени напряженіе, послѣ чего въ немъ получатся поступки и дѣйствія, противорѣчащія здравому понятію и характеризующія состояніе folie d'actions.

П. И. Ковалевскій.

Венецейская лагуна.

Историческій романъ В. Я. Свѣтлова.

I.

Лѣнивыя тѣни далекой отчизны темнѣли съ такой же быстротой, съ какой надвигалась *безпросвѣтная тьма южной ночи.* Черное небо, съ яркими и чрезвычайно крупными звѣздами, казалось *безпредѣльной* пустыней, но всѣмъ краямъ сливавшейся съ *безбрежной* пустыней моря.

Уныло и безмолвно было кругомъ; только тихое и мѣрное хлопанье воды, разсѣкаемой носомъ голландскаго корабля, все еще продолжалось непрерывно, какъ днемъ; но оно почти не нарушало общаго впечатлѣнія покоя и тишины.

Царскіе посланники, стольникъ Чемодановъ и дьякъ Посниковъ, отправленные съ особымъ порученіемъ къ дуку Венецiанской республики, и прихватившіе съ собою, по обычаю, изданія установившемуся, государевы и патріаршіе товары на продажу, сидѣли въ эту теплую ночь наверху корабля и отдыхали душою и тѣломъ.

Они говорили вполголоса, изъ суевѣрнаго страха нарушить торжественное безмолвіе ночи, и вспоминали о томъ уже далекомъ времени, когда, въ началѣ осени, сѣли въ Архангельскѣ на голландское судно, чтобы отправиться въ опасную и неизвѣстную даль.

Дьячо, медленно поглаживая бороду, проговорилъ Чемодановъ, вотъ мы уже близки къ окончанію пути... ка-

кая тишь. Да благодать Божія! Словно ночью въ степи. И воздухъ теплый какъ лѣтомъ, а, между прочимъ, уже конецъ ноября, почитай...

— И то, отвѣтилъ Посниковъ, — дивны дѣла Господни! Помнишь ты океанскую бурю?

— Какъ не помнить! Вѣкъ не забуду... Многія волны въ корабль вливались, а въ верхнія жилья, въ окошки, валами било.

— Много и рухляди нашей помочило.

— А въ среднемъ жильѣ было воды на локтя два и болѣе; даже наверху, вотъ гдѣ мы теперь съ тобой сидимъ и бесѣду ведемъ,—по поясъ человѣку.

— Изъ государевой казны двѣ бочки ревеню унесло и потопило.

— А плачъ и вопль были великіе. И мы и государевы люди пѣли молебенъ... Буря утихла. Одинъ Иванъ Шоринъ въ тѣ поры не испугался.

— Чего ему пугаться! У насъ остались жены и дѣти. Онъ—одинъ какъ перстъ.

— Хошь бы и одинъ, возразилъ, улыбнувшись, Чемодановъ,—живота своего рѣшиться никому не лестно.

— Храберъ, что и говорить! согласился Посниковъ. — И тогда труса не спраздновалъ, когда насупротивъ Лизабона натолкнулись мы на четырнадцать кораблей, которые приняли за варварійскіе и изготовились къ бою. Шоринъ, не иной кто, началъ съ ними переговариваться...

Чемодановъ засмѣялся.

— Оказались разныхъ государствъ торговые нѣмцы изъ Гишпаніи. Да, братъ, дьяче! Струхнулъ, поди?

— А ты, небось — нѣтъ? насупившись спросилъ, въ свою очередь, Посниковъ.

— Бывало всякое, согласился стольникъ. — Однако, благодаря Божьему милосердію, все миновало и вотъ мы близки къ окончанію пути. А, Шоринъ, чай, спитъ?

— Про то мнѣ невѣдомо. Надо быть, спитъ.

Но Шоринъ не спалъ.

Онъ стоялъ на кормѣ и черный силуэтъ его сливался съ чернотою ночи. Задумчиво смотрѣлъ онъ на крупныя звѣзды южнаго неба и удивлялся ихъ величинѣ. Иногда отрывался онъ отъ этого безмолвнаго созерцанія и острымъ взглядомъ старался проникнуть въ даль, но кругомъ было темно какъ въ могилѣ.

Онъ не видѣлъ даже своихъ спутниковъ, слышалъ только ихъ голоса. Онъ улыбнулся, когда они заговорили о немъ. Да, и стольникъ и дьякъ были не очень то храбрые люди: когда торговые нѣмцы сказали имъ, что на Срединномъ морѣ, къ Ливорно, гуляютъ на корабляхъ турскіе люди, они порядкомъ таки струхнули.

И онъ припомнилъ, какъ, дѣйствительно, только что по выходѣ изъ Узкаго мѣста [1]), встрѣтились имъ три разбойничьихъ корабля.

Посланники, да и всѣ русскіе люди, видя нахожденіе и напускъ турскихъ воровскихъ людей, воздавали молебное пѣніе Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери.

Стольникъ и дьякъ молились даже со слезами.

Разбойники исправились по вѣтру и, устремясь къ бою, гнались за ихъ судномъ быстрымъ ходомъ и почти что догнали его. Однако, увидавъ на кораблѣ государевыхъ людей, боевыя знамена и осторожность, не имѣли смѣлости напасть, а ночью и вовсе исчезли.

А кто-же все это сдѣлалъ? Онъ, Шоринъ. Онъ уговорилъ не пугаться, не пускаться въ бѣгство, выставить боевыя знамена. А они только молебны пѣли, да слезы точили!

Не любилъ Шоринъ дьяческаго сословія и въ своей боярской душѣ относился къ нему съ презрѣніемъ, несмотря на то, что дьяки были выдающимися людями въ московскомъ правленіи, принимали участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, награждались деньгами и даже владѣли вотчинами. Однако, какъ ни важна была дьяческая должность, Шоринъ никакъ не могъ связать съ нею понятія о родословной чести и считалъ должность дьяка очень низкой. Да и Чемодановъ, пользуясь равнымъ съ Посниковымъ званіемъ царскаго посла, обращался съ нимъ «шутейно», и не упускалъ случая поднять его на смѣхъ.

Посниковъ, въ свою очередь, тѣмъ же нерасположеніемъ платилъ Шорину, и въ особенности за ту легкость, съ которой Шоринъ воспринималъ заморскіе свычаи и обычаи и усваивалъ чужеземные говоры, шатаясь въ Москвѣ по иноземнымъ торговымъ людямъ.

Посниковъ не хотѣлъ брать въ экспедицію Шорина, но это былъ, кажется, единственный человѣкъ, говорившій «по венецейски»; и хотя говорилъ онъ съ трудомъ и медленно,

---

[1]) Гибралтарскій проливъ.

однако, всетаки-же говорилъ, въ то время какъ самъ посланникъ, не только не говорилъ, но и съ превеликимъ трудомъ понималъ этотъ говоръ.

Посланники, поболтавъ еще немного, отправились въ среднее жилье спать и ихъ сладкое позѣвыванье слышалъ Шоринъ. Было уже поздно, далеко за полночь, но ему спать не хотѣлось и онъ остался на бортѣ корабля.

Смутныя чувства волновали его душу. Жизнь въ Москвѣ казалось ему унылой и безрадостной, его смолоду тянуло въ даль, въ тѣ невѣдомыя страны, разсказовъ о которыхъ онъ наслушался отъ иноземныхъ торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ послѣднее время все чаще и чаще на Москву.

Въ юношескомъ возрастѣ приходилось слышать ему, что въ его жилахъ течетъ цыганская кровь, что его батюшка, нынѣ покойный, слюбился съ цыганкой, которая и была настоящей матерью Ивана. Однако, достовѣрнаго онъ ничего объ этомъ не зналъ; но его смуглое, красивое лицо съ черной какъ смоль курчавой бородкой и такими-же волосами, его темные глаза и алыя губы, наконецъ, порывистый, безпокойный нравъ, тоска по дальнимъ странамъ и жажда шатанія по свѣту и приключеній указывали, пожалуй, на то, что людская молвь была не безъ достаточной причины.

Все это смущало и тревожило его вначалѣ. Но потомъ онъ свыкся съ этой мыслью и, когда рѣшено было отправить посольство къ Венецейскому дуку, въ отвѣтъ на присланное въ Москву отъ республики посольство, онъ сдѣлалъ все, чтобы отправиться съ Посниковымъ и Чемодановымъ въ это далекое государство.

Теперь, жадно всматриваясь въ ночную тьму и ожидая разсвѣта, онъ вспоминалъ, съ какою легкою радостью покинулъ онъ свою вотчину и изготовлялся въ долгій и, какъ оказалось, опасный путь. Сердце его теперь билось тревожно: утромъ, какъ только станетъ свѣтать, ихъ корабль подойдетъ къ Ливорно. Они посѣтятъ Флоренцію и черезъ Феррару прибудутъ въ Венецію, этотъ волшебный городъ на водѣ, о которомъ ему говорили такъ много, и все, что говорили походило на сказки... Онъ вѣрилъ имъ и не вѣрилъ! И хотѣлось вѣрить, но все казалось такъ невѣроятнымъ...

Ему вспоминалось и Венецейское посольство.

Республика изнемогала въ непосильной борьбѣ своей съ турками и всюду искала помощи. Услышавъ объ успѣхахъ царскаго оружія въ польскихъ областяхъ, она отправила въ

Москву посланниковъ съ просьбою, чтобы царь велѣлъ донскимъ казакамъ пойти на турокъ и тѣмъ «развлечь» ихъ силы. Заодно просили они, дабы царемъ дозволено было вести венеціанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ.

Но царю въ это время было не до турокъ. Польская война приближалась къ концу, но возникала шведская. Денегъ тоже не было и умные посольскіе дьяки вздумали, въ свой чередъ, воспользоваться присылкой Венецейскаго посольства и попытать, нельзя ли занять денегъ у республики, которая до сихъ поръ, по старымъ еще слухамъ, слыла очень богатою.

И вышло, что оба государства другъ друга не поняли. Оба просили одно у другого помощи. Москва, не исполнивъ просьбы, посылала теперь Чемоданова и Посникова за деньгами въ Венецію.

«Какъ то мы будемъ приняты венецейцами?» думалъ Шоринъ и ему дѣлалось смѣшно при мысли о томъ, какіе придется ему вести разговоры съ дукой.

Ночь проходила; одна за другою гасли крупныя звѣзды; потянуло холодкомъ; надъ моремъ подымался туманъ; чуть брезжилъ разсвѣтъ; пахло запахомъ берега. Голландскій корабль, побуждаемый вѣтромъ, поплылъ быстрѣе.

Шоринъ, не сходя въ среднее жилье, примостился тутъ-же на борту, и задремалъ сладкой, предъутренней дремой.

Около полудня корабль прибылъ въ Ливорно и посольство покинуло судно, послѣ долгихъ мѣсяцевъ пути.

День выдался теплый и посланники были встрѣчены съ большими почестями; но они спѣшили во Флоренцію и потому не долго задержались въ этомъ портовомъ городѣ, о чемъ не очень жалѣлъ Шоринъ, такъ какъ всей душой рвался въ сказочную Венецію.

Во Флоренціи, однако, пришлось пробыть дольше, такъ какъ ихъ и тамъ ожидалъ торжественный пріемъ и посѣтилъ ихъ самъ герцогъ Фердинандъ.

Шоринъ присутствовалъ при этомъ свиданіи и переводилъ рѣчи герцога и царскихъ пословъ.

О герцогѣ Фердинандѣ Шоринъ еще въ Москвѣ наслушался разныхъ разсказовъ, и теперь, стоя съ нимъ лицомъ къ лицу, съ жгучимъ любопытствомъ разсматривалъ его фигуру. Герцогу было подъ пятьдесятъ лѣтъ, у него была заискивающая и голосъ тихій, вкрадчивый,

Онъ говорилъ:

— Вашъ великій государь пожалуетъ-ли моихъ подданныхъ торговыхъ людей, велитъ ли въ Архангельскѣ покупать икру и разные другіе товары?

Дьякъ Посниковъ обратился къ Шорину:

— Скажи ему, что врядъ-ли великій государь воспрепятствуетъ сему.

Шоринъ передалъ.

Улыбка герцога сдѣлалась еще льстивѣе и онъ сказалъ:

— Я радъ буду государскому жалованью и совѣту, а также, что великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою и до скончанія живота радъ служить и помогать.

— Скажи, что благодарствуемъ на его милостивыхъ словахъ, проговорилъ Посниковъ.

Герцогъ предложилъ посольству остаться въ его городѣ, обѣщалъ показать всѣ дворцы и церкви и устроить въ честь пословъ великаго государя всенародное празднество.

Но послы отклонили эти предложенія. Они велѣли передать герцогу, что и безъ того зѣло замѣшкались въ пути и должны возможно скорѣе отправиться въ Венецію.

Герцогъ изобразилъ на своемъ лицѣ сожалѣніе, но не удерживалъ посольство и сказалъ, что распорядится поѣздомъ и сопровожденіемъ высокихъ гостей.

Онъ далъ имъ въ провожатые генерала, папскаго внука, и на другой же день посольство отправилось въ Феррару.

Въ Феррарѣ папскій внукъ остановилъ вниманіе высокихъ гостей, когда они поровнялись съ одной изъ городскихъ церквей.

— Вотъ храмъ св. Георгія, сказалъ онъ,—гдѣ довершенъ осьмой соборъ, начатый во Флоренціи, которую вы посѣтили.

Посниковъ поглядѣлъ на храмъ, ничего не сказавъ, но Чемодановъ обратился къ Шорину:

— Спроси у генерала; тотъ-ли это осьмой соборъ, котораго во Флоренскѣ не далъ довершить и разогналъ св. Маркъ Ефесскій?

Шорину было зазорно передавать такую фразу и онъ смягчилъ ее, насколько ему позволяло плохое знаніе чужеземнаго языка.

Генералъ хмуро и уклончиво отвѣтилъ:

— Я не знаю, зачѣмъ онъ во Флоренціи не довершенъ, только знаю, что онъ довершенъ здѣсь, въ этомъ храмѣ.

[illegible]

[illegible] — вставало солнце.

[illegible] все ярче и ярче. [illegible] дворцовъ и горбатые [illegible] на начинавшемъ голубѣть небѣ.

Сколько ни [illegible] объ этомъ странномъ городѣ Шорикъ, какъ ни [illegible] представить его въ своемъ воображеніи, въ долгія скучныя ночи на бортѣ голландскаго корабля, онъ долго не могъ придти въ себя отъ изумленія отъ того впечатлѣнія, которое онъ испытывалъ теперь, при видѣ Венеціи.

И сидя въ гондолѣ, ему казалось, что онъ спитъ и грезитъ.

У каменныхъ ступенекъ домовъ плескалась вода объ искрошенныя покрытыя зеленоватой плѣсенью плиты; у каждаго дома подымались изъ мутной и холодной воды столбы, предназначенные для привязыванія гондолъ. Куда ни взглянешь — вода. Направо, налѣво, спереди, сзади — всюду вода!

Безконечные каналы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ длинною вереницею выростали дома, церкви, дворцы и мосты; подъ горбатыми арками этихъ мостовъ плыли, несмотря на ранній часъ утра, гондолы. Множество празд[illegible] люда толкалось на узкихъ площадкахъ и въ узенькихъ, [illegible] на щели, уличкахъ города.

Но самъ городъ спалъ въ это зимнее утро, походившее на раннее весеннее утро въ Москвѣ—такъ тепелъ былъ воздухъ и такъ прозрачно было свѣтло-голубое небо, по которому быстро расползались въ разныя стороны обрывки и клочки высоко поднявшагося тумана.

Тихо было на каналахъ и гондола безшумно неслась по его водамъ. Даже веслами такъ тихо всплескивалъ гондольеръ, что этихъ всплесковъ почти не было слышно.

Окна дворцовъ были заперты ставнями. Изрѣдка попадалась навстрѣчу черная гондола, съ балдахиномъ и гондольеромъ, одѣтымъ во все черное, и Шорину, сердце котораго билось усиленно и тревожно, стало казаться, что это развозятъ по многочисленнымъ венеціанскимъ каналамъ мертвецовъ, а не живыхъ людей.

И какъ бы въ подтвержденіе этой грезы, неслись издалека мѣрные, рѣдкіе звуки колокола, съ какой-нибудь кампаниллы или монастыря.

Жуткое чувство начинало охватывать Шорина: ему казалось, что онъ попалъ въ какое то водяное царство, въ причудливый городъ, завороженный русалками.

Живетъ-ли кто за этими заплѣснѣвшими и искрошенными стѣнами? Ступала-ли человѣческая нога по этимъ скользкимъ ступенямъ, по которымъ теперь изрѣдка пробѣгаетъ ярко-зеленая ящерица? Не разгнѣвался-ли водяной на свою столицу и не прекратилъ-ли жизнь своихъ подданныхъ? Или не пронеслась-ли надъ городомъ чума и не унесла-ли съ собой все, что жило, говорило и дышало?

Уныло и мертво кругомъ было въ это раннее венеціанское утро. Но Шорину хотѣлось говорить, хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими мыслями.

Онъ взглянулъ на своихъ спутниковъ.

Оба посла мирно дремали на мягкихъ скамьяхъ гондолы и клевали носами, издавая легкій храпъ.

Шоринъ улыбнулся и пожалъ плечами.

Гондола свернула въ боковой канальчикъ и лодочникъ издалъ при поворотѣ странный крикъ, похожій на крикъ морской птицы. Шоринъ вздрогнулъ. Въ канальчикѣ было совсѣмъ жутко: солнце еще не проникло сюда и онъ казался погруженнымъ въ тьму. Было сыро и мрачно какъ въ погребѣ. Дома, выраставшіе изъ канальчика, были еще болѣе ветхи, еще болѣе грязны и казались еще болѣе молчаливыми.

Наглухо запертыя ставни казались черными пятнами на сѣрыхъ каменныхъ стѣнахъ и у Шорина появилось такое ощущеніе, какъ будто они съ любопытствомъ смотрятъ на него, съ нѣмымъ вопросомъ, съ нѣмою укоризною: зачѣмъ пріѣхали сюда эти люди тревожить ихъ волшебный сонъ, нарушать ихъ вѣковѣчный покой?

Послы плыли долго и наконецъ пристали къ старому дворцу, гдѣ, по указанію проводника, имъ было отведено помѣщеніе.

Послы проснулись и сладко позѣвывали.

Какой-то старикъ зацѣпилъ ихъ гондолу длинной палкой, на концѣ которой былъ желѣзный крючекъ.

Въ широкомъ вестибюлѣ встрѣтили пословъ греки съ низкими поклонами.

Одинъ изъ нихъ, въ длинномъ, монашескомъ одѣяніи, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Наслышаны мы были давно о вашемъ прибытіи. Рады мы, что Богъ повелѣлъ намъ увидѣть посланниковъ такого великаго восточнаго государя, православнаго христіанина нашего закона.

Выступилъ вслѣдъ за нимъ и другой:

— Пожалуйте, сказалъ онъ, — велите намъ къ вашей милости приходить почаще, и пришли мы доложить, когда изволите посѣтить благочестивую обитель греческой вѣры?

Третій изъ монаховъ проговорилъ:

— Когда посѣтите насъ, мы къ тому времени велимъ изготовиться и станемъ пѣть молебенъ о государевомъ и царевичевомъ здоровьѣ.

— Молви имъ, сказалъ Посниковъ, обращаясь къ Шорину и посовѣщавшись съ Чемодановымъ,—что благодарствуемъ на привѣтѣ; уставши мы и не отдохнувши, молъ, послѣ долгаго пути. Помолиться вмѣстѣ съ ними зѣло рады, а дадимъ имъ объ этомъ знать, когда время будетъ.

Греки выслушали этотъ отвѣтъ и съ низкими, угодливыми поклонами удалились. Лица ихъ были нѣсколько разочарованными: они думали, что послы тотчасъ-же отвѣтятъ па ихъ приглашеніе и такое равнодушіе ихъ, видимо, удивило.

Послы отправились къ себѣ, въ приготовленные для нихъ покои и тотчасъ же полегли спать.

Шорину была отведена комната внизу, окнами на каналъ.

Окно было угловое, а за нимъ тянулась стѣна, за которою находился, па маленькомъ клочкѣ свободной земли, кро-

шечный, но густой и тѣнистый садъ. Деревья объ эту пору года стояли обнаженными отъ листьевъ; въ комнатѣ чувствовалась пронизывающая сырость и отъ этихъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ, и отъ близости воды.

Шоринъ подошелъ къ широкому венеціанскому окну и выглянулъ въ него. Тотчасъ-же отъ стѣны дома отвалила гондола, въ которой сидѣлъ человѣкъ, завернутый въ темный плащъ. На лицѣ его была черная бархатная маска, изъ за глазныхъ прорѣзей которой блисталъ острый и любопытный взглядъ.

Шоринъ отошелъ отъ окна и сѣлъ противъ камина, въ которомъ весело потрескивалъ огонь. Въ комнатѣ начало распространяться тепло. Кресло, въ которомъ сидѣлъ Шоринъ, было широкое, глубокое, удобное, крытое кожей съ золочеными тисненіями. Тепло, распространявшееся отъ очага, точно окутывало Шорина чѣмъ-то мягкимъ и онъ задремалъ, уступивъ, наконецъ, настоятельной потребности отдыха.

II.

Венеція переживала въ эту эпоху безконечную войну съ турками; морское могущество непріятеля было сломлено и побѣда улыбнулась республикѣ, предоставленной самой себѣ; европейскія государства смотрѣли равнодушно на ея героическія усилія и только папа Александръ III оказалъ имъ нѣкоторую помощь: онъ уничтожилъ нѣсколько католическихъ орденовъ и конфисковалъ ихъ земли и капиталы, отдавъ ихъ государственной казнѣ Венеціи. Но эта незначительная матеріальная помощь, почти неощутимая въ громадной суммѣ военныхъ расходовъ страны, не дешево обошлась республикѣ: папа поставилъ непремѣннымъ условіемъ за оказанную имъ поддержку—возвращеніе іезуитовъ въ Венецію, изъ которой они были изгнаны въ 1606 году. Венеція, нуждавшаяся даже въ незначительныхъ средствахъ, должна была согласиться на это требованіе и іезуиты были вновь немедленно водворены въ городѣ.

Послѣ покоренія Лемноса наступилъ нѣкоторый отдыхъ отъ военныхъ дѣйствій и городъ ожилъ, принявъ свой обычный видъ и отдавшись съ удвоеннымъ увлеченіемъ своимъ обычнымъ торжествамъ и забавамъ.

Венеція быстро клонилась къ упадку и разложенію; нравы населенія портились, роскошь въ костюмахъ становилась угро-

жающей, гондолы украшались шелкомъ, золотомъ и бархатомъ; благородныя венеціанскія дамы соперничали съ куртизанками и подражали имъ; празднества слѣдовали за празднествомъ; богачи раззорялись, евреи-ростовщики наживались: монахи тщетно проповѣдывали въ церквахъ воздержаніе и скромность въ одеждѣ—ихъ подымали на смѣхъ.

Венеція веселилась особенно зимою, главнымъ образомъ во время знаменитаго карнавала. Маска пріобрѣла права гражданства и ношеніе ея было дозволено съ пятаго октября по шестнадцатое декабря; также въ день празднованія покровителя Республики, въ праздникъ Вознесенія, въ дни выборовъ дожа и въ другихъ народныхъ торжествахъ.

Въ день пріѣзда въ городъ посольства русскаго царя начался карнавалъ, при первомъ звукѣ вечерняго благовѣста.

Шоринъ, отдохнувъ и отоспавшись послѣ утомительнаго пути, навѣстилъ посланниковъ, которые занимались мирной бесѣдой въ своихъ просторныхъ покояхъ. Онъ отпросился въ городъ и они отпустили его, сами не пожелавъ двинуться съ мѣста.

Шоринъ сказалъ имъ, что вечеромъ начинается карнавалъ и что зрѣлище сіе зѣло любопытно для россійскихъ людей, никогда его не видавшихъ.

Но эти слова не произвели надлежащаго впечатлѣнія на пословъ, изготовившихся къ обильному ужину и къ еще болѣе обильной выпивкѣ.

Чемодановъ, махнувъ рукой, сказалъ Шорину:

— Нѣтъ, друже, ступай одинъ, коли тебѣ это занятно.

А Посниковъ, скосивъ на него глаза, наставительно замѣтилъ:

— Кому зѣло любопытно, а кому нечестивое сіе дѣйство—зазорно. Негоже намъ, царскимъ посламъ и православнымъ христіанамъ, въ семъ бѣсовскомъ шествіи принимать участіе. Я тебѣ не мѣшаю: ступай, коли хочешь; но чую, что не добромъ кончишь—голова у тебя горячая и неразумная. Иноземныя грѣховныя утѣхи соблазняютъ тебя зѣло. Ой, гляди, какъ бы тебѣ не запутаться въ прелестяхъ новизны.

Шоринъ выслушалъ нравоученіе, скрывъ улыбку, просившуюся на уста, и не зналъ, въ нерѣшительности, какъ ему поступить.

Но за него вступился Чемодановъ.

— Дьяче, сказалъ онъ, обращаясь къ Посникову,—мы съ тобой люди старые, а онъ—молодой. Пущай себѣ тѣшится. Ступай, ступай! проговорилъ онъ, обернувшись къ Шорину.

Шоринъ вышелъ.

Гондола подвезла его къ ступенямъ площади св. Марка.

Площадь имѣла праздничный видъ и была разукрашена флагами, цвѣтными матеріями и кое-гдѣ, несмотря на позднее время года, зеленью и даже цвѣтами.

Шумная, веселившаяся толпа, уже покрывала ее. Стоялъ гамъ и крикъ; веселые возгласы смѣнялись пѣснями; кое-гдѣ раздавалась брань, сыпались ругательства. Безпрерывное движеніе толпы походило на волны: онѣ то прибывали, то уменьшались и порой уносили за собой Шорина, глаза котораго разбѣгались и голова котораго кружилась отъ непривычки. Да, это была совсѣмъ не та толпа, какую онъ видѣлъ въ Москвѣ, во время народныхъ празднествъ. Тамъ толпа была сѣрая, неприглядная, бурная; здѣсь все пестрѣло золотомъ и красками и веселье толпы было другое. Вотъ прошла мимо него процессія съ факелами, люди въ причудливыхъ костюмахъ, въ разноцвѣтныхъ плащахъ; вотъ промчалось шествіе масокъ съ оглушительными криками, съ неприличными шутками. Это шествіе чуть не сбило его съ ногъ и онъ еле удержался на нихъ, прислонившись къ столбу и охвативъ его обѣими руками.

Мимо него прошелъ какой то армянинъ, продававшій сласти; быстро пробѣжали за армяниномъ, громко болтая, gnaghe-мужчины, переодѣтые женщинами, а за ними прошелъ фокусникъ негръ. Поровнявшись съ Шоринымъ, онъ остановился, разложилъ коврикъ и сталъ показывать свои фокусы; вокругъ него начала собираться толпа,—много женщинъ, дѣтей и мужчинъ.

Какой-то арлекинъ нагнулся къ стройной дѣвушкѣ, закутанной въ домино, и сказалъ ей что-то на ухо. Она звонко расхохоталась и, легкая какъ пухъ, бросилась бѣжать изъ толпы.

Шоринъ, воспользовавшись свободнымъ пространствомъ, покинулъ свой столбъ и отправился вслѣдъ за нею, но вскорѣ, у зданія Прокурацій, долженъ былъ остановиться, потому что здѣсь было много народа. Домино скрылось,—точно сквозь землю провалилось.

Шоринъ не могъ пробраться дальше и сталъ смотрѣть на окна Прокурацій. На этихъ окнахъ сидѣли и лежали патриціанки, любовавшіяся началомъ карнавала, а подъ окнами стоялъ mattacino—человѣкъ въ маскѣ, одѣтый во все бѣлое, въ красныхъ чулкахъ. Онъ бросалъ въ окна яйцами, напол-

ненными душистой водой. Патриціанки ловили ихъ и бросали ему деньги. Нѣсколько яицъ разбилось и обдало благородныхъ дамъ духами; нѣкоторыя яйца падали обратно въ толпу и, разбившись о чью нибудь голову, окрапляли близъ стоящихъ ароматной водой. Смѣхъ и шутки не прекращались.

Появился на смѣну Панталеоне,—король венеціанскаго карнавала, съ огромнымъ подбородкомъ, одѣтый въ узкую красную куртку и въ черный плащъ. Направо и налѣво онъ расточалъ свои вольныя шутки и остроты. Рядомъ съ нимъ другой представитель карнавала,—Бригелла, въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, вышитыхъ зеленымъ шнуромъ, конкурировалъ съ Панталеоне въ остроуміи и задѣвалъ каждаго проходившаго какимъ нибудь мѣткимъ словцомъ.

Богатый венеціанецъ купецъ, толстый и неуклюжій, въ красной мантіи на плечахъ, съ любопытствомъ остановился не вдалекѣ и залюбовался косморамой; за нимъ, въ выжидательной позѣ, стоялъ дворцовый гондольеръ въ красной бархатной мантіи, вышитой золотомъ и въ албанскомъ беретѣ. Но, увидѣвъ проходившую дѣвушку, гондольеръ бросился за нею.

Шоринъ на все это смотрѣлъ съ жгучимъ любопытствомъ и сердце его испытывало тревожную радость: ему казалось, что онъ попалъ въ новый міръ, что онъ родился заново, что какое-то волшебство совершается вокругъ него. «Ужъ, полно, не сонъ-ли это?»—задавалъ онъ себѣ вопросъ и ему хотѣлось, чтобы кто нибудь заговорилъ съ нимъ, чтобы ему возможно было убѣдиться, что все это, дѣйствительно, происходитъ на яву.

Но его никто не трогалъ, никто не говорилъ съ нимъ. Онъ отправился дальше.

Толпа знатной молодежи, судя по богатымъ одеждамъ и по гордой осанкѣ, пересѣкала ему путь. Горожане почтительно кланялись патриціямъ, а горожанки низко присѣдали. Молодые люди смѣялись, кивали имъ головами и шутливо говорили:

— Addo, caro vechio.

Одинъ изъ нихъ предложилъ пойти на мысъ, посѣтить casotti—балаганы, въ которыхъ показываютъ хищныхъ звѣрей, фокусниковъ и акробатовъ, и всѣ отправились туда.

Шоринъ немного усталъ. Шумъ, толкотня, движеніе толпы утомляли его. Онъ быстро, насколько могъ, покинулъ площадь св. Марка и углубился въ узенькую уличку, начинавшуюся подъ воротами Прокураціи.

Но и здѣсь было много народа, какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ уличкахъ и закоулкахъ. И вездѣ то же веселье, то же праздничное, необузданное настроеніе.

Онъ проходилъ теперь мимо *мальвазіи*, кабачка, въ которомъ продавались разныя вина. Мальвазія была полна кутившими. Входъ въ нее былъ убранъ разноцвѣтными фонарями, развѣшанными на гирляндахъ изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ.

Рядомъ нѣсколько другихъ домовъ было украшено фонарями и цвѣтами. Шоринъ зашелъ въ мальвазію и выпилъ кружку кипрскаго вина: ему сдѣлалось лучше и пересохшее горло его освѣжилось. Онъ пошелъ дальше и вошелъ въ дзери одного дома, тоже украшеннаго разноцвѣтными фонариками.

Здѣсь какой то импрессаріо организовалъ танцы. Подъ звуки цпинета и скрипки нѣсколько паръ танцовало другъ противъ друга. Но вдругъ всѣ разступились; на середину залы выступила женщина въ длинномъ домино.

Шоринъ узналъ въ ней ту дѣвушку, которая бѣжала съ площади св. Марка отъ шутокъ арлекина.

Она сбросила домино и шопотъ удовольствія пробѣжалъ въ зрителяхъ. Это была стройная, гибкая танцовщица, которая начала танцовать «фурлану», венеціанскій танецъ въ очень быстромъ темпѣ, что-то въ родѣ тарантеллы. Это былъ лихой танецъ, полный граціи и вкуса, и танцовала невѣдомая танцовщица такъ, что вызвала бурю восторговъ. Она быстро, быстро перебирала маленькими ножками, дѣлая множество мелкихъ шажковъ, переходившихъ въ плавныя глиссады. И движенія рукъ ея были красивы и мягки.

Лица ея не было видно, потому что на немъ лежала маска; но по взглядамъ, которые дѣвушка кидала на публику, Шоринъ угадывалъ, что глаза ея должны быть чудесны. Костюмъ ея былъ роскошенъ.

Зрители приходили все въ большій и большій восторгъ, и, дѣйствительно, трудно было не восхищаться и ея молодой гибкой фигуркой и ея дивными танцами.

— Это — Лючіетта, сказалъ кто-то около Шорина.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ. Кто кромѣ нея можетъ танцовать такъ?

Шоринъ съ любопытствомъ и наслажденіемъ любовался молодой танцовщицей. Что-то радостное и смутное закрадывалось въ его сердце, какая то волна новаго, еще никогда неизвѣданнаго чувства охватывала его. Онъ не видѣлъ ея лица, скрытаго маской, но предчувствовалъ, что оно должно

быть чудесно. Этотъ жгучій взглядъ, этотъ полный ротикъ и ровные, какъ подобраныя жемчужины, зубы, и вырывавшіяся изъ подъ головнаго убора капризныя пряди темныхъ волосъ съ рыжеватымъ отливомъ,—все это говорило много его разгоряченному воображенію и видимыми штрихами дорисовывало невидимый образъ.

Но она вдругъ круто оборвала фурлану и, съ звонкимъ смѣхомъ, быстро смѣшалась съ толпой—и исчезла.

Шоринъ, храбро расталкивая публику, бросился за нею. Но ея давно и слѣдъ простылъ. Онъ вышелъ на улицу, все еще надѣясь найти ее, но тщетно. Его охватила толпа костюмированнаго народа. Здѣсь было все то же: старые и молодые, патриціи и плебеи, бѣдные и богатые,—все смѣшалось вмѣстѣ и представляло собою пеструю, причудливую картину. Даже дѣти, покоившіяся на рукахъ своихъ матерей, были завернуты въ цвѣтныя тряпки и на ихъ миніатюрныхъ личикахъ лежали смѣшныя, огромныя маски, изъ подъ которыхъ часто раздавался отчаянный дѣтскій плачъ. Въ толпѣ чувствовалась все болѣе и болѣе возраставшая жажда удовольствій, какая-то лихорадка, какое-то опьяненіе весельемъ.

Идя далѣе, Шоринъ наткнулся на потѣшные огни. Ракеты съ неистовымъ трескомъ взлетали на воздухъ и лопались на фонѣ чернаго неба яркими, фальшивыми звѣздами. А настоящія звѣзды казались теперь такими мелкими, такими блѣдными и спокойными! Точно съ сокрушеніемъ взирали онѣ съ своихъ недоступныхъ высотъ на эту жалкую землю, на праздникъ этихъ жалкихъ муравьевъ и на зарождавшееся въ нихъ безпричинное безуміе...

На маленькой площадкѣ, на которую Шоринъ попалъ, самъ не зная какъ, происходили игры Геркулеса, проходило шествіе мясниковъ въ странныхъ костюмахъ, а съ высоты кампанилы какіе-то работники спускали на толстой веревкѣ мальчика, переодѣтаго въ арлекина.

Шоринъ не зналъ, что ему дѣлать, какъ выбраться изъ этой толпы. Теперь ему вдругъ захотѣлось домой. Онъ чувствовалъ необыкновенную усталость; все, что такъ занимало его до этой минуты, стало ему казаться скучнымъ, утомительнымъ, безконечнымъ, такъ какъ все это было въ сущности одно и то-же: шумъ, гамъ, крикъ, хохотъ, пѣніе, толкотня.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, въ которомъ, по его мнѣнію, должна была находиться площадь св. Марка. Тамъ онъ возьметъ гондолу и вернется домой.

Его посланники, наужинавшись, должно быть, уже спятъ сладкимъ сномъ. «Что имъ дѣлать больше»! подумалъ онъ. Это люди тяжелые, неповоротливые, привязанные къ своимъ домамъ и семьямъ. Ничто ихъ не интересуетъ въ чужомъ городѣ и чужомъ государствѣ и все имъ кажется грѣховнымъ и постыднымъ. Они будутъ торопиться исполнить скорѣе порученіе къ дукѣ, и нетерпѣливо двинутся въ обратный путь.

При мысли о томъ, что и ему придется отправиться съ ними въ Москву и, можетъ быть, даже очень скоро, въ зависимости отъ того, какъ приметъ ихъ венецейскій дука, Шорину стало нехорошо на душѣ и въ его воображеніи неожиданно всплылъ соблазнительный образъ танцовщицы.

— Какъ ее зовутъ? припоминалъ онъ и, послѣ нѣкоторыхъ усилій, имя Лючіетты пришло ему на умъ.

Тоска охватила его. Никогда, видно, онъ больше не увидитъ ее, потому что не знаетъ, кто она и гдѣ ее ему искать... А и нашелъ бы,—такъ что толку? Ему казалось, что это была какая нибудь нарочно переодѣтая въ танцовщицу патриціанка, столько было благородства въ ея жестахъ и гордости въ осанкѣ ея небольшой фигуры.

Кто-то взялъ его подъ руку.

Шоринъ вздрогнулъ.

Это была женщина въ плащѣ до самой земли и въ маскѣ.

Сердце его забилось тревожно. Но, вглядѣвшись внимательно въ незнакомку, онъ убѣдился, что это не Лючіетта.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ, и маска громко засмѣялась, угадавъ по его выговору иностранца.

— Forestiere! сказала она. — Ты одинъ безъ маски, но лицо у тебя настоящаго венеціанца. Одѣтъ ты странно, но я думала, что ты закостюмировался.

— Чего ты хочешь? спросилъ онъ ее опять.

— Твоей любви.

Она засмѣялась.

— Развѣ я не похожа на женщину, которая умѣетъ любить?

Она распахнула свой плащъ и онъ увидѣлъ подъ нимъ роскошный костюмъ, обнаженныя смуглыя руки и грудь.

Онъ чуть чуть отвернулся, до того ему зазорно было глядѣть на женское обнаженіе; женщины его далекой родины ходили укутанными съ ногъ до головы въ тяжелыя парчевыя одежды и мѣха.

Онъ догадался, что это была одна изъ тѣхъ соблазнительныхъ женщинъ, созданныхъ для мужской услады, которыми какъ онъ слышалъ, славилась Венеція.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ смущенно, чтобы что нибудь сказать.

— Карлоне, отвѣтила она. — Не правда-ли хорошенькое имя?

— Правда, сказалъ онъ, улыбнувшись, — но я знаю имя, еще лучшее.

— Какое?

— Лючіетта.

Она засмѣялась.

— Лючіетта, Лючіетта, повторила она, какъ бы вслушиваясь въ звуки этого имени,—чѣмъ же оно лучше? Оно идетъ дѣвочкѣ...

— Да, именно, задумчиво согласился онъ,—оно идетъ дѣвочкѣ.

— А ты любишь Лючіетту? задорно спросила она.

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой. Ему и хотѣлось говорить о Лючіеттѣ и... не хотѣлось, въ особенности съ этой полуобнаженной женщиной. Но желаніе лишній разъ произнести имя той, которая такъ внезапно завладѣла его воображеніемъ, превозмогло, и онъ сказалъ невольно дрогнувшимъ голосомъ:

— Я не могу ни любить ее, ни ненавидѣть. Я видѣлъ ее только разъ, въ первый же день моего пріѣзда въ твой городъ, сегодня. И я не видѣлъ ея лица. Но я видѣлъ блескъ ея глазъ, улыбку ея устъ, гибкость ея тѣла. И образъ ея глубоко запалъ мнѣ въ душу. Ты не знаешь ее?

Незнакомка удивленно взглянула на него и даже пріостановилась.

— Кого? спросила она.

— Лючіетту.

Карлоне расхохоталась.

— Какой ты смѣшной! сказала она. — Городъ нашъ большой, а въ настоящее время въ немъ много пріѣзжихъ изъ окрестностей. Многія дѣвушки носятъ имя Лючіетты. Какъ я могу знать ту, про которую ты говоришь? Среди моихъ подругъ я знаю двухъ Лючіеттъ. Такъ ты влюбленъ, бѣдный! Плохая вещь какъ для мужчины, такъ и для женщины. Зачѣмъ чувства? Можно любить безъ чувства и такую любовь я люблю! Любовный разговоръ, любовная [illegible] свободная и

легкая, поцѣлуй въ тиши ночной, безсонная ночь въ объятіяхъ красиваго мужчины—все это очень хорошо! Но когда заговоритъ сердце, а съ нимъ вмѣстѣ печаль, ревность, томленіе и все другое, что идетъ рядомъ съ сердечною любовью,— нѣтъ, нѣтъ! Я этого не люблю и тебѣ совѣтую не допускать этого.

Надъ ними взвилась ракета и яркою звѣздою разорвалась на небѣ.

Карлоне испугалась отъ неожиданности и схватила Шорина за руку.

Потомъ, когда ракетная звѣзда разсыпалась въ мелкую огненную пыль, Карлоне сказала, успокоившись:

— Вотъ чѣмъ должна быть любовь!

— Чѣмъ? спросилъ онъ.

— Ракетой. Въ темную ночь должна она ярко вспыхнуть какъ эта звѣзда, что была сейчасъ на небѣ. Нежданно, внезапно! Въ одно мгновеніе должна она взвиться высоко, высоко, къ самому небу, погорѣть на немъ яркимъ пламенемъ, испугать своимъ шумомъ, ослѣпить своимъ блескомъ и также внезапно исчезнуть. Видишь, вицишь, какъ она превращается въ золотую пыль? А вотъ теперь и слѣдовъ уже нѣтъ...

— Что же хорошаго?

— Много. То, что внезапно, всегда сильнѣе. То что, длится, всегда слабо. И потомъ, послѣ вспышки, человѣкъ остается свободнымъ какъ вѣтеръ. Знаешь что? Возьмемъ гондолу и поѣдемъ на Джіуденку или въ Мурано, куда хочешь... Проведемъ безсонную ночь, хочешь? Можетъ быть, и наша любовь вспыхнетъ подобно этой ракетѣ.

— А къ утру разсѣется пылью?

— Золотою, поправила она,—золотою пылью.

— На тебѣ и такъ много золота.

— Золота никогда не бываетъ много. И чѣмъ его больше, тѣмъ лучше. Человѣкъ дѣлается свободнѣе.

— Ты очень любишь свободу?

— О, больше жизни! Морская волна не свободна: море имѣетъ гдѣ нибудь границы и волну тянетъ къ берегамъ. И птица не свободна: ей нужна для отдыха вѣтка того дерева, которое растетъ на землѣ.

— Что-же свободно?

— Вѣтеръ. Безпредѣльно носится онъ надъ землею и перелетаетъ изъ страны въ страну. Сегодня онъ здѣсь, у насъ, въ Венеціи, а завтра, кто знаетъ, можетъ быть онъ будетъ

тамъ, въ твоей снѣгомъ покрытой Московіи. Я бы хотѣла быть свободной какъ вѣтеръ. Такъ поѣдемъ въ Мурано?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я не поѣду. Я очень усталъ съ дороги и потомъ вотъ уже часть ночи, какъ я стою на ногахъ, любуясь вашимъ карнаваломъ. Я очень усталъ, повторилъ онъ и не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что она выпустила его руку и схватила проходившаго мимо нихъ человѣка.

— Развѣ я не похожа на женщину, которая умѣетъ любить? услышалъ Шоринъ вопросъ, обращенный Карлоне къ этому человѣку.

— Всякая женщина умѣетъ любить, а ты въ особенности, отвѣтилъ тотъ.

— Такъ поѣдемъ на Джіудекку?

— Куда хочешь, хотя бы въ монастырь.

Она засмѣялась.

— Ну, тамъ всѣ келіи заняты, проговорила она, и повернувшись всѣмъ корпусомъ къ Шорину, быстро проговорила:— Adio vecchio Giovane!

III.

Одна за другою гасли въ небѣ звѣзды и потянуло съ моря предутреннимъ вѣткомъ; небо быстро свѣтлѣло и на востокѣ окрашивалось въ пурпурный цвѣтъ. Съ нѣсколькихъ кампанилъ раздавались густые, низкіе звуки благовѣста.

Веселье на уличкахъ, площадяхъ и каналахъ давно уже кончилось, и только изрѣдка попадалась гондола, увозившая домой не въ мѣру закутившуюся компанію; но маски были сняты, костюмы истрепаны, голоса осипли и, при свѣтѣ загоравшагося дня, эти карнавальныя фигуры имѣли жалкій и непривлекательный видъ. Таинственная венеціанская ночь скрываетъ многое, что открываетъ во всемъ обнаженіи любопытное, какъ женщина, солнце. И теперь, видя передъ собою, въ розовыхъ лучахъ восхода, этихъ запоздавшихъ ночныхъ кутилъ карнавала, Шоринъ съ сожалѣніемъ и досадой вспоминалъ всю эту кутерьму, такъ поразившую его ночью.

Но прекрасный образъ Лючіетты не выходилъ изъ его головы и все еще казался обаятельнымъ. И весь, во власти усталости, не будучи въ силахъ противустоять охватившей

его дремѣ, онъ грезилъ о молодой венеціанкѣ, явившейся ему среди шумнаго карнавала и исчезнувшей какъ сонъ.

Да, она исчезла, такъ же внезапно, какъ появилась, и, конечно, исчезла навсегда! Много дѣвушекъ носятъ ими Лючіетты, какъ сказала ему Карлоне, и гдѣ же ему, чужеземцу, найти ее въ этомъ большомъ и незнакомомъ городѣ?

Но, несмотря на тревожившія его чувства, онъ ощущалъ такое страшное утомленіе, что, еле добравшись до высокой и широкой венеціанской кровати въ своемъ покоѣ, онъ тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ.

Однако, рано утромъ его разбудили и потребовали къ Посникову.

Шоринъ употребилъ большое усиліе воли, чтобы встать; онъ ощущалъ великую потребность въ снѣ и отдыхѣ.

Но посланники легли рано, выспались вдоволь и встали съ пѣтухами.

Шоринъ явился въ ихъ покои.

Посниковъ встрѣтилъ его хмуро и зорко поглядѣлъ ему прямо въ глаза. Злобная усмѣшка бродила на его губахъ.

— Что, Иванъ, проговорилъ онъ,—такъ долго почиваешь, аль всю ночь провелъ гдѣ?

— Гдѣ же мнѣ ее было проводить? сердито отвѣтилъ Шоринъ.—Городъ мнѣ чужой, и никого я здѣсь не знаю.

— Про то мнѣ невѣдомо, гдѣ можно проводить здѣсь ночи, отвѣтилъ Посниковъ.—Чай, и здѣсь есть такія мѣста, какъ и у насъ на Москвѣ, и вино здѣсь зѣло доброе...

— Что вино? Ты самъ знаешь, я виномъ не балуюсь. А про то, доброе ли здѣсь вино, тебѣ, видно, лучше знать.

Посниковъ изготовился было къ словесному бою, потому что не переносилъ, когда ему намекали на его страстишку къ вину, хотя самъ любилъ укорять людей совершенно въ томъ неповинныхъ.

Но Чемодановъ, предвидя столкновеніе, быстро вступился.

— Дьяче! сказалъ онъ,—не гоже намъ о винѣ преніе заводить, когда намъ нужно дѣлать царское дѣло. Мы отпустили его сами, и вотъ онъ теперь во благовременіи передъ нами. Чего больше? А гдѣ онъ былъ и что пилъ и какихъ красотокъ видѣлъ, про то вѣдомо ему.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, игриво спросилъ у Шорина:

— Видалъ ли венецейскихъ дѣвушекъ?

— Видалъ! отвѣтилъ, улыбаясь, Шоринъ.

— Хороши-ли? съ дѣловитымъ видомъ освѣдомился Чемодановъ.

— Куды лучше...

— Ой! съ сомнѣніемъ протянулъ Чемодановъ.—Ужъ не лучше-же нашихъ московскихъ?

— Про то не вѣдаю, бояринъ. Кому какъ...

— А въ тѣлѣ дородны?

— Не столь дородны какъ наши.

На лицѣ Чемоданова появилось разочарованіе.

— Ну вотъ видишь, сказалъ онъ съ упрекомъ.—И которыхъ иноземокъ видѣлъ я на Москвѣ, продолжалъ онъ, увлекаясь своей излюбленной темой,— а тѣ были недородны. Противъ нашихъ далече!

Онъ задумчиво помолчалъ, потомъ, измѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— А съ лица пригожи-ли?

— И про то мнѣ невѣдомо, улыбаясь отвѣчалъ Шоринъ.

— Какъ-же такъ? искренно удивился Чемодановъ.

— А такъ... Лица ихъ сокрыты масками, по сему карнавальному времени.

— Глупо, рѣшилъ Чемодановъ, — и глупо и неблагочестиво. Ликъ данъ человѣку отъ Бога и есть его образъ и подобіе. Пошто же его скрывать отъ людского взора подъ бѣсовскою маскою?

— Таковъ карнавальскій уставъ.

— Про то я и говорю. Нечестивый уставъ.

— Однако, и сквозь маску видать, что есть весьма пригожія.

— Ой? съ любопытствомъ спросилъ Чемодановъ. — Что же видишь-то?

— И глаза видишь, и губы, и волосы.

— Такъ... задумчиво протянулъ Чемодановъ.—Пожалуй, что и все обличье видно, а румянца, красы дѣвушки, не увидишь.

— Это точно. Румянца не увидать.

— Ну и опять же неосновательно. Румянецъ есть лучшее украшеніе дѣвушки. И при семъ замѣчу...

Но здѣсь Посниковъ воспользовался случаемъ отомстить своему товарищу и прервалъ его рѣчь, подражая словамъ Чемоданова:

— Не гоже намъ о дѣвичьей красѣ преніе заводить, бояринъ, сказалъ онъ,—когда намъ нужно дѣлать царское дѣло.

— Суровъ ты, дьяче, добродушно отвѣтилъ Чемодановъ,— и зѣло нравомъ грузенъ. Одначе я не мѣшаю тебѣ. Говори.

Чемодановъ отошелъ къ окну и погрузился въ думы.

Посниковъ сказалъ Шорину, не глядя на него:

— Ступай къ правителю здѣшняго града, венецейскому дукѣ, и скажи приставамъ или его приближеннымъ, что посольство наше прибыло. Когда, стало, и гдѣ ему будетъ угодно принять насъ, для передачи ему царскаго слова?

– Пойду, сказалъ Шоринъ, собираясь выйти.—А только слышалъ я стороною, что дука недомогаетъ и по случаю карнавальскаго времени дѣлами не занимается.

— Про то мнѣ невѣдомо. И карнавальскаго времени для пословъ нѣту. Обязаны мы передать ему порученіе, а онъ обязанъ выслушать насъ и приличествующій отвѣтъ учинить. Про то и говорю, чтобы указалъ гдѣ и когда. Мало понятенъ ты сталъ и зѣло говорливъ, строго прибавилъ онъ.

Но Шоринъ ничуть не испугался его строгости.

— Я что знаю, говорить обязанъ; то и говорю. До прочаго не касаюсь. Порученіе твое исполню немедля. И не токмо мало понятенъ, а напротивъ того все отлично понимаю.

И не прибавивъ ни слова больше, онъ вышелъ.

Сѣвъ въ гондолу, онъ отправился къ площади св. Марка, къ дворцу дожа.

Чудный день вставалъ надъ лагуной; солнце ярко освѣщало теперь дворцы и каналы и тысячью красныхъ искръ играло на водѣ. Несмотря на зимнее время, на небѣ не было ни тучки, ни облачка и на воздухѣ было тепло, какъ на Москвѣ въ бабье лѣто.

Шоринъ любовался видомъ города, его каналами, замѣнявшими улицы, его домами, выраставшими прямо изъ желтовато-мутной воды, его горбатыми мостиками всевозможныхъ размѣровъ, которыхъ было безчисленное множество.

Онъ все еще не могъ привыкнуть къ этому странному городу, не могъ освоиться съ нимъ.

Венецiя просыпалась лѣниво, неторопливо, послѣ безумно проведенной ночи. Плыли барки, нагруженныя провизіей, и люди, въ черныхъ плащахъ и маскахъ, сидѣли въ глубинѣ гондолъ, попадавшихся на встрѣчу Шорину. Кое-гдѣ раздавалось пѣніе и звуки струнъ. Чувствовалось, что карнавальное веселье чутко дремлетъ, отдыхая днемъ отъ бурной ночи, но при рожденіи на небѣ первой звѣзды, оно проснется съ новой силой, съ новымъ, еще болѣе неистовымъ напряженіемъ.

И на душѣ Шорина подымалось веселье и онъ зналъ, что какъ только его посланники улягутся спать, онъ опять будетъ здѣсь, среди веселящагося народа, среди этихъ криковъ, пѣнія и плясокъ.

Онъ ощущалъ, какъ этотъ смутный, безпокойный карнавальскій духъ проникалъ въ него, человѣка, пришедшаго изъ далекихъ и невѣдомыхъ здѣсь странъ, человѣка чуждаго и этимъ людямъ, и этому безумному веселью. Ему казалось, что онъ одѣтъ въ ветхія одежды и что эти одежды спадаютъ съ него и что онъ обновляется тѣломъ и духомъ. Онъ уже чувствовалъ себя венецейцомъ и, страннымъ образомъ, венецейскіе нравы и обычаи, съ которыми онъ успѣлъ уже ознакомиться, не только не стѣсняли его, но пришлись ему по плечу.

Гондола медленно подплыла къ ступенямъ Піацеты.

Шоринъ вышелъ изъ лодки и направился ко дворцу дожа.

Во дворцѣ все еще спало, и онъ еле могъ добиться свиданія съ привратникомъ.

Онъ потребовалъ пристава, но привратникъ отвѣтилъ ему, что пристава еще спятъ.

Тогда онъ отправился бродить по площади и по улицамъ города.

Когда онъ вернулся, было все еще рано и ему пришлось дожидаться. Наконецъ, онъ получилъ возможность говорить съ дворцовымъ приставомъ и изложить ему свое дѣло.

Пристава, выслушавъ Шорина, обѣщали обо всемъ доложить дожу и принести отвѣтъ посламъ.

И дѣйствительно, черезъ двое сутокъ, утромъ, явились къ посланникамъ пристава.

Чемодановъ и Посниковъ приняли ихъ въ большомъ покоѣ дворца, который занимали. Оба были одѣты въ свои лучшія одежды и приняли важный и надменный видъ, который казался имъ необходимымъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Шоринъ встрѣтилъ приставовъ внизу, въ вестибюлѣ, широкой и высокой прихожей, называвшейся entrada, ворота которой выходили прямо на ступеньки, погруженныя въ воды канала. По стѣнамъ энтрады стояли высокія деревянныя скамьи изъ крашенаго дерева, а самыя стѣны были убраны пиками, алебардами и другимъ оружіемъ, а также большими фонарями съ галеръ, напоминавшими счастливыя времена удачныхъ походовъ бывшихъ владѣльцевъ палаццо.

Шоринъ привѣтствовалъ посланныхъ низкими поклонами и повелъ ихъ по лѣстницѣ, черезъ антресоли, въ верхній этажъ,

въ которомъ былъ расположенъ залъ и другія, богато изукрашенныя парадныя комнаты.

Всѣ онѣ были въ стилѣ бароко; стѣны были увѣшаны аррасскими коврами и зеркалами изъ Мурано.

Но послы русскаго царя, поселившіеся здѣсь, внесли въ эти комнаты нѣкоторый живописный безпорядокъ: на высокомъ рѣзномъ стулѣ валялся кафтанъ Посникова, только что имъ скинутый; лари, которые они привезли съ собою, были открыты и внутри ихъ стоялъ хаосъ. Въ одномъ изъ покоевъ, прямо на полу, была постлана постель, такъ какъ Посниковъ никакъ не могъ привыкнуть спать на широкой венеціанской кровати, подъ пологомъ и даже считалъ этотъ пологъ чѣмъ-то въ родѣ оскорбленія его высокому званію посольскаго дьяка.

Пристава венеціанскаго правительства съ изумленіемъ и любопытствомъ огляцывали эти подробности и изрѣдка перешептывались между собою, но такъ, что Шоринъ не слыхалъ ихъ.

Въ одной изъ комнатъ, на блестяще навощенномъ паркетѣ, стояла лужа вина, которое было пролито наканунѣ и которую не успѣли еще прибрать; одинъ приставъ чуть не поскользнулся и произнесъ ворчливымъ голосомъ проклятіе.

Наконецъ, вошли въ залъ, стѣны котораго были украшены брокаровой матеріей нѣжнаго цвѣта и красивой мебелью, подъ бѣлый лакъ съ золотомъ. Огромный каминъ былъ облицованъ фарфоровыми плитками бѣлаго-же цвѣта, усѣянными нѣжно голубыми цвѣточками.

На двухъ креслахъ, прекрасной скульптурной работы, возсѣдали Чемодановъ и Посниковъ.

Пристава, войдя въ залъ, остановились и поклонились низко.

Послы встали съ креселъ, отдали истовый поклонъ и тотчасъ же сѣли.

— Говори, обратился Посниковъ къ Шорину.

Шоринъ началъ свою рѣчь:

— Послы великаго московскаго царя привѣтствуютъ васъ, посланныхъ отъ пресвѣтлаго дуки славной Венецейской республики, и желательно имъ вѣдать, въ какой день князь вашъ можетъ свидѣться съ ними, дабы они могли передать ему царскій привѣтъ и потолковать о дѣлахъ, для коихъ они сюда присланы.

— И мы привѣтствуемъ благородныхъ пословъ московскаго царя въ нашемъ городѣ, отвѣтили пристава опять низко кла-

нялись,—мы бы сдѣлали это и раньше, если бы были освѣдомлены о вашемъ пріѣздѣ. Но нашъ дожъ не можетъ васъ принять нынѣ, потому что боленъ ногами.

— Какъ же такъ? воскликнулъ Посниковъ.—Доколѣ-же ждать намъ его выздоровленія?

— Нашъ дожъ, Бертучіо Вальеръ, боленъ ногами, опять повторили пристава,—а когда онъ выздоровѣетъ, про то мы неизвѣстны.

— Скажи имъ, приказалъ Шорину Посниковъ, — что намъ не можно не видѣть ихъ дуку.

Шоринъ сказалъ, но лица приставовъ оставались безстрастными.

— О пріѣздѣ вашемъ, переводилъ ихъ отвѣтъ Шоринъ, — дожъ нашъ освѣдомленъ и прислалъ вамъ привѣтъ и добрыя пожеланія.

Послы встали, поклонились и сѣли.

— А такъ какъ, продолжали пристава,—неизвѣстно когда онъ перестанетъ страдать ногами, а вы стѣснены временемъ, то, вмѣсто него, васъ примутъ честные владѣтели.

— Какъ такъ? изумился Посниковъ.—Это вовсе даже не порядокъ.

— Такъ, продолжалъ переводить слова приставовъ Шоринъ,—а промежду честныхъ владѣтелей, въ княжомъ мѣстѣ сядетъ старшій изъ нихъ, которому вы и подадите грамоту.

Посниковъ, выслушавъ эти слова, пошептался съ Чемодановымъ и возмутился. Предупреждая его, Чемодановъ сказалъ:

— Этому быть невозможно. Посланы мы къ вашему князю, а не къ честнымъ владѣтелямъ, велѣно намъ его видѣть и грамоту, стало, подать ему, а не честнымъ владѣтелямъ, какъ вы неправильно говорите.

Теперь пристава стали переговариваться между собою, и старшій изъ нихъ произнесъ:

— Это все равно... Дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ-же ихъ дѣлать. Князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего.

Но Посниковъ низачто не хотѣлъ нарушить, столь неприличнымъ образомъ, этикета и внушалъ Чемоданову никакъ не сдаваться на таковыя безумныя рѣчи венецейскихъ приставовъ.

И Чемодановъ гордо отвѣтилъ:

— Ежели князь вашъ не дѣлаетъ ничего, то на что-же онъ вамъ князь?

Шоринъ затруднялся перевести эти слова, которыя, будучи переданы дожу, могли бы возбудить нежелательныя дипломатическія осложненія, и быстро найдясь, смягчилъ неподобающій вопросъ.

Но Посниковъ уже ставилъ другой вопросъ:

— Ежели государствомъ правите вы, пристава, то почто вы, въ грамотѣ къ царскому величеству, не писали имена свои вмѣстѣ съ княжескимъ?

— Того нѣтъ въ обычаѣ, отвѣтили пристава.

— И у насъ нѣтъ въ обычаѣ подавать грамоту честнымъ владѣтелямъ, когда должны мы ее подать князю.

— Въ иное время да, отвѣтили пристава, — но ежели князь боленъ ногами и принять васъ не можетъ?

— Болѣзнь отъ Господа, заявилъ Посниковъ, — и отъ сырости, которой у васъ въ городѣ много. И удивительно мнѣ, что одинъ князь вашъ болѣетъ ногами, а не всѣ ваши жители. И я, поживши здѣсь нѣкоторое время, чувствую нѣкую ломоту въ ногахъ. Но болѣзнь, хотя бы и ножная, переходчива, и желая вашему князю выздоровленія отъ оной...

Пристава встали со стульевъ, разставленныхъ для нихъ, и поклонились, а Посниковъ продолжалъ:

— Мы онаго выздоровленія вынуждены ждать.

— Какое-же время? спросилъ главный приставъ, которому дано было дожемъ порученіе скорѣе покончить съ царскими посланными, такъ какъ содержаніе ихъ въ Венеціи стоило дорого и ложилось бременемъ на личный бюджетъ дожа.

— Такое время, какое понадобится.

— Князь нашъ не можетъ вамъ сказать, когда его освободитъ болѣзнь, чтобы онъ могъ достойно принять такихъ благородныхъ пословъ великаго государя, попробовалъ испугать приставъ.—Лучше было-бы передать вамъ грамоту старшему изъ честныхъ владѣтелей.

— Того невозможно и сіе отнюдь не лучше по нашему разумѣнію, упорно отвѣтилъ Посниковъ.

— Такъ что-же вы положили?

— Положили дожидаться выздоровленія вашего князя.

Пристава посовѣщались между собою. Послы и Шоринъ молчали.

Шоринъ ликовалъ въ душѣ такъ благопріятно складывавшимся для него обстоятельствамъ. Они должны будутъ, очевидно, долго еще прожить въ городѣ и возвращеніе въ оте-

чество поневолѣ затянется на много недѣль, а можетъ быть, и мѣсяцевъ.

Но Посникову это совсѣмъ было не по душѣ, и потому веселый видъ и улыбка, которую не сумѣлъ скрыть Шоринъ, его сильно раздражили.

Онъ такъ торопился домой, а теперь, изъ-за болѣзни дуки, они должны сидѣть въ этомъ сыромъ и холодномъ дворцѣ невѣдомое время!

„И чему радуется, лихой человѣкъ!“ подумалъ Посниковъ и мрачно сказалъ Шорину:

— Вижу, Иванъ, любы тебѣ басурманскіе свычаи и обычаи... Ты-бы и вовсе радъ здѣсь остаться.

— Чего видишь-то? Я тебѣ не говорилъ объ этомъ.

— Насквозь тебя вижу! озлобленно крикнулъ Посниковъ.—Продать чорту свою душу... Ишь, глаза разгорѣлись. По мысли тебѣ съ распутными венецейскими бабенками путаться.

Но Чемодановъ удержалъ его отъ дальнѣйшихъ выговоровъ.

— Пристава говорить хотятъ, сказалъ онъ.

— Намъ больше нечего дѣлать, коли вы уже такъ рѣшили, сказали они.—А можетъ быть и передумаете?

— Не передумаемъ. Иначе тому не бывать. А ежели вашъ князь насъ не приметъ, мы и такъ уѣдемъ и вмѣстѣ съ грамотой.

Пристава откланялись.

— Мы передадимъ ваши слова князю.

Шоринъ отправился ихъ провожать до ступени энтрады.

„Какъ никакъ, а придется старому пожить здѣсь!“ злорадно подумалъ онъ о Посниковѣ.

Мысль о возможности увидѣть опять Лючіетту наполнила его сердце такою сильною радостью, что онъ изумился.

Съ чувствомъ простился онъ съ приставами, дождался, когда они усѣлись въ богато убранную и изукрашенную гондолу, и вернулся въ мечтательномъ настроеніи въ свою комнату.

Дрова весело трещали въ каминѣ, и по комнатѣ разлилось тепло, которое охватило его.

Онъ сѣлъ у окна и отдался мечтаніямъ. День обѣщалъ быть прекраснымъ, свѣтлымъ и солнечнымъ, и онъ рѣшилъ посвятить его поискамъ Лючіетты.

IV.

Тоскливо потянулась жизнь въ домѣ русскаго посольства. Посниковъ томился въ вынужденномъ бездѣліи и находилъ утѣшеніе только въ яствахъ и винахъ, которыхъ было въ изобиліи.

Онъ почти не выходилъ, потому что ему было не по душѣ плаваніе въ гондолахъ и ему не нравились узкія улички Венеціи. Не нравился ему и самый городъ, и народъ, и карнавальское навожденіе, которое онъ называлъ бѣсовскою утѣхою, и это движеніе и этотъ шумъ на площадяхъ и улицахъ.

Порой онъ чувствовалъ, сидя въ комнатѣ, какъ стужа, сырость охватывали его, и онъ спасался отъ нихъ только мѣхами, которые захватилъ съ собою изъ Москвы.

— Странный и удивленія достойный венецейскій народъ! брюзжалъ онъ.—Придумать выстроить городъ на водѣ! Что, у Господа Бога земли нѣтъ достаточно, что-ли?

Чемодановъ скучалъ. Онъ не зналъ языка и не отваживался увлекаться венецейскими дѣвицами, которыхъ встрѣчалъ на улицѣ и которыя ему нравились, несмотря на то, что въ нихъ не было настоящей московской дородности.

Оба посла ждали приставовъ съ новымъ извѣщеніемъ, но пристава какъ нарочно не шли. Очевидно было, что дожъ или дѣйствительно не могъ принять ихъ по болѣзни, или медлилъ по какимъ либо особымъ причинамъ.

А можетъ быть республикѣ было въ то время и не до пословъ царскихъ; хотя безпечный, жадный до празднествъ народъ и предавался веселью на улицахъ города, мало думая о томъ, что происходило за его предѣлами, но флотъ Венеціи все еще велъ упорную борьбу съ турками.

Лазарь Мочениго взялъ въ плѣнъ нѣсколько турецкихъ кораблей и готовился вступить въ бой съ остальными морскими силами врага. По возвращеніи своемъ съ Родоса онъ столкнулся съ вражескимъ флотомъ, атаковалъ, разбилъ его и завладѣлъ судномъ, на бортѣ котораго находился Мехметъ-паша съ четырьмя стами турками. Мочениго тотчасъ же направился въ Дарданеллы, гдѣ было мѣстопребываніе другой флотиліи турокъ. Жестокій бой возгорѣлся между двумя эскадрами, и вначалѣ судьба неблагопріятствовала венеціанцамъ: необыкновенной силы буря чуть не погубила ихъ кораблей, но Мочениго и Маркъ Бембо не потерялись, выказали удивительную находчивость и ловкость, и, въ концѣ концовъ, побѣда осталась за ними.

Мочениго ворвался со своими кораблями въ узкій проливъ и сѣялъ на пути смущеніе и смерть. Однако, жестокій ураганъ помѣшалъ венеціанцамъ окончательно истребить оттоманскій флотъ; какъ только стихъ вѣтеръ, Мочениго снова направился въ проливъ и прошелъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій, которыя обстрѣливали его съ обоихъ береговъ. Новая побѣда была уже въ рукахъ венеціанцевъ, какъ вдругъ вражеская бомба ранила Мочениго осколкомъ прямо въ голову. Храбрый предводитель тутъ же скончался, а флотъ республики въ великомъ смятеніи удалился.

Смерть Мочениго измѣнила ходъ войны, и шансы венеціанцевъ поколебались. Командиры папской и мальтійской эскадръ удалились съ театра войны; Тенедосъ и Лемносъ, забранные венеціанцами, были вновь ими утрачены. Но и турки чувствовали себя усталыми и обезсиленными. Они сами начали переговоры о мирѣ; но такъ какъ они требовали во что бы то ни стало возвращенія Кандіи, то республика рѣшила продолжать войну.

Какъ бы то ни было, всѣ эти невзгоды, побѣды, пораженія и перемѣнное счастье мало отражались на внутренней жизни венеціанскихъ жителей, и они продолжали предаваться карнавальнымъ весельямъ и легкомысленно наполняли площади города, требуя развлеченій и зрѣлищъ.

Одинъ больной дожъ и честные правители съ приставами занимались государственными дѣлами и изыскивали способы и средства выйти побѣдителями изъ трудной войны. Остальнымъ же какъ будто и дѣла не было до нея.

Дожъ мало думалъ о русскомъ посольствѣ, имѣвшемъ пребываніе въ Венеціи. Узналъ-ли онъ стороною, что отъ этого посольства нечего ждать помощи, о которой онъ просилъ, или вообще не вѣрилъ въ возможность завязать серьезныя сношенія съ далекимъ государствомъ,—только онъ не спѣшилъ принять посланниковъ русскаго царя.

Одинъ Шоринъ отъ души радовался этому досадному для Посникова и Чемоданова промедленію.

Онъ вполнѣ освоился съ городомъ и мало-по-малу, изучилъ его. Денегъ у него было достаточно, ожидалъ онъ ихъ и еще больше, какъ только прибудетъ голландскій корабль, привезшій ихъ въ Ливорно, кружнымъ путемъ, въ Венеціанскую гавань. Тогда будутъ распроданы товары, которые онъ везъ на немъ, и онъ готовъ будетъ оставаться здѣсь хотя цѣлый годъ.

Время онъ проводилъ превесело. Въ его услугахъ не нуждался теперь Посниковъ и, рѣшивъ, что Шорину любы басурманскіе свычаи и обычаи, какъ будто махнулъ на него рукой и не обращалъ больше никакого вниманія.

Шоринъ былъ несказанно радъ этому. Онъ почувствовалъ полную свободу и проводилъ цѣлые дни и часть ночей на улицахъ, принимая участіе въ общемъ веселіи. Онъ пріобрѣлъ себѣ венеціанскій плащъ, остригъ бородку по мѣстному обычаю и сталъ походить по внѣшности на коренного жителя; такимъ образомъ, его перестали смущать общее вниманіе и любопытные взгляды.

Только еще по нѣсколько затрудненной рѣчи и по выговору узнавали въ немъ иноземца.

Зато Посниковъ, увидя его въ такомъ неблагопристойномъ видѣ, отплюнулся раза два и зловѣще проговорилъ:

— Тьфу, окаянный! Ой, Иване, прямо въ бѣсовскія лапы угодишь! Попомнишь ужо мои рѣчи...

Но Шоринъ не обращалъ вниманія на слова старика, никогда не благоволившаго къ нему, и продолжалъ вести себя по-прежнему.

Сколько улицъ и площадей исходилъ онъ за это время въ поискахъ за Лючіеттой, которая не только не выходила изъ его головы, но завладѣла всѣми его помыслами и сердцемъ!

Какъ и почему это случилось, онъ и самъ не зналъ и не мало удивлялся этому.

«И лица даже не видѣлъ ея»—говорилъ онъ себѣ, и ему казалось, что именно это-то обстоятельство и разожгло въ немъ жгучее любопытство.

Но Лючіетта точно въ воду канула.

Шоринъ посѣтилъ и мальвазію, въ которой онъ побывалъ въ первую ночь карнавала, и домъ, въ которомъ онъ увидѣлъ впервые прелестную танцовщицу, и пропасть всякихъ другихъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ предполагать найти ее—нигдѣ ея не было.

И чѣмъ меньше успѣха было найти ее, тѣмъ болѣе и болѣе овладѣвало имъ желаніе увидѣть ее.

Однажды онъ скитался по городу, преслѣдуемый все одной и той-же мыслью, когда услыхалъ у дверей одного дома шумъ.

Онъ остановился.

Изъ дверей дома выходилъ знатный венеціанецъ и крѣпко бранился. Онъ называлъ разбойниками и пиратами тѣхъ, кто

держитъ этотъ домъ, и грозилъ жаловаться правительству, привести немедленно сбировъ республики, чтобы показать этимъ пиратамъ, что нельзя безнаказанно грабить благородныхъ людей.

Уже сталъ собираться народъ и движеніе, навѣрное, разрослось бы въ крупную уличную исторію, какъ вдругъ открылось одно изъ оконъ второго этажа и оттуда упалъ на улицу туго набитый деньгами кошелекъ.

Кошелекъ грузно упалъ къ самымъ ногамъ разсвирѣпѣвшаго венеціанца, весьма богато одѣтаго.

Чей-то голосъ прокричалъ изъ окна:

— Возьмите ваши деньги, но не являйтесъ сюда болѣе! Мы васъ не звали, вы сами пришли, и развѣ мы виноваты, что вы проигрались?..

Венеціанецъ быстро подхватилъ кошелекъ и спряталъ его.

Гнѣвъ его почти тотчасъ-же утихъ и, хотя онъ еще проворчалъ раза два:

— Проклятые пираты! Турки!

Но уже голосъ его звучалъ не такъ рѣзко и онъ поспѣшилъ скрыться въ толпѣ, чтобы не быть узнаннымъ.

Шоринъ заинтересовался происшествіемъ.

— Что это за домъ? спросилъ онъ у стоявшаго около него человѣка.

Тотъ съ любопытствомъ оглядѣлъ его.

— Какъ, вы не знаете этого дома? Развѣ вы иноземецъ?

— Да, я иноземецъ.

— Это самый знаменитый домъ на улицѣ св. Моисея, насмѣшливо проговорилъ человѣкъ.—Называютъ его Ridotto.

— Что же это за домъ?

Тотъ засмѣялся.

— Это царство фараона, бирибиссо и паморими. Здѣсь благородные потомки венеціанскихъ патриціевъ и богатые сынки нашихъ купцовъ оставляютъ въ изобиліи цехины, собранные трудомъ или доставшіеся по наслѣдству ихъ дѣдамъ и отцамъ. Если у васъ были дѣды и отцы—а у кого ихъ не было?—и если они вамъ оставили приличное количество дукатовъ и цехиновъ,— насмѣшливо продолжалъ словоохотливый человѣкъ, — то совѣтую вамъ попытать счастья и войти въ нашъ знаменитый Ridotto.

— Чѣмъ же онъ знаменитъ?

— Какъ чѣмъ! Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ всѣхъ знаменитыхъ людей. Развѣ только одинъ дожъ не бывалъ въ

немъ. А то всѣ представители нашихъ знатныхъ фамилій оставили въ немъ свою дань. Право, попытайте-ка счастье!

— И что же выйдетъ изъ того?

— Изъ того ничего не выйдетъ, а вы можете выйдти отсюда или богачемъ, или нищимъ. Стоитъ вѣдь попытаться? Не правда-ли?

— Отчего и не попытаться! отвѣтилъ Шоринъ.

И онъ вошелъ въ Ridotto.

— Желаю вамъ успѣха! крикнулъ ему со смѣхомъ человѣкъ.—Только, когда проиграетесь, будьте добры не бросайтесь въ наши каналы. На днѣ ихъ и такъ много всякой дряни.

Шоринъ пожалъ плечами и сталъ подыматься по лѣстницѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Кюхельбекеръ и Пущинъ.

Кюхельбекеръ и Пущинъ принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу декабристовъ.

Вильгельмъ Карловичъ фонъ Кюхельбекеръ родился въ С.-Петербургѣ 10 іюня 1797 г., умеръ въ Сибири въ г. Тобольскѣ 11 августа 1846 г.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ родился въ 1798 году, умеръ, возвратившись изъ Сибири, 3-го апрѣля 1858 г. въ г. Бронницахъ.

Они оба поступили въ 1811 году въ только что открытый царскосельскій Лицей и были товарищами Горчакова, Корфа, Пушкина и Дельвига. Оба они приняли участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 года, и оба были осуждены верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и въ каторжныя работы. Но судьба ихъ послѣ осужденія не была одинакова. Пущинъ, вмѣстѣ съ другими декабристами, былъ сосланъ на каторгу. Кюхельбекеръ же вмѣсто каторги провелъ десять лѣтъ въ казематахъ разныхъ крѣпостей въ одиночномъ заключеніи. Эта гуманная мѣра была хуже каторги, потому что онъ былъ лишенъ общенья съ товарищами по несчастью и могъ бы одичать, какъ Батеньковъ, еслибы его не поддерживала поэзія и собственный поэтическій талантъ.

Пущинъ былъ закоренѣлый, убѣжденный со школьной еще скамьи, реформаторъ и политическій дѣятель.

Кюхельбекеръ же политикою не занимался и попалъ въ члены тайнаго общества неожиданно для себя, а участіе его въ возмущеніи 14-го декабря Пушкинъ считалъ „похмѣльемъ въ чужомъ пиру!“. „Напрасно покойникъ Рылѣевъ, говоритъ Пущинъ [1]), принялъ Кюхельбекера въ общество, безъ моего вѣдома, когда я былъ въ Москвѣ. Это было незадолго до 14 декабря. Еслибъ вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы просто погибли бы отъ смѣху, несмотря, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической и довольно важной“. Такова характеристика товарища и друга Кюхельбекера. Другой товарищъ его, бар. Корфъ (впослѣдствіи графъ), говоритъ, что Кюхельбекеръ имѣлъ эксцентрическій умъ, пылкія страсти, необузданную вспыльчивость, что онъ почти полупомѣшанный, всегда готовый на самыя „курьезныя“ продѣлки. Какъ поэта, онъ считаетъ его выше Дельвига, а въ отношеніи Пушкина ставитъ его непосредственно за нимъ [2]). Н. И. Гречъ, его хорошій знакомый, но посторонній ему человѣкъ, говоритъ, что онъ отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ которое онъ называлъ поэзіею, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. [3]) Но всѣхъ сердечнѣе относился къ Кюхельбекеру его геніальный товарищъ, А. С. Пушкинъ. Онъ называлъ его нѣжными кличками „Виля“ и „Кюхля“. Для Пушкина онъ остался навсегда „лицейской жизни милый братъ“. Въ своемъ чудесномъ „19 октября 1825 г.“ („Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“) Пушкинъ обращается съ слѣдующими двумя строфами къ Кюхельбекеру:

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

* „ *

[1]) Письмо Ив. Ив. къ дирек. Лицея Е. А. Энгельгардту 26 Февр. 1845 г. изъ Ялуторовска. См. книгу Я. Грота «Пушкинъ, его лиц. тов». СПБ. 1899 г. стр. 181.

[2]) Записки Корфа. См. у Я. Грота: Пушкинъ, его лиц. тов. и т. д. стр. 244.

[3]) «Записки о моей жизни», Н. И. Гречъ. С.П.Б. 1883 г. изд. А.С. Суворина, стр. 383.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданія оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Сколько сердечности, задушевности и тонкихъ намековъ находится въ этихъ немногихъ строкахъ: бурные дни Кавказа намекаютъ на пощечину, которую Кюхельбекеръ влѣпилъ кому-то изъ начальствующихъ во время своей тамъ службы у Ермолова, за что долженъ былъ оставить Кавказъ; волшебные разсказы и сердечныя преданья—это любимая тема музы Кюхельбекера—семейныя, рыцарскія преданія, въ приподнятомъ, фантастическомъ родѣ; Шиллеръ—это его любимый авторъ, въ которомъ Пушкинъ охарактеризовалъ склонность Кюхельбекера вообще къ нѣмецкой поэзіи—къ Клопштоку, Геснеру и другимъ, которой самъ Пушкинъ не долюбливалъ.

Трагическая судьба Кюхельбекера и Пущина послѣ осужденія верховнымъ уголовнымъ судомъ вызвала трогательные стихи Пушкина: «19-го октября 1827 года»:

«Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ и въ житейскомъ горѣ,
Въ странахъ чужихъ, въ пустынномъ морѣ [1])
И въ темныхъ пропастяхъ земли».

Здѣсь я приведу разсказъ Кюхельбекера, какъ очевидца и участника возмущенія 14 декабря 1825 г. по его собственноручнымъ донесеніямъ слѣдственной комиссіи верховнаго уголовнаго суда, доступъ до которыхъ мнѣ былъ Высочайше разрѣшенъ для составляемаго мною спеціальнаго труда о Кюхельбекерѣ. Документы эти нигдѣ не напечатаны. О Пущинѣ же я коснусь только эпизодически, для характеристики одного загадочнаго факта этого дня.

Оба они, хотя и товарищи, но разныхъ направленій, идеаловъ, характеровъ. И это различіе отразилось и въ ихъ собственноручныхъ показаніяхъ.

Пущинъ какъ бы глумится надъ вопросами, задаваемыми ему слѣдственною комиссіею и отвѣчаетъ на все незнаніемъ и невѣдѣніемъ.

---

[1]) Намекъ на Ѳ. Ѳ. Матюшкина, находившагося въ кругосвѣтномъ путешествіи. См. также «Посланіе въ Сибирь». т. II, стр. 11.

Кюхельбекеръ же, напротивъ, послѣ первыхъ запирательствъ вполнѣ откровененъ, многорѣчивъ; старается самъ припомнить свои вины; боится что либо утаить; скорбитъ, если кого нечаянно вовлекъ въ отвѣтственность, старается его обѣлить и выгородить (какъ въ эпизодѣ со Львомъ Пушкинымъ); честность его доходитъ до комизма въ столь трагическій періодъ его жизни: онъ вспоминаетъ о неуплаченныхъ имъ долгахъ своему человѣку, за ѣду, портному....

Первый допросъ Кюхельбекера былъ снятъ съ него въ Варшавѣ, куда онъ бѣжалъ, и такъ какъ этотъ допросъ напечатанъ цѣликомъ въ «Русской Старинѣ» (1873 г. т. VII, апрѣль, стр. 462—471) въ перепискѣ великаго князя Константина Павловича съ Ѳ. П. Опочининымъ, то я его не буду касаться, а ограничусь *только* собственноручными донесеніями или показаніями Кюхельбекера, относящимися до *дня 14 декабря 1825 г.* и извлеченными изъ дѣлъ верховнаго уголовнаго суда.

«Нѣсколько [1]) дней спустя по полученіи извѣстія о смерти государя, Рылѣевъ мнѣ объявилъ, что въ государствѣ есть тайное общество, желающее измѣненія въ образѣ правленія. На предложеніе въ оное взойти я согласился, но не раздѣлялъ всѣхъ личныхъ мнѣній Рылѣева, частію даже мнѣ неизвѣстныхъ. Членами я никого не зналъ, ибо мнѣ сказано было, что постановленіе общества не позволяетъ оныхъ открыть. Живши вмѣстѣ съ Одоевскимъ, я догадался, что онъ къ оному принадлежитъ, въ чемъ онъ мнѣ признался. За недѣлю до 14-го числа, бывъ у Рылѣева, я у него нашелъ много лицъ, съ коими онъ имѣлъ тайные переговоры, отводя ихъ въ сторону. Въ чемъ заключались оные—мнѣ неизвѣстно. До 14-го числа болѣе я ни отъ кого ничего не зналъ и не слышалъ. 14-го числа поутру, я собирался ѣхать къ моему товарищу по лицею князю Эристову, когда Рылѣева человѣкъ пришелъ меня звать къ своему господину. Придя къ нему, я у него нашелъ Пущина и Штейнгеля. Они мнѣ сказали, что полки должны сего утра присягать государю Николаю Павловичу, что многіе изъ оныхъ на сіе не согласны, и чтобъ я отправился на площадь, гдѣ дождался пришествія войскъ, къ коимъ присоединившись, кричалъ бы ура Константину. Придя

---

[1]) Показаніе это не собственноручное Кюхельбекера, но писанное, вѣроятно, съ его словъ безграмотнымъ писаремъ.

на площадь и никого не найдя, я нѣсколько подождалъ и наконецъ пройдя домой, встрѣтился съ Одоевскимъ. Онъ мнѣ далъ одинъ пистолетъ изъ двухъ, коими былъ вооруженъ; потомъ пошли мы къ Рылѣеву. Здѣсь хотѣли меня послать, во первыхъ, въ конную артиллерію, гдѣ считали на офицеровъ Виламова и Малиновскаго; но потомъ рѣшили мнѣ ѣхать въ морской экипажъ. Пріѣхавъ въ оный, видѣлъ я Арбузова и брата, ужасавшихся происшествію московскаго полка, о буйствѣ коего было уже имъ извѣстно. Спросилъ ихъ, что они полагаютъ дѣлать? Они мнѣ сказали, чтобъ я узналъ на площади и въ московскомъ полку, что происходитъ. Ѣхавъ туда меня изъ саней выкинули у Синяго мосту въ снѣгъ, гдѣ пистолетъ мой выпалъ и смокъ. На площади я нашелъ уже толпу московцевъ, окруженную народомъ, откуда проѣхалъ въ московскій полкъ, и возвращаясь въ экипажъ, меня болѣе въ оный не пустили. Тутъ я нашелъ у воротъ финляндскаго полка, полагаю, Цебрикова, который меня взялъ съ собою на площадь. Оставя его у Синяго мосту, гдѣ онъ хотѣлъ отдать свою шинель, я пѣшкомъ дошелъ до толпы бунтующихъ и взошелъ въ оную. Здѣсь нашелъ я московскаго полка Щепина-Ростовскаго и Бестужева; прочихъ полковъ Одоевскаго, Бестужева 2-го и 4-го и Оболенскаго, во фракахъ, Коховскаго, Пущина, Глѣбова и неизвѣстнаго мнѣ статскаго совѣтника съ плюмажемъ на шляпѣ, котораго надѣюсь, что узнаю, и нѣсколько молодыхъ людей, изъ коихъ одного вооруженнаго шпагой, также мнѣ неизвѣстныхъ. Погодя нѣсколько пришла на площадь лейбъ-гренадерская рота, въ коей офицеровъ я не замѣтилъ, потомъ гвардейскій экипажъ и въ послѣдствіе время весь гренадерскій полкъ. Прежде пришествія экипажа Пущинъ посылалъ меня въ домъ Лаваля къ Трубецкому, коего я не нашелъ, и, вѣроятно, въ отсутствіе мое приключеніе графа Милорадовича исполнилось. Когда подходилъ къ толпѣ митрополитъ, кричали: подайте намъ Константина, тогда повѣримъ. Офицеры экипажа подходили къ преосвященному и просили его прислать Михаила Павловича, обѣщая его послушать. Когда же великій князь подъѣхалъ и люди начали слушать его слова, то Пущинъ спросилъ по-французски, вызвавъ меня съ другой стороны, гдѣ я стоялъ, хочу-ли я его изъ пистолета ссадить. Тутъ меня двинули впередъ, и я, зная по опыту (?), что мой пистолетъ замокши стрѣлять не можетъ, и сверхъ сего боясь, чтобъ на сіе другіе кто не рѣшился, прицѣлился: но люди гвардейскаго экипажа отвели руку мою

прочь. Послѣ его высочества подъѣзжалъ къ толпѣ еще Воиновъ, на котораго опять по требованію Пущина я также прицѣлился, но пистолетъ, какъ я былъ увѣренъ, осѣкся. Когда начали стрѣлять картечью, гвардейскій экипажъ первый разсыпался, и я съ онымъ отошелъ».

Давъ это первоначальное показаніе, Кюхельбекеръ спохватился, что, можетъ быть, сказалъ лишнее, нечаянно выдалъ знакомаго или товарища, и вотъ 3 февраля 1826 г. онъ пишетъ личное письмо генералъ-адъютанту Вас. Вас. Левашеву гдѣ между прочимъ говоритъ:

«Считаю обязанностію исправить вкравшуюся въ допросъ, сдѣланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ, погрѣшность.

«Если только хорошо помню, я, кажется, показалъ, что виновники несчастнаго происшествія 14-го декабря *считали на содѣйствіе* [1]) офицеровъ гвардейской конной артиллеріи, Вилламова и Малиновскаго. Изъ сихъ словъ, какъ теперь вижу, могутъ вывесть заключеніе, что они, Вилламовъ и Малиновскій, находились, такъ сказать, въ заговорѣ или были членами тайнаго общества, чего я никакъ утверждать не хотѣлъ, не могу и не смѣю. Имена ихъ услышалъ я впервые отъ Пущина, когда 14 числа поутру во второй разъ зашелъ къ Рылѣеву. Разсказывая мнѣ, что происходитъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ московскомъ полку и такъ далѣе, онъ, Пущинъ, между прочимъ упомянулъ и объ конной артиллеріи и о томъ, что Вилламовъ и Малиновскій *не хотѣли присягать* государю императору.

«Сіе сопротивленіе, какъ ваше превосходительство сами усмотрѣть можете, могло прозойти отъ мгновенной, юношеской пылкости, отъ легкомыслія, конечно, весьма не извинительнаго, или даже просто отъ недоразумѣнія, безъ всякаго предварительнаго знанія о существующемъ заговорѣ, о коемъ я и самъ въ точности свѣдалъ не прежде 14 числа.

«Увѣренъ, что ваше превосходительство, по свойственному вамъ человѣколюбію и благородству души, примете сіи обстоятельства, мною неумышленно пропущенныя, въ разсужденіе къ облегченію участи несчастныхъ Вилламова и Малиновскаго».

Наконецъ, во имя этой же своей честности, онъ даже сознается въ такихъ дѣяніяхъ, о которыхъ его и не спрашиваютъ слѣдственные судьи. Вотъ что онъ пишетъ отъ 17-го февраля 1826 г. въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ собственноручныхъ

---

[1]) Всѣ курсивы принадлежатъ Кюхельбекеру, какъ здѣсь, такъ и далѣе.

донесеній, гдѣ онъ также отвѣчаетъ на вопросы (числомъ 21), поставленные ему верховнымъ уголовнымъ судомъ.

«Нѣкоторыя подробности, забытыя мною при допросѣ, сдѣланномъ мнѣ его превосходительствомъ генералъ-адъютантомъ Левашевымъ.—а) Считаю обязанностію своею объявить, что кн. Оболенскій не по собственному желанію предводительствовалъ нами 14 числа на Сенатской площади; виною его избранія былъ я и вотъ какимъ образомъ:—видя безпорядки и неистовства, которымъ предавалась чернь, а частію даже солдаты, особенно московцы, принимавшіеся нѣсколько разъ стрѣлять по собственному произволу и худо внимавшіе нашему запрещенію и просьбамъ нашимъ, я почувствовалъ необходимость начальства надъ всѣми и предложилъ оное сперва Н. А. Бестужеву I, прибывшему на площадь съ гвардейскимъ экипажемъ; когда же онъ отъ себя отклонилъ таковое опасное первенство,—кн. Евгенію Оболенскому, который вслѣдъ затѣмъ и былъ объявленъ солдатамъ предводителемъ. Полагая, что сіе обстоятельство можетъ вмѣниться ему въ тяжкую и особенную предъ прочими вину, осмѣлюсь просить судей нашихъ, чтобы сія вина пала не на его, а на мою долю.—б) Гвардейскій экипажъ, кромѣ перваго зводу, не имѣлъ ни боевыхъ, ни холостыхъ зарядовъ.—в) Кн. Одоевскимъ и мною было объявлено солдатамъ при ожидаемомъ нападеніи на насъ конницы, чтобы они стрѣляли не въ людей, а лошадямъ въ морды.

«Вотъ три обстоятельства, которыя я теперь вспомнилъ и которыхъ при сдѣланномъ мнѣ допросѣ не думалъ утаить, а опустилъ истинно неумышленно; одно изъ нихъ значительно увеличиваетъ мою виновность; но я ни ложью, ни утайкою не хочу и не желаю облегчить жребій свой. И такъ, если въ послѣдствіи припомню еще что либо важное, всепокорнѣйше прошу настоящее опущеніе приписать не упорству, а дурной моей памяти. Сверхъ того обѣщаюсь чистосердечно и откровенно отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ мнѣ сдѣланы и которые, статься можетъ, мнѣ самому напомнятъ то, что теперь мною забыто и опущено. На счетъ прежнихъ опусковъ и отступленій отъ истины, которыя, конечно, найдутся въ допросѣ, сдѣланномъ мнѣ въ Варшавѣ, осмѣлюсь замѣтить, что они всѣ очень не важны».

Объ участіи его и дѣятельности на Сенатской площади, гдѣ онъ такъ много „суетился“, какъ о томъ замѣтилъ также Пущинъ въ письмѣ къ Энгельгардту, верховный уголовный

судъ ставитъ ему рядъ вопросовъ, заключенныхъ въ одномъ вопросѣ, за № 12:

„Изъ собственныхъ словъ вашихъ и показаній другихъ видно, что въ день происшествія вы такъ много суетились и такое дѣятельнѣйшее принимали участіе въ предпріятіи членовъ тайнаго общества, что успѣвали быть въ разныхъ полкахъ, сзывать членовъ общества и дѣйствовать на Петровской площади. Слѣдственно вамъ особенно должны быть извѣстны многія подробности происшествія 14-го декабря, а потому объясните:

a) Кто началъ въ московскомъ полку возмутительныя дѣйствія и кто рубилъ и кололъ генераловъ: Фридрикса и Шеншина и полковника Хвощинскаго?

b) Кто открывалъ тѣ же дѣйствія въ другихъ мѣстахъ? Кто убѣждалъ и поощрялъ солдатъ идти на Петровскую площадь и кто ими предводительствовалъ?

c) Кто на самой площади поощрялъ солдатъ къ продолженію неустройства и возстановлялъ чернь къ буйству?

d) Ежели точно вы не видѣли, кто нанесъ смертельныя раны графу Милорадовичу и полковнику Стюллеру, то, конечно, слышали. Объясните о семъ откровенно и по совѣсти, что сами видѣли и что слышали.

e) Извѣстно, что Коховскій, Оболенскій, Пущинъ, Щепинъ-Ростовскій, Одоевскій, Пановъ, Цебриковъ и прочіе находились во все время неустройства или съ вами или въ виду вашемъ. Изложите всѣ дѣйствія каждаго изъ нихъ, показавъ, въ кого они сами стрѣляли и кто изъ нихъ особенно поощрялъ другихъ стрѣлять въ войска и начальниковъ?

f) Вы сказали, что бывшаго тамъ ст. совѣтника въ шляпѣ съ плюмажемъ можете узнать. Объясните съ возможною точностію слова и дѣйствія его, коими онъ поощрялъ другихъ и способствовалъ къ мятежу; долго-ли онъ былъ на мѣстѣ происшествія, чѣмъ вооруженъ былъ, въ кого стрѣлялъ, и когда скрылся?

g) Кромѣ пистолета, чѣмъ вы еще были вооружены?

h) Кому отдали на площади палашъ, отнятый у жандарма, и отъ кого вы получили оный?»

На этотъ рядъ вопросовъ Кюхельбекеръ отвѣчаетъ:

„Приступая къ вопросамъ, содержащимся подъ № 12, осмѣлюсь предварительно объяснить, почему я, зная столь мало о намѣреніяхъ общества, принялъ такое дѣятельное участіе въ происшествіяхъ 14 декабря.—Да проститъ мнѣ велико-

душно милосердіе государя императора! Я точно не вѣрилъ неслыханному въ исторіи событію; я точно не вѣрилъ, чтобы прежняя присяга моя его императорскому высочеству была съ воли и съ согласія его разрѣшена: въ семъ убѣдило меня *совершенно* только письмо его императорскаго высочества цесаревича къ князю Лобанову-Ростовскому [1]), что можетъ засвидѣтельствать и господинъ Лавровъ, у коего я письмо сіе прочелъ въ 1-й разъ, и господинъ Гречъ [2]), у коего въ домѣ

---

[1]) См. Н. К. Шильдеръ: Междуцарствіе. Рус. Стар. 1897 г., т. февр., стр. 216, а также дневникъ П. Г. Давыдова. Рус. Стар., 1897 г., т. марть, стр. 466.

[2]) Вотъ, что говоритъ о Кюхельбекерѣ въ своихъ запискахъ Н. И. Гречъ: «Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ (все лѣто 1825 г. онъ жилъ у Греча, когда семейство послѣдняго было на дачѣ) и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера, на углу Почтамской улицы и Исаакіевской площади. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ обществу вмѣстѣ съ многими другими; потомъ, что его приняли послѣ полученія извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье, 29-го ноября, онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скроменъ, изъявилъ сожалѣніе о смерти Государя и прибавлялъ, улыбаясь: «добрый былъ человѣкъ Александръ Павловичъ: другой царь не такъ поступилъ бы со мною» 14-го декабря, когда я, въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были притомъ Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Демьянъ Александровичъ Некрицкій и маклеръ Толченовъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней, и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита и, не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ меня:

— Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste? (что вы здѣсь читаете? полагаю, что это манифестъ).

— Oui, c'est le manifeste. Ecoutez! (Да, это манифестъ. Послушайте!) отвѣчалъ я и продолжалъ чтеніе.

Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски:

— А позвольте узнать, отъ котораго числа отреченіе Константина Павловича?

Я отвѣчалъ:

— Я и не видалъ. Посмотримъ: отъ 26 ноября.

— Отъ 26-го, возразилъ онъ,—хорошо, прощайте!

Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ножахъ, сказалъ ему, подавая руку:

— Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!

Онъ отвѣчалъ: «здравствуйте и прощайте!» Съ этими словами онъ кинулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось:

— Ничего, отвѣчалъ я,—вѣроятно, пишетъ оду на восшествіе на престолъ.

Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ заѣзжалъ Карамзинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ направленіи къ Исаакіевской площади.

— Слышали ли вы, спросилъ одинъ изъ нихъ, на Исаакіевской площади бунтъ.

— Знаю, отвѣчалъ Кюхельбекеръ,—это наше дѣло! (Записки о моей жизни. Н. И. Гречъ. СПБ. 1886 г. Изд. А. С. Суворина, стр. 884—[illegible]).

Хотя цитата эта не вноситъ ничего существеннаго, но она полезна во 1) слова Кюхельбекера, что онъ въ это утро былъ у Греча и во 2) показываетъ намъ, въ какомъ нервномъ и психическомъ состояніи находился этотъ «взбалмошный и болтливый [illegible]», какъ его называетъ Гречъ.

услышалъ я всѣ прочіе акты, кромѣ сего письма. Итакъ, присяга его императорскому высочеству не служила мнѣ просто предлогомъ: но была одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ меня пристать къ виновникамъ бѣдственныхъ происшествій 14 декабря и принять отъ нихъ разныя порученія.— Я благодарю судьбу, что, можетъ быть, приближалось къ исполненію нѣкоторыхъ, хотя и не всѣхъ, политическихъ надеждъ и мечтаній моихъ (см. пунктъ 6) и вмѣстѣ могу остаться вѣрнымъ долгу подданнаго. — Присяга же въ моихъ глазахъ всегда была дѣйствіемъ чрезвычайно важнымъ и священнымъ [1]) и даже теперь въ моемъ заключеніи, судимый за мятежное возстаніе на законную власть, и даже теперь осмѣлюсь утверждать, что я не въ состояніи и никогда не былъ способенъ нарушить произнесенную мною однажды присягу, если только мои судьи благоволятъ не называть нарушеніемъ оной слишкомъ смѣлыя надежды, слова и предположенія, въ чемъ я, конечно, признаю себя весьма виновнымъ и отъ всей души молю Бога и государя объ отпущеніи мнѣ этого преступленія!

a) О возмущеніи въ московскомъ полку узналъ я впервые въ гвардейскомъ экипажѣ; о мнимой же смерти генерала Шеншина именно отъ брата моего, какъ я то и показалъ въ 1-мъ сдѣланномъ мнѣ еще въ Варшавѣ допросѣ. Кто же началъ сіе возмущеніе и кто нанесъ ударъ генералу Шеншину, мнѣ неизвѣстно. Про рану, полученную генераломъ Фридриксомъ, свѣдалъ я, кажется, уже на площади; отъ кого, не припомню; также не было мнѣ говорено, кто нанесъ оную. Имя же полковника Хвощинскаго я вовсе не слыхалъ.

b) Кромѣ находившихся на площади лицъ, о коихъ ниже,— упомянули при мнѣ Рылѣевъ, Пущинъ I и еще кто-то третій (но кто, не вспомню) слѣдующія имена: 1-ое полковника кн. Трубецкого, о которомъ Пущинъ вдругъ съ нетерпѣніемъ спросилъ: «Гдѣ же Трубецкой и прочіе?“ а потомъ меня послалъ за нимъ въ домъ Лаваля; 2-ое капитана Пущина II, о которомъ, не помню кто, сказалъ: „Пущинъ велѣлъ сказать, что конные саперы послѣдуютъ во всемъ примѣру измайловцевъ;“ 3-е штабсъ-капитана Якубовича, о которомъ на чей-то вопросъ: гдѣ онъ? Рылѣевъ отвѣчалъ: „Онъ тамъ нуженъ;“ и, наконецъ, 4-ое и 5-ое Вилламова и Малиновскаго, о коихъ уже со всею возможною подробностію объяснился я въ письмѣ,

[1]) Такъ думалъ я о присягѣ и въ продолженіе времени, непосредственно предшествовавшаго 14-му декабря. Ссылаюсь на Рылѣева.

которое касательно ихъ имѣлъ честь препроводить на имя его превосходительства господина генерала-адъютанта Василія Васильевича Левашева. Гдѣ-же находились сіи здѣсь мною названныя особы и что именно дѣлали, сказать не могу.

„Изъ лицъ же извѣстныхъ мнѣ предводительствовали на площади солдатами: Щепинъ - Ростовскій, братья Бестужевы 2-й и 3-й (Бестужевы же 1-й и 4-й находились на площади, но принимали весьма малое участіе во всемъ происходившемъ), Одоевскій, Оболенскій, Пущинъ, изъ лейбъ-гренадерскихъ офицеровъ нѣкто, кого въ лицо знаю, но фамиліи не помню, быть можетъ, Пановъ и, наконецъ, всѣ, сколько могъ замѣтить, оберъ-офицеры гвардейскаго экипажа. Кто же убѣдилъ солдатъ идти на площадь, не вѣдаю.

с) Въ продолженіе неустройства къ крику: «ура Константину!» поощряли солдатъ всѣ или почти всѣ вышесказанные, кромѣ однако же офицеровъ гвардейскаго экипажа и пришедшаго съ ними Бестужева I. Чернь же, когда приближалась къ рядамъ, мы всячески старались удалить, опасаясь разстройства солдатъ и напраснаго кровопролитія. Въ семъ случаѣ особенно назову Одоевскаго и, да простятъ мнѣ, если вспомню то, что меня хотя нѣсколько утѣшаетъ въ моемъ несчастіи,— самого себя. Находясь во всю мою бытность на площади при солдатахъ, не умѣю сказать, кто именно возстановлялъ чернь на буйство. Сначала, кажется, подошелъ ко мнѣ человѣкъ мнѣ вовсе незнакомый (небольшого росту, смуглый, худощавый, съ виду лѣтъ за сорокъ) и ломанымъ французскимъ языкомъ объявилъ себя предводителемъ всей толпы волновавшейся черни: на мой недовѣрчивый вопросъ, кто онъ? онъ отвѣчалъ, что онъ отставной ротмистръ (capitain de cavalerie) Розенталь или Розенбергъ [1]), хорошо не припомню,

[1]) Этотъ Розенталь или Розенбергъ не даетъ покоя бѣдному Кюхельбекеру и онъ старается все припомнить его настоящую фамилію. Такъ уже 25 февраля 1826 года онъ сообщаетъ:

«Человѣкъ, назвавшійся мнѣ 14 числа ротмистромъ Розенталемъ, Розенбергомъ или подобнымъ сходнымъ съ оными *нѣмецкимъ* именемъ, (*сколько помню*)—роста средняго, скорѣе малаго, чѣмъ большого; смуглъ, черноволосъ, худощавъ, съ виду лѣтъ за сорокъ; носъ у него былъ кажется, большой, глаза черные, весь очеркъ лица уроженца страны южной; въ одеждѣ былъ довольно поношенной, цвѣту (сдается мнѣ) темнаго. Но узнать его нынѣ не берусь: во 1-хъ, потому что его только тутъ и то мелькомъ видѣлъ; во 2-хъ, потому что на него могутъ быть похожи очень многіе полуденные нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, греки, грузины, даже малороссіяне, которые всѣ болѣе, или менѣе, смуглы, худощавы, черноволосы.—Прежде, не помню, чтобы этотъ человѣкъ мнѣ гдѣ попадался: впрочемъ и не отрицаю того, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ числу такихъ лицъ, которыя въ кондитерскихъ, въ трактирахъ, при аукціонахъ, въ театрахъ, на бульварѣ, на гуляніяхъ встрѣчаешь сотнями.

но признаюсь, по его наружности я и тогда думалъ и теперь полагаю, что онъ на себя взводилъ напраслину. Еще приступилъ, было, ко мнѣ пьяный приказный, котораго я насилу убѣдилъ отойдти отъ солдатъ.

д) Какимъ образомъ узналъ я о смерти графа Милорадовича, я имѣлъ уже честь объявить и здѣсь еще разъ повторяю мое показаніе. О смерти графа Милорадовича я впервые услышалъ отъ моего человѣка дорогою изъ С.-Петербурга въ Варшаву; ему о томъ сказывали проѣзжіе мужики; я это извѣстіе назвалъ ложью и не вѣрилъ оному, пока (у Лаврова) не прочелъ подтвержденіе онаго въ вѣдомостяхъ. Полагаю же, что совершилось это злодѣяніе въ то время, когда я уходилъ въ домъ Лаваля и вотъ почему: возвратясь и подойдя къ Пущину, стоявшему недалеко отъ памятника Петру I, я замѣтилъ въ сторонѣ къ дому Лобанова необыкновенное волненіе и сверхъ того какого то генерала въ голубой, кажется, лентѣ и, сколько помню, пѣшаго. Кто этотъ генералъ? Точно ли былъ въ голубой лентѣ или нѣтъ? Не могу сказать и тогда не любопытствовалъ. Теперь же думаю, что это, можетъ быть, былъ графъ Милорадовичъ, уже раненый и сошедшій съ лошади.

Про смерть же полковника Стюллера я слышалъ мимоходомъ (и то навѣрно не знаю гдѣ,—въ Петербургѣ ли, или Варшавѣ при первомъ моемъ допросѣ).

е) 1. Коховскаго 14-го числа въ первый разъ я видѣлъ,

«Примѣтъ особенныхъ, кромѣ вышесказанныхъ, не припомню.

«Но вотъ, что, можетъ быть, высочайше учрежденному комитету покажется достойнымъ нѣкотораго вниманія: онъ упоминалъ объ оружіи, будто бы у него собранномъ, и вызывался доставить оное во множествѣ. Вотъ, *если только не измѣняетъ мнѣ память*, его собственныя слова: J'ai là chez moi, si vous voulez, une quantité de sabres et tout ce qu'il faut (произнесены же были эти слова à l'allemande, т. е. ch за j—и такъ далѣе); считая его съ перваго взгляда хвастуномъ, я тогда же спросилъ его фамилію, которую онъ мнѣ тутъ и объявилъ».

Затѣмъ въ показаніи отъ 27-го марта 1826 г. онъ вновь возвращается къ этому:

«Далѣе, считаю долгомъ объявить, что теперь мнѣ *кажется*, будто бы имя говорившаго со мною 14 декабря ротмистра не Розенталь, а Раутенфельдтъ. Однако же всепокорнѣйше прошу высочайше учрежденный комитетъ замѣтить, что мнѣ это только кажется и не болѣе, и что я теперь до того удрученъ скорбію и горестію, что никакъ не могу утверждать: я вспомнилъ его имя. По крайней мѣрѣ исполняю обязанность свою и объявляю все, что можетъ хотя въ чемъ нибудь удовлетворить требованіямъ высочайше учрежденнаго комитета. Легко даже статься можетъ, что сей человѣкъ не говорилъ со мною по французски, а по русски; а что мое воображеніе уже впослѣдствіи представило мнѣ сіе послѣднее обстоятельство. Да не осудитъ меня высочайше учрежденный комитетъ за сіи противорѣчія: они должны приписаться немощи, а не злой волѣ, разстроенному воображенію, а не недостатку искренности!»

идучи къ Рылѣеву и не зная еще ни о чемъ. Онъ проѣхалъ мимо меня къ Рылѣеву же, но не былъ къ нему впущенъ. Потомъ я увидалъ его, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ мнѣ потомъ самъ сказывалъ, сорвали съ него шинель. Далѣе, встрѣтилъ я его на площади, гдѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ въ народной толпѣ ранилъ кинжаломъ нѣкотораго свитскаго офицера. Оставивъ же площадь, я въ послѣдній разъ увидѣлъ Коховскаго, не доходя Синяго моста, и сталъ его распрашивать о прочихъ, но не получилъ отъ него никакого отвѣта.

Увѣряю предъ Всевышнимъ Богомъ, который да поможетъ мнѣ въ страшный часъ смерти и да помилуетъ мою грѣшную душу, что ударъ, нанесенный вышеупомянутому офицеру имъ, Коховскимъ, есть *единственное мною видѣнное своеручное* покушеніе *на чью либо* жизнь, предпринятое лицомъ мнѣ знакомымъ.

2. Оболенскаго 14-го числа я въ первый разъ увидѣлъ на площади. Онъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ, Щепинымъ-Ростовскимъ, Бестужевымъ 3-мъ и, кажется, 2-мъ устраивалъ въ батальонъ-каре московцевъ и заставлялъ ихъ кричать: «ура Константину!» Потомъ, какъ я уже показалъ, онъ былъ назначенъ предводителемъ войскъ, находящихся въ возмущеніи. Когда же я услышалъ, что офицеры гвардейскаго экипажа просятъ преосвященнаго митрополита, чтобы убѣдилъ его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича подъѣхать къ нимъ, я, подбѣжавъ къ Оболенскому, спросилъ: съ его ли это согласія? На что онъ отвѣчалъ мнѣ: нѣтъ. Осмѣлюсь требовать, чтобъ допросили его, Оболенскаго, безъ смущенія ли мною сдѣланъ былъ этотъ вопросъ? И тогда еще за четверть, много за полчаса до пріѣзда къ намъ его императорскаго высочества, свидѣтель мнѣ Богъ, я опасался онаго; опасался, ибо видѣлъ буйство черни и московцевъ, зналъ объ ударѣ. нанесенномъ генералу Шеншину и, наконецъ, усматривалъ не безъ ужаса, между прочимъ изъ примѣра Коховскаго, какому неистовству могутъ предаться заговорщики. Но какъ было мнѣ подозрѣвать, что *меня* изберутъ на совершеніе злодѣянія, котораго и тогда и теперь и въ самую минуту, когда цѣлился, душа моя гнушалась и гнушается?

«3. *Пущина I* встрѣтилъ я рано поутру у Рылѣева, гдѣ онъ первый объявилъ мнѣ о преднамѣреваемомъ возмущеніи; у Рылѣева же засталъ я его, зашедши туда и во второй разъ

съ Одоевскимъ. На площади онъ кричалъ и заставлялъ солдатъ кричать: «ура Константину!» и находился большею частью при московцахъ. Вмѣстѣ со мною уговаривалъ онъ вышеупомянутаго (см. о Коховскомъ) свитскаго офицера удалиться; потомъ послалъ меня за Трубецкимъ и, наконецъ, какъ я уже показалъ и здѣсь принужденнымъ нахожусь повторить, вызвалъ меня ссадить изъ пистолета его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича.

«4. *Щепина-Ростовскаго* замѣтилъ я между московцами.

«5. *Одоевскаго* повстрѣчалъ я (онъ не ночевалъ дома, находясь наканунѣ во внутреннемъ караулѣ во дворцѣ) близъ адмиралтейства часу въ десятомъ въ исходѣ и воротился съ нимъ на общую квартиру, гдѣ взялъ у него одинъ изъ его пистолетовъ (былъ ли этотъ пистолетъ заряженъ или нѣтъ, я по сю пору не знаю и пусть по простому моему изложенію благоволитъ то рѣшить высочайше учрежденный комитетъ или допросить о томъ Одоевскаго); въ обоихъ пистолетахъ находился обвитый зеленымъ сукномъ шомполъ, который, сдается мнѣ, потерялъ я, когда извощикъ вывалилъ меня въ снѣгъ; далѣе, на полкѣ моего пистолета не было пороху, въ чемъ я удостовѣрился, когда, находясь внутри баталіона-каре московцевъ, вздумалъ осматривать оный; тогда же я нѣсколько разъ спускалъ курокъ, обратя пистолетъ дуломъ къ землѣ и выстрѣла не послѣдовало; бросилъ же его, идучи домой у самыхъ лѣсовъ Исаакіевской церкви, боясь, чтобы семеновцы, мимо которыхъ проходилъ, не примѣтили его въ рукахъ моихъ, потому что я тогда былъ въ одномъ фракѣ безъ шинели. Если полиція или кто-нибудь извѣстный правительству тутъ нашелъ оный, легко можно будетъ узнать, былъ ли онъ заряженъ или нѣтъ; то, что ни я, ни *при мнѣ* Одоевскій его не заряжалъ, въ томъ клянусь честью и совѣстью. Изъ дому пошли мы оба (Одоевскій и я) къ Рылѣеву; оттуда же отправился я въ гвардейскій экипажъ, а онъ намѣревался идти въ финляндскія казармы. На площади я съ нимъ снова увидѣлся. Находился онъ неотлучно при московцахъ; удалялъ чернь; не только не поощрялъ, но унималъ солдатъ, стрѣлявшихъ безъ спросу, а при ожидаемомъ на насъ нападеніи конницы увѣщевалъ ихъ мѣтить не въ людей, а лошадямъ въ морды; караульному же офицеру, который грозился велѣть выстрѣлить по насъ, обоихъ подошедшихъ слишкомъ близко къ сенатской гауптвахтѣ, онъ отвѣчалъ: Monsieur, on ne meurt qu'une fois; наконецъ, увидѣлъ я его, тѣснимый мимо его толпою бѣгу-

щихъ солдатъ гвардейскаго экипажа и замѣтилъ, какъ онъ снималъ султанъ съ своей шляпы.

«6) *Панова* полагаю видѣлъ я при приходѣ на площадь лейбъ-гренадерскаго полка.

«7) Съ *Цебриковымъ* или лучше сказать съ тѣмъ, кого считаю Цебриковымъ, встрѣтился я на крыльцѣ гвардейскаго экипажа, пришедъ туда въ первый разъ. Я не узналъ его; онъ же, назвавъ меня по фамиліи, сказалъ мнѣ: «enflammez!» (?) и уѣхалъ; во второй разъ попался онъ мнѣ у воротъ экипажа и подвезъ меня до Синяго мосту. На площади же, теперь вспомнилъ, я его точно видѣлъ. Помнится, онъ уговаривалъ Рылѣева еще разъ съѣздить въ финляндскій полкъ. Меня спрашивали при 2 допросѣ 9 февраля, что онъ со мною разговаривалъ? Помню только, что онъ бранилъ свой полкъ и что въ прочихъ рѣчахъ его я замѣтилъ какую-то смѣсь нерѣшительности и дерзости и будто бы даже раскаянія.

«Про статскаго совѣтника, о которомъ упомянулъ я, скажу, что онъ до прихода лейбгренадеровъ стоялъ довольно долго, завернувшись въ шинель близъ памятника передъ фрунтомъ московцевъ; сколько я могъ замѣтить, онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и даже не кричалъ: «ура Константину!» Видѣть же его могли, кромѣ меня, еще Пущинъ и Оболенскій; а можетъ быть, и Коховскій и Одоевскій. Былъ ли вооруженъ, не знаю, равномѣрно не знаю, когда скрылся.

«g и h) Кромѣ пистолета далъ мнѣ кто-то изъ черни палашъ жандарма, котораго удалось намъ выручить изъ рукъ ихъ: отдалъ же я палашъ сей молодому Льву Пушкину, пришедшему однако же на площадь, какъ полагаю, изъ одного ребяческаго любопытства; вскорѣ потомъ увидѣлъ я его, Пушкина, безъ палаша: куда же онъ дѣлъ его, не спросилъ и не вѣдаю».

Сказавъ это, Кюхельбекеръ спохватился, что можетъ вовлечь невиннаго своего ученика, Льва Пушкина, и брата своего геніальнаго поэта Пушкина—и вотъ отъ 31 марта 1826 г. спѣшитъ съ слѣдующимъ своимъ дополнительнымъ показаніемъ.

«Да благоволитъ высочайше учрежденный комитетъ низойти къ страданію несчастнаго, который бы желалъ по крайней мѣрѣ совѣсть свою успокоить, и да не негодуютъ на меня судіи мои, занятые дѣлами важнѣйшими, въ сравненіи съ коими, конечно, судьба частнаго человѣка ничего не значитъ; да не негодуютъ они на меня, если обращу ихъ вниманіе на молодого Льва Пушкина, пострадавшаго, мо[illegible] черезъ

мое показаніе, *что я ему отдалъ палашъ, отнятый у жандарма чернію.*

«Уже въ моихъ отвѣтахъ (отъ 17 февраля) я сказалъ, что полагаю, что онъ, Пушкинъ, пришелъ на площадь изъ одного ребяческаго любопытства и что я вскорѣ увидѣлъ его безъ палаша; но сего мало: я долженъ былъ объявить, что я этотъ палашъ далъ ему *безъ предварительнаго его требованія*, взявъ его за руку и подведши къ кн. Одоевскому, которому я при томъ сказалъ: «prenons ce jeune soldat».

«Чувствую, что настоящее признаніе весьма поздно: но свидѣтель мнѣ Богъ, что только на дняхъ я сталъ думать объ этомъ моемъ неизвинительномъ поступкѣ и что, какъ скоро усмотрѣлъ всю опасность, коей мое неполное показаніе подвергаетъ его, Пушкина, я ни на мигъ не обинулся высказать все высочайше учрежденному комитету.

«Теперь, какъ ни силюсь найти еще что-нибудь, въ чемъ бы я долженъ признаться или что бы долженъ дополнить передъ высочайше учрежденнымъ комитетомъ, ничего не нахожу. И такъ нынѣ, я надѣюсь, не стану уже скучать (sic) оному, ниже обращать его вниманіе на себя: но въ тишинѣ и молитвѣ буду ожидать отъ милосердія монаршаго рѣшенія судьбы моей».

Вопросъ 13, предложенный слѣдственной комиссіею, состоялъ въ слѣдующемъ:

«При первомъ допросѣ вы сказали, что будто бы Пущинъ вызвалъ васъ ссадить изъ пистолета его высочество Михаила Павловича и что вы прицѣливались въ его высочество по двумъ причинамъ, потому, что пистолетъ вашъ, будто бы подмокшій, не могъ стрѣлять, и потому, чтобы другой кто на это не рѣшился. Сами вы должны согласиться, что слова сіи, какъ явная несообразность, не заслуживаютъ никакой вѣры. Вамъ извѣстно, что сознаніе есть важный шагъ исправленія проступка. Скажите голосомъ чести и совѣсти, не собственное ли побужденіе устремляло руку вашу на его высочество, и не правда ли, что самъ Богъ сохранилъ священную особу его высочества отъ угрожавшей ему изъ рукъ вашихъ опасности? Объясните, съ какимъ намѣреніемъ хотѣлось вамъ нанести ударъ прежде его высочеству Михаилу Павловичу, а потомъ генералу Воинову и какую отъ совершенія удара сего могли вы ожидать пользу для цѣли своего общества. Для успокоенія совѣсти своей скажите, въ кого еще стрѣляли вы?»

На этотъ вопросъ Кюхельбекеръ отвѣчаетъ слѣдующее:

«Приступаю къ важнѣйшему для меня пункту допроса. Да поможетъ мнѣ сердцевидецъ-Богъ убѣдить судей моихъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что не хочу ихъ обманывать! Меня заклинаютъ голосомъ чести и совѣсти сказать истину: благодареніе моимъ милосерднымъ судіямъ, что они во мнѣ не отчаяваются! Нѣтъ! никогда я не былъ и не буду глухъ для голоса чести и совѣсти. Въ продолженіи моей бурной и несчастливой жизни я не разъ подвергалъ ее опасности для спасенія не того, что теперь предъ лицомъ Бога и чуждый свѣтскихъ предразсудковъ называю *честію*, но для выручки того даже, чему приличіе, суетность и тщеславіе дали сіе священное имя. Между тѣмъ, тогда представлялись мнѣ вдали и надежды и желанія и обольщенія, я еще не отчаявался въ счастіи. Теперь же чего мнѣ ждать? Чего желать? Чего надѣяться? Сверхъ того милосердный Богъ приникъ ко мнѣ своею неизсякаемою любовью; онъ услышалъ вопль сердца моего: «Господи, помози моему невѣрію!» Въ глубинѣ души моей рождается живое упованіе на другую, лучшую жизнь — и да не вниду въ нее, обремененный лжесвидѣтельствомъ! Я желалъ бы теперь взять на одного себя все бремя, которымъ тяготитъ меня обвиненіе въ покушеніи на жизнь его императорскаго высочества, но не могу; сказанное мною въ семъ случаѣ о Пущинѣ къ несчастію *истинно*, —въ моемъ же объясненіи причинъ, заставившихъ меня цѣлить въ его императорское высочество, нѣтъ противорѣчія, ни несообразности: увѣренный въ томъ, что *пистолетъ мой не стрѣляетъ*, я хотѣлъ выиграть время, хотѣлъ умышленно неловкостію обратить на себя вниманіе его императорскаго высочества (отъ коего я находился въ очень недальномъ разстояніи и могъ быть имъ замѣченъ), сперва прицѣлился не въ него, а на клики: не туда! не туда! сюда! метался изъ стороны въ сторону; все это съ тѣмъ, чтобы *другой кто съ лучшимъ оружіемъ и съ большею готовностью не заступилъ моего мѣста*. Гдѣ тутъ явная несообразность, не заслуживающая никакой вѣры, и могу ли по совѣсти въ томъ сознаться? впрочемъ въ силахъ ли я теперь отдать ясный отчетъ во всемъ томъ, что тогда во мнѣ происходило? Но живо помню, что надѣялся на осѣчку пистолета; живо помню, что меня объяла жалость, когда всмотрѣлся въ лицо великаго князя; *что, когда солдатъ отвелъ* [1]) мою руку, у меня будто камень съ сердца свалился.

[1]) Отвелъ и не болѣе; а то, съ моими тогдашними чувствами и понятіями, я теперь, вѣроятно, уже находился бы [illegible]чь Божіимъ;

И такъ безъ сомнѣнія Богъ сохранилъ священную особу его императорскаго высочества; но, если какая опасность угрожала ему изъ рукъ моихъ, то не по волѣ и не по желанію моему. Еще разъ и несмотря на всѣ наружныя противу меня доказательства, торжественно увѣряю и повторяю, что у меня не было намѣренія нанести удара ни его императорскому высочеству, ни генералу Воинову и что я не ожидалъ и не могъ ожидать никакой пользы изъ сего для общества, которому имѣлъ несчастіе принадлежать.—Для вящаго подтвержденія истины сего моего показанія:

«Во 1-хъ, приведу мое добровольное, съ перваго слова признаніе въ томъ, что я цѣлился въ его императорское высочество (на счетъ же генерала Воинова меня даже никто и не спрашивалъ, я самъ то объявилъ). Если бы въ самомъ дѣлѣ совѣсть меня упрекала въ какомъ кровожадномъ намѣреніи, ужели бы я не употребилъ никакихъ усилій, ужели бы вовсе не старался скрыть того, что съ *перваго взгляду* доказываетъ оное? И почему же теперь такъ упорно стою на томъ, что не имѣлъ сего намѣренія?

«Во 2-хъ, прошу спросить сестру мою статскую совѣтницу Глинкину; она покажетъ, что на ея вопросъ, къ кому прибѣгнуть, чтобы испросить мое и брата моего помилованіе, я ей назвалъ великаго князя Михаила Павловича; его великодушныхъ чувствъ я тогда еще не зналъ, какъ ихъ теперь знаю: и такъ пусть рѣшатъ, понадѣялся ли бы я на его императорское высочество, если бы зналъ за собою преступленіе, въ которомъ обвиняютъ меня?

«Въ 3-хъ, я точно шелъ въ Варшаву къ его императорскому высочеству цесаревичу. Между тѣмъ я зналъ его горячую братскою нѣжность къ великому князю Михаилу Павловичу: рѣшился-ли бы я на этотъ шагъ, если-бы не чувствовалъ себя чистымъ отъ всякой кровной вины? на шагъ, который только въ семъ предположеніи могъ быть для меня и для другихъ не совершенно безполезнымъ?

«Въ 4-хъ, смѣю требовать, чтобы былъ отысканъ извощикъ, везшій меня изъ гвардейскаго экипажа сперва на площадь, потомъ въ московскій полкъ и, наконецъ, назадъ въ гвардейскій экипажъ. Онъ можетъ засвидѣтельствовать справедливо-

---

никакая сила не отвлекла бы меня отъ картечнаго огня; впрочемъ, пистолетъ остался же у меня въ рукахъ и я даже не покинулъ гвардейскаго экипажа. Ужели между сими обстоятельствами и показаніемъ *побывшихъ меня* будто бы солдатъ нѣтъ никакой *несообразности*?

ли или нѣтъ мое показаніе о томъ, что онъ вывалилъ меня въ снѣгъ въ Вознесенской улицѣ близъ Синяго моста. Тогдашнія примѣты мои слѣдующія: я былъ въ круглой шляпѣ, въ новой темно-оливковаго цвѣту шинели съ бобровымъ воротникомъ и съ серебряною застежкою; нанялъ я его у воротъ гвардейскаго экипажа въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ часу и тамъ же отпустилъ; при расплатѣ же далъ ему цѣлковый. Про извощика же могу сказать, что онъ былъ среднихъ лѣтъ, бѣлокуръ, съ бородою, сани имѣлъ посредственныя сзади клещетыя, подъ темно-желтымъ лакомъ, а коверъ и лошадь были довольно дурные и старые.

«Сверхъ того, по совѣсти долженъ я объявить, что не смѣю рѣшительно утверждать, чтобы именно Пущинъ вызвалъ меня на второе убійственное покушеніе противу генерала Воинова. Оно послѣдовало непосредственно послѣ перваго и, надѣюсь, мнѣ повѣрятъ, что я отъ сего перваго не пришелъ еще въ себя; помню только, что меня взяли за руку, вывели изъ рядовъ гвардейскаго экипажа, что я слышалъ имя—*Воинова*; потомъ, сдается мнѣ, набрасывали на меня шинель, которую я механически надѣвалъ и скидывалъ и, наконецъ, бросилъ.

«Когда же я оглянулся, за мною стояли: Пущинъ, Коховскій, Одоевскій и нѣсколько мнѣ незнакомыхъ лицъ и меня кто-то изъ нихъ упрекалъ въ томъ, что я не выстрѣлилъ. Все это теперь передо мною, какъ будто бы было во снѣ: я не прежде очнулся, какъ когда услышалъ картечные выстрѣлы.

«Въ заключеніе увѣряю, что ни въ кого не стрѣлялъ 14-го числа и благодарю неизрѣченно благостнаго Бога, что Онъ меня, не взирая на безуміе, съ которымъ присталъ я къ мятежу, спасъ и избавилъ отъ смертоубійства и сохранилъ руки мои чистыми отъ всякой крови!»

На вопросъ 14-й слѣдственной комиссіи: «Когда послѣ картечныхъ выстрѣловъ толпы солдатъ гвардейскаго экипажа бросились на дворъ дома, пройдя Конногвардейскій манежъ, вы хотѣли построить солдатъ и вести ихъ на штыки, что побуждало васъ увлекать ихъ на явную гибель? Куда, съ какою мыслію и съ какими надеждами вы хотѣли вести ихъ?»— Кюхельбекеръ даетъ слѣдующее показаніе:

«На штыки хотѣлъ я повесть солдатъ гвардейскаго экипажа единственно потому, что бѣжать показалось мнѣ постыднымъ, и теперь душевно благословляю Господа за то, что они меня не послушались».

Кюхельбекеръ въ концѣ своего обширнаго показанія отъ 17 февраля 1826 года дѣлаетъ прибавленіе слѣдующаго содержанія:

«Насчетъ Пущина осмѣлюсь просить очной съ нимъ ставки: хотя въ душѣ я увѣренъ, что онъ былъ тѣмъ, кто меня вызвалъ на нанесеніе удара его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, однако же сомнѣваюсь въ всегдашнемъ благоустройствѣ моихъ умственныхъ силъ и способностей, не считаю своего внутренняго убѣжденія достаточнымъ къ его обвиненію. Пусть и его спросятъ по чести и совѣсти; ужели онъ останется глухимъ для голоса ихъ? Если онъ оправдаетъ самъ себя, да оправдаетъ его Богъ: а я ни слова не произнесу уже въ свое защищеніе! Да будетъ воля Господня!»

Отъ 27-го марта 1826 г. онъ обращается въ верховный уголовный судъ съ слѣдующимъ показаніемъ:

«Препроводивъ 17 февраля въ высочайше учрежденный комитетъ отвѣты мои на различные пункты, содержащіеся въ сдѣланномъ мнѣ допросѣ, — я въ оныхъ отвѣтахъ руководствовался совершеннымъ чистосердечіемъ и молилъ Бога, да подкрѣпитъ Онъ меня въ семъ трудномъ подвигѣ.—Во всемъ, что касалось Пущина и меня, я, сколько могъ, старался его оправдать или уменьшить вину его: свидѣтель тому Тотъ, для Кого нѣтъ тайнъ въ человѣческомъ сердцѣ! Если же я не рѣшился умолчать имя Пущина и всю тяжесть преступленія взять на себя, то во 1-хъ потому, что сія утайка была бы отступленіемъ отъ истины (а я хотѣлъ быть совершенно искреннимъ), во 2-хъ потому, что не считаю себя въ правѣ жертвовать собою, когда съ моимъ несчастнымъ бытіемъ сопряжено спокойствіе злополучной моей матери, которой жизнь и безъ того я отравилъ горестію, за что и постигло меня тяжкое, но праведное Божіе наказаніе. И теперь, испытывая совѣсть свою, не встрѣчаю въ ней ни малѣйшей укоризны на счетъ моихъ показаній, касательно главнаго пункта существующихъ противу меня обвиненій.

«Между тѣмъ въ обстоятельствѣ менѣе важномъ, принадлежащемъ до него же Пущина, я впалъ (сколько помню) въ неумышленную погрѣшность. Если не ошибаюсь, я показалъ, что Пущинъ *послалъ* меня къ Трубецкому въ домъ Лаваля: всепокорнѣйше прошу добавить, что послѣ словъ его, Пущина: «Гдѣ же Трубецкой и прочіе?»—я, увлеченный тою суетностію, которая обладала мною во все это несчастное

время, сказалъ ему, что знаю гдѣ домъ Лаваля и *самъ* вызвался сходить туда за Трубецкимъ. Пущинъ же не прежде, какъ когда увидѣлъ нерѣшимость, которая объяла меня непосредственно за опрометчивымъ моимъ вызовомъ, повелительнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Иди же!»

Вслѣдствіе выраженнаго желанія Кюхельбекера въ «прибавленіи» къ показанію 17-го февраля 1826 г. ему и Пущину была дана очная ставка 30-го марта 1826 г., потому что Пущинъ совершенно отрицалъ слова Кюхельбекера (Кюхельбекеръ ошибочно считаетъ ее 31-го марта). Вотъ документъ, относящійся до этого эпизода:

«1826 г. 30-го марта, въ присутствіи высоч. учрежд. комитета по отрицанію колл. асс. Пущина дана ему очная ставка съ колл. асс. Кюхельбекеромъ, который утвердительно показалъ, что во время происходившаго на Петровской площади 14 декабря неустройства онъ, Пущинъ, вызвалъ его ссадить изъ пистолета его высочество Михаила Павловича, въ котораго онъ и цѣлилъ, будучи увѣренъ, что пистолетъ его не могъ произвести выстрѣла, а потомъ, также по требованію Пущина и съ тою же увѣренностію, цѣлилъ и въ генерала Воинова. Пущинъ же напротивъ сего отвѣчалъ, что г. Кюхельбекеръ напрасно вышеизложенное показываетъ на него и что онъ никогда сего и въ мысляхъ не имѣлъ.

На очной ставкѣ утвердили:

Колл. асс. Кюхельбекеръ, уличая Пущина, что дѣйствительно вышепоказанное имъ сказано было г. Пущинымъ, утвердилъ сіе увѣреніями чести и клятвы, пояснивъ, что относительно Воинова онъ показанныя слова слышалъ и отъ другихъ ему неизвѣстныхъ.

Коллежскій ассесоръ
Кюхельбекеръ.

Колл. асс. Пущинъ, отрицая показаніе Кюхельбекера, утвердительно говорилъ, что сколько ни испытываетъ онъ память и совѣсть свою, но не можетъ сего взять на себя, ибо не имѣлъ о томъ и мысли.

Коллежскій ассесоръ
Пущинъ.

Ген. адъют. Левашевъ.

Въ показаніи отъ 15-го апрѣля 1825 г. Кюхельбекеръ возвращается къ инциденту съ Пущинымъ, но предпосылаетъ ему большое вступленіе, въ которомъ говоритъ:

«Не нахожу ни выраженій, ни словъ, чтобы достойно возблагодарить государя императора [illegible]ихъ, кому онъ пору-

чилъ рѣшеніе участи моей, за благодѣяніе, мнѣ оказанное: меня преступника благоволилъ высочайше учрежденный комитетъ обнадежить, что священникъ моего исповѣданія посѣтитъ меня и подкрѣпитъ меня на пути вѣры и терпѣнія, на пути, который я позналъ здѣсь въ моемъ заточеніи. «Исповѣдайтеся Господеви милости Его, и чудеса Его Сыновомъ человѣческимъ, яко насытилъ есть душу тщу и душу алчущу исполни благъ!» [1]). Къ святымъ Тайнамъ приступлю я такъ, какъ еще доселѣ не приступалъ: и Тотъ, Который испытуетъ сердца и утробы, услышитъ мою молитву за благоденствіе моего государя, непрестававшаго, и наказуя меня, быть отцомъ для меня сердобольнымъ и милостивымъ; за благоденствіе всего его августѣйшаго дома, въ особенности же высокой благодѣтельницы семейства моего, которая да проститъ мнѣ всю горькую неблагодарность мою!

«Смѣю надѣяться, что высочайше учрежденный комитетъ низойдетъ къ моей слабости; извинитъ меня, что я не воздержался отъ желанія высказать все то, что волнуетъ душу мою.—Нынѣ я себя такъ чувствую счастливымъ, что, если-бы мнѣ воспретили писать, я бы стѣнамъ сталъ разсказывать чувства свои!—Между тѣмъ да не забуду въ радости моей долга своего; да обращусь къ воспоминаніямъ горькимъ и тягостнымъ, да обращусь къ нимъ съ тѣмъ, чтобы облегчить совѣсть свою отъ послѣдняго бремени, тяготящаго ее!»

Затѣмъ обращается къ инциденту съ Пущинымъ:

«При очной ставкѣ съ товарищемъ моихъ заблужденій и злополучія—Пущинымъ (31 марта) я далъ торжественную подписку въ томъ, въ чемъ *тогда совершенно былъ увѣренъ и теперь еще совершенно увѣренъ*. При семъ упомянулъ о немощи, которою три раза въ жизни страдалъ, и осмѣлился замѣтить, что по сему самому не считаю свое свидѣтельство достаточнымъ для обличенія его, Пущина. Но я забылъ присовокупить, что и въ здоровомъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ такомъ, которое моими знакомыми и приближенными считалось здоровымъ, я до невѣроятія бывалъ разсѣянъ».

Затѣмъ онъ приводитъ изъ своей лицейской жизни два примѣра своей разсѣянности и заключаетъ свое показаніе слѣдующими словами: «Молю Бога, да сіи два разсказанные мною случая послужатъ въ пользу Пущина. Но что касается лично до меня, то я и нынѣ, ожидая страшныхъ и

[1]) Псаломъ 106, ст. 8 и 9.

святыхъ Тайнъ Господнихъ, остаюсь при моей подпискѣ, т. е. при прежнемъ мнѣніи насчетъ Пущина».

Отъ 20-го апрѣля 1826 г. онъ посылаетъ еще одно донесеніе или показаніе все о томъ же инцидентѣ, гдѣ пишетъ: «Считаю необходимо нужнымъ еще разъ наиторжественнѣйше повторить, что не смѣю и не могу обвинять Пущина ни въ чемъ въ разсужденіи генерала отъ кавалеріи Воинова и что мое показаніе касательно его, Пущина, простирается единственно на первый его вызовъ, который къ несчастію слишкомъ хорошо помню, чтобы по совѣсти могъ я отречься отъ моего насчетъ онаго показанія. Прошу Господа, да отпуститъ мнѣ тяжкое прегрѣшеніе, въ которое я впалъ, когда при первомъ мнѣ въ С.-Петербургѣ сдѣланномъ допросѣ несчастнаго моего товарища обвинилъ насчетъ генерала Воинова! Кто же меня пригласилъ къ этому второму злодѣянію, никоимъ образомъ сказать не могу, но клянусь, что я не самъ собою посягнулъ на оное. Надѣюсь, что мои милосердные судіи не найдутъ нигдѣ въ моихъ показаніяхъ *съ 17 февр.* противорѣчія этихъ двухъ злощастныхъ случаевъ. Да простятъ они мнѣ, что такъ часто говорю объ оныхъ: мнѣ бы желалось въ точности выполнить всѣ требованія моей совѣсти; въ уединеніи, въ которомъ нахожусь, она говоритъ громовымъ голосомъ и ужасно имѣть такую собесѣдницу!

«Въ свое же собственное—не оправданіе, но извиненіе скажу еще разъ: по истинѣ сердце мое чуждо было обоихъ сихъ ужасныхъ предпріятій. Богъ ослѣпилъ меня тогда за грѣхи мои; но Онъ—Богъ кающихся; Онъ видѣлъ слезы мои; въ рукѣ Его сердце царево».

Инцидентъ съ стрѣльбою въ генерала Воинова и великаго князя Михаила Павловича принялъ въ глазахъ судей размѣры чего то необычайнаго, хотя великій князь, нужно сказать, не придавалъ большого значенія этому эпизоду, который былъ, собственно говоря, только мнимымъ покушеніемъ. Гречъ, въ своихъ запискахъ, видитъ въ этомъ покушеніи особую неблагодарность Кюхельбекера къ великому князю Михаилу Павловичу, «которому былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ: онъ былъ его пансіонеромъ, до вступленія въ лицей» (стр. 385). По словамъ же родственниковъ Кюхельбекера—сына его Михаила Вильгельмовича, дочери его—Юстины Вильгельмовны, въ замужествѣ Коссовой и племянницы его Александры Григорьевны Глинка,—Кюхельбекеръ въ лицеѣ былъ пансіонеромъ *своекоштнымъ*, а не великаго князя Михаила Павловича,

которому въ то время было только тринадцать лѣтъ. (Русск. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 336). Безпристрастіе однако требуетъ замѣтить, что Гречъ вовсе и не говоритъ, чтобы Кюхельбекеръ воспитывался на счетъ Михаила Павловича, онъ говоритъ только, что Кюхельбекеръ «до вступленія въ лицей» былъ его пенсіонеромъ, а это могло быть и въ пансіонѣ г. Верро, гдѣ онъ воспитывался съ 1808 по 1811 г., чего родственники не опровергли. Вообще сообщенія родственниковъ грѣшатъ многими ошибками и невѣрностями. Но будемъ имъ благодарны и за то, что они дали, ибо теперешніе потомки Кюхельбекера отказали мнѣ даже въ сообщеніи какихъ либо свѣдѣній о ихъ дѣдѣ и тестѣ! Что же касается того, что 13-лѣтній великій князь платилъ за обученіе мальчика въ школѣ, то я не вижу въ этомъ ничего невозможнаго, къ тому же шуринъ Кюхельбекера г. Глинка былъ «кавалеромъ», т. е. воспитателемъ или дядькою у великихъ князей Николая и Михаила, а мать и отецъ были приближенными къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Отчего бы имъ не выхлопотать для Вильгельма субсидіи даже отъ 13-лѣтняго великаго князя!

Какъ бы тамъ ни было, но великій князь не придавалъ никакого значенія покушенію на свою жизнь отсырѣвшимъ пистолетомъ и даже впослѣдствіи оказывалъ помощь Кюхельбекеру.

Но не такъ смотрѣли судьи. Были найдены три свидѣтеля—матроса, которые показали слѣдующее:

«*Показаніе матроса гв. эк. Софрона Дорофѣева* (13 мая 1826 г.). Когда его высочество подъѣхалъ къ гвард. эк., то сзади фаса каре, въ которомъ я стоялъ, я услышалъ кѣмъ-то произнесенныя слѣдующія слова: «Есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ?»—Есть довольно, отвѣчалъ другой.—Ну такъ мѣть въ этотъ черный султанъ, этотъ самый и есть вел. князь».—Я сейчасъ обернулся и ударилъ по рукѣ Кюхельбекера, который цѣлилъ въ его выс—во; пистолетъ у него выпалъ, но онъ схватилъ, не допустивъ упасть на землю; съ нимъ были двое военныхъ, одинъ въ конно-гвардейской шинели, и при воротникѣ съ красною петлицею и зеленою пуговицею, и въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, но султанъ онъ снялъ и спряталъ подъ шинель; другой былъ финляндскій офицеръ, похожій на служащаго въ гвардейскомъ экипажѣ Цебрикова; оружія у нихъ я не видалъ. Когда я вышибъ пистолетъ у Кюхельбекера, конно-гвардейскій офицеръ сказалъ:

«Погоди маленечко, скорѣе дѣло кончимъ». Товарищи мои ихъ отогнали.—Когда подъѣхалъ ген. Воиновъ, тѣ же самые — Кюхельбекеръ и финл. и конно-гвард. офицеры вышли впередъ, Кюхельбекеръ прицѣлился въ генерала и спустилъ курокъ, съ полки была вспышка, но пистолетъ не выпалилъ; послѣ того онъ опять насыпалъ пороху на полку, и опять прицѣлился, но пистолетъ тоже не выпалилъ, хотя онъ курокъ спустилъ. Послѣ сего я не знаю, куда они дѣлись. Кюхельбекера я знаю лично потому, что онъ бывалъ у брата своего, служащаго въ гвард. экипажѣ.

«*Показаніе матроса Матвѣя Федорова.* Кюхельбекеръ (котораго я знаю лично, ибо онъ братъ нашего офицера Кюхельбекера), подошедъ къ нашему фасу сзади, спрашивалъ у бывшаго съ нимъ офицера съ бѣлымъ султаномъ и финляндскаго полка Цебрикова (котораго я тоже лично знаю, ибо онъ братъ нашего офицера Цебрикова): «Который великій князь?» Ему отвѣчали: «Съ чернымъ султаномъ». Мы въ то время, т. е. Дорофѣевъ, Куроптевъ и я ..... [1]) съ товарищемъ и Дорофѣевъ вышибъ пистолетъ изъ рукъ Кюхельбекера, который уже въ его высочество прицѣлился; тогда одинъ изъ двухъ вышепоказанныхъ офицеровъ сказалъ: «Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ», но мы ихъ отогнали. Когда подъѣхалъ генер. Воиновъ, Кюхельбекеръ съ тѣми же двумя офицерами вышли впередъ, и Кюхельбекеръ два раза прицѣлился въ ген. Воинова, но пистолетъ его не выпалилъ, хотя съ полки была вспышка; пороху же ему насыпалъ на полку одинъ изъ бывшихъ при немъ партикулярныхъ людей, мнѣ не извѣстныхъ. Послѣ сего я не знаю, куда они дѣлись. Я же не слыхалъ, чтобы кто уговаривалъ Кюхельбекера ссадить вел. князя.

«*Показаніе матроса Алексѣя Куроптева.* Не видѣлъ и не слышалъ, чтобы кто вызывалъ Кюхельбекера и поощрялъ его стрѣлять въ вел. князя Мих. Павл. и въ г. Воинова. Когда его высочество подъѣхалъ къ гвардейск. экипажу, то сзади того фаса, къ которому онъ подъѣхалъ, подошелъ одинъ молодой человѣкъ высокаго росту, худощавый, съ пистолетомъ въ рукѣ (Кюхельбекеръ); съ нимъ было еще человѣкъ до пяти въ партикулярныхъ платьяхъ и одинъ молодой офицеръ въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ и въ шинели съ краснымъ воротникомъ; почти всѣ они были вооружены кинжалами. Кюхельбекеръ прицѣлился въ вел. князя, и въ ту-же минуту

[1]) Слово не разобрано.

матросъ Софронъ Дорофѣевъ вышибъ у него пистолетъ, а я и Алексѣй Федоровъ отогнали его прочь къ московскимъ; бывшіе съ Кюхельбекеромъ подняли его пистолетъ, а мы трое ихъ тоже отогнали; молодой-же офицеръ съ бѣлымъ султаномъ, когда вышибли у Кюхельбекера пистолетъ, сказалъ намъ: «Ребята, скорѣе бы дѣло кончали».

«Когда подъѣхалъ ген. Воиновъ, тѣ же самые люди вышли впередъ и Кюхельбекеръ прицѣлился въ ген. Воинова и спустилъ курокъ, съ полки была вспышка, но пистолетъ не выпалилъ, бывшіе около его вышепомянутые люди тотчасъ насыпали ему пороху на полку; гвардейскій же экипажъ закричалъ генералу, чтобы онъ уѣхалъ; послѣ сего я уже не знаю, куда дѣлся Кюхельбекеръ».

Показанія матросовъ вызвали со стороны суда бумагу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ слѣдующаго содержанія:

„1826 г., 15 мая, отъ высоч. учр. комитета, г. колл. ассесору *Кюхельбекеру* вопросный пунктъ:

„Матросы гвардейскаго экипажа Дорофѣевъ, Федоровъ и Куроптевъ, которые лично васъ знаютъ, показываютъ, что во время происходившаго на Сенатской площади неустройства вы, подойдя къ ихъ фасу сзади, спрашивали у поручика финляндскаго полка *Цебрикова* [1]) и у *другого офицера* въ шинели и съ бѣлымъ султаномъ: «*который великій князь?*» — Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ вамъ: «*съ черными султаномъ; есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ?*» — «*Есть довольно*», отвѣчалъ другой; «*ну, такъ мѣтъ въ этотъ черный султанъ; это и есть великій князь*». Вы прицѣлились въ его высочество; но Дорофѣевъ ударилъ васъ по рукѣ; пистолетъ выпалъ у васъ, но вы ухватили его, не допустивъ упасть на землю. Послѣ сего одинъ изъ означенныхъ двухъ офицеровъ сказалъ: «*Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ*». Но матросы отогнали всѣхъ васъ.

„Когда подъѣхалъ генералъ Воиновъ, то вы съ Цебриковымъ и тѣмъ же (по показанію одного матроса) конногвардейскимъ офицеромъ вышли впередъ. Вы прицѣлились въ ген. Воинова, спустили курокъ, съ полки вспыхнуло; вы снова прицѣлились и опять не было выстрѣла; тогда нѣкто, бывшій при васъ, въ партикулярномъ платьѣ, насыпалъ вамъ пороху на полку пистолета.

---

[1]) Подчеркнуто кѣмъ либо изъ судей.

„Въ семъ случаѣ спрошенный *Цебриковъ* отвѣчаетъ, 1) что онъ не видѣлъ, когда вы прицѣливались въ великаго князя и когда матросъ вышибъ у васъ пистолетъ, и не произносилъ означенныхъ словъ; 2), что онъ видѣлъ, когда вы спрашивали: «*который Воиновъ?*» Отвѣчалъ вамъ офицеръ въ шляпѣ, съ бѣлымъ султаномъ, одинъ изъ статскихъ въ бекешѣ и въ круглой шляпѣ и нѣкоторые изъ толпы: «*Въ генеральскомъ мундирѣ и съ бѣлымъ султаномъ*». 3) Что онъ (Цебриковъ) увидѣлъ въ рукахъ вашихъ пистолетъ, поспѣшилъ пройти толпу и слышалъ слова: «*Погодите, братцы, мы скорое дѣло кончимъ*». Слова сіи были сказаны тѣмъ же статскимъ въ бекешѣ; онъ довольно высокаго роста, плотный изъ себя и лицомъ бѣловатъ. Онъ, Цебриковъ, замѣтилъ, что сей человѣкъ говорилъ вамъ это, какъ знакомому человѣку.

„Противу сего комитетъ требуетъ истиннаго показанія вашего въ томъ:

a) Справедливо-ли вышеизложенное показаніе матросовъ?

b) Кто именно былъ означенный офицеръ: Одоевскій, или кто другой?

c) Кто произнесъ означенныя слова: „Погодите, братцы“ и проч. Цебриковъ-ли или другой офицеръ, или же статскій въ бекешѣ, и кто онъ именно?

e) При какомъ случаѣ были сказаны показанныя слова: тогда-ли, когда вы прицѣливались въ великаго князя, или тогда, когда мѣтили въ генерала Воинова?

f) Кто и когда насыпалъ вамъ порохъ на полку?»

На эти вопросы Кюхельбекеръ отвѣчаетъ пространнымъ показаніемъ отъ 16-го мая 1826 года:

1) „Справедливо-ли показаніе матросовъ?“ [1]).

a) Не помню, но не оспариваю, что я, можетъ быть, спрашивалъ: „Который великій князь“? Ибо точно не зналъ въ лицо его императорскаго высочества. — У кого же могъ о томъ спрашивать, по чести увѣряю, что не помню. — По чести и совѣсти увѣряю, что я словъ: „Есть-ли у тебя довольно пороху на полкѣ“ и отвѣта на оныя вовсе не слыхалъ; однако же слово: *черный султанъ* исключаю! Мнѣ помнится, что кто-то мнѣ говорилъ, что в. к. съ чернымъ султаномъ.

---

[1]) NB. Несправедливость показанія матросовъ на счетъ означенныхъ ими офицеровъ явствуетъ еще изъ того, что изъ всѣхъ военныхъ бывшихъ на площади 14 декабря, кромѣ Николая Бестужева, брата моего и Одоевскаго, никто не могъ мнѣ говорить: *ты*. А я ни одного изъ нихъ тутъ не помню.

b) Меня никто изъ матросовъ не ударилъ по рукѣ, но одинъ изъ нихъ рукою коснулся ствола пистолетнаго и покачалъ головою; пистолетъ не выпадалъ у меня изъ руки, я остался въ рядахъ гвардейскаго экипажа; но сталъ взводить ниже (и то не скажу навѣрно; быть можетъ, я и остался на своемъ мѣстѣ.)—Не слыхалъ я ни одного слова ни отъ кого изъ матросовъ, которое бы могло бы меня заставить думать, что они хотятъ отогнать—меня ли, или другого кого.—Помню еще, что другой матросъ также покачалъ головою, тронувши меня за локоть руки: этого второго матроса я бы могъ узнать въ лицо. Въ первомъ моемъ показаніи я сказалъ, что пистолетъ *отвели* даже слишкомъ сильно; тотъ и другой матросы съ большою робостію изъявили свое несогласіе и, если бы я точно имѣлъ убійственное намѣреніе, ихъ едва примѣтное сопротивленіе никакъ не могло мнѣ воспрепятствовать въ томъ. Клянусь, совѣстію и честью, что такъ все происходило, а не иначе. Прошу очной ставки съ матросами. — Прощаю несчастнымъ матросамъ, что они хотятъ на мой счетъ выслужиться; да проститъ имъ и Богъ!—Именъ ихъ я не знаю: но легко статься можетъ, что они меня знаютъ: я живалъ въ гвардейскомъ экипажѣ.

c) Цебрикова я вовсе не помню ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ. Я прицѣлился въ генерала Воинова; но съ полки не вспыхнуло; я прицѣлился только разъ, а не два. Никто мнѣ не насыпалъ пороху на полку пистолета. Клянусь честію и совѣстію, что все было такъ, а не иначе.

2) Кто именно былъ означенный офицеръ: Одоевскій-ли или кто другой? Я Одоевскаго, Коховскаго, Пущина, Бестужева 4 (адъютанта вице-адмирала Моллера) и одного свитскаго или инженернаго офицера (средняго росту, бѣлокураго, полагаю, что это Корниловичъ), помню при несчастномъ случаѣ съ генераломъ Воиновымъ: но никакъ не могу сказать, какое кто въ ономъ принималъ участіе, что я уже сказалъ на счетъ Пущина при очной съ нимъ ставкѣ.—При первомъ же случаѣ съ великимъ княземъ помню въ лицо *одного* Пущина; были и другіе, но кто? не знаю. — Именно слова: не тамъ! тамъ! были произнесены, кажется, не Пущинымъ.

3) Кто указывалъ мнѣ великаго князя и проч.?

Я къ пункту 1-му приписалъ, что помню слова: *черный султанъ*; но словъ: *мнѣ въ него*,—не помню. Пущинъ мнѣ сказалъ: Voulez vous descendre *Michel* (не называя его императорское Высочества: *Grand Duc;* эту подробность я опустилъ въ

моемъ первомъ показаніи).— Вотъ все, въ чемъ я по совѣсти могу свидѣтельствовать; слова же сіи были произнесены Пущинымъ по-французски, вполголоса и не могли быть слышаны матросами.

„На счетъ Одоевскаго замѣчу, что онъ не былъ въ шинели, а просто въ сюртукѣ.

„4) Словъ: *Погодите, братцы*, и проч., я вовсе не слыхалъ, клянусь честію и совѣстію! Примѣты, означенныя Цебриковымъ, сходствуютъ съ Пущинымъ; но Пущинъ не былъ въ бекешѣ, а въ шинели.

„5) Я уже сказалъ, что никто не насыпалъ мнѣ пороху на полку.

„6) Слова на счетъ генерала Воинова: „Въ генеральскомъ мундирѣ и съ бѣлымъ султаномъ“—помню; но не знаю, кѣмъ были произнесены.

„Въ заключеніе скажу и повторю, что послѣ несчастнаго вызова Пущина я до того потерялся, что многое могло происходить вокругъ меня не замѣченное мною. Повторяю, что я очнулся не прежде, какъ когда услышалъ картечные выстрѣлы.

NB. Это мое безпамятство не пустая отговорка: любой изъ моихъ знакомыхъ, я бы желалъ сказать, *враговъ*, можетъ засвидѣтельствовать, что это могло быть.—Не скрываю, что мнѣ бы больно было назвать Одоевскаго, если бы я его помнилъ при случаѣ съ великимъ княземъ; но, назвавъ Пущина, съ которымъ я 15 лѣтъ знакомъ, съ кѣмъ я выросъ, съ кѣмъ я всегда былъ пріятелемъ, я бы назвалъ и Одоевскаго.

Какая бы меня ни ожидала участь, свидѣтель мнѣ Богъ, что не могу дать другого показанія, кромѣ даннаго мною здѣсь, ни въ чемъ важномъ не разнствующаго съ моимъ показаніемъ отъ 17 февраля. „Да поможетъ мнѣ Богъ! — 16 маія, 1826. Колл. асс. Кюхельбекеръ.“

Не довольствуясь этимъ, онъ на другой день 17-го мая 1826 г. спѣшитъ съ новымъ показаніемъ, въ которомъ говоритъ:

„При вызовѣ, сдѣланномъ мнѣ на счетъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича я помню одного только Пущина въ лицо [1]) помню взглядъ его при томъ (смущенный и нѣсколько [illegible]), помню точныя слова его (Voulez-vous faire descendre Michel), помню звукъ его голоса (невѣрный и [illegible]), помню мѣсто,

[1]) Были и другіе, но кто? не знаю.

гдѣ этотъ несчастный вызовъ былъ мнѣ сдѣланъ (въ срединѣ проулка, находившагося между каре московцевъ и каре гвардейскаго экипажа); вотъ почему при допросахъ я показалъ и утверждалъ, что этотъ вызовъ былъ мнѣ сдѣланъ Пущинымъ.— Здѣсь еще разъ торжественно повторяю сіе мое показаніе. Но при томъ прошу вторичной очной съ нимъ ставки; прошу, чтобъ при оной былъ и Одоевскій; прошу, чтобъ эта бумага имъ обоимъ прочтена была. Если мои судіи во мнѣ предполагаютъ довольно черную душу, чтобы я могъ *умышленно взводить на Пущина небывалое*, то Одоевскій изобличитъ меня. Онъ не захочетъ, чтобъ за его, Одоевскаго, вину пострадалъ другой, невинный: повторяю, что *съ его* стороны высочайше учрежденный комитетъ не можетъ опасаться въ семъ случаѣ никакой утайки; сей злополучный юноша скорѣе собою пожертвуетъ другому, чѣмъ спасется гибелью невиннаго.

„Такъ! откровенно скажу: если бы я помнилъ Одоевскаго въ семъ случаѣ, я бы старался его спасти; но я не вовсе лишенъ великодушныхъ чувствъ, я бы пожертвовалъ собою; я бы сказалъ, что безъ всякаго посторонняго вызова самъ собою я посягнулъ на жизнь великаго князя. Къ чему бы мнѣ обвинять безъ *всякой* для себя пользы, безъ всякой пользы для Одоевскаго—невиннаго? Къ чему бы мнѣ теперь просить очной ставки, которая, если Одоевскій виноватъ, непремѣнно погубитъ его? Но я увѣренъ, что *онъ точно въ семъ случаѣ совершенно чистъ*. Къ чему бы, спрашиваю, скрывать мнѣ имя Цебрикова? Человѣка, мнѣ едва знакомаго? Одоевскаго я бы предпочелъ Пущину, но не Цебрикова.

„Если же, несмотря на мою твердую увѣренность въ невинности Одоевскаго и Цебрикова и виновности Пущина, окажется, что Пущинъ правъ, а они виноваты, да броситъ на меня камень первый тотъ, кто въ сердцѣ своемъ можетъ сказать: „я въ моихъ показаніяхъ былъ бы осторожнѣе и совѣстливѣе!“ Пусть тогда осудитъ меня судъ человѣческій; есть другой судъ, предъ которымъ я надѣюсь въ семъ случаѣ оправдаться, судъ Бога гнѣвнаго, рука Коего на мнѣ слишкомъ тяжело отяготѣла и имя Коего страшусь употреблять всуе! Если окажется, что Пущинъ правъ, не крѣпость мое мѣсто, а домъ безумныхъ. — Коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ“.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ въ своемъ описаніи дня 14 декабря 1825 г., котораго я не касался, такъ какъ оно уже

напечатано [1]), ни словомъ не упоминаетъ о покушеніи на жизнь Михаила Павловича и генерала Воинова и хранитъ глубокое молчаніе о своемъ злосчастномъ товарищѣ Кюхельбекерѣ, упоминаетъ онъ о немъ только вскользь, говоря, что на Сенатской площади многіе изъ членовъ общества присоединились къ товарищамъ, и замѣчаетъ: „Вильгельмъ Кюхельбекеръ, издатель «Мнемозины», самый [illegible] изъ смертныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый [illegible] въ своихъ [illegible] [illegible] [illegible]" (стр. 140). Наконецъ [illegible] восшествія на престолъ императора Николая I [illegible] графъ, товарищъ Кюхельбекера [illegible] Силлою и Харибдою [illegible] Кюхельбекера, хотя и не [illegible] слѣдующее [2]:

„[illegible] Михаилъ Павловичъ [illegible] возвратиться къ [illegible] изъ [illegible] изъ [illegible] заговора [illegible] въ его [illegible] на- [illegible] царя..... [illegible] быть [illegible] матросовъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]" [3].

[illegible]

[illegible]

[illegible]

А. Бестужева, Сутгофа, Рылѣева, К. А. Пущина, кн. Одоевскаго, Малютина, Бодиско, Аляева и Глѣбова [1]).

1. *А. Бестужевъ*:—Кюхельбекеръ къ обществу не принадлежалъ до конца дѣла, думаетъ потому, что онѣ щитали его сумасброднымъ и вѣроятно К. Одоевскій принялъ ево. Ходилъ онъ тутъ съ пистолетомъ и помнитъ, что когда онъ скомандовалъ на плеча, онъ повторилъ команду, но онъ сказалъ ему, чтобъ онъ не мѣшался, что его послушаютъ, еще спросилъ онъ ево, гдѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, потому, что онъ близорукъ и худо слышитъ, и что съ нимъ сдѣлалось совершенно не знаетъ.

2. *Судгофъ*:—Такъ какъ роты въ большомъ безпорядкѣ къ нимъ подошли, то Судгофъ приказалъ имъ строится по ротно, въ сію минуту услышалъ выстрѣлъ изъ пистолета, и видѣлъ Стюрлера бѣжавшаго назадъ поддерживая свой бокъ и преслѣдуемый нѣсколькими людьми во фракахъ со шпагами и пистолетами, между коими замѣтилъ Коховскаго и Кюхельбекера, во время сего произшествія многіе люди во фракахъ подстрекали людей.

3. *Рылѣевъ*:—Членъ общества—Вильгельмъ Кюхельбекеръ принятъ въ общество имъ, Рылѣевымъ.

4. *К. А. Пущинъ*:—Члена общества—Кюхельбекера видѣлъ на площади съ пистолетомъ при войскѣ. Когда кавалерія двинулась на чернь, тогда Пущинъ принялъ команду, а переднему фасу карѣ скомандовалъ взять ружья отъ ноги, при семъ случаѣ, Кюхельбекеръ подошелъ къ нему, и совѣтовалъ, чтобъ онъ надѣлъ какой-нибудь мундиръ и командовалъ, Пущинъ, отвѣчалъ, что предложеніе ево весьма странно.

5. *К. Одоевскій*. Кюхельбекеръ былъ боленъ и занималъ сырую квартиру, по обширности ево квартирѣ предложилъ ему у себя комнату и онъ перешолъ.

И въ малое время пребыванія его у нево ни о чемъ иномъ не говорилъ, какъ только о поэзіи, и ничего не дѣлалъ, какъ только писалъ стихи.

6. *Малютинъ*:—10-го или 11-го числа былъ вечеромъ у Рылѣева часа два, въ продолженіи которыхъ пріѣжжали къ нему, Оболенскій, Одоевскій, А. Бестужевъ, Кюхельбекеръ и Пущинъ.

7. *Бодиско 2-й*:—Былъ свидѣтелемъ Бодиско 2-й когда корпусной командиръ Воиновъ уговаривалъ людей, чтобы при-

[1]) Орѳографія этихъ показаній, принадлежитъ подлинникамъ, писаннымъ писарскою рукою.

нять присягу, то вышедшій изъ толпы Кюхельбекеръ цѣлилъ ево пистолетомъ, но къ щастію кремень осекся, и онъ скрылся въ толпѣ народа.

8. *Дивовъ*:—На площади между вооруженными людьми видѣлъ Кюхельбекера, который хотѣлъ выстрѣлить въ корпуснаго командира; но къ щастью кремень осекся и онъ скрылся въ толпѣ.

— Видѣлъ какъ Кюхельбекеръ раздавалъ пистолеты и цѣлилъ въ корпуснаго командира.

— Однажды пріѣхали изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ, Рылѣевъ, Бестужевъ 2-й, Одоевскій, Кюхельбекеръ 1-й, Заволишинъ и отставной гусаръ Оржицкій, приглашены были къ Кюхельбекеру 2-му обѣдать, но такъ какъ до ихъ ухода былъ тутъ же К. Л. Козинъ, то сіе можетъ быть удержало противъ правительства разговора, и послѣ обѣда осматривали гавань.

9. *Аляевъ*:—Видѣлъ какъ осекся у нево, Кюхельбекера, пистолетъ противъ генерала Воинова и онъ ушелъ.

10. *Глѣбовъ*:—Коховскій и Кюхельбекеръ кричали ура Константину Павловичу.

Наконецъ, отъ 1-го іюля 1826 г. Кюхельбекеръ пишетъ свое послѣднее показаніе, состоящее въ слѣдующемъ:

«Въ продолженіи всего времени, въ которое нахожусь подъ слѣдствіемъ, я старался во 1-хъ чистосердечнымъ признаніемъ въ моихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ заслужить милосердіе Божіе и государево, во 2-хъ быть въ моихъ показаніяхъ по возможности точнымъ, чтобы не быть неумышленно виновникомъ несчастія другихъ. Но иногда память измѣняла мнѣ, потому то я иногда принужденнымъ находился дополнять сказанное мною. Да проститъ высочайше утвержденный комитетъ больному болѣзнь его (иначе не могу назвать безпамятства моего) и да не назовутъ этого безпамятства злою волею! Въ послѣдній, надѣюсь на Господа, разъ прибѣгаю въ семъ отношеніи снисхожденію высочайше учрежденнаго комитета. Приступаю къ дѣлу. Во 1-хъ считаю необходимымъ торжественно объявить, что братъ мой Михайло Кюхельбекеръ *никогда* не раздѣлялъ моихъ заблужденій, онъ напротивъ всегда и во всякомъ случаѣ удерживалъ меня, всегда и во всякомъ случаѣ удерживалъ находившихся подъ его начальствомъ молодыхъ офицеровъ отъ рѣчей необдуманныхъ, а, гдѣ могъ, предостерегалъ и сверстниковъ. Сему я не разъ былъ свидѣтелемъ. Знаю, что здѣсь свидѣтельство мое можетъ

показаться сомнительнымъ, ибо я братъ ему; но ссылаюсь на весь корпусъ офицеровъ гвардейскаго экипажа.

«Во 2-хъ я долженъ объявить, что я вовсе не замѣтилъ, чтобы московскій незнакомый мнѣ офицеръ, съ которымъ я говорилъ въ казармахъ (на дворѣ оныхъ) московскаго полку одобрялъ происходившаго неустройства. Скорѣе я замѣтилъ противное, ибо выслушавъ меня и постоявъ съ минуту на своемъ мѣстѣ, онъ шагнулъ впередъ и сталъ говорить съ какимъ-то, если не ошибаюсь, преображенскимъ полковникомъ. Это самое и заставило меня удалиться въ опасеніи быть задержаннымъ. Сіе мое показаніе считаю особенно потому необходимымъ, что 9 февраля, когда я разсказывалъ сей случай въ присутствіи высочайше учрежденнаго комитета, мои слова произвели, если не ошибаюсь, невыгодное для вышесказаннаго офицера впечатлѣніе.

«Въ заключеніе, ибо уже не могу надѣяться, чтобы мнѣ еще позволено было писать въ высочайше учрежденный комитетъ, осмѣлюсь снова обратить вниманіе судей моихъ на разстройство способностей душевныхъ и тѣлесныхъ нижеподписавшагося, съ тѣмъ, чтобы сіе послужило въ пользу *не мнѣ самому* (за меня самого лучшій ходатай милосердіе моего всемилостивѣйшаго государя), но тѣмъ, которые бы могли пострадать отъ показаній моихъ.

«Первое между ними мѣсто занимаетъ Иванъ Пущинъ (коллежскій ассесоръ). Тяжело лежитъ онъ на душѣ моей; сто разъ я готовъ былъ взять назадъ мое о немъ показаніе; но слова его, мѣсто, гдѣ ихъ говорилъ, лице, движеніе, съ которыми онъ говорилъ—всякій разъ оживали предо мною: я вспоминалъ мать свою и чувствовалъ, что *не смѣю собою жертвовать*. При всемъ томъ признаюсь, что я бы долженъ былъ прежде, чѣмъ въ первый разъ назвалъ несчастнаго Пущина, вспомнить, какъ часто меня ослѣпляло мое воображеніе. Но меня спрашивалъ *на второй день* по моемъ пріѣздѣ въ С.-Петербургъ мой государь, котораго несказанную милость и здѣсь каждый день познаю опытомъ и благословляю! Онъ различитъ безумца отъ злодѣя, клеветника отъ того, который первый самъ обманутъ (если только въ семъ случаѣ обманутъ?). Итакъ не могу взять назадъ моего показанія на счетъ Пущина; я точно увѣренъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ тотъ несчастный вызовъ, въ которомъ я его обвинилъ: но что значитъ *моя* увѣренность?

«Совѣсть мнѣ свидѣтельствуетъ, что я руководствовался

въ продолженіи всего времени, какъ нахожусь подъ судомъ, чистосердечіемъ; не раскаяваюсь въ ономъ, Господь ввѣрилъ судьбу мою государю милосердому.

Сего 1-аго іюля 1826 г. Кол. асс. Кюхельбекеръ».

Дѣти Кюхельбекера (сынъ и дочь), въ особенности много поработавшіе, какъ я уже сказалъ, для славы своего отца, сообщаютъ, что «14-го мая 1826 г. дана была очная ставка ихъ отцу съ Коховскимъ, застрѣлившимъ Милорадовича...» [1])

Хотя объ этой очной ставкѣ въ дѣлѣ о Кюхельбекерѣ ничего не говорится, но дѣти взяли этотъ фактъ изъ «Дневника» Кюхельбекера, гдѣ подъ «12-го мая 1840 г.» записано: «Сегодня ровно 14 лѣтъ моей очной ставкѣ съ К. (Коховскимъ?)—Чудный видѣлъ я сегодня поутру сонъ: будто я въ какой-то землѣ, гдѣ Рылѣевъ и Коховскій; въ добавокъ Р. будто тутъ живъ, а между тѣмъ мнѣ разсказали его смерть: онъ, говорили мнѣ, когда объявили ему его жребій, попросилъ надѣть бѣлую рубашку, и потомъ простился съ женою, дочерью въ какой-то комнатѣ, и съ тестемъ на дворѣ, куда старика привели въ кандалахъ. Дочь, при прощаньѣ, онъ взялъ на руки и сталъ поднимать все выше, выше до потолка, покуда ребенокъ не закричалъ. Спрашивалъ я: почему же и Коховскій не надѣлъ бѣлой рубашки? Ему позволили бы, и былъ отвѣтъ: «Да онъ объ этомъ не просилъ». — Тутъ мой (сынъ) Миша проснулся и разбудилъ и меня» (Рус. Стар. 1891 г., т. LXXII, октябрь, стр. 73).

Сильно же было впечатлѣніе, оставленное судомъ и очными ставками, если оно приснилось ему черезъ 14 лѣтъ.

Если въ дѣлѣ о Кюхельбекерѣ ничего нѣтъ объ этой очной ставкѣ, то изъ другихъ источниковъ оказывается, что дѣйствительно таковая была ему дана и вотъ что оказалось:

«1826 года 10 мая, въ присутствіи высочайше учрежденнаго комитета, по отрицанію поручика *Каховскаго* [2]) дана ему очная ставка съ коллежскимъ ассессоромъ *Кюхельбекеромъ*, который между прочимъ утвердительно показалъ, что въ день происшествія на Петровской площади, *онъ* былъ свидѣтелемъ, какъ *Каховскій* въ народной толпѣ ранилъ кинжаломъ нѣкотораго свитскаго офицера, и что ударъ сей, нанесенный *Каховскимъ*, есть единственное, имъ Кюхельбекеромъ видѣнное своеручное покушеніе на чью либо жизнь, предпринятое ли-

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 349.
[2]) Слѣдуетъ Коховскій.

цомъ ему знакомымъ.—Противу сего Каховскій говоритъ, что не ранилъ никакого офицера.

«На сей очной ставкѣ коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ подтвердилъ свое показаніе, объясняя, что видѣлъ Каховскаго, который, стоя позади свитскаго офицера, замахнулся на него сзади кинжаломъ, офицеръ упалъ, и черезъ минуту Кюхельбекеръ увидѣлъ на головѣ возлѣ уха у него кровь. Въ это время стояли возлѣ кн. Оболенскій и кол. ассесоръ Пущинъ, который уговаривалъ сего свитскаго офицера итти съ площади домой.

«Поручикъ-же Каховскій—остался при своемъ показаніи.

«Подписалъ: ген. адъют. Бенкендорфъ.

Вслѣдствіе указанія Кюхельбекера на Оболенскаго и Пущина—ихъ спросили и вотъ ихъ отвѣты:

Князь Оболенскій отрицаетъ также все показанное Кюхельбекеромъ, но припоминаетъ, что одинъ свитскій штабъ-офицеръ въ бѣлыхъ панталонахъ начиналъ что-то говорить, но народъ окружилъ его и началъ срывать съ него шинель и эполеты. Когда Оболенскій подошелъ къ толпѣ, то увидѣлъ, что Пущинъ уговариваетъ толпу, тутъ былъ Кюхельбекеръ и Каховскій. Когда толпу удалось усмирить, то офицеръ ушелъ. Другой же свитскій оберъ-офицеръ стоялъ часъ или два на площади, не говоря ни слова; куда онъ дѣлся,—ему, Оболенскому, неизвѣстно (10 мая 1826 г.).

10 мая 1826 г. Пущинъ показалъ слѣдующее: «14 декабря, я видѣлъ толпою влекомаго свитскаго офицера безъ шляпы и мнѣ неизвѣстнаго, у котораго на лицѣ была кровь. Когда я подошелъ къ нему и распрашивалъ у бывшихъ около, «что это значитъ», то мнѣ отвѣчали многія незнакомыя мнѣ лица, что это шпіонъ и вели его въ каре. При семъ случаѣ я совѣтывалъ или его оставить и (или) просить его удалиться съ площади. Вотъ все, что я о семъ происшествіи знаю и что изустно объявилъ въ присутствіи комитета, когда былъ въ первый разъ въ оной призванъ 25 декабря. По чистой совѣсти объявляю, что не видалъ, кѣмъ былъ ему нанесенъ ударъ, и не знаю, упалъ-ли онъ отъ онаго. Къ сему показанію коллежскій асессоръ Пущинъ руку приложилъ.» Скрѣпилъ ген. адъют. Бенкендорфъ.

Возникаетъ невольно вопросъ: насколько былъ виновенъ Кюхельбекеръ?

Кюхельбекеръ присутствовалъ въ каре на Сенатской площади не сознательно, но подъ дѣйствіемъ гипноза, въ афектѣ.

Онъ расхаживалъ комически съ большимъ пистолетомъ и съ огромнымъ палашомъ, онъ игралъ, такъ сказать, навязанную ему роль театральнаго бандита, и нѣтъ мудренаго, что Пущинъ или кто другой посовѣтовалъ этой комической фигурѣ подстрѣлить кого-нибудь; онъ пошелъ бы стрѣлять, топиться или къ жерлу пушки—ему все равно, онъ не сознавалъ ничего. Какая цѣль могла быть у Кюхельбекера стрѣлять въ Михаила Павловича? Человѣкъ онъ ему былъ не чужой, его дядя былъ у него воспитателемъ, его родители вращались, хотя и въ низшихъ, но придворныхъ сферахъ, онъ самъ не только ничего не имѣлъ противъ Михаила Павловича, но даже былъ восторженнымъ его обожателемъ. Нельзя не повѣрить разсказу Кюхельбекера, столь чистосердечному, что онъ покушеніемъ своимъ съ нестрѣляющимъ пистолетомъ хотѣлъ отвратить отъ великаго князя руку дѣйствительнаго убійцы, какъ Коховскій напримѣръ. Принявъ эту версію, можно понять ту ажитацію, то безцѣльное перебѣганіе съ одной стороны каре на другое, наконецъ, ту суетливость, о которой упоминаетъ даже судъ; Кюхельбекеръ даже провозглашаетъ, за отсутствіемъ Трубецкого, диктаторомъ или калифомъ на часъ Оболенскаго, который также отсутствовалъ, онъ повторяетъ слова команды и его просятъ не мѣшаться не въ свое дѣло. Отчего не принять сумасбродную мысль—отъ сумасброднаго, впавшаго въ афектъ человѣка и можно ожидать дикихъ мыслей,—что всѣмъ своимъ поведеніемъ и даже стрѣляніемъ онъ спасалъ жизнь Михаила Павловича. О немъ онъ говоритъ слѣдующее: «Что же касается до великаго князя Михаила Павловича, я бы желалъ, чтобы Господь Богъ даровалъ мнѣ случай пожертвовать за него своею жизнію. Я любезнѣе и прекраснѣе не могу вообразить себѣ юнаго героя; слова его человѣку [1]), котораго считалъ желавшимъ его смерти: «я на васъ не въ претензіи!» во всей простотѣ своей высоки, рыцарски: такъ, воображаю, могъ говорить одинъ Ричардъ Львиное Сердце! Но повѣрь же, герой, я не хотѣлъ и не могъ хотѣть твоей смерти. Горькая необходимость и твоя собственная безопасность заставили, принудили меня взять на себя притворную, но и тутъ гнусную для меня роль Равальяка.—Боюсь прогнѣвить моихъ судей, но да низойдутъ они къ языку художника, къ языку поэта, незнающаго и неразумѣющаго той важности, которая требуется въ

[1]) Т. е. Кюхельбекеру, которому онъ эти слов

допросахъ и судилищѣ. Быть Блонделемъ [1]), спутникомъ въ жизни и пѣвцомъ Михаила Павловича, я бы счелъ величайшимъ для меня земнымъ счастіемъ, но чувствую, что увлекаюсь пустыми, нелѣпыми мечтами, оправдающими, можетъ быть, мнѣніе о помѣшательствѣ, въ коемъ полагаютъ разсудокъ мой. И мнѣ ли въ самомъ дѣлѣ преступнику, ожидающему казни и безславія, думать о славѣ и счастіи?.. [2])».

Черезъ нѣсколько строкъ, полныхъ лиризма, о своей судьбѣ, о своей поэзіи и о томъ, что останется послѣ него, онъ пишетъ: «Много я говорилъ о себѣ, а забылъ о вѣрномъ слугѣ своемъ, Семенѣ Балашевѣ [3]), не бросившемъ меня въ злополучіи. — Il se trouve à ce que j'ai entendu,— retenue à Grodno: j'ose le recommander à la bonté et la grace de son Altesse Imperial le Grand Duc Michel.—Qu'il Vous appartient, Monseigneur, recevez le, daignez le recevoir d'une main indigne et criminel; mais qui vous fait un don précieux, celui d'un serviteur fidel (оказывается, насколько я слышалъ, онъ задержанъ въ Гроднѣ; осмѣливаюсь рекомендовать его добротѣ и милосердію его императорскаго высочества великаго князя Михаила.—Пусть онъ принадлежитъ Вамъ, Ваше Высочество, примите его, удостойте принять его изъ рукъ недостойныхъ и преступныхъ, но дѣлающихъ Вамъ оченъ цѣнный подарокъ: вѣрнаго слуги). Онъ мой крѣпостный".

Михаилъ Павловичъ не только простилъ ему покушеніе на свою особу, но сдѣлался его ходатаемъ. Кюхельбекеръ, приговоренный къ смертной казни, былъ помилованъ, благодаря ходатайству великаго князя Михаила Павловича и смертная казнь была замѣнена ему пятнадцатилѣтнимъ (15 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ) заключеніемъ въ крѣпостяхъ, а по истеченіи этого

---

[1]) Блондель (Blondel) изъ Неля (Nesle), въ Пикардіи, старинный французскій авторъ пѣсенъ, жившій около конца 12 вѣка. По преданію, онъ былъ любимцемъ короля Ричарда I и спутникомъ его въ крестовомъ походѣ, предпринятомъ этимъ королемъ. Блондель спасъ короля изъ плѣна слѣдующимъ остроумнымъ образомъ: онъ сдѣлался кочующимъ пѣвцомъ и распѣвалъ пѣсенку въ городахъ и селахъ, которая была извѣстна только ему и королю. Когда въ Дюрренштейнѣ или Трифельдѣ (Trifels) король отвѣтилъ ему тою же пѣснью, то Блондель понялъ, что пропадавшій и плѣненный король, найденъ имъ. Основаніемъ преданія о Блонделѣ служитъ вновь изданная (Парижъ 1876 г.) де Вали (Wailly) реймская хроника изъ второй половины 13 столѣтія. Этимъ сюжетомъ воспользовался Гретри (Grétrys) въ своей оперѣ: «Ричардъ Львиное Сердце», изданной въ 1784 году, либрето Седена (Sédaine). Нѣтъ сомнѣнія, что опера и либрето были знакомы Кюхельбекеру. 24 сохранившихся пѣсни Блонделя изданы Трарбе: Oeuvres de Blondel. Trarbé. Reims. 1862.

[2]) Показаніе отъ 17 февраля 1826 г.

[3]) Который сопутствовалъ ему во время бѣгства изъ Петербурга до Варшавы.

срока—пожизненною ссылкою въ Сибирь. Отсидѣвъ половину этого срока къ 12 октября 1833 года (ему оставалось отсидѣть еще до 12 октября 1841 г.), Кюхельбекеръ былъ отправленъ въ декабрѣ 1835 г. въ ссылку въ Сибирь. Здѣсь не мѣсто говорить, что было бы лучше: посадить ли его въ одиночное казематное заключеніе, или сослать на каторгу, но вмѣстѣ съ остальными его товарищами по несчастію. При его отъѣздѣ въ 1835 году на поселеніе въ Забайкальскую область, великій князь Михаилъ Павловичъ прислалъ ему прекрасную медвѣжью шубу, въ которой онъ и совершалъ многія тысячи верстъ пути отъ Свеаборга до Баргузина [1]).

Въ заключеніе приведемъ слова товарища Кюхельбекера, Дельвига, изъ письма его къ Пушкину, весьма характерныя и живо рисующія несчастнаго Кюхельбекера: „Нашъ сумасшедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ такъ, какъ должно было ожидать всѣмъ, знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы вѣрно кому нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михаилъ Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ. *Какъ отъ сумасшедшаго, отъ него можно всего ожидать; какъ отъ злодѣя—ничего* [2])».

Н. Гастфрейндъ.

---

[1]) Рус. Стар. 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 352.

[2]) Курсивъ нашъ. Письмо барона А. А. Дельвига къ Пушкину отъ 1826 года. Русскій Архивъ 1880 г. кн. II стр. 504.

Восточные кредиторы Карла XII.

(*Th. Westrin.* Anteckningar om Karl XII: s orientaliska kreditorer. Historisk tidskrift 1900).

I.

ъ іюлѣ 1709 года на берегу Днѣстра, въ виду Бендеръ, расположился лагеремъ еще не оправившійся отъ своей раны король Карлъ XII, сопровождаемый нѣсколькими сотнями шведовъ, послѣ бѣгства изъ Переволочны. Вблизи его расположился престарѣлый гетманъ Мазепа, который показывалъ дорогу бѣглецамъ и которому съ помощью большого количества сопровождавшихъ его казаковъ удалось не только самому спастись отъ преслѣдованія, но и спасти своихъ женщинъ и свои сундуки съ деньгами. Зато шведы, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Частію при Полтавѣ, частію при переправѣ черезъ Днѣпръ и Бугъ, частію во время похода черезъ степь люди принуждены были оставлять свои деньги, платье и др. имущество или нарочно топить его въ водѣ, чтобы оно не досталось непріятелю.

То немногое, что у того или другого оставалось въ наличности, было потеряно у Очакова, гдѣ происходила переправа черезъ рѣку Бугъ, и во время похода отъ Очакова до Бендеръ. Дорогой приходилось расплачиваться за все чистыми деньгами, и это сильно истощало кассу, несмотря на то, что бендерскій сераскиръ Юсуфъ-паша, старинный другъ шведовъ, установилъ на предметы первой необходимости, нормальныя цѣны которыя подъ строжайшимъ наказаніемъ запрещено было переступать. Расходы короля во время перехода отъ Очакова до Бендеръ тоже были не малые: пашу перваго изъ этихъ городовъ только звономъ 2.000 дукатовъ можно было заставить согласиться напереправу

шведскаго войска черезъ рѣку; кромѣ того 1.000 дукатовъ нужно было дать кіайѣ (церемоніймейстеръ) сераскира, который и привѣтствовалъ короля въ Бендеры.

Въ Бендерахъ, для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ, король приказалъ занять у разныхъ лицъ небольшую сумму денегъ, которая была раздѣлена. Однако этихъ денегъ хватило не надолго, такъ какъ той ничтожной суммы, которую каждый получилъ, едва хватало, чтобы запастись бѣльемъ, между тѣмъ большая часть шведовъ имѣли не болѣе одной рубашки, которую они носили на себѣ цѣлый мѣсяцъ. Скоро офицеры и прочіе вынуждены были опять для своего содержанія занимать деньги у турокъ, главнымъ образомъ у тѣхъ 500 янычаръ, которыхъ Юсуфъ-паша далъ королю въ качествѣ тѣлохранителей, у польскихъ, балканскихъ и итальянскихъ евреевъ, а также у греческихъ и персидскихъ (армянскихъ) купцовъ, которыхъ привлекла въ шведскій лагерь надежда на хорошій гешефтъ. Первое время можно было занимать деньги по нормальнымъ процентамъ.

Такъ какъ получить деньги изъ Швеціи было невозможно, то королю оставалось только добывать ихъ въ Турціи путемъ займа у отдѣльныхъ лицъ подъ залогъ вещей, домовыя обязательства или подъ векселя и у султана Ахмета III. Расходы состояли прежде всего въ содержаніи людей, число которыхъ мало по малу возрастало; при королѣ находились, во первыхъ, его собственныя шведскія войска и, сверхъ того, въ началѣ 1710 года къ нимъ присоединились остатки арміи короля Станислава подъ предводительствомъ гетмана Потоцкаго. Много денегъ уходило на подарки разнымъ лицамъ, которые король раздавалъ съ изумительной щедростью. Такъ, напр., когда султанъ прислалъ ему 25 лошадей, изъ которыхъ одна стоила 100.000 риксдалеровъ, онъ наградилъ шталмейстера, доставившаго ихъ, 1.000 дукатовъ и каждому изъ конюховъ далъ по 200 дукатовъ. Деньги нужны были также на содержаніе посла и посольскаго персонала въ Константинополѣ, на содержаніе курьеровъ, на взятки, на научныя экспедиціи по Востоку—Лооса, Спарре, Юлленшеппа, Энемана и пр.

Большимъ подспорьемъ въ нуждѣ являлось то, что король со времени своего прибытія въ Бендеры получалъ отъ турецкаго правительства на содержаніе своего двора таинъ, который выдавался по большей части натурой и составлялъ 1 пунгъ, т. е. 500 риксдалеровъ по курсу въ день, сумма значительная, превышающая почти вдвое ту сумму, которую Швеція ассигнуетъ ежедневно на содержаніе двора короля Оскара. Изъ лицъ, снабжавшихъ деньгами короля въ первое время, прежде всего слѣдуетъ назвать казацкаго полковника Станислава-Андрея Войнаровскаго, племянника и наслѣдника Мазепы. Еще осенью 1709 г. онъ далъ королю взаймы 13.000 дукатовъ, 21 марта 1710 г. не менѣе 30.000 д. и 11 января 1711 г. еще 14.800 д. и 14.000 далеровъ; эти послѣднія суммы были употреблены частію на взятки крымскому хану, Девлетъ-Гирею, частію на „другія неотложныя надобности“.

Но главную надежду Карлъ возлагалъ на тѣ переговоры о займѣ, которые согласно инструкціи отъ 7 марта 1710 г. велись

въ императорскомъ казначействѣ въ Константинополѣ полковникомъ Томасомъ Функомъ, главнымъ криг-комиссаромъ. 13 іюня 1710 г. король выдалъ Портѣ реверсъ на 800 пунговъ, т. е. 400.000 риксдалеровъ по курсу, съ условіемъ уплатить по немъ „лишь только дозволятъ обстоятельства“, но не ранѣе какъ въ началѣ октября сумма эта къ всеобщей радости стала получаться въ Бендерахъ. Статсъ-секретарь Кастенъ Фейфъ, кригскомиссаръ Густавъ Солданъ и комиссаръ Петръ Вигманъ 5-го октября получили приказъ, въ виду того, что раньше въ Бендерахъ не имѣлось никакого криг-комиссаріата,—„вести книгу приходовъ и расходовъ“ и принять какъ ассигнованные 400.000 риксд., такъ и другія поступающія въ кассу суммы.

Изъ занятыхъ денегъ офицеры получили извѣстную сумму въ счетъ будущаго жалованья; но эта сумма пошла главнымъ образомъ на уплату долговъ. Долги, которые превышали только что полученную сумму, были уплочены, по приказу короля, комиссаріатомъ.

Потоцкому и польскимъ войскамъ дано было 60.000 риксд.; казакамъ въ Яссахъ даны были средства выкупить свое оружіе и обзавестись платьемъ; приэтомъ у нихъ образовались кое-какіе остатки и была отложена нѣкоторая сумма для нихъ и для находящагося въ Яссахъ шведскаго войска на случай, если въ будущемъ понадобятся средства для ихъ содержанія. Въ апрѣлѣ 1711 г., говоритъ Вигманъ, 400.000 рд. были израсходованы, причемъ офицеры и остальные служащіе не получили ничего сверхъ вышеупомянутой суммы. Поэтому они вынуждены были вновь, съ разрѣшенія короля, „прибѣгнуть къ испытанной уже разъ любезности турокъ и просить, чтобы они доставляли имъ все, что необходимо для ихъ содержанія, на что они соглашались тѣмъ охотнѣе, что видѣли, какъ аккуратно съ ними расплачиваются“. Между тѣмъ время шло, а о займѣ не было ни слуху ни духу, и турки становились „скупѣе и несговорчивѣе“. При содѣйствіи короля офицеры должны были вначалѣ писать векселя на сумму вдвое и даже больше превосходившую то, что они получали, и наконецъ они могли получить едва четвертую или восьмую часть того, что занимали. Между тѣмъ офицеры перестали давать или турки принимать королевскіе векселя, если они не были предъявлены и засвидѣтельствованы въ комиссаріатѣ. Этимъ хотѣли предотвратить случаи, чтобы какой-нибудь офицеръ не бралъ въ долгъ больше суммы получаемаго имъ на службѣ жалованья.

Такъ прошло два года, пока наконецъ королю удалось заключить новый заемъ, что случилось только въ 1712 году.

До этого времени королю приходилось искать кредита всюду, гдѣ только можно было его найти, и на какихъ угодно условіяхъ. Предложенія, которыя дѣлались со стороны раззоренной и окруженной непріятелемъ Швеціи, королемъ были отвергнуты. Предложенія совѣта—обратить въ монету захваченныя на войнѣ пушки, король нашелъ и „неприличными и вредными“. Начатые было переговоры съ Ганновером относительно займа подъ залогъ Бременскаго округа совѣту приказано было пріостановить, такъ какъ кур-

фюрстъ „имѣлъ слишкомъ сильное желаніе удержать за собой этотъ залогъ"; мало того, Карлу-Густаву фонъ-Фризендорфу, посланнику при курфюрстѣ, поручено было, въ случаѣ если черезъ эту операцію деньги уже получены, возвратить ихъ, и генералъ-губернатору въ Бременъ-Верденѣ, графу Морицу Веллинку, запрещено было вступать въ какіе-либо переговоры съ Ганноверомъ насчетъ заключенія займа подъ залогъ земли,—„хотя можетъ случиться большая нужда въ деньгахъ". Государственной конторѣ сдѣланъ былъ строгій выговоръ, когда она наложила руку на находившіеся въ казначействѣ королевскіе золотые кубки и прочія золотыя вещи и размѣномъ ихъ на деньги получила 1762 дуката,—мѣра, которая, по мнѣнію короля, „лишь обнаружила нашу нищету и не принесла никакой особенной пользы". Напротивъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ король требовалъ, чтобы государственная контора заплатила по векселямъ, которые даны были въ Турціи на нее или на почт-комиссара Бартольда Хусведеля и купца Греве въ Гамбургѣ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ контора не могла выполнить этихъ требованій, иногда ей удавалось дѣйствительно посылать нѣкоторыя суммы для уплаты по гамбургскимъ векселямъ, и за это она получала благодарность отъ короля. Когда государственная контора для погашенія долга рѣшалась заключить заемъ даже до 12%, король давалъ свое соизволеніе на это, находя, что при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ процентъ въ нѣсколько лишнихъ далеровъ не составляетъ расчета.

Какъ бы то ни было, а королю приходилось искать помощи на Балканскомъ полуостровѣ. Послу въ Константинополѣ Томасу Функу, вице-капралу драбантовъ І. Эреншёльду и преданному другу короля, польскому генералъ-фельдцейхмейстеру Станиславу Понятовскому, удалось, правда по 17, 20 и 25%, достать денегъ у англійскихъ и французскихъ купцовъ въ Константинополѣ, какъ-то Дж. Кука, Давида Мажи и Г. ла-Маркъ, І. Ремюза и др. подъ векселя на вышеупомянутыхъ финансистовъ въ Гамбургѣ. Когда Хусведель не могъ погасить такихъ векселей, то король далъ ему право „дѣлать заемъ хотя за 30%, чтобы только не потерять кредита". Когда вслѣдствіе постепеннаго паденія кредита сдѣлалось трудно получать деньги въ Константинополѣ, король поручилъ Функу и Понятовскому достать 60—70 тысячъ риксдалеровъ „по какимъ угодно процентамъ".

Но тѣхъ средствъ, какія могли дать константинопольскіе купцы, далеко не хватало для нуждъ короля. Приходилось искать помощи по сосѣдству: у турокъ, евреевъ, грековъ, персовъ, арабовъ и въ окрестностяхъ Бендеръ; брали небольшими суммами, отчего, естественно, заемъ обходился дороже.

Экономическія затрудненія шведовъ усугублялись тѣми натянутыми отношеніями, граничащими съ открытой враждебностью, которыя установились между королемъ и великимъ визиремъ Балтаджи-Мухаммедомъ послѣ окончанія русско-турецкой войны 1711 года. Всѣ тѣ труды и расходы, которые шведы употребили на то, чтобы склонить турокъ къ нарушенію мира, пропали даромъ. Всѣ надежды, которыя Карлъ возлагалъ на это предпріятіе

и которыя были такъ близко къ осуществленію, рушились. Турецкій шовинизмъ былъ удовлетворенъ военными успѣхами, возвращеніемъ Азова, срытіемъ Таганрога и др. крѣпостей; но для „друга и гостя“ турокъ въ его стѣсненномъ положеніи заключеніе мира (по которому Петръ обязался не препятствовать выѣзду короля) было дѣломъ неоцѣнимой важности. Мало того: еще до начала войны король желалъ заключить въ Портѣ новый заёмъ въ 1.200 пунговъ (600.000 риксд.) для предстоящаго похода домой. Теперь это ходатайство было возобновлено въ виду крайней необходимости. „Шведы такъ страшно обнищали, писалъ англійскій резидентъ при Карлѣ Джефферсъ, что безъ денежной помощи со стороны Порты имъ шагу не ступить отъ Бендеръ“. Отказъ въ займѣ увеличилъ суровость визиря. Кредитъ палъ, и въ довершеніе всего въ августѣ 1711 года прекращена была выдача таина, которымъ пользовался король. Сама природа возстала противъ короля: Днѣстръ въ іюлѣ 1711 года вышелъ изъ береговъ, вслѣдствіе чего Карлъ долженъ былъ перенести свой лагерь въ Варницу, находившуюся неподалеку отъ Бендеръ. Здѣсь, въ ноябрѣ того же года, началъ онъ сооружать похожій на крѣпость королевскій дворецъ, знаменитый центръ калабалика, который онъ, при всей своей бѣдности, приказалъ роскошно отдѣлать. Между тѣмъ дѣла нѣсколько поправились, когда въ мартѣ 1712 г. король опять началъ получать таинъ. Вопросы о займѣ вновь были подняты королемъ между прочимъ во время разговора въ маѣ 1712 г. съ Измаиломъ-пашой въ Бендерахъ, крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ и султанскимъ капиджи-пашой (камергеромъ) Ахмедъ-агой. Въ письмѣ, привезенномъ этимъ послѣднимъ, султанъ обѣщалъ прислать деньги, лишь только въ Бендерахъ соберутся войска, назначенныя для эскорта, и король 23 іюня издалъ указъ о займѣ въ 1.200 пунговъ. Но и деньги, и войска заставляли себя ждать.

Джефферсъ 11 ноября 1712 г. сообщилъ татарскому хану, который находился въ двухъ миляхъ отъ Бендеръ и долженъ былъ прикрывать походъ Карла черезъ Польшу, что королю невозможно выступить, пока онъ не заплатитъ долговъ, которые его офицеры надѣлали у жителей. Ханъ возразилъ, что король могъ бы взять самыхъ главныхъ кредиторовъ съ собой и расплатиться съ ними по возвращеніи въ свое государство, послѣ чего они могли бы вернуться назадъ съ эскортомъ. Наконецъ въ ноябрѣ султанъ рѣшилъ дать королю, подъ условіемъ, чтобы тотъ немедленно уѣхалъ, 1,000 пунговъ (500.000 риксд.) въ дополненіе къ 100 п., взятымъ раньше въ томъ-же году, и король возобновилъ реверсъ на 1,200 пунговъ. Но еще до полученія этой суммы король просилъ 1,000 пун. Эту просьбу Карлъ возобновилъ въ письмѣ, отъ 29 декабря, причемъ напоминалъ, что полтора года тому назадъ онъ просилъ 1.200 п. и что до тѣхъ поръ онъ долженъ былъ брать въ долгъ деньги, причемъ иногда давалъ 100 риксд. за 20 и больше, чтобы содержать около 10,000 человѣкъ. Онъ категорически объявилъ, что полученными деньгами онъ не въ состояніи заплатить долговъ съ причитающимися процентами и въ то-же

время пріобрѣсти все нужное для похода, который по уговору долженъ начаться съ наступленіемъ зимы. Если же онъ получитъ 100 пунговъ и еще 1,000, то уѣдетъ тотчасъ-же. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности этихъ увѣреній. Фабрисъ разсказываетъ 5 и 15 декабря, что Гроттхусъ былъ долженъ болѣе 250,000 риксд., которые онъ взялъ въ долгъ отъ имени короля, а Понятовскій половину этой суммы, что 1,200 пун. было недостаточно для выступленія въ походъ, что для пополненія недостающей суммы необходимъ былъ новый заемъ. Кригскомиссаръ Вигманъ говоритъ, что Гроттхусъ принялъ 500,000 риксд., но изъ нихъ въ комиссаріатъ внесъ онъ только 159,000 рд., которыми сейчасъ же былъ уплаченъ долгъ туркамъ. Но для уплаты прочимъ кредиторамъ, армянамъ, грекамъ и евреямъ, денегъ не хватило, и они должны были удовольствоваться ликвидаціей, состоявшей въ томъ, что вмѣсто реверсовъ отъ отдѣльныхъ лицъ имъ выданы были таковые отъ кригскомиссаріата.

Значительная часть частныхъ долговъ осталась такимъ образомъ неуплаченной и кромѣ того не хватило денегъ на дорогу. Вскорѣ послѣ этой расплаты и ликвидаціи случился калабаликъ (1 фев. 1713 г.), вызванный отказомъ короля исполнить весьма неосновательное требованіе султана—оставить Варницу. Разныя причины заставляли короля медлить. Особенно указываютъ на незначительность обѣщаннаго эскорта и неувѣренность короля въ его надежности. Онъ часто говорилъ, что предпочитаетъ оставаться на мѣстѣ, чѣмъ брать конвой, который можетъ предать его въ руки непріятеля. Но не подлежитъ сомнѣнію, что финансовыя затрудненія были главной причиной промедленія.

Калабаликъ переполнилъ мѣру страданій несчастныхъ шведовъ. Польскіе магнаты со своими людьми и казаки во время столкновенія Карла съ турками отдали себя подъ защиту турокъ и бендерскаго паши и такимъ образомъ избѣгли участи шведовъ. Эти послѣдніе были обобраны догола турками и татарами и, кромѣ того, еще въ качествѣ военно-плѣнныхъ сдѣлались рабами своихъ побѣдителей. Къ счастію, неволя ихъ была непродолжительна. Король принялъ живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи своихъ молодцовъ. 6-го февраля, когда его, еще больного лихорадкой, везли изъ Бендеръ въ Адріанополь, окруженнаго нѣсколькими сотнями турецкихъ всадниковъ и въ сопровожденіи какой-нибудь сотни шведовъ „безъ пистолетовъ и ружей, верхомъ на какихъ-то клячахъ"—послѣднія его распоряженія касались освобожденія плѣнныхъ. Благодаря стараніямъ Фабриса, который до и послѣ калабалика помогалъ шведамъ значительными ссудами, и Джеффериса, большинство плѣнныхъ получили свободу уже на 3—4 день послѣ отъѣзда короля, нѣкоторые безъ выкупа, другіе на болѣе или менѣе льготныхъ условіяхъ.

Въ числѣ освобожденныхъ находился 60-лѣтній генералъ-лейтенантъ баронъ Аксель Спарре. Ему король передалъ главное начальство надъ тѣми 1000 шведами, которые послѣ освобожденія изъ плѣна жили „въ предмѣстьѣ Бендеръ".

На его долю выпало „имѣть попеченіе о содержаніи людей и при помощи вице-капрала драбантовъ Эреншельда изобрѣтать для того нужныя средства“,—задача тѣмъ болѣе трудная, что кредитъ былъ окончательно поколебленъ, такъ какъ евреямъ, армянамъ и грекамъ не было заплачено за тѣ ссуды, которыя они дали за два предыдущіе года. Довѣріе уменьшалось еще болѣе втеченіе тѣхъ двадцати слишкомъ мѣсяцевъ послѣ калабалика, которые шведамъ пришлось пробыть въ Бендерахъ вслѣдствіе появлявшихся отъ времени до времени слуховъ о новыхъ несогласіяхъ между королемъ и Портою, подъ вліяніемъ которыхъ кредиторы „стали думать о томъ, нельзя-ли опять обратить злополучныхъ шведовъ въ рабство“.

Правда, Порта отпускала таинъ—мясо и хлѣбъ,—но онъ былъ ничтоженъ и выдавался неаккуратно, иногда и вовсе не выдавался. Такъ какъ Спарре не могъ добыть достаточной суммы на одежду и пищу, то офицеры и нижніе чины были вынуждены каждый за себя обращаться къ туркамъ за новыми ссудами, которыя выдавались часто на чудовищныхъ условіяхъ. Между тѣмъ поиски за деньгами дѣлались тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать голодъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ королю Спарре изображаетъ подчасъ отчаянное положеніе ввѣренныхъ его попеченіямъ войскъ.

Но если Спарре со своими людьми терпѣли нужду въ Бендерахъ, то не слаще жилось и Карлу его и свитѣ въ Демотикѣ (отъ 17 март.—9 апр. 1713 и 3 ноября 1713—20 сент. 1714 г.) и Тимурташѣ (9 апр. — 3 ноября 1713 г.). Попрежнему король получалъ таинъ, и Гроттхусъ по прежнему раздавалъ направо и налѣво реверсы и векселя въ Адріанополѣ, Тимурташѣ, Демотикѣ и Константинополѣ. Но несмотря на все это, положеніе было ужасное. „У шведскаго короля, писалъ Джефферсъ 12 іюня 1713 г.: нѣтъ ни гроша и на содержаніе ему дается равно столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду“. Но король откладывалъ свой отъѣздъ по многимъ причинамъ. Онъ еще не терялъ надежды заинтересовать Порту своими планами, онъ ждалъ обѣщаннаго султаномъ сильнаго эскорта для слѣдованія черезъ Польшу, хотѣлъ до отъѣзда заплатить частные долги; кромѣ того ему представлялось еще возможнымъ заключеніе новаго займа у султана, безъ чего онъ не могъ удовлетворить своихъ кредиторовъ и двинуться въ путь.

Наконецъ, не видя никакой помощи со стороны Порты и зная, что его присутствіе необходимо въ королевствѣ, король рѣшилъ выступить въ маѣ 1714 года. Черезъ французскаго посланника въ Константинополѣ (послѣ смерти Функа, въ ноябрѣ 1713 г., въ Константинополѣ не было никакого шведскаго представителя) Карлъ вступилъ въ переговоры съ турецкими министрами относительно способа своего отъѣзда и свободнаго удаленія всѣхъ своихъ спутниковъ изъ Турціи. Затѣмъ была снаряжена блестящая делегація изъ 72 лицъ для врученія султану письма короля, въ которомъ онъ благодарилъ его за гостепріимство и прощался съ нимъ. Однако назначеніе Гроттхуса главою делегаціи показывало,

что на нее смотрѣли какъ на нѣчто болѣе важное, чѣмъ простой актъ вѣжливости. Цѣлью ея было собственно воспользоваться услугами Гроттхуса, какъ знатока турецкаго характера и притомъ вообще ловкаго человѣка, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку достать денегъ. Согласно инструкціи отъ 10 іюля, онъ долженъ былъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобъ этотъ новый заемъ былъ какъ можно болѣе значительнымъ. Надѣялись получить 2000 пунговъ. Но скоро наступило разочарованіе. Уже во время оффиціальной аудіенціи, данной Гроттхусу великимъ визиремъ Али-пашой онъ узналъ отъ рейсъ-еффенди (министра иностранныхъ дѣлъ), въ какомъ положеніи находилась страна, и понялъ, что заключеніе займа на болѣе или менѣе значительную сумму сопряжено съ немалыми затрудненіями, „такъ какъ султанъ поставилъ себѣ цѣлію постепенно увеличивать, но отнюдь не уменьшать средства страны". И первая аудіенція Гроттхуса у великаго визиря была рядомъ униженій и отказовъ. Визирь, спросивъ Гроттхуса, что требуется для выѣзда короля, т. е. не нужно-ли ему паспорта, лошадей, провіанта и фуража, но получивъ уклончивый отвѣтъ, прямо сказалъ, что слышалъ отъ рейсъ-еффенди, о желаніи шведовъ взять въ долгъ нѣкоторую сумму денегъ; что-де если они думаютъ получить ее, то сильно ошибаются, такъ-какъ его величеству уже дана большая сумма, и притомъ вопреки закону, который запрещаетъ предлагать деньги какому бы то ни было христіанскому государству". Гроттхусъ старался выпутаться изъ затрудненія, увѣряя, что хотя онъ говорилъ съ рейсъ-еффенди объ этомъ дѣлѣ, но онъ никогда не желалъ и теперь не желаетъ никакихъ денегъ, и что король приказалъ ему только просить „о доставленіи всего необходимаго для немедленнаго выѣзда короля изъ Турціи". Когда на вопросъ визиря, гдѣ король думаетъ встрѣтиться со своимъ войскомъ, Гроттхусъ указалъ на Бендеры, то визирь воспротивился этому, предлагая здѣсь попытку короля остаться тамъ и опять сдѣлать какую-нибудь безразсудную выходку. „Далѣе визирь хотѣлъ знать день отъѣзда короля, а въ заключеніе прибавилъ, что султанъ, по дружбѣ, можетъ быть, пошлетъ его величеству сколько-нибудь денегъ на дорогу". Въ тотъ же день (3 августа), когда Гротхусъ писалъ объ этой аудіенціи Мюллеру, онъ сдѣлалъ объ ней нѣсколько менѣе подробный докладъ королю, а въ письмѣ, предназначенномъ только для Мюллера, на французскомъ языкѣ, сообщалъ по секрету, что великій визирь позволилъ себѣ „des discours les plus impertinantes du monde".

Когда Карлъ прочиталъ письма Гроттхуса, какъ представленныя ему, такъ и адресованныя Мюллеру, то имъ овладѣло чувство сильнѣйшаго раздраженія: онъ схватилъ перо и далъ Гроттхусу приказъ о выступленіи въ письмѣ, стиль котораго доказываетъ, что авторъ его не былъ дипломатомъ. „Ни дня, ни недѣли мы еще не можемъ назначить, говорится въ этой бумагѣ отъ 7 августа: мы не видѣли также необходимости говорить о нашемъ отъѣздѣ отсюда; и чтобы показать, что мы не желаемъ быть въ тягость Портѣ или долѣе оставаться въ какой либо дру-

гой турецкой мѣстности, мы съ нашей свитой выйдемъ изъ Демотики, а наши остальныя войска изъ Бендеръ,—мы желаемъ, чтобы Порта впредь ни въ чемъ не утруждала себя ради дальнѣйшаго содержанія насъ и нашихъ людей или ради обезпеченія нашего похода, но требуемъ лишь одного,—чтобы султанъ издалъ повелѣніе о свободномъ пропускѣ насъ и нашей свиты черезъ турецкую границу, а также указалъ, по какой дорогѣ намъ лучше идти... Что касается денегъ на дорогу, которыя султанъ, можетъ быть, думалъ намъ предложить, то вы должны объяснить, что въ нашей странѣ не принято брать какіе-либо денежные подарки и что намъ поэтому не можетъ быть пріятно подобное предложеніе, кромѣ того этихъ денегъ было бы и недостаточно для насъ; поэтому вы не должны принимать никакихъ денежныхъ подарковъ, ни большихъ, ни малыхъ." Особенно непріятно было королю то, что визирь отнялъ у него всякую надежду на полученіе болѣе или менѣе значительной суммы отъ Порты.

По королевскому приказу Гроттхусъ просилъ визиря, чтобы въ прощальномъ письмѣ султана къ королю не упоминалось ни о какихъ дорожныхъ деньгахъ, хотя визирь и перемѣнилъ потомъ свое поведеніе и между прочимъ на обѣихъ аудіенціяхъ Гроттхуса у султана наговорилъ ему много любезныхъ вещей. Предложенная сумма, кажется, была до смѣшного ничтожна — 100 пунговъ. Зато Гроттхусъ счелъ себя обязаннымъ принять предложеніе на счетъ охраны. Король одобрилъ мѣры Гроттхуса на этотъ счетъ и согласился на предложеніе визиря назначить мѣстомъ встрѣчи Терговистъ. Дѣло о займѣ было окончательно потеряно.

Такимъ образомъ вопросъ объ отъѣздѣ былъ рѣшенъ, а шведы все еще сидѣли въ Турціи съ пустыми руками и по уши въ долгахъ. Получивъ полномочіе короля отъ 7-го августа, Гроттхусъ успѣлъ добыть въ Константинополѣ нѣсколько небольшихъ суммъ въ 2—4 тысячи рйксдалеровъ, затѣмъ 40000 рд. у англичанъ Т. и І. Кукъ и 20000 рд. у французской колоніи въ Константинополѣ. Вѣсть о предстоящемъ выѣздѣ шведовъ, естественно, вызвала большое безпокойство кредиторовъ повсюду на Балканскомъ полуостровѣ. Янычары просили удовлетворить ихъ требованія, и король отвѣчалъ, что всѣмъ магометанамъ будетъ уплачено все сполна. Но они не были довольны этими увѣреніями, вслѣдствіе чего Гроттхусу пришлось войти съ ними въ соглашеніе, что нѣкоторые изъ кредиторовъ послѣдуютъ за шведами въ Померанію и тамъ получатъ и за себя, и за другихъ.

II.

14 сентября 1714 года король отдалъ приказъ Спарре немедленно выступить къ Терговисту со всѣми своими людьми и повѣренными бендерскихъ кредиторовъ, если эти послѣдніе не пожелаютъ, чтобы деньги имъ были присланы потомъ. Долгъ казацкому атаману Орлику приказано было отнести на счетъ короля. Въ то же время съ полковникомъ Сильверьельмомъ было послано

9,400 риксд. для раздачи офицерамъ Спарре на дорогу и меньшая сумма для раздачи шведской, польской и нѣмецкой прислугѣ Коскуля, Росохацкаго и Урбановича. Лошадей, провіантъ и фуражъ турецкое правительство должно было отпускать всѣмъ королевскимъ людямъ до самой границы. Но Спарре жалуется на скупость властей, по крайней мѣрѣ въ началѣ похода.

20 сентября король выступилъ изъ Демотики. Въ Тимурташѣ его ожидали палатки, 11 лошадей въ богатой сбруѣ и осыпанная драгоцѣнными камнями сабля,—подарокъ султана. Черезъ Рущукъ и Журжево, минуя Терговистъ, король пришелъ 8 октября къ городу Питешти, гдѣ 16-го числа того же мѣсяца къ нему присоединился Спарре со своими людьми, шведами, нѣмцами, поляками и казаками. Здѣсь простояли 16 дней. Сюда же собрались и кредиторы, для которыхъ устроена была ликвидація. Векселя, выданные частными лицами, были уничтожены и взамѣнъ того даны билеты Гроттхуса, которымъ больше довѣряли. Всѣ уплаченные частные векселя были положены въ ящикъ и увезены въ Штральзундъ. Сумма всего долга туркамъ, арабамъ, армянамъ, грекамъ, евреямъ и пр. частнымъ лицамъ достигала въ это время 444984 рд., т. е. 1156958 кронъ, если считать 1 рд.=2.60 кронъ. Число довѣренныхъ кредиторовъ, которые сопровождали шведовъ, слѣдуетъ считать въ 60—70 человѣкъ. Для слѣдованія черезъ Венгрію и Германію король раздѣлилъ своихъ людей на 5 отрядовъ, изъ которыхъ каждымъ командовалъ генералъ, и въ каждомъ было по 3 меньшихъ отряда по 100 человѣкъ подъ командой полковниковъ. Кредиторы были распредѣлены по этимъ отрядамъ и должны были получать содержаніе наравнѣ со всѣми.

Деньги, занятыя въ Константинополѣ, скоро кончились, и для продолженія похода пришлось уже въ Питешти подумать о новомъ займѣ: 11 октября Ереншельдъ былъ уполномоченъ занять 100,000 рд. и ему удалось получить у начальника Семиградской области генерала Штейнвилля 50000 флориновъ и затѣмъ въ Вѣнѣ заключить заемъ въ 100000 рд. съ фонъ-Радомъ и фонъ-Хеслиномъ по 9%. Деньги нужны были не только на путевыя издержки. Нужно было вознаградить свиту, данную королю султаномъ. Мустафа-агѣ, который провожалъ короля до границы, король назначилъ 30000 рд. новыми блестящими шведскими дукатами. Когда Мустафа изъ страха передъ султаномъ и чувства деликатности предъ королемъ отказался отъ этого дара, то на другой же день получилъ королевскій приказъ о выдачѣ 7000 дукатовъ ежегодной пенсіи ему и его наслѣдникамъ.

25 октября первый отрядъ выступилъ изъ Питешти, а 26—28 числа потянулись за нимъ и остальные, всѣ подъ начальствомъ Спарре. 26-го король со свитой изъ 24 лицъ оставилъ войско. Чтобы лучше скрыть свой отъѣздъ, онъ провелъ ночь въ сельскомъ домикѣ близъ Питешти. На слѣдующій день въ 11 часовъ утра, переодѣтый, въ сопровожденіи ген.-адъютанта ф. Розена и полковника Дюринга, онъ сѣлъ на лошадь, давъ приказаніе свитѣ слѣдовать за нимъ черезъ 24 часа. Король ѣхалъ инкогнито, подъ именемъ капитана Петра Фриска. Это разстроило планъ австрій-

скаго императора, который несмотря на то, что король не просилъ его оффиціально о свободномъ пропускѣ, приказалъ подлежащимъ властямъ подобающимъ образомъ встрѣтить и проводить короля до границъ имперіи, чѣмъ возбудилъ недовольство многихъ знатныхъ лицъ, которыя понапрасну истратились на то, чтобы какъ слѣдуетъ принять высокаго гостя. Спеціально прикомандированному къ королю Begleitungskomissar'у, генералу графу Вильчеку, не удалось даже видѣть короля. Король съ Дюрингомъ проѣхали черезъ Ротентурмъ въ Семиградіи въ Германштадтъ и Мюльбахъ, откуда, пересѣвъ въ почтовую карету, продолжали путь къ Будапешту и Вѣнѣ. Изъ Вѣны они выѣхали, вѣроятно, 3 ноября и 11-го между 3—4 часами утра прибыли въ Штральзундъ. Такимъ образомъ путь отъ Вѣны, въ 168 нѣм. миль, они сдѣлали въ 8 сутокъ, что составляетъ 21 милю въ сутки—бѣшенная скачка, которая покажется еще болѣе изумительной, если принять во вниманіе трудности предшествующей части пути, позднее время года, плохое состояніе дороги и качество лошадей.

Держась болѣе восточнаго направленія, чѣмъ король, вступило въ Семиградію и шведское войско, всего 1.168 человѣкъ, съ 1.625 лошадьми, 85 собственными и 62 нанятыми въ Валахіи экипажами. По прибытіи въ Szilagy-Somlyo, въ Венгріи, по приказу короля всѣ пять отрядовъ, которые сначала шли въ разстояніи одного дня пути одинъ отъ другого, должны были соединиться въ два отряда, чтобы меньше причинять безпокойства странѣ. Шведское начальство не одобрило этого порядка. Но упомянутый выше ген. Вильчекъ, который здѣсь встрѣтилъ и затѣмъ провожалъ войско до Баваріи, настаивалъ на исполненіи королевскаго приказа. Наконецъ ген. Хорду удалось добиться разрѣшенія провести войско тремя отрядами. Пришлось сдѣлать большой крюкъ къ Токаю, чтобы дойти до Будапешта. Вблизи Вѣны шведы встрѣтили новый годъ. Императорское правительство не только въ Семиградіи, Венгріи и Австріи, но и въ Баваріи снабжало ихъ въ достаточномъ количествѣ провіантомъ и фуражомъ.

Отношеніе населенія ко всѣмъ, особенно къ офицерамъ, было самое дружественное. Но войска были худо одѣты и много терпѣли отъ дурной погоды и отъ распутицы. Въ письмахъ къ королю Спарре очень живо описываетъ ихъ жалкое состояніе, а Буренстамъ въ своемъ сочиненіи цитируетъ письмо датскаго министра въ Вѣнѣ Вейберга, который видѣлъ два шведскихъ отряда близъ Вѣны и между прочимъ пишетъ слѣдующее: „еслибъ какой-либо художникъ захотѣлъ изобразить нѣчто странное и оригинальное, то онъ не нашелъ бы лучше образца... Большая часть изъ нихъ турки, валахи, казаки, татары и поляки. Каждый одѣтъ по своему, всѣ верхами, генералы на болѣе или менѣе хорошихъ лошадяхъ, но всѣ прочіе, даже офицеры, на жалкихъ татарскихъ, казацкихъ и др. клячахъ, которые не больше крестьянскихъ лошадей въ Шелландѣ... Они ѣдутъ толпой безо всякаго порядка. Въ Венгріи къ нимъ пристали было цыгане, но австрійскія власти приказали прогнать ихъ...“

Отъ Вѣны войска шли, обходя города, черезъ Австрію и Баварію, гдѣ переправились черезъ Дунай близъ Нейштата. Тутъ вошли въ предѣлы Франконіи. Далѣе путь шелъ черезъ епископство Эйхштадское, маркграфство Аншпахъ, городъ Нюрнбергъ и епископство Вюрцбургское, причемъ переправились черезъ Майнъ у Швейнфурта и Заалу у Киссингена. Миновавъ Гессенъ, войско вступило въ Ганноверъ; здѣсь произошла задержка, потому что курфюрстъ Георгъ ни зачто не хотѣлъ пропустить всей массы шведскаго войска черезъ свои владѣнія, и лишь послѣ долгихъ переговоровъ Хорду удалось настоять на томъ, чтобы имъ дозволено было прослѣдовать черезъ Ганноверъ небольшими партіями, въ качествѣ проѣзжающихъ. Вслѣдствіе этихъ затрудненій, эта часть пути обошлась дороже, нежели весь остальной путь отъ Турціи. Между 7 и 18 марта наконецъ добрались до Штральзунда.

Кредиторы во время пребыванія въ Помераніи получали по 1 далеру въ день, причемъ имъ давалась готовая квартира. Но въ Помераніи имъ еще не было ничего заплачено, если не считать небольшой суммы въ 26.400 рд. Зато имъ пришлось вынести осаду и бомбардировку Штральзунда датско-прусскими войсками. Когда стало очевиднымъ, что спасти городъ нельзя, король приказалъ рано утромъ 11 ноября 1715 г. оставить его и моремъ отправляться въ Швецію. Но при этомъ онъ не забылъ про чужестранцевъ и не хотѣлъ предавать ихъ въ руки непріятеля. За нѣсколько часовъ до отъѣзда онъ велѣлъ полякамъ, казакамъ и мусульманамъ изъ Турціи снарядить двѣ яхты и ѣхать въ Швецію. Это путешествіе и само по себѣ довольно трудное, было особенно страшнымъ для жителей жаркаго юга. Море уже успѣло покрыться льдомъ. Подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, которымъ 10 человѣкъ было убито и нѣсколько ранено, яхтамъ пришлось катиться по льду, пока онѣ вошли въ открытое море. Здѣсь втеченіе 2—3 дней противный вѣтеръ не позволялъ имъ двигаться впередъ. Наконецъ они были замѣчены шведской эскадрой, шедшей къ Висмару, которая и доставила ихъ въ Юстадъ 29 декабря. Отсюда ихъ перевезли въ Карлсхамнъ (въ январѣ 1716 г.), гдѣ имъ пришлось пробыть болѣе 3 лѣтъ.

III.

Послѣ возвращенія Карла Швеція представляла пеструю смѣсь самыхъ разнообразныхъ націй. Въ городахъ жили тысячи плѣнныхъ русскихъ, датчанъ, поляковъ, англичанъ и голландцевъ. Страна была переполнена бѣглецами изъ Финляндіи и Прибалтійскихъ провинцій. Нѣмецкіе и польскіе офицеры служили подъ шведскими знаменами. Здѣсь жилъ, спасаясь отъ царскаго гнѣва, казацкій гетманъ Орликъ съ женой и дѣтьми и съ цѣлой толпой своихъ земляковъ. Голштинскіе министры и чиновники распоряжались финансами. Сюда съѣхались французскіе, англійскіе и итальянскіе кредиторы изъ Константинополя, сюда наконецъ самъ король притащилъ съ собой кредиторовъ въ тюрбанахъ и халатахъ,

чтобы разсчитаться съ ними за оказанную ему помощь. Здѣсь хотѣлъ на время поселиться „претендентъ“ Яковъ и здѣсь же дѣйствовали его тайный эмиссаръ и депутація отъ пиратовъ Индійскаго океана, стараясь вызвать знаменитаго героя на новые подвиги, первый безуспѣшно, вторая съ большимъ успѣхомъ. А въ Цвейбрюккенѣ у Карла сидѣлъ „свой“ король, Станиславъ Лещинскій, о которомъ тоже нужно было заботиться. И все это ждало отъ истощенной, раззоренной и голодающей Швеціи защиты, хлѣба или денегъ. И Карлъ, уповая на Бога и съ твердой вѣрой въ торжество своего дѣла, топалъ ногой, ожидая, чтобы изъ земли выросла новая армія, и въ то же время отдавалъ приказы объ оказаніи помощи просителямъ, объ уплатѣ или содержаніи кредиторамъ.

Расквартированные въ Карлсхамнѣ мусульмане не были желанными гостями. Еще 2 янв. 1716 г. адмиралтейство ходатайствовало о переселеніи ихъ изъ Блекинге въ Енкёпингъ или въ Крунубергъ, такъ какъ на ихъ содержаніе употребляли контрибуціонныя суммы, ассигнованныя для адмиралтейства. Но король не уважилъ этого ходатайства и 20 янв. повелѣлъ ландсхевдингу въ Блекинге Класу Бунде расходовать тѣ суммы, какія имѣются въ его распоряженіи, не стѣсняясь тѣмъ, что онѣ, можетъ быть, уже предназначены на что-нибудь другое. 1-го февраля начальнику Карлсхамна, Скуге, приказано было выдать 10,514 рд. съ тѣмъ, чтобы часть этой суммы была употреблена на покрытіе расходовъ, сдѣланныхъ Бунге, другая же часть на содержаніе кредиторовъ. На каждаго кредитора выходило въ день по 1 рд., но многіе изъ нихъ имѣли при себѣ женъ дѣтей и прислугу, которыхъ тоже нужно было содержать. Такъ, наприм., одинъ еврей Маркъ Бетцель долгое время получалъ содержаніе не менѣе чѣмъ на 9 душъ. Общая сумма расходовъ на содержаніе кредиторовъ составляла въ мѣсяцъ около 100 риксд. Претензіи многихъ изъ мусульманъ были столь скромны, что ихъ содержаніе втеченіе двухъ лѣтъ далеко превышало сумму долга. Секретарь Солданъ въ мартѣ 1719 года докадывалъ совѣту, что „здѣсь есть турки, которымъ выдано на содержаніе 2,000 рд., тогда какъ получить имъ слѣдуетъ всего 500 рд.“

Кредиторы кромѣ того нользовались даровыми квартирами хотя эти послѣднія не всегда были исправны, такъ что Скуге получилъ отъ короля приказъ „заботиться какъ объ ихъ квартирахъ, такъ и обо всемъ прочемъ, ибо король желаетъ, чтобы у нихъ ни въ чемъ не было недостатка“. Доказательствомъ этой заботливости короля была уплата долговъ; такъ, въ октябрѣ 1718 г., вице-директору въ Карлскронѣ, ф. Розену, было приказано уплатить мусульманамъ 1.000 рд. Деньги должны были быть распредѣлены такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ поровну, не зависимо отъ суммы долга, такъ какъ всѣ они нуждаются въ одеждѣ и др. предметахъ.

Для приведенія въ ясность всей суммы долга въ іюлѣ 1718 г. кригскомиссаромъ Шварцкоппомъ и Вигманомъ въ Карлсхамнѣ и Карлскронѣ произведена была новая ликвидація, причемъ имѣлось

въ виду лишь то, чтобы владѣльцы векселей предъявили ихъ и получили удостовѣреніе. Притомъ обнаружились разныя мошенничества. Между прочимъ былъ предъявленъ вексель на 1.500 и другой на 1.741 рд., которые первоначально были написаны на 500 и 741 рд. Реверсъ на 5.290 рд., предъявленный евреемъ Меркомъ Марковицемъ, оказался фальшивымъ, но отказать ему не рѣшились, такъ какъ онъ пользовался покровительствомъ Понятовскаго, и можно было опасаться, что при его посредствѣ король признаетъ его дѣйствительнымъ. Деньги на содержаніе по-прежнему выдавались этимъ лицамъ изъ чувства состраданія.

Всѣхъ восточныхъ кредиторовъ было около 60, изъ нихъ болѣе половины были мусульмане, затѣмъ больше всего было евреевъ. Упомянутый выше Меркъ Марковицъ присталъ къ шведской арміи въ Украйнѣ, въ качествѣ проводника, и былъ родомъ изъ Польши. Оттуда-же былъ и Маркъ Бетцель, который въ 1711 году явился въ Бендеры, сдѣлался толмачомъ у короля и 14 сент. 1714 г. въ Демотикѣ получилъ должность переводчика на жалованьѣ. Эти два еврея всегда были въ ссорѣ. Какъ толмачъ, Бетцель сдѣлался самымъ вліятельнымъ между т. наз. турецкими евреями (которые въ Турціи вошли въ сношенія со шведами) и старался получить перевѣсъ надъ Марковицемъ, который считался самымъ важнымъ между т. н. шведскими евреями (которые пришли въ Турцію со шведами). Въ Бендерахъ у нихъ завязалась настоящая битва, въ которой они дрались оружіемъ. Въ 1719 г. году Марковицъ возбудилъ въ Стокгольмѣ скандальный процессъ противъ Бетцеля, обвиняя его въ похищеніи двухъ большихъ сундуковъ съ королевскимъ серебромъ, которое онъ захватилъ во время калабалика, и затѣмъ продалъ въ Польшѣ, а также въ присвоеніи разныхъ вещей, которыя король дарилъ туркамъ и получалъ отъ нихъ. Бетцель нѣкоторое время сидѣлъ въ тюрьмѣ, но затѣмъ дѣло разъяснилось, и Марковицъ былъ присужденъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и трехдневному заключенію въ тюрьмѣ. Вскорѣ послѣ того Бетцель получилъ отставку отъ своей должности и въ началѣ 1720 г. уѣхалъ обратно, получивъ сполна всю сумму долга. Марковицу же пришлось пробыть въ Швеціи дольше, чѣмъ кому-либо изъ кредиторовъ. Его претензіи были, какъ выше сказано, довольно неопредѣленны, и для полученія денегъ онъ возбудилъ процессъ въ 1719 г.; дѣло прошло черезъ всѣ инстанціи, и лишь 2 апр. 1742 г. вышелъ королевскій вердиктъ, по которому Марковицъ получалъ половину заявленной суммы. Не задолго передъ тѣмъ онъ ослѣпъ и умеръ, имѣя отъ роду болѣе 90 лѣтъ.

Большая часть кредиторовъ умерла въ Швеціи (одинъ турокъ былъ убитъ своимъ землякомъ, одинъ еврей засѣченъ до смерти какимъ-то польскимъ ротмистромъ) въ ожиданіи ликвидаціи. Нѣкоторые не могли ждать и уѣхали домой. Нѣкоторые достигли столь преклоннаго возраста, что почти непонятно, какъ они рѣшились отправиться въ такой длинный и опасный путь. Кредиторы не жили безвыѣздно въ Блекингѣ. Бетцель и „Maître Jacques“ переѣхали въ Лундъ въ качествѣ толмачей при королѣ. Турокъ Халилъ-паша посѣщалъ библіотеку въ Лундѣ, прочиталъ

тамъ массу турецкихъ книгъ и просилъ короля подарить ему нѣкоторыя изъ нихъ. Марковицъ одно время варилъ кофе наслѣдному принцу Гессенскому. Одинъ арабъ, Хаджи-Юсуфъ, родомъ изъ Іерусалима, занимался все время приготовленіемъ палатокъ въ Лундѣ, Гётеборгѣ и Стрёмстадѣ и съ помощью семи другихъ арабовъ сдѣлалъ множество палатокъ, сѣделъ и мѣховъ для воды. Одинъ изъ этихъ арабовъ умеръ въ Швеціи, другой захотѣлъ перейти въ христіанство и учился шведскому языку у магистра Едда.

Весной 1719 года всѣ кредиторы переселились въ столицу. Одною изъ первыхъ заботъ правительства послѣ смерти Карла XII былъ вопросъ о томъ, какъ быть съ кредиторами, такъ какъ ихъ содержать было обременительно для государства. Послѣ долгихъ преній въ государственномъ совѣтѣ было постановлено, что самое лучшее поскорѣе расплатиться съ кредиторами, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, и съ этой цѣлью камеръ-коллегія получила приказъ произвести новую ликвидацію.

Положеніе кредиторовъ въ это время было самое отчаянное. Деньги на содержаніе и тѣ ничтожныя суммы, которыя имъ выдавались въ уплату долга, выходили ассигнаціями. Курсъ ихъ уже давно упалъ. Совѣтъ, не желая платить кредиторамъ изъ тѣхъ суммъ, которыя такъ были нужны для арміи и для флота, единогласно постановилъ, возвратить дѣло кредиторовъ въ секретную комиссію. Требованіе турокъ обмѣнять ассигнаціи на настоящія деньги встрѣтило яраго противника въ лицѣ члена совѣта Тессина. „Какъ можемъ мы сдѣлать это, говорилъ онъ, когда государство не можетъ оплатить ассигнацій даже шведскихъ подданныхъ?“ Солданъ въ свою очередь указывалъ на то, что если кредиторовъ лишить помощи, то они умрутъ съ голоду; они терпятъ крайнюю нужду, такъ какъ они издержались во время переѣзда изъ Карлскроны и въ Стокгольмѣ въ виду дороговизны квартиръ вошли въ долги; они говорятъ, что ихъ хотятъ держать здѣсь до тѣхъ поръ, пока они не умрутъ отъ голода, и со слезами умоляютъ отпустить ихъ домой, даже если-бы имъ пришлось дорогой просить милостыню; въ отчаяніи они протѣснились въ пріемную залу совѣта и умоляли королеву и членовъ совѣта о выдачѣ имъ настоящихъ денегъ, такъ какъ ассигнаціями они не могутъ пользоваться. Статсъ-секретарь Хёпкенъ, котораго они осаждали и дома и на улицѣ, разсказывалъ въ совѣтѣ, что въ своемъ отчаяніи они хотятъ идти къ королевѣ, положить къ ея ногамъ свои бумаги и на глазахъ ея величества лишить себя жизни. Королева въ страхѣ умоляла помочь имъ какъ-нибудь.

Между тѣмъ камеръ-коллегія произвела ликвидицію и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 8 іюня 1719 года представила результатъ ея. Вся сумма долга составляла 453.074 рд., но отсюда нужно было исключить 190.212 рд. въ виду неосновательности претензій или въ виду смерти многихъ турецкихъ кредиторовъ отъ чумы и другихъ болѣзней. Такимъ образомъ оставалось всего 262.862 рд. Изъ нихъ 54.380 рд. составляли долгъ казны, остальное—жалованье офицерамъ и гражданскимъ чинамъ. Большимъ облегченіемъ было то, что кредиторы требовали уплаты только ихъ соб-

ственнаго долга и долга ближайшимъ родственникамъ. Благодаря этому, первоначальная цифра долга понизилась до 134.747 рд. Изъ этой суммы 12 евреевъ имѣли получить 59.588, 19 турокъ 56.048 и 6 армянъ 19.110 рд. Нѣкоторые векселя были на ничтожныя суммы: 3, 2 и даже $1^1/_2$ рд. И эти-то кредиторы пять лѣтъ ждали уплаты своего долга и государство втеченіе 5 лѣтъ ихъ содержало! Однако казна не имѣла въ своемъ распоряженіи даже и этой сравнительно небольшой суммы въ 134.747 рд. Нужно было откуда-нибудь добыть ее. Риксдагъ постановилъ расплатиться съ кредиторами изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи трофеевъ (пушекъ), о чемъ уже шли переговоры съ амстердамскими купцами. Но такъ какъ турки просили отпустить ихъ поскорѣе, то совѣтъ предложилъ имъ взять эти пушки in natura и продать самимъ. Но они не соглашались на это: „мы—янычары, а не торгаши, говорили они,—и не знакомы съ этимъ дѣломъ“. Тогда совѣтъ рѣшилъ употребить на уплату долга французскую субсидію, которая собственно была предназначена на военныя операціи. Но и ею удовлетворить всѣхъ кредиторовъ было невозможно. Изъ политическихъ соображеній рѣшили удовлетворить прежде всего турокъ. Покинутые Европой въ борьбѣ съ Россіей, шведскіе государственные люди надѣялись найти поддержку у правителя невѣрныхъ.

10 и 27 ноября туркамъ и ихъ ближайшимъ родственникамъ были уплачены причитающіеся имъ 56.048 рд., а 2 декабря и остальные получили сполна свои 11.455 рд. Имъ даны были также деньги на дорогу до Карлскроны, откуда они въ началѣ 1720 г. черезъ Любекъ и Бреславль отправились въ обратный путь.

Упомянутые выше арабы, получившіе жалованье за три мѣсяца въ счетъ путевыхъ денегъ, отправились на англійскихъ судахъ въ Алжиръ, откуда разошлись по домамъ. Оставались 4 армянъ и 9 евреевъ. Со слезами на глазахъ смотрѣли они на отъѣзжающихъ турокъ и умоляли отпустить поскорѣе и ихъ. Секретная комиссія постановила, что нужно войти съ ними въ сдѣлку. При посредствѣ одного еврея удалось уговорить ихъ отказаться отъ части своихъ требованій, и наконецъ, въ апрѣлѣ 1724 г., черезъ 10 лѣтъ послѣ того какъ они покинули родину, пробилъ и для нихъ часъ свободы. Армянамъ было уплачено 17.165 рд., евреямъ 70.236 рд., тогда какъ на самомъ дѣлѣ слѣдовало уплатить 31.778 и 85.211 рд.

Такимъ образомъ были удовлетворены кредиторы, находившіеся въ Швеціи. Но скоро пришлось имѣть дѣло и съ другими. Опасенія Солдана сбылись: подстрекаемые удачей земляковъ, прочіе кредиторы тоже потянулись въ Швецію за полученіемъ своихъ денегъ.

Даже претензіи умершихъ кредиторовъ, которыхъ считали навсегда погребенными, всплыли вновь на свѣтъ Божій. Весною 1722 г. въ Стокгольмъ прибыли трое янычаръ. Двое изъ нихъ предъявили долговыя обязательства, данныя Гроттхусомъ на сумму 9.222 рд., третій вексель на 1.750 рд. и претензію одного умершаго турка въ 870 рд. Съ ними вошли въ такое же соглашеніе,

какъ съ армянами и евреями. Первые двое получили 5.920 рд. третій—2761 рд.

Между тѣмъ постоянно прибывали все новыя и новыя толпы кредиторовъ. Не успѣли уѣхать только что упомянутые янычары, какъ ужъ осенью 1724 года явились новые 13 турокъ, которые предъявили выданные Спарре векселя на сумму 44.844 рд. Чтобы разъ навсегда отбить у турокъ охоту къ подобнымъ путешествіямъ, государственная комиссія предложила имъ 25% всей суммы. При содѣйствіи одного изъ нихъ, которому тайно была дана взятка въ 100 дукатовъ, операція удалась, и въ мартѣ 1725 г. имъ было уплачено 21.039 рд.

Однако, весной 1726 г. явились еще два паши и одинъ ага съ векселями на сумму 8.860 рд. Они дежурили каждый день около зданія совѣта и были такъ бѣдны, что имъ нечего было ѣсть, вслѣдствіе чего имъ стали выдавать деньги на содержаніе. Наконецъ секретная комиссія вошла съ ними въ сдѣлку, и они удовольствовались по примѣру своихъ предшественниковъ 25%. Послѣ этого всѣ были увѣрены, что ни одинъ турокъ больше не покажется въ Швеціи. Но въ октябрѣ 1731 года пріѣхали три янычара, которые сразу объявили, что отказываются отъ процентовъ и путевыхъ денегъ, но требуютъ уплаты капитала и суточныхъ. Эти послѣдніе имъ были выданы тотчасъ, но уплата долга произведена была лишь въ маѣ 1732 г., причемъ они получили вмѣсто 11.968 рд. всего 5.610 рд.

Между тѣмъ самая крупная сумма долга, именно долгъ Войнаровскому, все еще не была уплачена. Казацкій полковникъ Войнаровскій, заклятый врагъ Петра Великаго, 12 октября 1716 г. былъ схваченъ въ Гамбургѣ среди бѣлаго дня по распоряженію русскаго резидента. Послѣ семилѣтняго заключенія въ Петербургской крѣпости, отъ котораго онъ чуть не сошелъ съ ума, онъ былъ отправленъ въ Якутскъ; жена его Анна бѣжала въ Стокгольмъ. Карлъ XII въ 1718 году возобновилъ долговое обязательство, данное Войнаровскому въ 1713 году, на сумму болѣе чѣмъ въ полтора милліона далеровъ, сдѣлалъ распоряженіе объ аккуратной уплатѣ процентовъ и взялъ семью Войнаровскаго подъ свое покровительство. Послѣ его смерти риксдагъ ассигновалъ вдовѣ Войнаровскаго 4.000 д. ежегодно, но деньги выдавались неаккуратно, и иногда ей приходилось продавать или закладывать свои платья. Наконецъ правительство въ маѣ 1724 г. приказало государственной комиссіи вступить съ Войнаровской въ переговоры относительно условій, на которыхъ возможна уплата долга. Она объявила, что готова отказаться отъ процентовъ и отъ 80.000 дол., въ разное время выданныхъ королю ея мужемъ, но требуетъ, чтобы 20.000 рд. ей были уплачены немедленно, чтобы немедленно, согласно обѣщанію, ее ввели во владѣніе имѣніемъ Тюннельсё, чтобъ 400.000 рд. уплачено было въ 6 лѣтъ, чтобы вмѣсто пенсіи въ 4.000 рд. ей были предоставлены проценты съ остающагося капитала и чтобы ей дали письменное удостовѣреніе, что она будетъ безпрепятственно владѣть имѣніями, несмотря на то, что она сама и ея семья исповѣдуютъ католическую вѣру. Имѣніе

Тюннельсё она получила немедленно; вскорѣ также было уплачено ей 20.000 рд. Но весь остальной долгъ былъ выплаченъ только въ 1731 году.

Самыми счастливыми изъ всѣхъ кредиторовъ оказались французскіе и англійскіе капиталисты изъ Константинополя, такъ какъ они получили безъ особенныхъ проволочекъ всю занятую у нихъ сумму, которая была не мала. Джемсъ Кукъ получилъ въ 1715—17 г. 332.280 рд., Ремюза 146.236 рд., Мажи и ля-Маркъ 300.802 рд., всего 779.318 рд. Радъ и Хёсслинъ также получили причитающіяся имъ 90.000 рд. Хорнебю получилъ сполна 17.000 только въ 1732 году.

Когда въ совѣтѣ 3 октября 1726 г. многіе изъ членовъ настаивали на томъ, чтобы не платить болѣе восточнымъ кредиторамъ, Тессинъ сказалъ: „Мы должны опасаться, что такая суровая мѣра можетъ повести къ еще большимъ требованіямъ со стороны турокъ". Не прошло и шести мѣсяцевъ послѣ этого, какъ получена была отъ посланника въ Петербургѣ барона Седеркрейца депеша, что туда прибыло турецкое посольство проѣздомъ въ Стокгольмъ, которое имѣетъ цѣлью переговоры о долгѣ Карла XII. 9 іюня 1727 г. Мустафа-ага прибылъ въ Стокгольмъ со свитою изъ 23 лицъ. Онъ привезъ королю письма отъ султана и великаго визиря и письмо великаго визиря предсѣдателю канцеляріи графу Хорну, въ которомъ говорилось о дружественномъ пріемѣ, оказанномъ Портою Карлу XII, и выражалось желаніе получить занятые имъ 2.000 пунговъ (1 милліонъ риксдалеровъ). Въ другомъ письмѣ отъ великаго визиря къ Хорну рѣчь шла о тѣхъ выгодахъ, которыя могло бы принести заключеніе торговаго трактата между обоими государствами и присутствіе шведскаго министра въ Константинополѣ. Такимъ образомъ посольство имѣло не только финансовыя, но и политическія цѣли. Ага былъ встрѣченъ съ большой помпой. Онъ былъ принятъ и при дворѣ и въ обществѣ. Но онъ оказался слишкомъ дорогимъ гостемъ для государства. Онъ пробылъ 1¼ года и за все это время получалъ на содержаніе себя и свиты по 30 рд. въ день, не считая готовой квартиры и расходовъ на разъѣзды по странѣ. Его помѣщеніе стоило около 40.000 рд. Предложеніе о назначеніи шведскаго министра въ Константинополь не встрѣтило препятствій. Что касается уплаты долга, то король вручилъ Мустафѣ письмо къ султану, въ которомъ выражалось сожалѣніе, что, въ виду плохого состоянія государственныхъ финансовъ, уплата долга не можетъ быть пока произведена.

Въ апрѣлѣ 1733 года прибылъ въ Стокгольмъ въ качествѣ посла президентъ казначейства Мухамедъ-Саидъ-еффенди со свитой изъ 43 лицъ и съ богатыми подарками королю и королевѣ. Въ письмѣ, которое Мухамедъ привезъ отъ султана, не было никакого упоминанія о долгѣ, зато о немъ трактовалось въ письмѣ великаго визиря къ графу Хорну. Хотя денежный вопросъ былъ, очевидно, главной цѣлью посольства, однако на первый планъ была выдвинута политика. Боясь воинственныхъ замысловъ Россіи въ Азіи и Польшѣ, Порта искала поддержки со стороны

Швеціи. Въ другой комнатѣ въ то же время шелъ разговоръ о погашеніи долга. Хорнъ указывалъ на невозможность уплатить долгъ вслѣдствіе истощенія финансовъ. На другой день опять обсуждался этотъ вопросъ въ конференціи, на которой присутствовали Хорнъ, статсъ-секретарь Седеркрейцъ и канцлеръ фонъ-Кохенъ и Саидъ со своимъ секретаремъ. На этой конференціи Саидъ жаловался на недостатокъ дружественныхъ чувствъ состороны Швеціи: Швеція не посылаетъ своего министра въ Турцію, шведскій флагъ не показывается въ турецкихъ водахъ; Швеція должна бы предпочитать дружбу Порты всякой другой и удовлетворять ея требованіямъ прежде всякихъ другихъ, что не трудно было сдѣлать втеченіе 20 лѣтъ. Хорнъ отвѣчалъ, что уплата долга была отложена по причинѣ военныхъ невзгодъ и Прутскаго мира, который, по мнѣнію Хорна, и былъ причиной всѣхъ послѣдующихъ неудачъ Карлъ XII; заключеніе этого мира было непростительной ошибкой со стороны турецкой дипломатіи. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ на эту тему Саидъ объявилъ, что дружба Швеціи и Турціи должна облегчить дѣло уплаты долга, которое само по себѣ не заслуживаетъ большого вниманія; главная его задача заключалась въ томъ, чтобы упрочить добрыя отношенія между обоими государствами, основанныя на обоюдной выгодѣ. Видя, что ему не получить всей суммы долга, Саидъ предложилъ уплатить сперва лишь половину, остальную же сумму внести въ нѣсколько сроковъ. Ему отвѣчали, что при всемъ желаніи пока нѣтъ никакой возможности сдѣлать это по причинѣ недостатка въ деньгахъ, просили обождать, пока соберется риксдагъ, безъ согласія котораго никакія суммы не могутъ быть выданы. Пробывъ болѣе 3 мѣсяцевъ, Саидъ покинулъ Стокгольмъ, везя съ собой письма къ султану и визирю съ увѣдомленіемъ о снаряженіи формальнаго посольства и о представленіи вопроса о долгѣ на обсужденіе риксдага.

Но еще до открытія риксдага вопросъ о долгѣ успѣлъ вступить въ новый фазисъ. Оккупація Польши русскими войсками и завоеванія въ Азіи подняли цѣнность шведской дружбы въ глазахъ Порты. Турецкій дипломатическій оракулъ того времени, ренегатъ Бонневаль (Ахмедъ-паша), убѣдилъ великаго визиря, что никакого тѣснаго союза съ Швеціей не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ уплаченъ, такъ какъ шведы не посылаютъ министра изъ боязни, какъ бы его не арестовали за долгъ. Онъ настаивалъ на томъ, что половину долга слѣдуетъ простить, а другую половину взять натурой, напр. пушками. Въ апрѣлѣ 1734 г. Бонневаль увѣрилъ шведскихъ коммерческихъ стипендіатовъ фонъ-Хёпкена и Карлсона, что Порта согласилась на его предложеніе. Тѣ тотчасъ же написали объ этомъ въ Стокгольмъ. Сначала шведское правительство отнеслось недовѣрчиво къ этому извѣстію, но послѣ новыхъ, еще болѣе заманчивыхъ предложеній, секретная комиссія рѣшила отправить въ Константинополь министра и назначила Хепкена и Карлсона chargés d'affaires для улаженія дѣла ко времени его прибытія. Имъ удалось заключить трактатъ, въ силу котораго Швеція въ уплату

своего долга обязывалась прислать въ Константинополь вполнѣ снаряженный 72-пушечный корабль, 30.000 ружей со штыками и 6 двѣнадцатифунтовыхъ металлическихъ пушекъ.

Порта въ свою очередъ отказывалась отъ 200.00 рд. долга, на самомъ же дѣлѣ лишь отъ 150.000, такъ какъ Карлъ XII на реверсъ въ 1.200 пунговъ получилъ не болѣе 1.100 пунговъ.

29 марта 1738 г. король поручилъ особой комиссіи изъ нѣсколькихъ членовъ совѣта, адмиралтействъ-коллегіи, государственной канцеляріи и конторы земскихъ чиновъ разсмотрѣть вопросъ о долгѣ. Эта комиссія, называвшаяся „турецкой", пріобрѣла, снарядила и отправила лѣтомъ того же года 72-пушечный корабль „Швецію", который обошелся въ 400.000 рд. На другомъ кораблѣ „Патріотѣ", принадлежавшемъ Левантской компаніи, было отправлено 10.000 ружей. Первое изъ этихъ судовъ потерпѣло крушеніе около Кадикса, второе же благополучно прибыло въ Константинополь 11 февраля 1739 года. Порта изъявила желаніе вмѣсто погибшаго судна взять „Патріота" со всѣмъ его грузомъ, за который шведское правительство впослѣдствіи уплатило компаніи 260 000 рд. и объявило, что остальные 20.000 ружей могутъ быть присланы потомъ. Изъ этого числа были присланы лишь 7.000. Всего въ уплату долга получено султаномъ около 300.000 рд, т. е. приблизительно третья часть всей занятой суммы.

Существуетъ мнѣніе, что долги, сдѣланные Карломъ XII и его сподвижниками въ Турціи, никогда не были уплачены. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что подобный взглядъ не находитъ себѣ подтвержденія въ фактахъ. Долгъ Карла XII достигалъ $2^1/_2$ милліоновъ риксдалеровъ, т. е. около 19—20 милл. кронъ или 10 слишкомъ .милліоновъ рублей,—сумма чудовищная сама по себѣ, но казавшаяся еще болѣе чудовищной въ то время, когда весь годовой доходъ королевства едва равнялся этой суммѣ, а дефицитъ болѣе чѣмъ вдвое превышалъ ее. Правда, раздавались отдѣльные голоса, предлагавшіе не платить восточнымъ кредиторамъ, но шведское правительство никогда, даже въ самые трудные моменты, не уклонялось отъ выполненія своихъ обязательствъ по отношеніи къ восточнымъ кредиторамъ, и такимъ образомъ частію еще при жизни Карла XII, частію въ послѣдующее время выплатило болѣе 1,400.00 рд., не считая расходовъ на содержаніе турецкихъ кредиторовъ и посольствъ, что составляло около 100.000 риксдалеровъ.

Н. Я.

Бошнякъ. — Майборода. — Шервудъ.

(По запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго).

I. Бошнякъ [1]).

ошнякъ — въ донесеніи слѣдственной комиссіи скрытый подъ названіемъ *агента графа Витта* — былъ человѣкъ умный и въ свое время считался даже человѣкомъ передовымъ, онъ былъ помѣщикомъ Херсонской губерніи, жилъ въ своемъ имѣніи, невдали отъ Елисаветграда и былъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ графомъ Виттомъ, командиромъ херсонскихъ военныхъ поселеній. Графъ Виттъ, человѣкъ весьма пронырливый, догадался о существованіи тайнаго общества и, разговаривая съ тѣми, кого полагалъ въ немъ участниками, открыто осуждалъ дѣйствія правительства. Этимъ онъ надѣялся войти въ довѣрчивость и цѣлью его было вступить въ общество и разузнать составъ, цѣль и средства онаго, чтобы о всемъ донести правительству и черезъ то выслужиться у своего покровителя Аракчеева. Онъ пригласилъ Бошняка содѣйствовать ему въ достиженіи этой цѣли. Онъ догадывался, что служащій въ военныхъ поселеніяхъ генеральнаго штаба офицеръ Лихаревъ, человѣкъ молодой, образованный, пылкій душою— принадлежалъ къ обществу. Онъ направилъ на него Бошняка, который, представляя изъ себя врага правительства, вкрался

[1]) О Бошнякѣ намъ извѣстно еще нѣсколько страницъ въ книгѣ X. Korczak-Branicki „Les Nationalités slaves“. Paris. 1879 г.

[illegible]

II. Майборода.

Майборода, сынъ городского помѣщика, изъ мелкопомѣстныхъ, началъ свою службу въ московскомъ гвардейскомъ полку. Обстоятельства того полка принудили его перейти въ армію, причина чья неизвѣстна, но само собою разумѣется не можетъ приносить чести Майбородѣ. Онъ перешелъ въ вятскій пѣхотный полкъ, коимъ командовалъ тогда знаменитый Пестель. Майборода былъ человѣкъ весьма хитрый, весьма ловкій,

весьма вкрадчивый и, въ качествѣ бывшаго гвардейца, былъ докою фрунтового дѣла. Пестель поручилъ ему первую гренадерскую роту, которую онъ поставилъ на прекрасную ногу по фрунтовой части. Желая вкрасться въ довѣренность Пестеля, онъ, въ управленіи своей ротой, съ величайшимъ тщаніемъ слѣдовалъ правиламъ, человѣколюбія и попечительности о солдатахъ, правиламъ, введеннымъ Пестелемъ въ вятскомъ полку. Поэтому онъ и былъ принятъ въ члены общества. Экономическія деньги вятскаго полка Пестель не клалъ себѣ въ карманъ, подобно большей части полковыхъ командировъ, а употреблялъ на благосостояніе нижнихъ чиновъ. Майборода, человѣкъ весьма разсчетливый, указалъ ему возможность увеличить сумму, столь благородно Пестелемъ употребляемую, слѣдующимъ средствомъ: принимать предназначенныя для полка вещи по срокамъ, но не въ балтской комиссаріатской комиссіи, къ коей приписалъ былъ вятскій пѣхотный полкъ, а въ московской комиссаріатской комиссіи. Онъ получилъ отъ Пестеля это порученіе, съ правомъ входить, въ Москвѣ, въ сдѣлки съ комиссіонерами и, принимая деньги, покупать по вольнымъ цѣнамъ... По возвращеніи Майбороды изъ Москвы, Пестель при осмотрѣ вещей и при разсмотрѣніи счетовъ открылъ плутни Майбороды и грозилъ отдать его подъ судъ. Майборода, чтобы избѣгнуть заслуженной кары, и зная объ отношеніяхъ общества къ Бошняку и къ Витту, вступилъ съ Виттомъ въ переговоры для открытія правительству существованія тайнаго общества. На совѣщаніи между Виттомъ, Бошнякомъ и Майбородою положено было, что Майборода отправитъ письменный доносъ государю, находившемуся тогда въ Таганрогѣ, а Виттъ напишетъ къ государю письмо, прося дозволенія прибыть лично въ Таганрогъ, для сообщенія весьма важной тайны и для представленія необходимыхъ объясненій. Виттъ надѣялся, оказавъ своимъ предательствомъ столь важную услугу, обезпечить себя и ускользнуть изъ рукъ Аракчеева.

Доносъ Майбороды и письмо Витта получены были государемъ въ одно время. Онъ никому ихъ не сообщилъ, но послалъ Аракчееву, оставшемуся въ Петербургѣ, приказаніе пріѣхать въ Таганрогъ, куда велѣно было явиться и Витту. Ни тотъ, ни другой не успѣли исполнить этого повелѣнія. Аракчеевъ бѣсновался послѣ убіенія его дворовыми людьми жестокой съ нимъ любовницы его Анастасіи (извѣстной по всей Россіи подъ именемъ Наськи); Виттъ занемогъ горячкою и въ теченіе нѣсколькихъ дней находился при смерти, а вскорѣ

скончался и государь, послѣ самой кратковременной болѣзни. По смерти государя, бумаги, лежащія на его столѣ и получаемыя на его имя, были разсмотрѣны начальникомъ главнаго штаба барономъ Дибичемъ, который пригласилъ содѣйствовать ему въ этомъ разборѣ князя Петра Михайловича Волконскаго, состоявшаго при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Дибичъ и Волконскій нашли и письмо Витта, и доносъ Майбороды и немедленно сообщили объ нихъ: въ Варшаву, великому князю Константину Павловичу, и въ Петербургъ, великому князю Николаю Павловичу. Они послали изъ Таганрога въ Тульчинъ, главную квартиру второй арміи, товарища начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Чернышева (впослѣдствіи бывшаго военнымъ министромъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта), для арестованія Пестеля и маіора вятскаго полка Лорера. Чернышевъ поѣхалъ не прямо на Тульчинъ, а объѣздомъ черезъ Елисаветградъ и Умань. Цѣлію проѣзда его чрезъ Умань было узнать, что дѣлается въ этомъ мѣстечкѣ, въ коемъ находилась главная квартира первой бригады девятнадцатой пѣхотной дивизіи. Этою бригадою, состоявшею изъ полковъ азовскаго и днѣпровскаго, командовалъ генералъ-маіоръ князь Сергій Григорьевичъ Волконскій, одинъ изъ главныхъ членовъ общества и задушевный другъ Пестеля. Цѣлію проѣзда Чернышева чрезъ Елисаветградъ было свиданіе съ Виттомъ. Чернышевъ имѣлъ съ собою нѣсколько фельдъ-егерей. Не доѣзжая до Тульчина, онъ остановился въ Гайсинѣ и послалъ агента-еврея, предварительно указаннаго ему Виттомъ, за Майбородою, рота коего расположена была въ близости Гайсина. Допросивъ Майбороду и взявъ его съ собою, Чернышевъ прибылъ въ Тульчинъ, гдѣ остановился у начальника штаба второй арміи, Павла Дмитріевича Киселева. Переговоривъ съ главнокомандующимъ арміею графомъ Петромъ Христіановичемъ Витгенштейномъ, Чернышевъ, какъ лицо облеченное полномочіемъ Дибича, принялъ слѣдующія мѣры. Графъ Витгенштейнъ вытребовалъ въ Тульчинъ, будто бы по дѣламъ службы, Пестеля, который жилъ въ главной квартирѣ вятскаго полка, мѣстечкѣ Линцы, невдали отъ Тульчина. Между тѣмъ Чернышевъ и П. Д. Киселевъ поѣхали, будто-бы въ гости, къ шурину П. Д. Киселева, графу Ярославу Потоцкому, имѣніе коего находилось отъ Линецъ верстахъ въ пятнадцати. Они вытребовали къ себѣ маіора вятскаго полка Толпыгу. Потомъ Чернышевъ и П. Д. Киселевъ нагрянули въ Линцы, откуда Пестель, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, отбылъ въ

Тульчинъ, по вызову графа Витгенштейна. Чернышевъ и П. Д. Киселевъ арестовали маіора Лорера и ввѣрили начальство надъ вятскимъ полкомъ Толпыгѣ. На квартирѣ у Пестеля произведенъ былъ подробнѣйшій обыскъ: подняты были всѣ половицы половъ; бумаги его были опечатаны и, вмѣстѣ съ его деньщикомъ, отправлены въ Петербургъ, подъ конвоемъ офицера изъ дежурства второй арміи, Давыденки.

Пестель, между тѣмъ, прибылъ въ Тульчинъ и явился къ Витгенштейну, который арестовалъ его и отдалъ подъ караулъ дежурному генералу второй арміи, Ивану Ивановичу Байкову, на дому у коего Пестель и жилъ нѣсколько дней, до отправленія въ Петербургъ, куда повезли его два фельдъ-егеря.

Въ одно время съ Пестелемъ вытребованы были въ Тульчинъ командиры полковъ казанскаго и уфимскаго, Аврамовъ и Бурцовъ, и имъ велѣно было явиться въ Петербургъ, для объясненій по дѣламъ службы. По пріѣздѣ въ Петербургъ, они явились къ дежурному генералу, Алексѣю Николаевичу Потапову, который повезъ ихъ къ государю. На вопросы Аврамовъ отвѣчалъ съ достоинствомъ и былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда его сослали въ Сибирь. Бурцовъ бросился на колѣни, плакалъ, изъявлялъ о раскаяніи, молилъ о пощадѣ, обнималъ ноги государя и не былъ сосланъ. У него только отняли полкъ и перевели его въ колыванскій-полкъ, а оттуда на Кавказъ, гдѣ Паскевичъ, его любившій, скоро доставилъ ему команду и генеральскій чинъ. Бурцовъ былъ убитъ въ кампанію 1829 года.

Правительство непремѣнно хотѣло добыть проэктъ конституціи, составленный Пестелемъ и названный имъ *Русскою Правдою*. Эта конституція была республиканская-федеративная, между тѣмъ какъ конституція, составленная Никитою Михайловичемъ Муравьевымъ, была монархическая и провозглашала единство имперіи. Когда Пестель былъ арестованъ, *Русская Правда* находилась въ чтеніи у Крюкова младшаго и у Заикина, вмѣстѣ жившихъ въ Тульчинѣ. Они зарыли ее возлѣ деревни Хлѣбани, въ семи верстахъ отъ Тульчина. Но послѣ, во время суда, Заикинъ сдѣлалъ указаніе мѣстности, въ коей зарыта была *Русская Правда*, и Заикинъ отправленъ былъ изъ Петербурга, съ адъютантомъ Чернышева, Слѣпцовымъ и съ двумя жандармами въ Хлѣбань, чтобы вырыть драгоцѣнную рукопись и доставить ее въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію, что и было исполнено.

Ему тамъ дали полкъ, но вѣрный своимъ началамъ, онъ

сталъ страшно воровать; это дошло до начальства; у него отняли командованіе полкомъ; нарядили слѣдствіе, и Майборода, видя бѣду неминуемую, перерѣзалъ себѣ горло бритвою [1]).

III. Шервудъ.

Въ одной пустой книжонкѣ, изданной подъ заглавіемъ „Шервудъ“ и подписанной: „генералъ-маіоръ Б. П.“ самъ Шервудъ будто-бы объясняетъ свое предательство, увѣряя, что онъ побужденъ былъ къ тому какими-то романическими обстоятельствами. Правда-ли это или ложь, не знаю, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Шервудъ явился предателемъ изъ разсчета, и во всю жизнь свою дѣйствовалъ самымъ гнуснымъ образомъ. Пустая книжонка, о которой я упоминаю, наполнена ошибками явными и смѣшными, которыя доказываютъ въ составителѣ этой книжонки совершенное незнаніе и дѣйствующихъ лицъ, и подробностей происшествій.

Шервудъ, сынъ англичанина машиниста, поселившагося въ Москвѣ, поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся въ третій украинскій уланскій полкъ и находился у полко-

---

[1]) О Майбородѣ намъ извѣстна еще одна замѣтка И. А. Ильина въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1872 г., іюль, стр. 412—413 „Изъ событій на Кавказѣ“).

„Въ 1812 году Апшеронскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Симборскій. Почувствовавъ себя больнымъ, онъ испросилъ отпускъ на Пятигорскія воды и сдалъ полкъ старшему штабъ-офицеру полковнику Ясинскому, оставивъ сто тысячъ рублей ассигнаціями на сдачу полка въ случаѣ смерти своей, которая и послѣдовала въ томъ же году въ Пятигорскѣ. Ясинскій командовалъ около года, всѣ думали, что онъ будетъ утвержденъ командиромъ полка, какъ вдругъ читаемъ въ Высочайшихъ приказахъ: „Полковникъ Майборода назначается командиромъ Апшеронскаго полка“.

Пріѣхалъ Майборода. Высокій ростъ, короткая талія и длинныя ноги дѣлали его некрасивымъ, хотя лицо было не дурно; но темная кожа лица, синія полосы отъ просвѣчивающей бороды на гладко выбритыхъ и лоснящихся щекахъ, строгій взглядъ, сухой тонъ разговора до крайности, медленность движеній и неуклюжесть ихъ, расположили къ нему всѣхъ антипатично.

Дома, во время обѣда, на который приглашались имъ офицеры, онъ былъ не разговорчивъ. Жена и свояченица его молчали во весь обѣдъ, не зная куда дѣвать глаза, когда кто-нибудь изъ насъ заговаривалъ съ ними, и офицеры, сострадая къ загнанному положенію женщинъ, какъ подозрѣвали они, чувствовали себя за обѣдомъ у Майбороды ничуть не веселѣе, какъ за столомъ на поминкахъ.

Майборода принималъ полкъ весьма медленно. Онъ находилъ недостаточными оставленные 100,000 руб. на сдачу полка, и къ полковнику Янишевскому предъявилъ какія-то претензіи, такъ что назначено было генераломъ Клугенау произведеніе учета хозяйственной части полка, и дѣло дошло до корпуснаго командира. Тутъ завязалась четырехмѣсячная драка съ Шамилемъ, и окончательный пріемъ полка, въ хозяйственномъ отношеніи, затянулся.

Блокада поставила насъ къ Майбородѣ почти во враждебное положеніе. Мы не видали его на валу форштадта. Онъ былъ молчаливъ и медленъ одинаково, тогда какъ командиру полка было о чемъ похлопотать. На выручку Пассека и Ясинскаго онъ не пошелъ, предоставивъ батальоны своего полка штабъ-офицерамъ.

Въ январѣ Пассекъ вступилъ въ командованіе полкомъ, и Майборода очистилъ богатый домъ командира полка, перейдя въ нанятую имъ на новомъ форштадтѣ небольшую квартиру“.

вого командира, полковника Еревса, на порученіяхъ гораздо болѣе домашнихъ, чѣмъ служебныхъ. Въ книжонкѣ, о коей мы упомянули, сказано, будто Шервуду поручено было исправленіе водяной мельницы въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ, въ кіевской губерніи, будто онъ жилъ тамъ нѣкоторое время и успѣлъ подслушать происходившее въ еженедѣльныхъ, по субботамъ, собраніяхъ Южнаго Общества, въ коихъ Лихаревъ велъ протоколъ засѣданіямъ. Все это ложь: Лихаревъ никогда протоколовъ не велъ, по весьма простой причинѣ, что въ засѣданіяхъ Обществъ, и Южнаго, и Сѣвернаго, и Соединенныхъ Славянъ, *протоколовъ никогда не было*. Еженедѣльныхъ собраній въ Каменкѣ также никогда не бывало, да и быть не могло, по той причинѣ, что большая часть членовъ Южнаго Общества удержана была своими служебными занятіями, въ разныхъ губерніяхъ, и никакъ не могла съѣзжаться еженедѣльно. Мѣстныя подробности въ книжонкѣ перепутаны; никому нельзя было прокрасться въ комнаты Василія Львовича Давыдова, не бывъ замѣченнымъ, или гостями, или прислугою, которая, конечно, вытолкала бы Шервуда въ шею. Шервудъ точно бывалъ въ Каменкѣ, но вотъ какимъ образомъ.

Александръ Львовичъ Давыдовъ, женатый на дочери герцога де-Грамонъ, былъ, какъ всѣмъ извѣстно, большой гастрономъ и охотникъ до устрицъ. Однажды, разговаривая съ командиромъ третьяго украинскаго уланскаго полка, полковникомъ Гревсомъ, коего полкъ стоялъ въ Новомиргородѣ, верстахъ въ шестидесяти отъ Каменки, онъ изъявилъ ему сожалѣніе, что не можетъ послать въ Крымъ за устрицами на курьерскихъ, прибавляя, что охотно заплатилъ бы прогоны. Гревсъ отвѣчалъ ему: „не горюйте, я вамъ доставлю человѣка, который съ казенной подорожною слетаетъ въ Крымъ. Вы ему дайте только прогоны и кой-что подарите, а меня попотчуйте устрицами съ шампанскимъ“. Давыдовъ съ радостью согласился. Гревсъ прислалъ къ нему Шервуда, коему Давыдовъ далъ прогоны, денегъ на покупку устрицъ и денегъ на водку: Шервудъ слеталъ въ Крымъ и возвратился въ Каменку съ устрицами.

Что-же касается до съѣздовъ Южнаго Общества, то они происходили два раза въ годъ: въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Каменкѣ, въ чигиринскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, и январѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ на контрактахъ, и члены Южнаго Общества съѣзжались на нихъ по возможности. Для явнаго доказательства, что *еженедѣльныхъ* съѣздовъ быть не могло, я назову здѣсь

членовъ Южнаго Общества по азбучному порядку и съ означеніемъ служебныхъ занятій ихъ. Кстати упомяну и о постигшей ихъ участи.

Аврамовъ [1]), Павелъ Васильевичъ, полковникъ и командиръ казанскаго пѣхотнаго полка; былъ сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; впослѣдствіи поселенъ на рѣкѣ Ононѣ.

Аврамовъ, Иванъ Борисовичъ, поручикъ генеральнаго штаба во второй арміи. Сосланъ въ Читу; потомъ поселенъ въ Туруханскѣ, гдѣ отравленъ мѣстнымъ засѣдателемъ, желавшимъ овладѣть его небольшимъ капиталомъ.

Барятинскій, князь Александръ Петровичъ, лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ и адъютантъ главнокомандующаго второю арміею графа П. Х. Витгенштейна. Сосланъ въ Читу; потомъ въ Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ близъ Тобольска, и тамъ умеръ въ 1844 году.

Басаргинъ, Николай Васильевичъ, поручикъ лейбъ-егерскаго полка и старшій адъютантъ главнаго штаба второй арміи. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; впослѣдствіи поселенъ въ Ялуторовскѣ; женился на Ольгѣ Ивановнѣ Мендель; возвращенъ въ 1856 году [2]).

Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, подпоручикъ полтавскаго пѣхотнаго полка; повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюня 1826 года, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду.

Бобрищевы-Пушкины, Павелъ Сергѣевичъ и Николай Сергѣевичъ, оба находились поручиками; генеральнаго штаба во второй арміи; оба сосланы были въ Читу потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселены близъ Тобольска. Возвращены по восшествіи на престолъ нынѣшняго государя [3]) прежде коронаціи, по болѣзненному своему состоянію [4]).

Булгари, графъ, поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка, лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ крѣпостную работу.

Бурцевъ, Иванъ Григорьевичъ, см. выше въ статьѣ о Майбородѣ.

Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, прапорщикъ нѣжинскаго конно-егерскаго полка, не задолго передъ тѣмъ переведенный въ этотъ полкъ изъ кавалергардскаго за стихи на Александра I. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ селѣ Айокѣ, въ тридцати верстахъ отъ Иркутска, и тамъ умеръ.

Волконскій, князь Сергій Григорьевичъ, генералъ-маіоръ и командиръ первой бригады девятнадцатой пѣхотной дивизіи. Сосланъ въ нерчинскіе рудники; потомъ въ Читу; потомъ въ Пе-

---

[1]) Печатая списки декабристовъ съ біографическими о нихъ данными, мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что они составлены кн. П. Долгоруковымъ на основаніи опросовъ многихъ декабристовъ и провѣрены кн. С. Волконскимъ. Это придаетъ спискамъ кн. Долгорукова огромный интересъ и значеніе.

[2]) Скончался въ 1861 г. *Кн. Долгоруковъ.*

[3]) Т. е. императора Александра II.

[4]) О возвращеніи Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ имѣлъ благородство ходатайствовать тульскій губернскій предводитель дворянства Александръ Николаевичъ Арсеньевъ.

Кн. Долгоруковъ.

тровскій заводъ; поселенъ въ селѣ Урикѣ, въ девятнадцати верстахъ отъ Иркутска. Возвращенъ въ 1856 году. Супруга его Марія Николаевна, дочь знаменитаго генерала Раевскаго, сопровождала его всюду и была съ нимъ неразлучною.

Вольфъ, Фердинандъ Богдановичъ, штабъ-лѣкарь при главной квартирѣ второй арміи. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ селѣ Урикѣ, потомъ получилъ разрѣшеніе жить въ Иркутскѣ.

Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части во второй арміи. Сосланъ, съ лишеніемъ правъ состоянія, въ Курганъ, гдѣ и умеръ.

Давыдовъ, Василій Львовичъ, бывшій лейбъ-гусаръ, полковникъ въ отставкѣ. Сосланъ въ нерчинскіе рудники; потомъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Красноярскѣ, гдѣ умеръ въ 1855 году. Супруга его, Александра Ивановна Татаринова, сопровождала его въ Сибирь и возвратилась оттуда лишь послѣ кончины мужа.

Загорѣцкій, Николай Васильевичъ, поручикъ квартирмейстерской части во второй арміи. Сосланъ былъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ деревнѣ Бурейтѣ, близъ Александровскаго завода на рѣкѣ Ангарѣ. Просился ѣхать солдатомъ на Кавказъ, гдѣ храбростью выслужилъ офицерскій чинъ; уволенъ въ отставку и живетъ въ Тульской губерніи.

Заикинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части во второй арміи. Лишенъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе.

Ивашевъ, Василій Петровичъ, отставной ротмистръ кавалергардскаго полка; бывшій адъютантъ главнокомандующаго второю арміей. Сосланъ въ Читу, куда пріѣхала Эмилія Петровна Леданту, чтобы выйти за него замужъ; переведенъ потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Туринскѣ, гдѣ и онъ, и супруга его скончались.

Корниловичъ, Александръ Осиповичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ, поступилъ въ общество весьма незадолго до 14-го декабря. Сосланъ въ Читу; тамъ, ночью схваченный жандармами, отвезенъ въ Шлиссельбургъ, безъ всякой на то извѣстной причины. Нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а потомъ выпущенъ былъ на свободу.

Крюковъ, Николай Александровичъ, отставной поручикъ квартирмейстерской части. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Минусинскѣ; тамъ женился и умеръ.

Крюковъ, Александръ Александровичъ, младшій братъ предыдущаго, поручикъ кавалергардскаго полка и адъютантъ главнокомандующаго второю арміей. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; поселенъ въ Минусинскѣ; тамъ женился; возвращенъ въ 1856 году.

Лихаревъ, Владиміръ Николаевичъ, подпоручикъ квартирмейстерской части во второй арміи. Сосланъ въ Читу; потомъ поселенъ въ Курганѣ, откуда отпросился въ солдаты на Кавказъ, и на Кавказѣ умеръ. Былъ женатъ, и жена его въ Сибирь не поѣхала.

Лореръ, Николай Ивановичъ, маіоръ вятскаго пѣхотнаго полка. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; переведенъ солдатомъ на Кавказъ; храбростью выслужился въ офицеры и уволенъ въ отставку.

Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ, отставной подполковникъ. Приговоренъ къ каторгѣ, но сосланъ на поселеніе въ Якутскъ, откуда переведенъ въ Семипалатинскъ, гдѣ женился, и, наконецъ, въ Ялуторовскъ. Возвращенъ въ 1856 году; живетъ въ Твери.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ, братъ предыдущаго, подполковникъ черниговскаго пѣхотнаго полка. Повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюня 1826 года.

Муравьевъ-Апостолъ, Ипполитъ Ивановичъ, младшій братъ двухъ предыдущихъ, прапорщикъ квартирмейстерской части; убитъ въ сраженіи подъ Устиновкою 9 января 1826 года.

Муравьевъ, Артамонъ Захарьевичъ, находясь въ Петербургѣ полковникомъ кавалергардскаго полка, былъ членомъ Сѣвернаго общества, а съ назначеніемъ своимъ полковымъ командиромъ ахтырскаго гусарскаго полка перешелъ въ Южное Общество. Сосланъ въ нерчинскіе рудники, потомъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ селѣ Большой Развозной, въ пятнадцати верстахъ отъ Иркутска, и тамъ умеръ. Жена его, Вѣра Алексѣевна Горяйнова, за нимъ въ Сибирь не поѣхала.

Поровъ, Василій Сергѣевичъ, отставной подполковникъ. Лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Бобруйскъ въ крѣпостную работу.

Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ и командиръ вятскаго пѣхотнаго полка. Повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюля 1826 года.

Повало-Швейковскій, Иванъ Семеновичъ, полковникъ и командиръ саратовскаго пѣхотнаго полка. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Курганѣ, гдѣ умеръ.

Поджіо, Александръ Викторовичъ, отставной подполковникъ. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ селѣ Ускудѣ, на рѣкѣ Ангарѣ, въ двадцати-шести верстахъ отъ Иркутска; женился на одной изъ классныхъ дамъ дѣвичьяго института восточной Сибири. Возвращенъ въ 1856 году.

Поджіо, Іосифъ Викторовичъ, братъ предыдущаго, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. Лишенный правъ состоянія, восемь лѣтъ просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости; потомъ отправленъ на поселеніе въ село Ускуду. Умеръ въ Иркутскѣ. Жена его въ Сибирь не поѣхала и вышла замужъ за князя Ал. Ив. Гагарина, того самого, который, находясь генералъ-губернаторомъ кутаисскимъ, убитъ былъ княземъ Дадишкиліаномъ.

Поливановъ, полковникъ въ отставкѣ, умеръ въ Петропавловской крѣпости во время слѣдствія.

Тизенгаузенъ, Василій Карловичъ, полковникъ и командиръ полтавскаго пѣхотнаго полка. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ Ялуторовскѣ. Въ 1855 году, по ходатайству князя Ал. Аркад. Суворова, возвращенъ, и въ

самый день пріѣзда къ семейству, несчастный страдалецъ, съ радости пораженъ былъ умственнымъ разстройствомъ.

Фалленбергъ, Петръ Ивановичъ, подполковникъ и старшій адъютантъ главнаго штаба второй арміи по квартирмейстерской части. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петропавловскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ деревнѣ Шушѣ, въ Минусинскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи. Въ 1858 году не захотѣлъ возвратиться и остался въ Сибири. Жена его за нимъ въ Сибирь не поѣхала и вышла за другого.

Фохтъ, Иванъ Федоровичъ, штабсъ-капитанъ азовскаго пѣхотнаго полка. Лишенный правъ состоянія, поселенъ въ Курганѣ, гдѣ и умеръ.

Черкасовъ, баронъ Алексѣй Ивановичъ, поручикъ по квартирмейстерской части во второй части. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; затѣмъ поселенъ въ Курганѣ; переведенъ солдатомъ на Кавказъ, гдѣ выслужилъ офицерскій чинъ.

Юшневскій, Алексѣй Петровичъ, генералъ-интендантъ второй арміи. Сосланъ въ Читу, потомъ на Петровскій заводъ; наконецъ, поселенъ въ деревнѣ Малой Развозной въ трехъ верстахъ отъ Иркутска. Пріѣхавъ въ село Айоку на похороны своего друга Ѳ. Ѳ. Вадковскаго, Юшневскій, въ церкви, во время отпѣванія тѣла, внезапно упалъ мертвымъ. Схороненъ въ селѣ Большой Развозной, гдѣ на его могильномъ камнѣ вырѣзана любимая поговорка его: „мнѣ и здѣсь хорошо“. Супруга его Марія Казимировна Кругликовская поѣхала за нимъ въ Сибирь. Задушевный другъ Пестеля, Юшневскій былъ человѣкомъ высокаго ума, благороднѣйшей души, энергическій и безкорыстный. Когда онъ впалъ въ несчастіе, правительство всѣми силами старалось отыскать какіе-нибудь безпорядки въ интендантскомъ управленіи второй арміи, и не нашло ничего, къ чему-бы могло привязаться. Столь строгою честностью отличался Юшневскій [1]).

---

[1]) Кромѣ Юшневскаго и Артамона Зах. Муравьева въ Большой Развозной схоронены оба брата Борисовы, Андрей Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, которые были поселены въ деревнѣ Малой Развозной. По истинѣ трогательная судьба этихъ двухъ братьевъ, одаренныхъ замѣчательнымъ умомъ и прекраснѣйшими качествами. Андрей Ивановичъ помѣшался въ разсудкѣ; Петръ Ивановичъ ухаживалъ за нимъ и берегъ его; вдругъ, въ 1854 году, Петръ Ивановичъ заболѣлъ и умеръ; несчастный сумашедшій, при видѣ бездыханнаго трупа своего брата, зажегъ домъ и сгорѣлъ живой вмѣстѣ съ братнимъ трупомъ!

Деревня Малая Развозная находится въ 3 верстахъ отъ Иркутска на востокъ, по дорогѣ къ Байкалу. Тамъ былъ поселенъ нѣкоторое время Александръ Ивановичъ Якубовичъ, впослѣдствіи переведенной въ какую-то деревню на берегу Енисея, близъ нынѣшнихъ золотыхъ пріисковъ, гдѣ и умеръ.

Въ 12 верстахъ отъ деревни Малой Развозной, по той же дорогѣ къ Байкалу, находится село Большая Развозная, а еще въ 8 верстахъ далѣе Лосевскій хуторъ, на коемъ нѣкоторое время поселенъ былъ Николай Алексѣевичъ Пановъ.

Къ сѣверу отъ Иркутска, по подорогѣ въ Якутскъ, находится, въ 22 верстахъ отъ Иркутска, деревня Хомутовка, гдѣ нѣкоторое время поселены были Сутгофъ и и Андр. Андр. Быстрицкій. 8 верстъ далѣе, по Якутской же дорогѣ, село Айока, гдѣ схороненъ Ѳед. Ѳед. Вадковскій, и гдѣ нѣкоторое время поселенъ былъ кн. Серг. Петр. Трубецкой.

Въ 19 верстахъ отъ Иркутска, на сѣверо-западъ по дорогѣ къ Александровскому

Янтальцевъ, Андрей Васильевичъ, подполковникъ и командиръ 27-й конно-артиллерійской роты. Сосланъ въ Читу; потомъ на Петровскій заводъ; вслѣдъ затѣмъ поселенъ въ Березовѣ, наконецъ, переведенъ въ Ялуторовскъ. Супруга его Александра Васильевна Лисовская была съ нимъ въ Сибири.

заводу, лежитъ село Урикъ, гдѣ схороненъ былъ Никита Михайловичъ Муравьевъ, и гдѣ поселены были кн. Серг. Григ. Волконскій и Ф. Б. Вольфъ. Тамъ-же поселенъ былъ Мих. Серг. Лунинъ, который, написавъ записки свои на французскомъ языкѣ, отправилъ ихъ печатать въ Парижъ. Объ этомъ узнало русское посольство въ Парижѣ, подкупило типографщика, достало рукопись, и Лунинъ, въ ночь на страстной четвергъ 1841 года, былъ схваченъ и отвезенъ въ Акатуй, гдѣ умеръ. Въ ту самую ночь, когда схватили Лунина, Никита Муравьевъ, изъ предосторожности, сжегъ свои записки и свои комментаріи на Сводъ Законовъ. Отъ Урика до Хомутовой прямою дорогою 12 верстъ, а до Айоки прямою дорогою отъ Урика 16 верстъ.

Въ 7 верстахъ на западъ отъ Урика, на берегу Ангары, лежитъ село Ускуда, гдѣ нѣкоторое время поселены были Петръ Ал. Мухановъ (сперва находившійся на поселеніи въ Братскомъ острогѣ) и оба брата Поджіо. Далѣе по Ангарѣ къ сѣверу находится Тельминская суконная фабрика, гдѣ нѣкоторое время поселенъ былъ кн. Ал. Ив. Одоевскій, скоро переведенный въ Курганъ, гдѣ умеръ.

Въ Иркутскѣ схоронены: на православномъ кладбищѣ: Петръ Ал. Мухановъ и Ник. Алексѣевичъ Поповъ; на католическомъ кладбищѣ Іосифъ Виктор. Поджіо; въ иркутскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая.

На Петровскомъ заводѣ схоронены: Ал. Сем. Пястовъ и Александра Григорьевна Муравьева, рожденная графиня Чернышева, супруга Никиты Муравьева. Надъ ея могилою выстроена часовня.

Въ Красноярскѣ схоронены Вас. Льв. Давыдовъ, Мих. Фотьевичъ Митьковъ и Мих. Матвѣевичъ Спиридовъ.

Въ Тобольскѣ схоронены Сем. Григ. Краснокутскій и Ал. Мих. Муравьевъ, умершій за нѣсколько дней до присылки бумаги о дозволеніи возвратиться.

Въ Курганѣ схоронены Ив. Сем. Повало-Швейковскій и Ив. Фед. Фохтъ. Въ Курганѣ же находились на поселеніи: Ал. Өед. фонъ-деръ-Бригенъ, Мих. Мих. Нарышкинъ, кн. Ал. Ив. Одоевскій, Петръ Ник. Свистуновъ и баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ.

Въ Ялуторовскѣ схороненъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ; тамъ же находились на поселеніи: Ник. Вас. Басаргинъ, кн. Евг. Петр. Одоевскій (сперва поселенный въ деревнѣ Ятангѣ, за Байкаломъ), Ив. Ив. Пущинъ, Вас. Карловичъ Тизенгаузенъ, Ив. Дм. Якушкинъ, и Андр. Вас. Янтальцовъ (прежде бывшій на поселеніи въ Березовѣ).

Вас. Петр. Ивашевъ и супруга его схоронены въ Туринскѣ. Ив. Бор. Абрамовъ и Ник. Влад. Лисовскій схоронены въ Туруханскѣ, гдѣ были отравлены тамошнимъ засѣдателемъ. Ник. Ал. Бестужевъ и Конст. Петр. Торсонъ схоронены въ Селенгинскѣ. Мозголевскій, Ник. Ал. Крюковъ и Алексѣй Ив. Тютчевъ схоронены въ Минусинскѣ.

Мих. Карловичъ Кюхельбекеръ схороненъ въ Баргузинѣ; Петръ Өед. Громницкій, въ деревнѣ Бѣльскѣ, иркутской губерніи; Сухиновъ на нерчинскихъ рудникахъ, гдѣ онъ удавился въ тюрьмѣ, ночью передъ тѣмъ днемъ, въ который его хотѣли провести сквозь строй за намѣреніе бѣжать; намѣреніе, принятое имъ вмѣстѣ съ другими каторжными (не изъ декабристовъ) и открытое начальству однимъ изъ участниковъ, наканунѣ самаго дня исполненія.

Мих. Ник. Глѣбовъ, другъ Рылѣева, поселенный въ какой-то деревнѣ за Байкаломъ, былъ отравленъ мужемъ своей любовницы, и тамъ схороненъ.

Ник. Петр. Рѣпина и Андреева везли на поселеніе въ Енисейскую губернію. Въ дорогѣ, ночью, разбойники зажгли избу, гдѣ они ночевали, и оба сгорѣли.

Нѣкоторые декабристы не захотѣли возвратиться въ 1851 году, и остались въ Сибири, а именно: Мих. Ал. Бестужевъ—въ Селенгинскѣ, Влад. Ал. Вечасновъ—въ Иркутскѣ, Дм. Иринарх. Завалишинъ въ Читѣ, Петръ Ив. Фалленбергъ и Ал. Филипповичъ Фроловъ, бывшій на поселеніи вмѣстѣ съ Фалленбергомъ.

Кн. Долгоруковъ.

Прочитавъ этотъ списокъ, можно убѣдиться, что еженедѣльныхъ съѣздовъ въ Каменкѣ не было и быть не могло.

Село Каменка, въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, принадлежало Екатеринѣ Николаевнѣ Давыдовой, сестрѣ извѣстнаго екатерининскаго генералъ-прокурора графа Самойлова. Екатерина Николаевна была въ первомъ бракѣ за Раевскимъ и была матерью знаменитаго полководца Ник. Ник. Раевскаго. Овдовѣвъ, она вышла за Льва Денисовича Давыдова и была матерью Петра, Александра и Василія Львовичей Давыдовыхъ. Василій Львовичъ былъ однимъ изъ членовъ Южнаго общества. Ежегодно, къ 24 ноябрю, дню именинъ старушки Екатерины Николаевны, члены Южнаго Общества съѣзжались въ Каменку, гдѣ проводили нѣсколько дней; обѣдали ежедневно у Екатерины Николаевны, и вечеромъ собирались для своихъ бесѣдъ и переговоровъ, въ комнатахъ Василія Львовича, во флигелѣ, куда ни Шервудъ, и никто незванный не нашелъ бы никакой возможности доступа. Пробывъ нѣсколько дней въ Каменкѣ и обсудивъ свои дѣла, они отправляли одного изъ членовъ посломъ въ Москву и Петербургъ, для переговоровъ съ членами Сѣвернаго общества. Этотъ посолъ возвращался къ 15-му январю въ Кіевъ, куда, подъ предлогомъ веселиться на кіевскихъ контрактахъ, съѣзжались члены Южнаго общества.

Первое понятіе получилъ, или, правильнѣе говоря, впервые догадался Шервудъ о существованіи тайнаго общества, въ Харьковѣ, изъ неосторожнаго съ нимъ разговора графа Булгари, отца декабриста. Молодой Булгари, декабристъ, плѣненный возгласами Шервуда противъ правительства и въ пользу свободы, далъ ему письмо въ Курскъ къ Вадковскому, коего вышеупомянутая книжонка ошибочно называетъ артиллеристомъ. Въ декабристской исторіи замѣшано было двое Вадковскихъ. Одинъ, подпоручикъ 17-го егерскаго полка, весьма поверхностно слышалъ о заговорѣ и наказанъ лишь мѣсяцемъ крѣпости и переводомъ въ моздокскій гарнизонный баталіонъ. Другой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, къ коему Шервудъ имѣлъ письмо отъ Булгари, былъ человѣкъ молодой, замѣчательнаго ума, большой энергіи, отлично образованный. Онъ переведенъ былъ изъ кавалергардскаго полка, за стихи на...., тѣмъ же чиномъ въ нѣжинскій конноегерскій полкъ, стоявшій въ Курскѣ. Онъ сдѣлался немедленно членомъ Южнаго Тайнаго Общества и однимъ изъ заговорщиковъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ вліятельныхъ.

Къ нему то, Ѳедору Ѳедоровичу Вадковскому, явился Шервудъ съ письмомъ отъ графа Булгари. Ловкій, хитрый, вкрадчивый, Шервудъ представилъ себя гонимымъ судьбою, любителемъ свободы и готовымъ на все, чтобы произвести революцію. Онъ объяснилъ Вадковскому, что бывалъ въ Каменкѣ, умалчивая, что дѣло шло лишь о покупкѣ устрицъ въ Крыму, намекая на свои мнимыя сношенія съ главнѣйшими лицами заговора, и такъ ловко умѣлъ направлять рѣчи, что Вадковскій, не совсѣмъ ему высказываясь, имѣлъ однако неосторожность сообщить разныя подробности, о коихъ вовсе не слѣдовало говорить Шервуду: напримѣръ, онъ признался Шервуду, гдѣ находятся его важнѣйшія бумаги. Вадковскій былъ страстнымъ музыкантомъ и весьма хорошо игралъ на скрипкѣ. У него была отличная, дорогая скрипка, въ большомъ футлярѣ, въ коемъ сдѣланъ былъ потаенный ящикъ, и въ этомъ ящикѣ хранились его вѣрнѣйшія бумаги, его переписка и списокъ заговорщиковъ. Когда Вадковскаго арестовали, правительство, руководимое доносомъ Шервуда, овладѣло скрипкою и нашло тамъ всѣ эти бумаги, которыя много содѣйствовали розысканіямъ слѣдственной комиссіи.

По доносу Шервуда, Вадковскій былъ арестованъ въ самыхъ послѣднихъ дняхъ жизни Александра Павловича и отправленъ въ Шлиссельбургъ, откуда, тотчасъ послѣ 14-го декабря, перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Заключеніе Вадковскаго въ Шлиссельбургскую крѣпость по именному повелѣнію Александра I подаетъ поводъ предполагать, что Александръ не далъ бы тайнымъ обществамъ: Южному, Сѣверному, Соединенныхъ Славянъ и Польскому, той гласности, которая дана имъ была Николаемъ, и вѣроятно главныхъ членовъ всѣхъ этихъ обществъ заключилъ бы въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда при немъ иногда заключали людей на всю жизнь.

При Александрѣ I было много узниковъ въ Шлиссельбургѣ. Почти въ началѣ его царствованія тутъ былъ посаженъ Ярошинскій, рѣзко выразившій свои мнѣнія на дворянскихъ выборахъ въ Каменецъ-Подольской губерніи. Послѣ 1815 года въ Шлиссельбургъ же былъ заключенъ полковникъ Бокъ, за свои смѣлыя дѣйствія противъ остзейскаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи и за рѣзкія письма къ государю.

Возвратимся къ Шервуду. Императоръ Николай вызвалъ его въ Петербургъ; велѣлъ себѣ представить, пожаловалъ по-

ручикомъ лейбъ-драгунскаго полка, наградилъ значительною суммою денегъ и велѣлъ потомственно называться *Шервудомъ-вѣрнымъ*. Но его прозвали *Шервудомъ-скверным*. Видя себя всѣми оттолкнутымъ, Шервудъ просилъ о переводѣ своемъ въ жандармскій корпусъ. Его опредѣлили по жандармской части въ Смоленскую губернію. Тамъ, вѣрный своему характеру, онъ продолжалъ играть роль доносчика. Въ Смоленскѣ жилъ старикъ Иванъ Борисовичъ Пестель, бывшій генералъ-губернаторъ Сибири и бывшій членъ государственнаго совѣта. Шервудъ донесъ, что у старика хранятся бумаги сына его Павла Ивановича и хранится копія Русской Правды. По доносу Шервуда, къ старику Пестелю нагрянула полиція; произведенъ былъ строжайскій обыскъ—ничего не найдено. Другіе доносы еще дѣланы были Шервудомъ—и оказались ложными. Правительство отчислило его отъ должности, и онъ, съ чиномъ полковника, былъ назначенъ состоять по жандармскому корпусу.

Возвратился Шервудъ въ Петербургъ въ концѣ 1833 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, богатый заводчикъ Баташовъ умеръ, оставивъ сыновей отъ перваго брака и малолѣтняго сына отъ второго брака съ своею крѣпостною женщиною. Сыновья отъ перваго брака старались уничтожить доказательства второго брака, чтобы лишить правъ на наслѣдство своего малолѣтняго единокровнаго брата, коего записали въ дворовые. Объ этомъ узналъ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, который въ то время уже утратилъ свое прежнее вліяніе при дворѣ, но все еще, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ и владѣлъ огромнымъ состояніемъ. Онъ принялъ молодого Баташова подъ свое покровительство, повелъ его дѣло и выигралъ, а между тѣмъ поселилъ молодого человѣка у себя въ домѣ, пріучилъ его вести большую игру; вмѣстѣ съ Шервудомъ поилъ его, опаивалъ, обыгрывалъ и заставлялъ подписывать векселя. Сдѣланъ былъ доносъ; произведено слѣдствіе; Балашовъ въ 1834 году уволенъ отъ службы, а Шервудъ посаженъ въ эту самую Петропавловскую крѣпость, въ которую, за девять лѣтъ предъ тѣмъ, столь многіе почтенные люди заключены были по его доносу...

Что потомъ стало съ Шервудомъ — никто не знаетъ.

На рубежѣ XIX вѣка.

Послѣ люневильскаго мира, по которому Австрія вышла изъ большой коалиціи, въ войнѣ съ Франціей, Испаніей и Голландіей оставались еще Англія, Неаполь и Португалія. Россія не заключила еще съ Франціей формальнаго мира. Чувствовалась всеобщая потребность въ мирѣ, такъ какъ страны, опустошенныя войной, хотѣли отдыха и такъ какъ выяснилось, наконецъ, что побѣдить Францію невозможно.

Неаполь вскорѣ заключилъ миръ въ виду того, что Бонапартъ приказалъ генералу Мюрату вступить въ эту страну и возстановить партенопейскую республику. Неаполитанскій дворъ, еще недавно чинившій жестокую расправу надъ республиканцами и еще преслѣдовавшій ихъ, обратился къ императору Павлу съ просьбой о заступничествѣ. Это заступничество увѣнчалось успѣхомъ и помѣшало республиканцамъ отметить за нарушеніе капитуляціи 1799 г. 21 марта 1801 г. былъ заключенъ миръ во Флоренціи; по этому миру преслѣдованія республиканцевъ должны были прекратиться и неаполитанская гавань должна была оставаться закрытой для англичанъ. 1200 французовъ заняли Неаполь, правительство должно было содержать ихъ и сверхъ того платить ежемѣсячно 500,000 франковъ. Партенопейская республика не была возстановлена, такъ какъ основаніе новыхъ республикъ было уже не въ интересахъ Бонапарта. Это показало также и образованіе изъ тосканскаго великаго герцогства такъ называемаго королевства Этруріи. Но Бонапартъ теперь снова господствовалъ надъ Италіей: всѣ итальянскія государства были въ полной зависимости отъ Франціи.

Португалію принудили къ миру. Ея правительство испугали новымъ объявленіемъ войны, хотя война съ нею давно велась. Испанцы и французы вторгнулись въ Португалію и разогнали португальцевъ. 6 іюня 1801 между Испаніей и Португаліей былъ заключенъ миръ, по которому пограничный округъ Оливенца перешелъ къ Испаніи. Миръ между Португаліей и Франціей заключенъ былъ въ сентябрѣ въ Мадридѣ и португальскія гавани должны были до заключенія всеобщаго мира оставаться закрытыми для англійскихъ кораблей.

Замѣчательно, что отношенія между французской республикой и Россіей долго оставались хорошими. Преемникъ Павла, Александръ I, поддерживалъ дружественныя отношенія съ первымъ консуломъ; они поняли другъ друга. Конечно, уже тогда у нихъ была мысль, которую впослѣдствіи они пытались осуществить: раздѣлить между собою вліяніе въ Европѣ. Они тайно заключили мирный договоръ въ Парижѣ 6 октября 1801 г.; Франція вознаградила короля сардинскаго и вывела свои войска изъ Неаполя. Она признала курьезную республику Іоническихъ острововъ, состоявшую подъ покровительствомъ Россіи и Турціи и, наконецъ, Франція и Россія соединились, чтобы *общими силами регулировать вознагражденіе германскихъ и итальянскихъ государей.* Этотъ послѣдній пунктъ показывалъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Германія.

Затѣмъ, и Англія заключила миръ послѣ того, какъ Питтъ втеченіе девяти лѣтъ велъ войну, чтобы уничтожить французскую республику, грабилъ и опустошалъ города и страны, захватывалъ флоты и колоніи. Благодаря расходамъ этой войны государственный долгъ Англіи возвысился съ 246 до 597 фунтовъ стерлинговъ. Крупные купцы, конечно, получили свою прибыль, но народъ, которому приходилось платить проценты по государственному долгу, только терпѣлъ отъ послѣдствій войны и радостно привѣтствовалъ миръ. Сверхъ того, война между Англіей и Франціей причинила большія потери въ людяхъ и судахъ. Такимъ образомъ, состоялся прелиминарный мирный договоръ въ Лондонѣ; окончательный миръ заключенъ 27 марта въ Амьенѣ. Англія возвратила всѣ свои завоеванія, въ томъ числѣ и Мальту обязалась возвратить мальтійскому ордену, и удержала за собой только острова Тринидадъ и Цейлонъ. Турція заключила миръ съ Франціей въ іюнѣ 1802 г. въ Парижѣ.

Этими мирными договорами закончились собственно революціонныя войны. Договоры эти не произвели значительныхъ измѣненій въ политической картѣ Европы, они большею частью лишь подтвердили тѣ измѣненія границъ, которыя совершились во время самыхъ войнъ.

Оставалось еще рѣшить такъ называемый германскій вопросъ о вознагражденіи. Германская имперія, столь пестрая и разрозненная, была избрана для печальной роли—дать вознагражденіе государямъ, потерявшимъ свои земли и подданныхъ вслѣдствіе революціонныхъ войнъ. И негерманскіе государи тоже должны были получить вознагражденіе изъ германскихъ земель, — точно

въ Германіи того времени населеніе жаждало еще чужеземныхъ государей, когда въ ней и своихъ было болѣе, чѣмъ достаточно, и когда, съ другой стороны, германская имперія казалась какой то безхозяйной землей. Имѣлась въ виду, главнымъ образомъ, секуляризація духовныхъ владѣній и медіатизація многихъ карликовыхъ государствъ, покрывавшихъ Германію въ видѣ вольныхъ имперскихъ городовъ.

Можно было бы думать, что конгрессъ германскихъ имперскихъ князей въ Регенсбургѣ, обыкновенно называемый регенсбургскимъ имперскимъ сеймомъ, устроитъ это дѣло, такъ какъ оно было ему передано. Имперскій сеймъ избралъ чрезвычайную имперскую депутацію изъ своей среды, состоявшую изъ представителей имперскихъ земель (Reichsständen): Баваріи, Богеміи, Бранденбурга, Вюртемберга, Гессенъ-Касселя, Майнца и великаго магистра нѣмецкаго ордена.

Но имперскому сейму и имперской депутаціи была отведена лишь призрачная роль, потому что измѣненія въ Германіи были рѣшены Франціей и Россіей. Первый консулъ и царь сами рѣшили, какія изъ самостоятельныхъ государствъ Германіи должны существовать и какія нѣтъ. И новое раздѣленіе Германіи вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ перваго консула и царя и ихъ фаворитовъ. На интересы же самой Германіи не было обращено ни малѣйшаго вниманія.

Къ тюльерійскому двору явились цѣлыя толпы такъ называемыхъ просителей земель, имперскихъ рыцарей, сенаторовъ имперскихъ городовъ и всевозможныхъ пословъ изъ Германіи, которые вымаливали клочки земель и третировались Бонапартомъ и его министромъ Талейраномъ очень высокомѣрно. Эти представители пагубной старинной нѣмецкой разрозненности не принесли чести своей родинѣ. Своеобразная судьба Германіи привела тогда къ тому, что разорванность и разношерстность могли быть уменьшены лишь благодаря иностранному вліянію; регенсбургскій сеймъ не достигъ бы и этого.

Какъ царь и первый консулъ относились къ имперскимъ князьямъ въ Регенсбургѣ, лучше всего видно изъ парижской ноты отъ 25 августа 1802 г., въ которой въ рѣзкихъ выраженіяхъ объявлялось, что имперскіе чины (Reichsstände) были не въ состояніи осуществить люневильскій мирный договоръ — что было вовсе не ихъ дѣло — и что поэтому Россія и Франція представили планъ, на основаніи котораго должны быть регулированы внутреннія дѣла Германіи. Имперскіе чины должны были уладить весь этотъ вопросъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ и это — говорилось далѣе—тѣмъ болѣе возможно, что *воля его величества императора русскаго и перваго консула такова, чтобы въ постановленныхъ ими рѣшеніяхъ по вопросу о вознагражденіи не производилось никакихъ измѣненій.*

Такъ распоряжались двое иностранныхъ автократовъ германскими дѣлами и имперская депутація покорно исполнила ихъ волю. Впрочемъ, государи при первой возможности сами заняли земли, назначенныя имъ въ вознагражденіе, вооруженной рукой и главное постановленіе имперской депутаціи, состоявшееся 25 февраля

1802 г., отъ котораго обыкновенно производятъ эти измѣненія въ Германіи, лишь подтвердило совершившійся фактъ. Такимъ образомъ, главное постановленіе имперской депутаціи было, собственно говоря, лишь запоздалой комедіей.

На лѣвомъ берегу Рейна, перешедшемъ къ Франціи, исчезли курфюршества и епископства майнцское, кёльнское и трирское: они были секуляризированы. Нѣкоторые вольные имперскіе города здѣсь тоже потеряли свою самостоятельность. На правомъ берегу Рейна осталось лишь шесть вольныхъ имперскихъ городовъ, именно: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Всѣ остальные имперскіе города были медіатизированы и ихъ территоріи, вмѣстѣ съ духовными владѣніями, употреблены на вознагражденіе государей. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь конфискацію церковныхъ имуществъ,— какъ и во Франціи во время революціи, съ тою разницею однако, что во Франціи эти имущества были конфискованы въ пользу націи, въ Германіи же въ пользу владѣтельныхъ особъ,—именно, въ пользу тѣхъ лицъ, которыя подняли такой вопль по поводу конфискаціи церковныхъ имуществъ во Франціи и выставили ее причиной войны съ Франціей.

Наибольшее вознагражденіе получила Пруссія, чему можетъ быть, не мало способствовали ея мирныя отношенія съ Франціей за послѣдніе годы. Она получила области: Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Мюнстеръ, Эссенъ, Ферденъ, Эрфуртъ, Кведлинбургъ, Мюльгаузенъ, Госларъ и Нордгаузенъ — въ общемъ, около 240 квадратныхъ миль, тогда какъ потеряла она на лѣвомъ берегу Рейна всего 46 квадратныхъ миль. Баденъ получилъ Пфальцъ, Констанцъ и нѣкоторыя части епископствъ; Вюртембергъ получилъ нѣсколько имперскихъ городовъ и церковныхъ владѣній; Баварія же — области: Вюрцбургъ, Бамбергъ и Фрейзингъ. Курфюрстъ Майнцскій получилъ Регенсбургскую область, Ашаффенбургъ и Ветцларъ. Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Кассель стали свѣтскими курфюршествами; новыхъ церковныхъ курфюршествъ не было создано. Затѣмъ, бывшее епископство Зальцбургское было дано прежнему великому герцогу тосканскому; герцогъ моденскій получилъ Брейсгау. Наконецъ, бывшій генералъ-штаттгалтеръ голландскій получилъ секуляризованное епископство Фульду.

Такъ раздѣлили Германію царь и первый консулъ. Они уменьшили историческую раздробленность, сдѣлавшую Германію предметомъ насмѣшекъ Европы; но они всетаки оставили ее въ достаточной степени для того, чтобы Германія была слабой и безпомощной.

На этой слабости Германіи первый консулъ и царь основывали завоевательные планы, занимавшіе ихъ. Что царь могъ регулировать новое распредѣленіе Германіи по своему усмотрѣнію, это было однимъ изъ первыхъ плодовъ раздѣла Польши, въ которомъ такъ много повинны Пруссія и Австрія.

Честолюбіе Бонапарта гнало его все дальше и дальше впередъ. Его фактическая власть не удовлетворяла его, онъ хотѣлъ окружить себя и внѣшнимъ блескомъ. Общественное мнѣніе, встревоженное конкордатомъ и почетнымъ легіономъ, онъ успокоилъ до нѣкоторой степени, повелѣвъ ученымъ составить гражданскій кодексъ. „Единственно полезная и нужная свободная конституція есть хорошій гражданскій кодексъ", сказалъ онъ однажды. Бонапартъ позаботился также о просвѣщеніи, основавъ политехническій институтъ. Проведеніе каналовъ и дорогъ, сооруженіе мостовъ, основаніе естественныхъ и художественныхъ музеевъ нравилось французамъ.

Обладая государственной властью, Бонапартъ, хотя у него и не было непосредственныхъ наслѣдниковъ, хотѣлъ прикрѣпить ее къ себѣ. Камбасересъ уже давно зондировалъ среди вліятельныхъ политиковъ и теперь сенату дано было понять, что слѣдуетъ представить первому консулу новое доказательство національной признательности. Сенатъ продлилъ консульство Бонапарта на десять лѣтъ, такъ какъ пожизненное занятіе должности, чего хотѣлъ Бонапартъ, онъ не могъ считать согласнымъ съ конституціею.

Но Бонапартъ остался недоволенъ этимъ доказательствомъ національной признательности; онъ безусловно не желалъ подвергаться случайностямъ выборовъ на мѣсто главы государства. Оскорбленный, онъ хотѣлъ уже отклонить постановленіе сената, какъ Камбасересъ сдѣлалъ предложеніе, которое показалось ему подходящимъ. По предложенію Камбасереса, Бонапартъ принялъ назначеніе его первымъ консуломъ на десять лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы этотъ вопросъ былъ переданъ на народное рѣшеніе. Государственный совѣтъ назначилъ народное голосованіе, но поставилъ вопросъ такъ, что народъ долженъ былъ рѣшить, быть ли Бонапарту *пожизненнымъ* консуломъ? Этотъ фокусъ, въ которомъ насиліе было такъ же мало прикрыто, какъ и коварство, былъ выполненъ посредствомъ яко-бы демократической комедіи плебесцита. Народъ, чувствовавшій себя спокойнѣе при консульствѣ, чѣмъ раньше, рѣшилъ въ пользу Бонапарта: изъ 3.577,259 гражданъ, участвовавшихъ въ голосованіи, 3.568,885 высказались за пожизненное консульство. Тогда сенатъ, сожалѣвшій, что не угадалъ желаній Бонапарта, исправилъ свой поступокъ и принялъ такое постановленіе.

„Французскій народъ назначаетъ и сенатъ объявляетъ Наполеона Бонапарта пожизненнымъ консуломъ. Статуя мира съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ и декретомъ сената въ другой будетъ свидѣтельствовать передъ потомствомъ о признательности націи. Сенатъ представитъ первому консулу выраженіе довѣрія, любви и изумленія французскаго народа".

Когда Бонапартъ достигъ такого увеличенія своей власти, думали, что онъ на нѣкоторое время успокоится. Но ошибочность такого мнѣнія не замедлила обнаружиться: Бонапартъ замѣнилъ конституцію VIII года конституціей X года, въ которой уничтожилъ почти всѣ конституціонныя ограниче[illegible] своей власти, при-

близивъ свое положеніе и по формѣ къ абсолютизму, какимъ оно уже давно было по существу.

Изобрѣтенные Сійесомъ списки нотаблей Бонапартъ уничтожилъ. Ихъ мѣсто заняли теперь пожизненныя избирательныя коллегіи, что называли возстановленіемъ избирательнаго права, такъ какъ избирательныя коллегіи назначались на основаніи общаго списка гражданъ. Народу казалось совершенно безразличнымъ, есть ли это избирательное право, или нѣтъ. Раболѣпный сенатъ былъ увеличенъ 40 членами и имѣлъ теперь право измѣнять конституцію посредствомъ такъ называемыхъ органическихъ постановленій сената; онъ могъ также распускать законодательный корпусъ и трибунатъ. Трибунатъ же, время отъ времени позволявшій себѣ противодѣйствовать деспотизму Бонапарта, былъ сведенъ до 50 членовъ и его засѣданія стали закрытыми.

Всѣ консулы назначены были пожизненно; первый консулъ получилъ еще право помилованія, тогда какъ сенатъ могъ отмѣнять приговоры судовъ, если находилъ ихъ вредными для государства.

Первый консулъ могъ по своему усмотрѣнію объявлять войну и заключать миръ. Затѣмъ онъ могъ назначить себѣ преемника, чѣмъ была возстановлена наслѣдственность высшей власти въ государствѣ. Теперь Бонапартъ держалъ себя уже какъ неограниченный монархъ и велѣлъ чеканить монету со своимъ изображеніемъ и надписью: *„Наполеонъ Бонапартъ, первый консулъ“*.

Можно было бы думать, что „человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и небольшимъ честолюбіемъ“, какъ характеризовалъ себя Бонапартъ, удовлетворится столь необычайно-властнымъ положеніемъ. Путемъ преступленія противъ конституціи, путемъ государственнаго преступленія сталъ онъ во главѣ государства; но все-таки передъ нимъ была прекрасная и оригинальная роль, если бы онъ удовлетворенія своего честолюбія искалъ въ счастьѣ Франціи. Онъ могъ сдѣлать великое дѣло не только для Франціи, но и для всей Европы, для всего человѣчества, если бы онъ создалъ установленія, которыя могли бы служить основой свободнаго и народнаго государства. Но насколько блестящъ былъ его геній, настолько же мелка была его душа. Онъ искалъ удовлетворенія лишь въ безпрестанномъ увеличеніи блеска своей власти, которую онъ довелъ почти до азіатскаго деспотизма. Мыслителей и философовъ онъ съ презрѣніемъ называлъ *„идеологами“*. Народъ подъ его владычествомъ оставался приблизительно въ столь же печальномъ положеніи, какъ и раньше, но онъ съумѣлъ занять массу своими войнами. Кого не поглощала война, тѣхъ занималъ онъ предпринятыми имъ общественными сооруженіями. Ни одного имени во Франціи не слышно было уже рядомъ съ его именемъ и правленіе его вскорѣ стало столь же абсолютнымъ, какъ и правленіе Людовика XIV.

На прекрасномъ островѣ Гаити или Санъ-Доминго, послѣ ожесточенной борьбы между черными, цвѣтными и бѣлыми, при участіи французовъ и англичанъ, постепенно образовалась негрская республика, во главѣ которой стоялъ негръ Туссэнъ ля-Увертюръ,

пользовавшійся сильной диктаторской властью. Этотъ Туссэнъ, человѣкъ умный и энергичный, возвысившійся до своей властной роли изъ низкаго положенія раба, подражалъ во многихъ отношеніяхъ консулу Бонапарту, что, можетъ быть, не особенно нравилось этому послѣднему. Негры боготворили Туссэна, какъ освободителя ихъ расы.

Бонапартъ съ самаго же начала былъ недоволенъ диктатурой Туссэна, но ничего не предпринималъ противъ него до начала мирныхъ переговоровъ съ Англіей. Тогда, когда море снова стало свободнымъ, онъ бросилъ жадные взоры на этотъ островъ. Франція никогда формально не признавала независимости Гаити и на этомъ Бонапартъ обосновалъ свое предпріятіе. Сенатъ долженъ былъ объявить, что цвѣтомъ кожи природа установила различіе между людьми и что черные не могутъ имѣть тѣхъ правъ, какія имѣютъ бѣлые. Этой безсмыслицей хотѣли оправдать насильственную политику Бонапарта.

Туссэнъ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей и оказавшій ей раньше большую услугу своей борьбой съ англичанами, не хотѣлъ подчиниться рѣшенію Бонапарта, по которому островъ Гаити изъ самостоятельнаго государства превращался въ колонію Франціи. Бонапартъ рѣшилъ занять островъ оружіемъ.

Во французскихъ гаваняхъ западнаго берега адмиралъ Виллярэ-Жуайезъ собралъ сильную эскадру, которая съ 25,000 солдатъ отплыла къ Гаити. Начальствованіе надъ этой арміей поручено было молодому генералу Леклеру, отличившемуся во время походовъ въ Германіи, а также 18 брюмэра и женатому на сестрѣ Бонапарта, легкомысленной Полинѣ.

Однако покорить островъ оказалось не такъ легко, какъ полагали въ Парижѣ. Туссэнъ ля-Увертюръ и предводители негровъ: Якобъ Дессалинъ и Генрихъ Кристофъ защищали свою родину отъ французовъ съ большой храбростью. Въ открытомъ полѣ они часто должны были отступать передъ преобладавшей силою французовъ, но побѣдить ихъ было невозможно и они вели кровавую партизанскую войну со своими врагами. Французы сильно страдали отъ климата Гаити и Леклеръ понялъ, что въ открытой борьбѣ онъ не достигнетъ своей цѣли. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ всѣ постыдныя средства подкупа и обмана и, дѣйствительно, ему удалось устроить такъ, что остальные вожди негровъ оставили Туссэна. Когда Туссэнъ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе французамъ невозможно, онъ заключилъ съ Леклеромъ капитуляцію, состоявшуюся въ маѣ 1802 г. Туссэнъ покорился и призналъ верховную власть Франціи, причемъ ему были оставлены его имѣнія, чинъ генерала и свобода. Затѣмъ, Туссэнъ спокойно жилъ въ своемъ имѣніи Эннэри, не прекращая сношеній съ неграми. Но французы считали его слишкомъ опаснымъ для того, чтобы оставить его на свободѣ, и рѣшили погубить его. Обманомъ предонъ былъ предводитель негровъ въ руки французовъ. Леклеръ пригласилъ его на свиданіе подъ предлогомъ, будто онъ желаетъ узнать, какія мѣстности Гаити болѣе

здоровы. Не подозрѣвая ничего дурного, Туссэнъ принялъ предложеніе и, такъ какъ онъ былъ нѣсколько тщеславенъ, то отправился даже съ удовольствіемъ. „Бѣлые все-таки не обойдутся безъ стараго чернаго Туссэна", говорилъ онъ. Съ нѣсколькими неграми онъ прибылъ на мѣсто свиданія. Леклеръ сейчасъ же велѣлъ сильному отряду французскихъ солдатъ напасть на Туссэна, обезоружить его и доставить на бортъ приготовленнаго къ отправкѣ судна, которое затѣмъ отплыло съ плѣнникомъ во Францію.

Туссэнъ зналъ, что онъ погибъ, и переносилъ тяжелый ударъ съ величественнымъ презрѣніемъ къ постыдному поведенію французовъ. Когда его доставили на корабль, онъ сказалъ: *„Со мною палъ лишь стволъ дерева свободы черныхъ. Но корни остались: они дадутъ новые побѣги, потому что они глубоки и многочисленны"*.

Бонапартъ велѣлъ заключить плѣннаго негрскаго генерала безъ всякаго суда и слѣдствія въ глубокіе и страшные казематы форта Жу, въ которыхъ сидѣлъ нѣкогда Мирабо. Такъ возобновилъ Бонапартъ деспотизмъ стараго строя. Съ Туссэномъ обращались крайне сурово и буквально замучили его. 5-го апрѣля 1803 г. смерть избавила его отъ мучителей.

Французы старались оправдать это постыдное дѣло, приписывая Туссэну письмо, въ которомъ говорилось о предстоящемъ возстаніи негровъ. Но негровъ—поступокъ съ Туссеномъ привелъ въ ярость: образовался сильный заговоръ, и когда стало извѣстнымъ, что французы на нѣкоторыхъ Антильскихъ островахъ снова ввели рабство, вспыхнуло въ 1803 г. предсказанное Туссэномъ возстаніе негровъ. Французы, страшно страдавшіе отъ желтой лихорадки, увидѣли, что всѣ цвѣтные возстали противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и въ начавшейся затѣмъ кровопролитной партизанской войнѣ не могли уже управиться съ неграми. Леклеръ самъ умеръ отъ желтой лихорадки и остатки французскаго войска должны были оставить Гаити, послѣ чего жестокій Дессалинъ, предводитель негровъ, объявившій себя впослѣдствіи императоромъ Гаити, устроилъ всеобщее избіеніе бѣлыхъ.

Такъ Франція навсегда потеряла этотъ прекрасный островъ, и предательское насиліе надъ Туссэномъ ля-Увертюромъ дорого обошлось французамъ.

Директорія, къ которой послѣ изгнанія русскихъ и австрійцевъ перешло управленіе Швейцаріей по конституціи 1798 г., состояла, послѣ выхода изъ нея базельскаго демократа Петра Окса, изъ Лагарна, Оберлина, Секретана, Дольдера и Савари. Первые трое были республиканцы по убѣжденію, Дольдеръ же и Савари были сторонниками Бонапарта. Они хотѣли преобразовать Швейцарію по образцу консульскаго правленія во Франціи. 7-го января 1800 г. они произвели свое восемьнадцатое брюмэра; трое республиканскихъ директоровъ были насильственно устранены отъ должности и мѣсто директоріи занялъ исполнительный совѣтъ изъ семи членовъ, что было одобрено Бонапартомъ. Ничего не имѣлъ онъ также и про-

тивъ уничтоженія обѣихъ палатъ, служившихъ по конституціи 1798 г. швейцарскимъ народнымъ представительствомъ. Савари и Дольдеръ опирались при этомъ на французское оружіе и думали, что устранены всѣ препятствія, мѣшавшія введенію въ Швейцаріи консульской конституціи. Но въ самомъ исполнительномъ совѣтѣ возникъ большой разладъ, потому что трое изъ членовъ ея, хотя и были противниками конституціи 1798 г., но хотѣли возстановить старое кантональное устройство Швейцаріи. Составлено было нѣсколько проектовъ новой конституціи Гельвеціи, но всѣ они были отвергнуты, чему много содѣйствовало вліяніе Бонапарта. Швейцарія находилась въ состояніи крайней неурядицы и неизвѣстно было, какимъ способомъ установить порядокъ.

Такое положеніе, очевидно, было желательно Бонапарту и теперь онъ вмѣшался въ швейцарскія дѣла. Онъ хотѣлъ организовать Швейцарію не какъ цѣльное, а какъ федералистическое государство, чтобы легче сломить ея самостоятельность. Сторонники Франціи снова произвели въ Бернѣ государственный переворотъ и установили временный сенатъ изъ 28 членовъ, который взялъ правленіе въ свои руки.

Въ 1802 г. изъ Парижа прислана была для Швейцаріи конституція, составленная Бонапартомъ и бывшая вполнѣ федералистической. Кантоны снова получали верховную власть; возстановленъ также старый сеймъ, президентъ котораго, съ титуломъ ландаманна, долженъ бы являться до нѣкоторой степени центральной властью. Сенатъ принялъ эту конституцію и обнародовалъ ее. Но швейцарцы не хотѣли и слышать о ней и, когда, вслѣдствіе всеобщаго мира, французскія войска оставили Швейцарію, взялись за оружіе. Бернское правительство должно было бѣжать въ Лозанну. Распря стала всеобщей, потому что и сторонники единства созвали въ Бернѣ собраніе нотаблей и объявили конституцію 1802 года уничтоженной, чтобы замѣнить ее новой по образцу 1798 года Противъ этого опять поднялись сторонники конституціи 1802 года и среди этой всеобщей неурядицы Бонапартъ, котораго просили о вмѣшательствѣ обѣ партіи, объявилъ себя «посредникомъ» въ Швейцаріи. Въ своей прокламаціи онъ упрекалъ швейцарцевъ, что они немогутъ установить порядокъ, — а между тѣмъ онъ самъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы увеличить безпорядокъ. Онъ объявилъ, что вмѣшательство его необходимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ созвалъ въ Парижѣ собраніе нотаблей, которые должны были выработать тамъ новую конституцію. Но такъ какъ въ Швейцаріи все еще было сильное противодѣйствіе стремленіямъ Бонапарта осчастливить эту страну, то въ нее вступила французская армія изъ 40,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Нэя, которая подавила здѣсь всякое сопротивленіе. Швейцарецъ Алонсъ Редингъ, предводитель возстанія въ пользу возстановленія стараго кантональнаго строя, былъ захваченъ и посаженъ въ тюрьму въ Ааргау.

Въ Парижѣ была составлена новая конституція, которая получила названіе посредническаго акта. Она была объявлена 11

февраля 1803 г. и введена назначенной Бонапартомъ комиссіей изъ семи членовъ. Эта конституція признавала Бонапарта покровителемъ Швейцаріи. Затѣмъ онъ составилъ новыя учрежденія по своему вкусу, причемъ особенное предпочтеніе было оказано патриціямъ.

По новой конституціи, которою подъ давленіемъ военной силы Бонапарта была осчастливлена Швейцарія, страна эта состояла изъ 19 кантоновъ. Кантоны эти были слѣдующіе: Аргау, Аппенцель, Базель, Фрейбургъ, Гларусъ, Леманъ (Ваадтъ), Люцернъ, Реція (Граубюнденъ), Шаффгаузенъ, Швицъ, Золотурнъ, Сенъ-Галленъ, Тессинъ, Тургау, Унтервальденъ, Ури, Цюрихъ и Цугъ. Аристократическо-демократическая конституція объединяла эти кантоны общимъ сеймомъ (Tagsatzung), на который каждый кантонъ посылалъ одного представителя. Сеймъ, составлявшій общее правительство Швейцаріи, засѣдалъ ежегодно по очереди въ Базелѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Люцернѣ, Золотурнѣ и Цюрихѣ и бюргермейстеръ того города, кантонъ котораго былъ въ данномъ году на очереди, являлся въ качествѣ ландаманна главой центральнаго правительства.

Швейцарія должна была заключить съ Бонапартомъ договоръ, по которому она обязалась давать 16,000 человѣкъ въ войско Бонапарта и покупать у Франціи ежегодно 20,000 центнеровъ соли.

Такимъ образомъ, Швейцарія осталась федеративной республикой лишь потому, что всемогущій покровитель ея въ Парижѣ полагалъ, что федералистическая Швейцарія будетъ слабѣе централизованной, и онъ, конечно, не ошибся.

Конституція 1803 г. не содержала ничего особенно прогресивнаго. Сохраненіе же ея было достаточно обезпечено штыками Бонапарта.

Въ Англіи была партія, которая лишь противъ воли мирилась съ прекращеніемъ войны съ Франціей, хотя Англію эта война ввергла въ настоящую бездну долговъ. Это была партія Питта и его товарищей, которые надѣялись образовать съ помощью англійскихъ денегъ новую коалицію. Англійская политика съ ея алчностью и коварствомъ принесла гораздо большій вредъ мирнымъ интересамъ Европы, чѣмъ честолюбіе Бонапарта. Нарушивъ амьенскій миръ, Англія прежде всего вызвала начавшійся теперь рядъ страшныхъ войнъ, которыя опустошили Европу до 1815 г.

Первый консулъ не затруднилъ англичанамъ нарушенія амьенскаго мира. Онъ сталъ теперь полнымъ самодержцемъ и пріобрѣлъ все высокомѣріе, а также и всю чувствительность, свойственную человѣку въ этомъ положеніи. Онъ получилъ теперь цивильный листъ въ шесть милліоновъ. Чѣмъ больше приближался онъ къ монархіи, тѣмъ больше оскорбляло его всякое противорѣчіе. Насмѣшки и издѣвательства надъ первымъ консуломъ, ежедневно появлявшіяся въ англійской прессѣ, вызывали гнѣвъ властелина, что было довольно мелочно. Онъ предъявлялъ жалобы англійскому правительству на нападки прессы и на заговоры эмигрантовъ и, такъ какъ онъ не могъ получить удовлетворенія, какое ему казалось нужнымъ, то вскорѣ снова установились натянутыя отношенія между обѣими державами.

Чтобы вызвать новую войну, Англія совершила постыдное и ничѣмъ неоправдываемое нарушеніе своего обязательства. По амьенскому договору Англія торжественно обязалась возвратить о. Мальту, но не сдѣлала этого. Англія удержала Мальту и на всѣ настоянія Бонапарта отвѣчала пустыми увертками. Она ссылалась на поведеніе Бонапарта относительно Швейцаріи, на докладъ генерала Себастіани и на иныя обстоятельства, которыя нисколько не могли измѣнить того факта, что удержаніе Мальты являлось нарушеніемъ договора и мира. Бонапартъ требовалъ соблюденія *„всего амьенскаго договора“*.

Очевидно, онъ искренно желалъ тогда мира, потому что онъ хотѣлъ еще больше упрочить свое владычество внутри страны. Поэтому онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уладить конфликтъ относительно Мальты мирнымъ путемъ. Онъ хотѣлъ вывести свои войска изъ Швейцаріи и Голландіи, хотѣлъ дать Англіи, вмѣсто Мальты, иной островъ—все было напрасно. Англійская алчность желала войны и война поэтому была неизбѣжной.

Что Бонапартъ былъ раздраженъ, это вполнѣ понятно. Когда онъ узналъ, что Англія снова вооружается, онъ обратился съ жесткими словами къ англійскому послу Уайтворту (Whitworth) на одномъ собраніи въ Тюльери 13 марта 1803 г.

— Такъ вы хотите войны?

— Нѣтъ, отвѣтилъ англійскій дипломатъ.

— Нѣтъ, сказалъ Бонапартъ, — мы пятнадцать лѣтъ воевали другъ съ другомъ,—вы хотите воевать еще пятнадцать лѣтъ и хотите принудить меня къ войнѣ. „Англичане“, обратился Бонапартъ къ посламъ другихъ державъ, „хотятъ войны; но если они первые обнажатъ мечъ, то я буду послѣднимъ, который вложитъ его снова въ ножны“. Затѣмъ, онъ опять обратился къ англійскимъ посламъ: „Къ чему эти вооруженія? Противъ кого принимаются всѣ эти мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля во всѣхъ французскихъ гаваняхъ, но если вы вооружаетесь, то стану вооружаться и я; если вы готовитесь къ войнѣ, то приготовлюсь и я; вы можете разрушить Францію, но не устрашить ее“.

Англійскій посолъ далъ на это лицемѣрный отвѣтъ:

— Мы не хотимъ ни того, ни другого; мы хотимъ жить въ добромъ согласіи съ Франціей.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Бонапартъ, — вы должны соблюдать трактаты. *Горе тѣмъ, которые позволяютъ себѣ нарушать ихъ; они отвѣтственны за это передъ всей Европой.*

Первый консулъ былъ здѣсь безусловно правъ; но англійская наглость еще никогда не заботилась о томъ, на чьей сторонѣ право. Нарушеніе амьенскаго мира было очевиднымъ; но столь же очевидной была и вздорность тѣхъ предлоговъ, которыми англійская дипломатія старалась прикрыть свою безсовѣстность и жадность.

Послѣ нѣсколькихъ призрачныхъ попытокъ рѣшить вопросъ мирно, англійскій посолъ уѣхалъ изъ Парижа и 18 марта 1803 г. Англія объявила войну Франціи.

Сейчасъ же началось обычное грабительство Англіи, обнаруживая истинный характеръ англійской политики. Еще раньше, чѣмъ объявленіе войны стало извѣстнымъ, англійскіе крейсеры уже начали охоту на французскіе торговые и транспортные корабли. Въ отвѣтъ на это Бонапартъ велѣлъ считать военноплѣнными и задержать всѣхъ англичанъ, живущихъ или путешествующихъ во Франціи. Распоряженіе Бонапарта вызвало много шума въ Англіи и дружественныхъ ей странахъ, такъ что даже Камбасересъ совѣтовалъ отмѣнить это мѣропріятіе. Изъ англичанъ задержаны были лишь тѣ, которые принадлежали къ англійской милиціи и путешествовали по порученію своего правительства. Они даже не были заключены въ тюрьмы, а только помѣщены на честное слово во французскихъ крѣпостяхъ.

Изъ этого можно видѣть, какъ безтолково часто бываетъ общественное мнѣніе; въ данномъ случаѣ оно приняло сторону Англіи, коварное поведеніе которой должно было бы вызвать всеобщее возмущеніе, если бы общественное мнѣніе было справедливымъ.

Бонапартъ былъ до крайности раздраженъ поведеніемъ Англіи и задумалъ теперь серьезное нападеніе на Британскія острова. О побѣдѣ англійскаго флота въ открытомъ морѣ послѣ опытовъ при Сенъ-Винцентѣ и Абукирѣ и думать было невозможно; закрыть для англійской торговли европейскій материкъ, для этого Бонапартъ не имѣлъ достаточно силы; такимъ образомъ онъ рѣшилъ уничтожить страшнѣйшаго врага Франціи въ его же собственномъ жилищѣ.

Этотъ планъ представлялъ большія трудности; надо было ожидать отчаяннаго сопротивленія англичанъ; надо было также разсчитывать, что преобладающій англійскій флотъ поставитъ величайшія и опаснѣйшія препятствія французской арміи при переправѣ черезъ каналъ. Но если бы Англія была завоевана, что пришлось бы сдѣлать съ этой страной, которая навѣрное никогда не подчинилась бы вполнѣ французамъ и навсегда осталась бы источникомъ новыхъ смутъ, заговоровъ и возстаній?

Но Бонапартъ думалъ, что его энергія можетъ преодолѣть всѣ трудности и составилъ грандіозный планъ высадки въ Англію. Этотъ проектъ, выполнявшійся совершенно открыто, былъ очень популяренъ во Франціи, такъ какъ французамъ пріятно было бы, еслибы удалось проучить англичанъ за ихъ враждебное отношеніе къ французской республикѣ. Добровольно собраны были значительныя денежныя средства для покрытія расходовъ экспедиціи и итальянскія республики по собственному почину дали четыре милліона для снаряженія кораблей.

Близъ Булони, откуда должна быть отправиться экспедиція въ Англію, устроенъ былъ огромный лагерь, тянувшійся на нѣсколько часовъ пути вдоль морского берега. Здѣсь предполагалось собрать 150,000 челов., 10,000 лошадей и 400 орудій; 2,000 транспортныхъ кораблей должны были перевезти эту армію въ Англію. Работы велись съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Устраивали особые шанцы для прикрытія лагеря отъ безпрестанныхъ нападеній англійской

эскадры: предпринята была постройка огромной гавани, сборнаго пункта для флота. Придуманы были новыя суда для перевозки войска, лошадей и баттареи.

Адмиралы Декрэ и Брюи руководили этими приготовленіями къ высадкѣ, которыя вскорѣ приняли такіе размѣры, что морской берегъ у Булони былъ покрытъ настоящими военными колоніями. Бонапартъ самъ часто являлся туда, чтобы ускорить работы. Одновременно съ этимъ онъ велѣлъ занять курфюршество Ганноверское, состоявшее въ личной уніи съ Англіей, и теперь снова возстановленное Пруссіей. Въ маѣ 1803 г. генералъ Мортье вступилъ въ Ганноверъ. Ганноверская армія подъ начальствомъ Вальмодена не довела дѣла до битвы, а капитулировала, такъ какъ ганноверцы не имѣли особеннаго желанія проливать кровь за свою принадлежность къ британскому государству. 3 іюня 1803 г. заключена была въ Золингенѣ капитуляція, въ силу которой ганноверская армія отступила за Эльбу, обязавшись честнымъ словомъ не принимать участія въ настоящей войнѣ, Ганноверъ же предоставить французамъ. Георгъ III пришелъ въ такую ярость, когда министръ представлялъ ему этотъ договоръ, что бросилъ его въ лицо министру. Онъ отказался дать ему свое утвержденіе. Но ганноверцы, для которыхъ было совершенно безразлично, принадлежать ли Англіи, или Франціи, разъ они должны принадлежать иностранной державѣ, сложили оружіе и разошлись по домамъ. 30,000 французовъ заняли Ганноверъ, имѣвшій сверхъ того еще контрибуцію. Ганноверскія сѣверныя гавани были закрыты, что причинило чувствительный вредъ англійской торговлѣ.

Хотя англичане и похвалялись, что ни одинъ французъ не вступитъ на англійскую почву, имъ стало жутко, когда они увидѣли, какъ успѣшно идутъ работы въ Булонскомъ лагерѣ. У нихъ не было сухопутной арміи, которая могла бы устоять противъ французовъ. Но Питтъ, при этихъ критическихъ обстоятельствахъ, снова вернувшійся къ власти, вспомнилъ, что иностранныя державы въ долгихъ революціонныхъ войнахъ такъ часто продавали за англійское золото кровь своихъ народовъ. Теперь снова обратились къ этому испытанному средству и Питтъ образовалъ третью большую коалицію, чѣмъ ему удалось отвратить отъ Англіи грозившее ей нападеніе и ограничить войну европейскимъ материкомъ.

Чѣмъ больше Бонапартъ вводилъ монархическія установленія, тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція его планамъ. Въ арміи было еще много республиканскихъ элементовъ и во главѣ ихъ стоялъ генералъ Моро. Побѣдитель при Гогенлинденѣ, какъ мы видѣли, имѣлъ мужество смѣяться надъ монархическими выходками Бонапарта; Бонапарта это очень раздражало и будущій самодержецъ не легко прощалъ оскорбленія, какъ всѣ тщеславные люди, и меньше всего могъ выносить насмѣшки. Онъ предварительно сдѣлалъ попытку расположить Моро въ свою пользу. Но Моро оставался холоднымъ и сторонился человѣка, старавшагося основать на

развалинахъ республики самодержавіе. Когда однажды Моро былъ у Бонапарта и Карно принесъ пару прекрасныхъ пистолетовъ для перваго консула, этотъ послѣдній сказалъ: „они какъ разъ хороши для Моро!“ Моро принялъ подарокъ съ такимъ выраженіемъ лица, точно съ нимъ случилось что-то очень непріятное. Позже Моро не пожелалъ явиться на одно изъ празднествъ перваго консула, что очень не понравилось Бонапарту и онъ не пригласилъ Моро на другое оффиціальное празднество. Насмѣшка Моро надъ почетнымъ легіономъ довела натянутость отношеній между обоими знаменитыми полководцами до вражды. Вокругъ Моро, считавшагося главой республиканцевъ въ арміи, собрались всѣ недовольные уничтоженіемъ демократическихъ установленій Бонапартомъ, и такимъ образомъ Моро, можетъ быть, противъ собственной воли сталъ главой партіи. Это былъ человѣкъ честный и мужественный, но ему не доставало рѣшительности и серьезнымъ соперникомъ Бонапарта онъ, конечно, никогда не могъ бы стать. Сверхъ того, онъ слишкомъ поддавался вліянію своей жены, женщины честолюбивой и имѣвшей аристократическія наклонности.

Когда въ арміи образовывалась республиканская оппозиція Бонапарту, роялисты тоже усердно вели свое дѣло. Эмигрировавшіе французскіе принцы устроили обширный заговоръ, цѣлью котораго было убійство Бонапарта. Британское правительство поддерживало этотъ заговоръ и нѣкоторые изъ его пословъ, какъ впослѣдствіи было доказано, много содѣйствовали ему, именно, послы въ Мюнхенѣ и Штуттгартѣ. Хотѣли вызвать роялистическое возстаніе и герцогъ Энгьенскій, внукъ принца Кондэ, поселился близъ французской границы, въ Эттэнгеймѣ на баденской территоріи, чтобы имѣть возможность сейчасъ же стать во главѣ роялистическаго возстанія.

Но главныя нити этого большого заговора сходились въ Лондонѣ. Тамъ къ этому времени поселился знаменитый завоеватель Голландіи, генералъ Пишегрю, сосланный, какъ роялистъ, послѣ переворота 28 фрюктидора 1797 г. въ Кайену, и бѣжавшій оттуда. Онъ вступилъ въ сношенія съ другимъ бѣглецомъ, жившимъ въ Лондонѣ, необузданнымъ предводителемъ бретанскихъ бандъ, Жоржемъ Кадудалемъ, устроившимъ покушеніе съ адской машиной. Англійское правительство давало деньги на это предпріятіе, потому что Питтъ въ средствахъ сжить со свѣта столь ненавистнаго ему Бонапарта былъ гораздо менѣе разборчивъ, чѣмъ Бонапартъ въ средствахъ достиженія власти. Наблюдали тщательно за настроеніемъ въ Парижѣ и Пишегрю надѣялся вовлечь въ заговоръ генерала Моро. Въ этомъ онъ долженъ былъ разочароваться.

Пишегрю и Кадудаль приблизительно съ тридцатью рѣшительными роялистическими заговорщиками прибыли во Францію. Среди заговорщиковъ находились также братья Полиньякъ, одинъ изъ которыхъ впослѣдствіи игралъ нѣкоторую роль въ качествѣ министра Карла X. Англійскій капитанъ Райтъ (Whrigt) высадилъ заговорщиковъ въ Монбіанѣ на сушу. У нихъ

были хорошія связи и они устроили своего рода этапную дорогу отъ морского берега до Парижа.

Кадудаль хотѣлъ придать дѣлу нѣсколько рыцарскую окраску, чтобы предохранить себя отъ обвиненія въ тайномъ убійствѣ. Онъ хотѣлъ открыто напасть во главѣ сотни рѣшительныхъ шуановъ на перваго консула, когда тотъ отправится со своей лейбъ-гвардіей изъ Парижа въ Мальмэзонъ. Затѣмъ, онъ разсчитывалъ собственноручно убить Бонапарта въ единоборствѣ. Этимъ онъ думалъ придать покушенію видъ битвы. Такое предпріятіе вполнѣ соотвѣтствовало натурѣ необузданнаго и презиравшаго смерть Кадудаля.

Пишегрю и Кадудаль скрывались въ Парижѣ такъ искусно, что объ ихъ прибытіи не было ничего извѣстно. Вскорѣ Пишегрю удалось войти въ тайныя сношенія съ Моро и Моро имѣлъ неосторожность сноситься со старымъ товарищемъ по оружію. Пишегрю устроилъ свиданіе его съ Кадудалемъ, дикій фанатизмъ котораго могъ лишь оттолкнуть Моро. Моро гнушался покушеній и не хотѣлъ ничего и слышать о Кадудалѣ, который въ свою очередь отзывался очень презрительно о Моро и называлъ его трусомъ. Моро, повидимому, не имѣлъ желанія вмѣшиваться въ роялистическіе планы, какъ ни сильна была его ненависть къ Бонапарту. Но онъ достаточно скомпрометировалъ себя сношеніями съ Пишегрю, чтобы его не могли привлечь къ отвѣтственности.

Выполненіе покушенія замедлилось, потому что Кадудаль хотѣлъ, чтобы какой нибудь изъ французскихъ принцевъ былъ при томъ, какъ онъ зарубитъ Бонапарта на пути въ Мальмэзонъ. Эти принцы, искусно умѣвшіе держать въ безопасности свои высокія особы, когда ихъ сторонники умирали за нихъ, понятно, не имѣли охоты принимать участіе въ опасномъ приключеніи.

Тѣмъ временемъ заговоръ былъ открытъ полиціей. Три роялистическихъ агента, ходившихъ изъ Парижа къ морю и обратно, были заподозрѣны полиціей и, такъ какъ уже до нея дошли темные слухи о предпріятіи Кадудаля, то эти три человѣка были подвергнуты пыткѣ. Они были признаны агентами Кадудаля и военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Имъ обѣщали даровать жизнь, если они выдадутъ своихъ сообщниковъ. Но двое изъ осужденныхъ были разстрѣляны, никого не выдавъ; третій упалъ духомъ передъ ружьями, направленными на него, и выдалъ. Такимъ образомъ, полиція узнала, что Кадудаль и Пишегрю уже давно живутъ въ Парижѣ съ цѣлью убить перваго консула.

Получивъ такія свѣдѣнія, полиція разузнала вскорѣ и дальнѣйшія подробности. Однако ей не легко было захватить заговорщиковъ и Кадудаль былъ такъ хитеръ и смѣлъ, что, говорили, будто онъ, переодѣвшись слугой, проникъ въ Тюльери, чтобы убить Бонапарта, но случайно не нашелъ его. Разслѣдованія полиціи оставались безъ результатовъ, пока Бонапартъ не принялъ строжайшихъ мѣръ. Онъ велѣлъ закрыть парижскія заставы и строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы никт[illegible] выйти изъ города.

Особымъ закономъ назначена была смертная казнь каждому, кто дастъ убѣжище заговорщикамъ; кто зналъ ихъ мѣстопребываніе и не донесъ объ этомъ, тотъ подлежалъ шестилѣтнему тюремному заключенію въ цѣпяхъ. День и ночь обыскивались дома. Пишегрю выдали и онъ былъ арестованъ. Кададуль, не могшій уже найти никакого убѣжища, дни и ночи ѣздилъ въ дрожкахъ, пока его, наконецъ, не выслѣдили двое полицейскихъ. Когда они задержали его экипажъ, онъ застрѣлилъ одного изъ нихъ, но тѣмъ не менѣе былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Въ то же время былъ арестованъ и Моро въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ совершенно спокойно жилъ. Арестъ его вызвалъ сильные толки въ Парижѣ, причемъ говорилось мало лестнаго о первомъ консулѣ. Большинство не вѣрило, что Моро участвовалъ въ такомъ заговорѣ, другіе же утверждали, что вся эта исторія вымышлена Бонапартомъ съ цѣлью погубить генерала Моро, военная слава котораго мѣшала ему. Въ трибунатѣ нашлись рабскія души, которыя, желая угодить первому консулу, признали вину Моро доказанной. Когда же братъ Моро протестовалъ противъ этого, то надъ нимъ издѣвались. Рабскія души показали себя во всей своей наготѣ.

Первый консулъ получилъ отъ своихъ креатуръ самыя краснорѣчивыя увѣренія въ ихъ радости по поводу того, что онъ спасся отъ столь страшнаго комплота. Самъ же Бонапартъ выразилъ свой гнѣвъ противъ Пишегрю и особенно противъ Моро. „Я расправлюсь съ Моро“, воскликнулъ Бонапартъ,—„такъ-же какъ со всякимъ инымъ, потому что онъ входитъ въ комплоты, которые по своимъ цѣлямъ гнусны, а по сношеніямъ, необходимымъ для нихъ, постыдны“. Заговорщику 18 брюмэра не слѣдовало бы говорить ни о гнусности, ни о постыдности.

Слѣдствіе установило, что одинъ бурбонскій принцъ, имя котораго не было названо, руководилъ комплотомъ и готовъ былъ явиться, чтобы присутствовать при убійствѣ Бонапарта Кадудалемъ. Это не могъ быть ни кто иной, какъ графъ д'Артуа. Бонапартъ, еще недавно тщетно сносившійся съ Бурбонами относительно того, не пожелаютъ ли они отказаться отъ своихъ притязаній за какое либо вознагражденіе, былъ исполненъ сильной ненависти къ Бурбонамъ и поклялся отомстить имъ. Онъ изливался въ яростныхъ выраженіяхъ противъ Бурбоновъ. Онъ говорилъ: „Эти Бурбоны воображаютъ, что мою кровь можно пролить, какъ кровь какой нибудь скотины! Но моя кровь такъ-же дорога, какъ и ихъ. Я имъ покажу страхъ, который они хотятъ внушить мнѣ. *Перваго изъ этихъ принцевъ, какой только попадется въ мои руки, я безъ милосердія велю разстрѣлять.* Я имъ покажу, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Какой нибудь Бурбонъ значитъ для меня не больше, чѣмъ Моро или Пишегрю,—даже гораздо меньше. Эти принцы, считающіе себя неприкосновенными, не задумываясь губятъ массу несчастныхъ и затѣмъ прячутся за море. Пусть же они берегутся: я такъ-же безпощадно пролью кровь какого нибудь Бурбона, какъ и кровь послѣдняго шуана“.

Этотъ взрывъ ярости бросаетъ яркій свѣтъ на то, что затѣмъ случилось съ герцогомъ Энгьенскимъ.

Этотъ молодой принцъ служилъ въ корпусѣ эмигрантовъ во время революціонныхъ войнъ и состоялъ на жалованьи у англичанъ. Теперь онъ жилъ въ Эттингеймѣ, въ баденскомъ герцогствѣ, на англійскія деньги. У него была здѣсь любовная связь съ графинею де Рогонъ-Рошфоръ. Въ общемъ, это былъ человѣкъ довольно незначительный. Непосредственнаго участія въ заговорѣ онъ, навѣрное, не принималъ. Думалъ ли Бонапартъ, что герцогъ Энгьенскій и есть тотъ принцъ, участіе котораго въ заговорѣ было открыто, или нѣтъ, онъ рѣшилъ показать примѣръ на этомъ герцогѣ, чтобы отучить Бурбоновъ отъ дальнѣйшихъ заговоровъ.

Герцогъ жилъ на нейтральной территоріи, нейтралитетъ которой нужно было нарушить для того, чтобы завладѣть имъ. Но какое же значеніе могъ имѣть для Бонапарта нейтралитетъ маленькаго государства, состоявшаго въ мирѣ съ Франціей! Коленкуръ, покорное орудіе Бонапарта, получилъ простой приказъ схватить герцога Энгьенскаго и доставить въ Парижъ. Ночью 15 мая 1804 г. Коленкуръ съ 300 драгуновъ подъ начальствомъ полковника Орденэ переправился черезъ Рейнъ. Городишко Эттенгеймъ былъ окруженъ и французы вторглись въ жилище герцога. Онъ сперва хотѣлъ было защищаться, но затѣмъ увидѣлъ, что это невозможно, и сдался. Его доставили сперва въ страсбургскую цитадель, затѣмъ въ Парижъ, а оттуда въ Венсеннъ. Тамъ нарядили надъ нимъ военно-судную комиссію, предсѣдателемъ которой былъ генералъ Бюлленъ, участвовавшій во взятіи Бастиліи. Герцогу не могли доказать, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ. Но онъ подлежалъ еще дѣйствію закона объ эмигрантахъ, по которому эмигранты, участвовавшіе въ войнѣ съ Франціей, могли быть приговорены къ смертной казни. Принцъ призналъ передъ военно-судной комиссіей, что онъ, состоя на англійскомъ жалованьи, воевалъ съ Франціей. Комиссія присудила его къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе и этотъ приговоръ былъ безпощадно немедленно же исполненъ подъ руководствомъ генерала Савари при свѣтѣ факеловъ въ ночь на 22 марта 1804 г. Могила, въ которой похоронили трупъ, была вырыта еще во время разбора дѣла.

Этотъ случай вызвалъ чрезвычайное возбужденіе, которымъ враги Бонапарта пользовались всѣми силами. Правда, международное право было нарушено здѣсь далеко не такъ нагло, какъ при убійствѣ пословъ въ Раштадтѣ, но реакціонеры въ подобныхъ случаяхъ всегда проявляютъ непостижимое искусство. Сверхъ того, жертвой здѣсь былъ Бурбонъ, въ Раштадтѣ же простые смертные.

Бонапартъ самъ держалъ себя въ дѣлѣ герцога Энгьенскаго со свойственной ему двусмысленностью; впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что казни онъ собственно не желалъ и лишь вслѣдствіе излишней поспѣшности его подчиненныхъ она была произведена такъ быстро, что онъ не могъ воспрепятствовать ей. Но этому противорѣчатъ всѣ обстоятельства дѣла; если бы онъ не хотѣлъ показать примѣръ на Бурбонѣ, то незачѣмъ было бы нарушать

международное право вторженіемъ въ баденскую территорію. Впрочемъ, Бурбоны съ этихъ поръ, повидимому, уже не составляли заговоровъ на жизнь Бонапарта.

22 марта былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгьенскій, а 7 апрѣля генералъ Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Онъ, очевидно, былъ удавленъ. Вокругъ шеи Пишегрю былъ завязанъ черный шелковый платокъ, въ который была продѣта палка. Говорили, будто онъ вертѣлъ эту палку до тѣхъ поръ, пока не потерялъ сознанія и не задохся. Но въ публикѣ не вѣрили этому объясненію и разсказывали, будто Бонапартъ велѣлъ задушить своего бывшаго учителя въ Бріенской военной школѣ. Смерть завоевателя Голландіи такъ и осталась невыясненной, и тотъ взглядъ, будто онъ былъ убитъ, удержался, хотя съ другой стороны, Бонапартъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что раболѣпные судьи обвинятъ Пишегрю. Вскорѣ послѣ этого и англійскій капитанъ Райтъ (Whrigt), привезшій заговорщиковъ во Францію и затѣмъ взятый въ плѣнъ въ одной морской стычкѣ, былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Это еще болѣе усилило слухи о тайныхъ убійствахъ въ тюрьмахъ.

Кадудаль со своими товарищами держалъ себя передъ судьями Бонапарта гордо и энергично. Этотъ неукротимый шуанъ сохранилъ мужество до послѣдняго мгновенія и осыпалъ своихъ судей ѣдкими насмѣшками. Президента суда, извѣстнаго прежняго якобинца Тюріо (Thuriot), предсѣдательствовавшаго 9 тэрмидора въ конвентѣ, онъ называлъ не иначе, какъ monsieur Tue-roi!—господинъ цареубійца! Двадцать заговорщиковъ приговорены были къ смертной казни, но семь изъ нихъ, среди которыхъ былъ и Арманъ де-Полиньякъ, помилованы. Кадудаль и его шуаны пошли на смерть безъ всякаго страха; неукротимый заговорщикъ повелъ своихъ товарищей на эшафотъ, точно на бой. Бонапартъ могъ лишь тогда свободно вздохнуть, когда навсегда освободился отъ этого страшнаго врага.

Съ Моро управиться не такъ было легко: общественное мнѣніе въ народѣ и арміи стояло за славнаго генерала, который служилъ своему отечеству въ столь многихъ кризисахъ съ полнымъ самопожертвованіемъ и самоотверженіемъ. Судьи хотѣли оправдать его, такъ какъ можно было доказать лишь то, что онъ два раза имѣлъ свиданіе съ Пишегрю. Однако боялись, что оправданіе подвергнетъ Моро мести Бонапарта и такимъ образомъ судъ приговорилъ Моро къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Вслѣдствіе различныхъ ходатайствъ, въ которыхъ принималъ очень живое участіе и Фуше, этотъ приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ и Моро отправился въ Сѣверную Америку. Политическая и военная роль его была окончена. Онъ увезъ съ собой славу храбраго солдата, чистаго характера и благороднаго человѣка. У французовъ онъ омрачилъ свою память тѣмъ, что въ 1813 г. примкнулъ къ русскому императору изъ ненависти къ своему смертному врагу, Бонапарту, и трагическая смерть его въ битвѣ близъ Дрездена доставила ему лишь нѣкоторое почтеніе со стороны Бурбоновъ.

Послѣ подавленія этого послѣдняго опаснаго заговора роялистовъ, Бонапартъ не встрѣчалъ уже препятствій на пути къ верховной власти въ желанной ему формѣ. Онъ хотѣлъ доставить своему положенію блескъ, сіяющій втеченіе многихъ вѣковъ, и протянулъ руку къ коронѣ, чтобы возложить ее на свою голову. Блескъ его короны ослѣплялъ его самого, можетъ быть, больше, чѣмъ его современниковъ.

Занятіе Ганновера привело къ сближенію Пруссіи съ Россіей, такъ какъ Александръ I, человѣкъ исполненный честолюбія, автократизма и фантастическихъ воззрѣній, желалъ играть роль третейскаго судьи. Англія не желала его суда и поэтому онъ заключилъ личную дружбу съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III прусскимъ, причемъ онъ лишь плохо могъ скрыть свою эгоистичную политику. Александръ хотѣлъ образовать противовѣсъ единовременно и противъ Англіи и противъ Франціи. Но Пруссію онъ не могъ побудить къ рѣшительнымъ шагамъ; она требовала отъ Бонапарта лишь освобожденія ганноверскихъ гаваней на Сѣверномъ морѣ. Бонапартъ отклонилъ это требованіе, но предложилъ Пруссіи союзъ противъ Англіи и курфюршество Ганноверское. Хотя разумный прусскій министръ Гаугвицъ (Haugwitz) совѣтовалъ принять это предложеніе, что, вѣроятно, предохранило бы Пруссію отъ пораженія въ 1806 г., но оно было отклонено подъ вліяніемъ Россіи. Бонапартъ, желавшій прикрыть союзомъ съ Пруссіей свой планъ для предполагаемаго нападенія на Англію, не могъ найти опоры въ колеблющейся прусской политикѣ; поэтому онъ обратился къ Испаніи и заключилъ съ нею договоръ, по которому она обязалась платить ему ежемѣсячную субсидію въ шесть милліоновъ франковъ.

Тѣмъ временемъ англійскимъ торгашамъ, несмотря на всѣ ихъ похвальбы, стало жутко при видѣ вторженія Бонапарта въ Булони. Англійская армія изъ 130.000 человѣкъ, навербована была въ разныхъ странахъ; она состояла изъ гессенцевъ, швейцарцевъ, ганноверцевъ, ирландцевъ, шотландцевъ и мальтійцевъ и была раздѣлена между Англіей, Ирландіей, Британской Америкой, Индіей и Египтомъ. Въ Англіи собрана была резервная армія изъ 50.000 человѣкъ, въ которую, однако, сыновья зажиточныхъ и богатыхъ людей могли нанимать замѣстителей, потому что англійскіе купцы, хотя и охотно загребали барыши, доставляемые имъ хищническими набѣгами англійскаго золота, но не имѣли желанія отдавать своихъ сыновей въ военную службу: для этого были дѣти бѣдняковъ. Обнародовано было также воззваніе, приглашавшее образовать армію добровольцевъ, въ которую приглашались волонтеры, имѣвшіе отъ 17 до 55 лѣтъ. Эти добровольцы имѣли особую форму, собирались еженедѣльно на нѣсколько часовъ для военныхъ упражненій, въ остальное же время занимались своими дѣлами.

Но страхъ англійскихъ торгашей достигалъ крайней степени, когда они думали о возможности борьбы въ ихъ же странѣ съ

испытанными въ бояхъ войсками Бонапарта. Этотъ страхъ и былъ причиной того, что англійское правительство не затруднилось поддерживать заговоръ Пишегрю и Кадудаля на жизнь Бонапарта. Но когда этотъ заговоръ не удался, въ Англіи пришли къ мысли, что все же лучше, чтобы другія державы на англійскія деньги вели борьбу съ Франціей на европейскомъ материкѣ. Питтъ, вышедшій передъ амьенскимъ миромъ въ отставку, теперь легко снова сталъ во главѣ правительства съ порученіемъ образовать новую коалицію противъ Франціи.

Третья коалиція образовалась сравнительно легко, такъ какъ для подстрекательства дворовъ воспользовались казнью герцога Энгьенскаго. Въ этомъ поступкѣ Бонапарта дворы видѣли лишь одно изъ проявленій французской революціи. Казнью герцога Энгьенскаго старались пользоваться также для подстрекательства народовъ. Но Бонапартъ сдѣлалъ противъ этого ловкій ходъ; онъ обнародовалъ попавшія въ его руки письменныя доказательства того, что англійскіе послы Дрэкъ (Drake) въ Мюнхенѣ и Спенсеръ въ Штуттгартѣ принимали непосредственное участіе въ заговорѣ Кадудаля и что англійское правительство снабжало заговорщиковъ деньгами. Это измѣнило настроеніе общественнаго мнѣнія. Но развѣ автократы тѣхъ дней смущались общественнымъ мнѣніемъ? Когда Бонапартъ становился въ Парижѣ императоромъ французовъ, въ Европѣ всѣми средствами уговоровъ и дипломатическихъ подвоховъ, въ особенности же съ помощью англійскихъ денегъ, составлена была третья коалиція, которая должна была имѣть страшныя послѣдствія.

Густавъ IV, король шведскій, свергнутый впослѣдствіи дворцовой революціей за его безумныя выходки съ престола, какъ заклятый врагъ Бонапарта, заключилъ договоръ съ Англіей за наличныя деньги. Пруссія заняла болѣе умное положеніе; правда, она прервала переговоры съ Бонапартомъ о Ганноверѣ, но тщательно соблюдала нейтралитетъ, хотя вошла въ тайныя соглашенія съ Россіей. Дѣйствительно, Пруссіи не было основанія впутываться въ новую опустошительную войну съ Франціей лишь потому, что Англія боялась нашествія французовъ.

Австрія пока изъ осторожности оставалась спокойной; она выжидала блестящаго момента. Александръ I наложилъ трауръ при своемъ дворѣ по случаю разстрѣлянія герцога Энгьенскаго. Это раздражило французскаго самодержца и онъ послалъ Александру особое объясненіе относительно насилія надъ герцогомъ Энгьенскимъ. Въ этомъ объясненіи говорилось, что Бонапартъ совершилъ свой поступокъ лишь для самозащиты, и что Россія въ подобномъ случаѣ сдѣлала бы то же самое. Пришлось снести и это оскорбленіе со стороны Бонапарта.

Питтъ, съ которымъ царь сносился относительно своихъ регенераціонныхъ идей, сдѣлалъ видъ, будто соглашается съ нимъ, заключилъ съ Россіей такъ называемый концертный договоръ и объявилъ войну Испаніи, союзницѣ Франціи. По концертному договору армія въ 500,000 человѣкъ должна была вытѣснить французовъ изъ Ганновера, Голландіи и Италіи, Англія должна

была платить за каждые сто тысячъ солдатъ четыре милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Къ коалиціи присоединился Неаполь, а вскорѣ затѣмъ и Австрія, которой была обѣщана Ломбардія.

Хитрая Англія снова устроила такъ, что половина Европы соединилась противъ Франціи. Она щедро раздавала деньги. Кабинеты получали деньги, народы же думали, будто въ этой борьбѣ дѣло дѣйствительно идетъ о томъ, чтобы осуществить прекрасную идею прочнаго мира и дать Европѣ такое устройство, которое обезпечило бы ей лучшее будущее. Они и не предчувствовали, что совмѣстное дѣйствіе Англіи и Россіи уже тогда заключало въ себѣ нѣкоторое соперничество за всемірное господство, и дѣйствительно повѣрили, будто свобода Европы нуждается въ защитѣ хищной Англіи и варварской Россіи отъ революціонной Франціи. На самомъ же дѣлѣ, Питтъ достигъ чего ему надо было: опасность высадки французовъ въ Англію была предотвращена и война, грозившая разыграться на англійской территоріи, опустошала теперь страны материка. Англійскія деньги снова достигли цѣли.

Наполеонъ Бонапартъ потому является столь великимъ, что онъ такъ долго могъ держаться въ этой титанической борьбѣ, опустошившей цѣлую часть свѣта.

Въ это время, послѣ изгнанія Моро, казни Пишегрю и Кадудаля, во Франціи не было уже партій, которыя могли бы стать опасными первому консулу. Тогда онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ внѣшнему упроченію своей власти и совершенно порвалъ съ республиканскими формами, вынесенными изъ революціи.

Фуше, всегда необходимый, ловкій и никогда не попадавшій въ затрудненіе министръ полиціи, долженъ былъ тщательно подготовить общественное мнѣніе къ появленію новаго императора, хотя это уже никого не могло поразить. Каждый легко могъ видѣть, что дѣло клонится къ тому, чтобы Наполеону Бонапарту стать императоромъ по формѣ, каковымъ онъ былъ уже на дѣлѣ.

И въ различныхъ собраніяхъ, между которыми раздроблена была законодательная власть, тоже велась оживленная агитація и подготовлялось предложеніе объявить Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ. Титулъ „король“ былъ тогда не популяренъ у очень значительнаго числа французовъ. Императоръ же являлся властелиномъ могучаго государства и этотъ титулъ долженъ былъ льстить національному честолюбію французовъ. Онъ напоминалъ объ античныхъ цезаряхъ.

Комедія, предшествовавшая облаченію перваго выскочки революціи въ мантію цезарей, была столь же прозрачна, какъ и противна. Но она удалась.

Организованъ былъ наплывъ адресовъ. Власти, выдающіяся лица, къ которымъ примкнула масса гражданъ, заявляли первому консулу о необходимости сдѣлать его власть наслѣдственной, чтобы обезопасить Францію отъ происковъ ея враговъ внутри

страны и за-границей. Будто наслѣдственность власти могла достигнуть этой цѣли! Бонапартъ, будучи впослѣдствіи уже императоромъ, самъ удачно опровергъ этотъ взглядъ, сказавъ однажды, что его престолъ ничего не значитъ,—это лишь дерево, обтянутое бархатомъ: дѣло все въ томъ, кто сидитъ на немъ!

Но адреса привели въ движеніе раболѣпный сенатъ. 27 марта—т. е. черезъ пять дней послѣ разстрѣлянія герцога Энгьенскаго,—сенатъ обратился къ первому консулу съ посланіемъ, въ которомъ онъ высказывалъ, что его наслѣдственное владычество необходимо для счастья Франціи.

„Гражданинъ первый консулъ", говорилось въ этомъ рабскомъ посланіи: „вы полагаете основаніе новой эпохѣ. Но вы должны также и упрочить ее. Блескъ—ничто безъ долговѣчности. *Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что вы останавливались уже надъ этой великой мыслью, такъ какъ творческій геній вашъ обнимаетъ все и не забываетъ ничего.* Вы находитесь подъ давленіемъ времени, событій, заговоровъ, честолюбцевъ и безпокойства, которое смущаетъ французовъ. Вы можете господствовать надъ временемъ, овладѣть событіями, обезоружить честолюбцевъ, успокоить всю Францію, если вы дадите ей установленія, которыя укрѣпятъ ваше сооруженіе и упрочатъ за вашими дѣтьми то, что вы сдѣлали для отцовъ. Гражданинъ первый консулъ, будьте увѣрены, что сенатъ обращается къ вамъ отъ имени всѣхъ гражданъ".

Первый консулъ, понятно, принялъ это раболѣпіе со всей серьезностью и не уступилъ въ притворствѣ сенату. Онъ тоже сдѣлалъ видъ, будто благосостояніе Франціи зависитъ отъ того, будетъ ли его власть наслѣдственной. Въ этомъ смыслѣ составленъ и его отвѣтъ, полученный сенатомъ. Въ немъ говорилось:

„Ваше обращеніе не выходило изъ моихъ мыслей. *Оно было предметомъ моихъ безпрестанныхъ размышленій.* Вы признали наслѣдственность высшаго сана въ государствѣ необходимой, чтобы обезопасить народъ отъ комплотовъ нашихъ враговъ и отъ смутъ, вызываемыхъ честолюбіемъ соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы находите, что нѣкоторыя установленія наши нуждаются въ усовершенствованіи, чтобы навсегда обезпечить *побѣду равенства и общественной свободы* и дать какъ націи, такъ и правительству, двойную гарантію, въ которой они нуждаются. Чѣмъ больше вниманіе мое обращается на эти великіе предметы, тѣмъ больше я чувствую, что мнѣ при этихъ столь же новыхъ, какъ и важныхъ обстоятельствахъ нуженъ вашъ мудрый совѣтъ и ваша опытность, чтобы осуществить всѣ мои идеи. Поэтому я приглашаю васъ высказать мнѣ вашу мысль вполнѣ откровенно".

Лицемѣріе его зашло такъ далеко, что въ тотъ моментъ, когда онъ завершалъ чисто азіатскую военную монархію, онъ еще говорилъ о побѣдѣ „равенства и свободы". Теперь понятливый сенатъ зналъ, какъ упрочить „счастье Франціи", и постановилъ: „Сенатъ убѣжденъ, что для французскаго народа въ высшей степени важно *передать правленіе республикой первому консулу, какъ наслѣдственному императору*".

3 мая это постановленіе сената поступило въ трибунатъ.

Кюрэ, хорошо выдрессированная рабья натура, началъ обычныя восхваленія, которыя владыка Франціи привыкъ слышать отъ этихъ поклонниковъ его успѣховъ. „Настало время", говорилъ онъ,—„отказаться отъ политическихъ иллюзій. Внутреннее спокойствіе Франціи снова возстановлено, миръ съ иностранными державами обезпеченъ блестящими побѣдами. Наши финансы снова упорядочены, наши кодексы обновлены и снова установлены. Настало время обезпечить за націей пользованіе этими благами и на будущее время".

Настоящее море лести, преклоненій и унизительныхъ раболѣпныхъ фразъ показало первому консулу рабскую преданность этой пресловутой корпораціи. Это наводненіе чрезмѣрной лояльности, казалось, устранило всякую оппозицію. Но поднялся одинъ голосъ противъ новаго цезаризма. Карно, непреклонный республиканецъ, былъ еще здѣсь и онъ тутъ произнесъ ту знаменитую рѣчь, которую называютъ *послѣднимъ вздохомъ свободы великой революціи.*

„ Я далекъ отъ желанія", говорилъ Карно,—„умалять славу, воздаваемую первому консулу. Но какія бы услуги не оказалъ гражданинъ своему отечеству, есть границы, которыя честь и разумъ полагаютъ національной признательности. Если этотъ гражданинъ возстановилъ общественную свободу, если онъ спасъ свое отечество, то развѣ можно предлагать ему въ вознагражденіе эту же свободу? Не значитъ ли это уничтожать собственное дѣло, если онъ превращаетъ отечество въ свою наслѣдственную собственность?—Съ того момента, когда французскому народу предложено было высказаться относительно пожизненнаго консульства, каждый легко могъ понять, что за этимъ еще что-то скрывается. Послѣдовалъ рядъ явно монархическихъ установленій. Сегодня наконецъ, открываютъ цѣль стэль многихъ временныхъ мѣропріятій. Мы приглашены высказаться относительно формальнаго предложенія возстановить монархію и передать наслѣдственное императорское достоинство первому консулу. *Неужели свобода была лишь показана человѣку затѣмъ, чтобы онъ никогда не могъ пользоваться ею? Нѣтъ, я никогда не могу согласиться считать простой иллюзіей это благо, предпочитаемое людьми всѣмъ остальнымъ благамъ. Сердце мое говоритъ мнѣ, что свобода возможна, что царство ея легче и прочнѣе, чѣмъ какое бы то ни было царство произвола.* Я съ своей стороны, голосовалъ противъ пожизненнаго консульства; также и теперь я голосую противъ возстановленія монархіи".

Эта рѣчь не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія. Но разлившійся уже потокъ раболѣпія прорвалъ всѣ преграды; каждый изъ этихъ достопримѣчательныхъ трибуновъ хотѣлъ первымъ опровергать Карно. Три дня продолжались эти отвратительныя пренія; затѣмъ, трибунатъ почти единогласно высказался за императорское достоинство.

Карно сошелъ съ политическаго позорища и жилъ въ гордой и удивительной бѣдности, чтобы затѣмъ снова предложить свои услуги, когда отечество его было занято войсками союзныхъ монархій.

18 мая 1804 г. (30 флорэаля) сенатъ постановилъ объявить перваго консула Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона I. Полный и противорѣчивый императорскій титулъ Наполеона былъ таковъ: *„Наполеонъ I, Божіею милостію и установленіями республики императоръ французовъ“*.

Народъ принялъ прокламацію новаго императора безъ особеннаго возбужденія, потому что ему было безразлично, назывался ли неограниченный властелинъ, попиравшій Францію, первымъ консуломъ или императоромъ. Но тѣмъ сильнѣе было движеніе среди военныхъ и господствующихъ классовъ. Все спѣшило воздать почести новому императору и выскочки революціи повергались въ прахъ передъ нимъ. Иностранныя державы тоже не замедлили принести свои поздравленія могучему корсиканцу,—за исключеніемъ Англіи, Россіи и Швеціи. Старымъ дворамъ легче было сноситься съ монархомъ, чѣмъ съ главой республики. Мелкіе нѣмецкіе государи, чувствовавшіе опасность предстоявшей несомнѣнно новой войны, поспѣшили принести императору свои поздравленія и просить его благосклонности. Новый плебисцитъ утвердилъ имперію; $3^1/_2$ милліона гражданъ высказались за нее. Наполеонъ сталъ презирать людей, когда онъ увидѣлъ все у своихъ ногъ. Если посмотрѣть на все, что пресмыкалось теперь передъ нимъ, то надо только удивляться, что онъ вообще еще умѣлъ сдерживаться, что его успѣхи и его власть не опьянили его еще больше, что онъ не проникся еще большимъ презрѣніемъ къ людямъ.

Онъ устроилъ теперь свой дворъ совершенно въ стилѣ старой монархіи и велѣлъ послѣ тщательныхъ изслѣдованій установить этикетъ двора, дабы во всемъ этомъ маскарадѣ не оказалось никакого недочета; родственники Бонапарта превращены были въ императорскихъ принцевъ и принцессъ, генералы—въ маршаловъ имперіи, высшія должностныя лица—въ сановниковъ. Необозримая толпа камергеровъ, придворныхъ дамъ, пажей и лакеевъ всякаго рода, какъ водится при дворахъ, вдругъ точно изъ земли появилась, а надъ нею и надъ зѣвающимъ народомъ возвышалось въ облакахъ китайской недоступности величество бывшаго лейтенанта артиллеріи, Наполеона Бонапарта,—нынѣ наслѣдника великой революціи и императора французовъ. Неограниченная императорская власть, установленная теперь, вернулась назадъ гораздо дальше конституціи 1791 г. и по абсолютизму превзошла даже монархію Бурбоновъ до 1789 г. Революція точно описала кругъ и вернулась къ своей исходной точкѣ.

Чтобы окружить себя всѣмъ великолѣпіемъ, Наполеонъ назначилъ на 2 декабря 1804 г. свое торжественное коронованіе. Соборъ Парижской Богоматери, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ богослуженіе старой монархіи и служеніе Разуму временъ парижской коммуны, увидѣлъ теперь и то, какъ сынъ корсиканскаго судьи и жена его, дочь вестъ-индскаго капитана гавани, короновались, какъ императорская чета.

Папа Пій VII, конечно, не могъ не послѣдовать желанію На-

полеона присутствовать при его коронаціи; желаніе сильнаго есть приказъ для слабаго. Онъ прибылъ и вмѣстѣ съ нимъ явилось все духовенство, новая знать, всѣ высшіе сановники и послы иностранныхъ державъ. Наполеонъ съ Жозефиной ѣхалъ въ церковь въ императорской каретѣ на шести лошадяхъ, одѣтый въ коронаціонную мантію, расшитую пчелами. Помазавъ его предъ алтаремъ и благословивъ знаки императорскаго достоинства, папа хотѣлъ возложить ему на голову корону, но Наполеонъ быстро взялъ ее и самъ возложилъ на свою голову. Также онъ самъ короновалъ и Жозефину, ставшую на колѣни предъ алтаремъ; затѣмъ, императорская чета въ своемъ облаченіи взошла на престолъ. Наполеонъ далъ передъ евангеліемъ установленную присягу и затѣмъ, герольдъ возгласилъ: „*Всеславнѣйшій и всепресвѣтлѣйшій императоръ французовъ короновался и вступилъ на престолъ.—Да здравствуетъ императоръ*“!

Присутствовавшіе воскликнули: „Vive l'empereur!“—„да здравствуетъ императоръ“—восклицаніе, которому суждено было втеченіе десяти лѣтъ раздаваться по Европѣ. А за стѣнами церкви громъ орудій возвѣстилъ французамъ, что ихъ цезарь сталъ и по всей формѣ императоромъ.

---

2 декабря 1804 г. революція закончила свой кругъ. Абсолютный монархъ снова стоялъ во главѣ французскаго государства и правилъ огромнымъ царствомъ со своими родными и знатью, которымъ онъ раздавалъ короны и титулы, какъ другіе государи раздаютъ золотыя табакерки. Интересно видѣть Европу подъ владычествомъ всѣхъ этихъ выскочекъ. Эти маршалы, побѣдители въ сотняхъ битвъ,—Мюратъ, Ней, Сультъ, Массена, Ожеро, Даву, Бернадоттъ, Лапнъ, Бертье и Мармонъ, подобно своему императору, возвысились, большею частью, во время бурь революціи изъ низшаго положенія; иные изъ нихъ были раньше простыми ремесленниками или рабочими. Они властвовали не лучше, но и не хуже, чѣмъ старыя династіи. Они наполнили міръ лязгомъ оружія, небывалымъ до тѣхъ поръ; они превратили свое время въ рядъ битвъ, опустошеній, насилій и грабительствъ. Міръ дрожалъ подъ ихъ желѣзными шагами. Но какъ ни могучъ былъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности,—всѣ они далеко отступали передъ фигурой царя битвъ, человѣка въ маленькой треугольной шляпѣ и простомъ мундирѣ, какъ запечатлѣлся его историческій образъ въ памяти народовъ. И долго еще будутъ помнить его, этотъ историческій образъ, точно бурей пронесшійся надъ человѣчествомъ.

И всетаки,—этотъ цезарь, какъ ни самовластенъ, повидимому, онъ былъ, долженъ былъ только выполнить историческую миссію, которую не самъ онъ избралъ себѣ, а навязали ему обстоятельства.

Въ медовые мѣсяца революціи французы, казалось, имѣли лишь одну страсть,—страсть къ свободѣ. Все дышало воодушевленіемъ, энтузіазмомъ, самопожертвованіемъ, идеализмомъ. Какое то без-

граничное, чарующее опьяненіе овладѣло этимъ народомъ, который своимъ спокойствіемъ, своимъ достояніемъ и своей кровью радостно жертвовалъ для свободы.

Воодушевленіе исчезло, когда народная масса увидѣла, что ея жизнь и дѣятельность, хотя и подняты взмахами революціи, всетаки остаются въ тѣсномъ кругу лишеній. Воодушевленіе буржуазіи исчезло, когда вмѣсто борьбы за идеи началась борьба за интересы. Борьба за конституцію 1791 г. была еще полна идей. Но паденіе феодализма очистило во Франціи мѣсто для буржуазнаго общества и новая эпоха была исполнена буржуазныхъ интересовъ. Мы видѣли, какъ попытка установить чистую демократію не удалась, благодаря доктринерству вождей демократіи. Почтенное гражданство стало господствующимъ классомъ во Франціи и масса преклонилась предъ его господствомъ, какъ нѣкогда третье сословіе гнулось подъ господствомъ феодализма.

Этотъ господствующій классъ, новая буржуазія, опиралась ли она на движимую или недвижимую собственность, скоро отбросила всѣ идеалы, какъ негодный хламъ. Для этой буржуазіи, основанной Наполеономъ, французскій банкъ съ его кредитомъ былъ важнѣе, чѣмъ всѣ теоріи стараго и новаго міра. Для нея революція имѣла значеніе лишь настолько, насколько она измѣнила отношенія собственности. То-же самое было и съ многочисленными землевладѣльцами и крестьянами. Они пріобрѣли во время революціи земли духовенства и эмигрантовъ и теперь спокойно сидѣли на своихъ участкахъ. Они боялись лишь одного,—какъ бы эмигранты и старая династія не вернулись во Францію и не потребовали назадъ своей собственности. Могучая военная сила Наполеона давала имъ извѣстную гарантію противъ возвращенія стараго режима,—оттого-то этотъ классъ упорнѣе всѣхъ и стоялъ за него. Наполеонъ былъ солдатскимъ и крестьянскимъ императоромъ. Плебисцитный императоръ прекрасно зналъ, что при плебисцитахъ онъ можетъ вполнѣ положиться на крестьянъ.

Землевладѣльцы и буржуазія хотѣли спокойствія, необходимаго для накопленія капитала; крестьяне хотѣли мирно обрабатывать свою землю. Вслѣдствіе этого имъ было совершенно безразлично, что Наполеонъ соорудилъ надъ буржуазнымъ обществомъ надстройку деспотично-іерархическаго военнаго государства,—лишь бы онъ внутри страны поддерживалъ спокойствіе, которое обезпечивало бы новыя отношенія собственности, и отражалъ нападенія иностранныхъ державъ, стремившихся къ возстановленію стараго строя во Франціи. Это опредѣлило миссію Наполеона; его войны были защитительными войнами новаго, буржуазнаго соціальнаго строя во Франціи.

Лишь при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто наполеоновскія войны вызывались исключительно честолюбіемъ современнаго цезаря. Онѣ вызывались тѣмъ, что старыя феодальныя державы продолжали бороться противъ гражданскаго преобразованія Франціи. Но суровость войны не позволяетъ побѣдителю оставить побѣжденному его прежнюю силу. Онъ дол-

женъ ослабить побѣжденнаго и самъ усилиться на его счетъ. Изъ этой необходимости возникаютъ завоеванія. Завоеванія Наполеона были для него постояннымъ источникомъ новыхъ войнъ, такъ какъ побѣдитель не можетъ оставить завоеванной имъ области безъ борьбы, не ослабляя этимъ самого себя. Наполеонъ долженъ былъ завоевывать, чтобы сохранить свои завоеванія. Такъ бросался этотъ могучій человѣкъ отъ войны къ войнѣ и расточалъ свои силы на основаніе и защиту государствъ, которыя не въ состояніи были держаться,—онъ, геній и энергія котораго могли бы сдѣлать его страну счастливѣйшей въ Европѣ.

Его мирную дѣятельность всетаки нужно признать довольно великой, если мы вспомнимъ, что за все его царствованіе оружіе никогда не выпускалось изъ рукъ. Его строительная дѣятельность была грандіозна. Онъ провелъ болѣе 7000 миль шоссе и дорогъ и устроилъ болѣе десяти каналовъ, соединяющихъ судоходныя рѣки Франціи. Развитію сношеній онъ вообще содѣйствовалъ въ широкой степени и устроилъ большія дороги черезъ Симплонъ, Монъ-Сенисъ и Монъ-Женевръ. Велико число устроенныхъ имъ гаваней, плотинъ, шлюзовъ и т. д. Собственно Парижъ обязанъ ему цѣлымъ рядомъ улучшеній и украшеній; имъ сооружены здѣсь мосты, общественныя площади, магазины, бойни, крытыя галлереи для рынковъ и много величественныхъ общественныхъ зданій. Половину рабочаго населенія онъ занималъ своими сооруженіями, а другая стояла въ полѣ. Такимъ образомъ, недовольство массъ было мало замѣтно или вовсе незамѣтно.

Его пять кодексовъ, которымъ дано общее названіе „Наполеонова Кодекса“, были вскорѣ закончены и введены. Они еще и теперь считаются во многихъ отношеніяхъ образцовыми. Это—гражданскій кодексъ, уставъ гражданскаго судопроизводства, торговый кодексъ, уставъ уголовнаго судопроизводства и уголовный кодексъ.

Едва Наполеонъ возложилъ на свою голову императорскую корону, какъ снова уже долженъ былъ идти на войну. Онъ двинулся противъ Австріи и Россіи. При Ульмѣ онъ взялъ въ плѣнъ австрійскую армію подъ начальствомъ Мокка, а 2 декабря 1805 г. взошло для него солнце Аустерлица. На морѣ, правда, побѣдительницей оставалась Англія, но за побѣду при Трафальгарѣ Нельсонъ заплатилъ своей жизнью.

Послѣ пораженія Австріи, вступила въ коалицію Пруссія. Но Наполеонъ управился съ коалиціей. Страшное пораженіе при Іенѣ уничтожило Пруссію и нужно было много времени, чтобы ей оправиться.

Наполеонъ прошелъ до русской границы и въ Тильзитѣ продиктовалъ миръ, ослабившій Пруссію. Гигантская борьба съ Англіей приняла тогда новую форму; Наполеонъ велъ ее посредствомъ такъ называемой континентальной системы. Онъ закрылъ для англійской торговли всѣ страны, находившіяся подъ его вліяніемъ. Этимъ онъ, несомнѣнно, принесъ громадный вредъ британскимъ торгашамъ, но едва ли не меньшій вредъ и европейскому материку.

Своимъ братьямъ и роднымъ онъ раздавалъ королевства и герцогства, какъ и когда хотѣлъ. Назначеніе новаго короля было у него лишь семейнымъ событіемъ, въ которомъ міръ долженъ былъ принимать соотвѣтствующее участіе. Братъ его, Жозефъ, сталъ королемъ неаполитанскимъ; вскорѣ онъ замѣнилъ его своимъ шуриномъ, Мюратомъ, а Жозефъ сталъ королемъ испанскимъ. Другой братъ его, Людовикъ, сдѣланъ былъ королемъ голландскимъ.

Государственныя способности Наполеона были огромны, хотя проявленіе ихъ стѣснялось его эгоизмомъ.

Подъ давленіемъ владычества Наполеона пала Германская имперія. Относительно Германіи императоръ не могъ стать выше той мысли, которую отчасти имѣлъ уже Людовикъ XVI. Онъ основалъ Рейнскій союзъ, сдѣлалъ курфюрстовъ баварскаго и вюртембергскаго королями, превратилъ Баденъ въ великое герцогство. Основанное имъ королевство Вестфалію онъ далъ брату своему Жерому, королю „morgen wieder lustig“ Такъ онъ старался ослабить и раздробить Германію, полагая, что сила Франціи обусловливается слабостью Германіи.

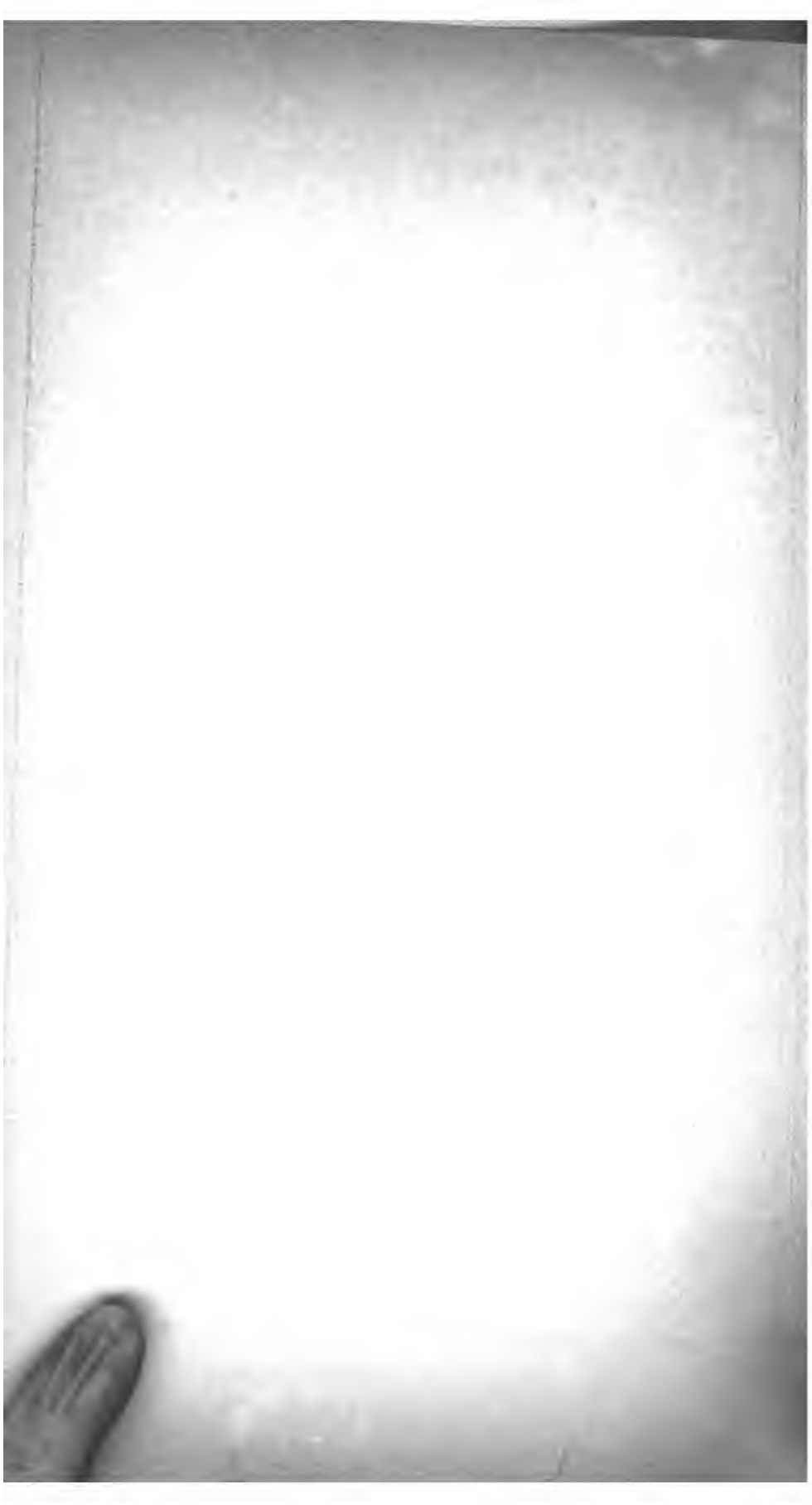
Подъ французскимъ владычествомъ въ Германіи была сдѣлана масса улучшеній и этимъ объясняется то почитаніе Наполеона, которое еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ можно было встрѣтить у стариковъ. Послѣдствія германской раздробленности ложились такимъ тяжелымъ бременемъ на народъ, что Наполеонъ могъ казаться ему избавителемъ. Онъ внесъ много облегченій въ тѣ части Германіи, которыя находились подъ его властью и его вассаловъ: введеніемъ французскаго законодательства, уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ и проч. Но тяготы его владычества вскорѣ перевѣсили облегченія. Вѣчныя передвиженія войскъ, насилія его солдатъ, вымогательства его генераловъ и агентовъ, его контрибуціи и войсковые контингенты, его полиція и система шпіонства создали въ Германіи ту ненависть къ французскому владычеству, которая должна была низвергнуть Наполеона. Затѣя уничтожить самостоятельность такого большого народа, какъ германскій, сдѣлать невозможность его возвращенія къ естественному единству была столь же безумна, какъ и дерзка, и она могла съ такимъ же успѣхомъ возникнуть въ головѣ какого-нибудь азіатскаго деспота. Насилія, какъ разстрѣляніе книгопродавца Пальма, увеличивали въ Германіи тлѣвшую ненависть къ французамъ.

Объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи втеченіе различныхъ фазисовъ революціи и во время имперіи никто не высказалъ болѣе интересныхъ и достопримѣчательныхъ мыслей, чѣмъ знаменитый Карно въ своемъ посмертномъ сочиненіи, которое было найдено лишь внукомъ его, покойнымъ президентомъ третьей французской республики.

„Со времени первыхъ нашихъ движеній“, говоритъ Карно,— „инстинктъ нѣмецкаго народа чувствовалъ, что совершается явленіе, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Ничто не показываетъ этого лучше, какъ тотъ всеобщій откликъ, который встрѣтило

взятіе Бастиліи. Уничтоженіе народнымъ возстаніемъ государственной тюрьмы, событіе, которое при другихъ условіяхъ считалось бы лишь случайнымъ, имѣющимъ только мѣстное значеніе, получило значеніе символа,—символа уничтоженія тираніи. Не стѣны были здѣсь уничтожены,—здѣсь была уничтожена идея. Потому-то взятіе Бастиліи и прославлялось на всѣхъ языкахъ, представлялось на сценѣ и изображалось карандашемъ и кистью. Нѣмецкій художникъ-граверъ Ходовецкій талантливо характеризовалъ это событіе, изобразивъ солнце, поднимающееся надъ развалинами знаменитой крѣпости". Затѣмъ Карно указываетъ, что самые блестящіе умы Германіи открыто выражали свое сочувствіе освободительному движенію, какъ Клопштокъ, Виландъ, Шубертъ, Фоссъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Генрихъ Кампе, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Фихте, Варнгагенъ, Форстеръ, Бюргеръ и Бетховенъ. И дальше онъ говоритъ: „Благороднѣйшіе умы Германіи были увлечены французскимъ движеніемъ. Нападая на насъ, нѣмецкій народъ повиновался вовсе не чувству національной антипатіи и не желанію подавить революцію: это желаніе было лишь у союзныхъ монарховъ. Даже сама война не вызвала ненависти, проявившейся впослѣдствіи съ такой силой. Когда явились надежды на миръ, ихъ радостно привѣтствовали на обоихъ берегахъ Рейна. Правда, конечно, что многіе иностранцы, сочувствовавшіе нашей революціи, отвратились отъ насъ, при видѣ нашихъ заблужденій,—но они сдѣлали это не вслѣдствіе объявленія новыхъ принциповъ. Исторія показываетъ, что чрезмѣрная національная ненависть,—я говорю здѣсь не о преступленіяхъ, осуждаемыхъ всѣми,—почти всегда являлась отвѣтомъ на угрожающіе вызовы: заговоры внутри страны, сношенія съ непріятелемъ, происки, подвергавшіе опасности существованіе не только нашей республики, но и нашей націи; извнѣ же оскорбленія, нападенія, подстрекательство къ гражданской войнѣ, употребленіе гнусныхъ и постыдныхъ средствъ, отвергаемыхъ самымъ простымъ чувствомъ приличія (напр., поддѣлка бумажныхъ денегъ) все это направлялось противъ гордаго народа, который не проявилъ желанія посягнуть на свободу какого-либо иного народа, а хотѣлъ лишь отстоять свою свободу. При учрежденіи консульства какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, была надежда, что это новое правительство будетъ благопріятно новымъ идеямъ, но громадное разочарованіе вызвало недовольство друзей свободы въ обѣихъ странахъ. Затѣмъ, политическое раздробленіе Германіи учрежденіемъ Рейнскаго союза и нашествіе Наполеона на Пруссію, но больше всего тѣ обиды, которыя побѣдитель наноситъ побѣжденному, оттолкнули отъ насъ сердца нѣмцевъ, исполненныя до тѣхъ поръ сочувствіемъ къ намъ. Патріоты вмѣнили себѣ въ обязанность, во что бы то ни стало, избавить свою страну отъ позора. Страстно взывали они къ національному чувству и на это воззваніе послѣдовалъ страстный отвѣтъ: народъ, который до тѣхъ поръ не былъ настроенъ враждебно къ намъ, даже когда онъ воевалъ съ нами, систематически воспитывали къ ненависти, довели его до пароксизма и онъ сталъ нашимъ непримиримымъ

Фридрихъ V, курфюрстъ Пфальца и король Богеміи.
По картинѣ Адріана ванъ-деръ-Верфа.
(Къ разсказу „Свадьба Зимняго короля“).



ъ. *Это, можетъ быть самый большой упрекъ, какой фило-*
исторія и политика могутъ сдѣлать памяти Наполеона“:
гда Наполеонъ создавалъ себѣ такимъ образомъ въ Гер-
непримиримаго врага, когда онъ ослаблялъ Пруссію и раз-
ялъ Германскую имперію, между нимъ и Александромъ I
лжалась та странная дружба, о которой нельзя сказать,
нна ли она была.
ружба распалась, потому что Александръ, наконецъ, всетаки
озрилъ Наполеона въ желаніи возстановить Польшу.
ь Испаніи, совершенно занятой Наполеономъ, возникло то
водѣйствіе, котораго Наполеонъ никогда не могъ одолѣть;
нія постоянно оставалась зіяющей язвой его имперіи. Когда
я пришла на помощь Испаніи съ военной силой; ихъ уже
можно было побѣдить и Англія пріобрѣла то, чего у нея
ло,—испытанное въ битвахъ сухопутное войско.
ъ 1809 г. вліяніе Англіи снова побудило Австрію обнажить
ie. Австрія сочла Германію созрѣвшей для возстанія и издала
аніе, въ которомъ говорилось, что „*свобода Европы бѣжала*
знамена Австріи“. Но Германія не поднялась и Австрія была
та; страшная битва при Ваграмѣ рѣшила ея судьбу.
Наполеонъ стоялъ на вершинѣ своего могущества и часто-
э побудило его теперь взять себѣ въ жены принцессу изъ
остепеннаго царствующаго дома. Онъ по политическимъ со-
женіямъ развелся съ Жозефиной, которая не родила ему
ѣдника, и женился на Маріи-Луизѣ, во всѣхъ отношеніяхъ
ожной дочери австрійскаго императора. Въ 1811 г. она родила
., которому Наполеонъ далъ титулъ короля римскаго. Въ
чественныхъ титулахъ у него никогда не было недостатка.
Между тѣмъ какъ Пруссія готовилась посредствомъ реформъ
нгорста къ неизбѣжной борьбѣ съ завоевателемъ, а „тугенд-
ъ“—„союзъ добродѣтели“ вездѣ разжигалъ ненависть къ
яцузамъ, произошелъ конфликтъ между Наполеономъ и Алек-
ромъ, который поставилъ подъ оружіе всю Европу противъ
нціи. Огромная военная машина Наполеона не могла оста-
ься въ бездѣйствіи, а Александръ еще задѣлъ его тѣмъ, что
принялъ континентальной системы противъ Англіи. Соперники
владычество надъ Европой должны были помѣряться силами
Наполеонъ двинулся на Россію.

Судьба Карла XII должна была бы предостеречь его. Завое-
ъ Россію невозможно. Но Наполеономъ въ это время овладѣло
помраченіе величія, которое привело его къ гибели. Во вре-
на старой римской имперіи онъ, не задумываясь, объявилъ бы
я богомъ. Говорилъ же онъ еще на о. св. Елены, что большая
мета 1811 г. появилась лишь ради него!

Съ большой арміей, огромнымъ войскомъ свыше 500,000 чело-
къ, въ которое должны были поставить свои контингенты всѣ
ссалы и союзники Французской имперіи, Наполеонъ вступилъ
1812 г. въ Россію. Правое крыло его арміи направилось въ
жную Россію; лѣвое пошло къ Петербургу. Центръ разбилъ
усскихъ въ кровопролитныхъ женіяхъ подъ Смоленскомъ и

при Бородинѣ подъ Москвой и Наполеонъ вступилъ въ Москву. Но русскіе подожгли Москву. Наполеонъ долженъ былъ предпринять отступленіе, во время котораго вслѣдствіе суровости русской зимы погибло все его войско.

Эта неудача произвела подавляющее впечатлѣніе; невольные или вольные союзники Наполеона большею частью отпали отъ него. Пруссія вступила въ союзъ съ Россіей и Англіей; Австрія тоже присоединилась къ нимъ. Италія и Рейнскій Союзъ держались Наполеона. Большая борьба 1813 г. произошла въ Саксоніи; послѣ перемѣнчиваго военнаго счастья, Наполеонъ въ трехдневной гигантской битвѣ подъ Лейпцигомъ былъ подавленъ преобладающей силой союзниковъ и бѣжалъ за Рейнъ, послѣ чего отъ него отпали и государи Рейнскаго Союза. Въ 1814 г. союзники перешли Рейнъ и послѣ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ снова обнаружилось все блестящее военное искусство Наполеона, взяли Парижъ. Наполеонъ отрекся въ Фонтенебло отъ престола и получилъ островъ Эльбу съ титуломъ императора.

Графъ Прованскій, братъ Людовика XVI, былъ призванъ союзниками на французскій королевскій престолъ съ именемъ Людовика XVIII. Онъ вернулся во Францію съ остатками стараго режима, какъ онъ говорилъ, „въ девятнадцатомъ году своего царствованія“. Для этаго Бурбона было сущимъ пустякомъ вычеркнуть изъ исторіи республику и имперію.

Но хотя онъ далъ „конституціонную хартію“, въ качествѣ конституціи, которая была болѣе конституціонной, чѣмъ далайламовская конституція имперіи, недовольство во время этой первой реставраціи было всетаки чрезвычайно велико. Народъ озлоблялъ гнетъ налоговъ, наполеоновскіе офицеры терпѣли униженія и когда въ Вѣнѣ конгрессъ союзниковъ обсуждалъ преобразованіе Европы, во Франціи образовался сильный заговоръ бонапартистовъ. Въ мартѣ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ Эльбы, высадился во Франціи и тріумфальнымъ шествіемъ направился въ Парижъ, такъ какъ всѣ войска переходили къ нему. Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Гентъ. Наполеонъ возстановилъ всѣ свои учрежденія и далъ дополнительный актъ къ своей конституціи. Однако онъ, давшій при своемъ возвращеніи много либеральныхъ обѣщаній, но не исполнившій ихъ, вскорѣ вызвалъ недовольство, такъ какъ онъ правилъ въ прежнемъ самодержавномъ духѣ.

Союзники объявили Наполеона внѣ законовъ. Въ ихъ прокламаціи говорилось: *„Наполеонъ Бонапартъ, какъ врагъ и нарушитель спокойствія мира, поставленъ внѣ всѣхъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній и преданъ общественному преслѣдованію“.*

Среди великихъ державъ, объявившихъ его внѣ законовъ, не было ни одной, которая не нарушала бы мира въ такой же степени, какъ и Наполеонъ.

Войска союзниковъ двинулись черезъ Рейнъ, но рѣшеніе судьбы произошло въ Бельгіи, гдѣ Наполеонъ сперва разбилъ пруссаковъ при Линьи, но затѣмъ, при Ватерлоо или Белль-Альянсѣ 18 іюня 1815 г. безъ [illegible]палъ на англичанъ и, благодаря прибытію пруссаког [illegible]шенно разбитъ. Армія

его была уничтожена. Вскорѣ войско союзниковъ во второй разъ явилось подъ стѣнами Парижа. Наполеонъ отрекся отъ престола и сдался англичанамъ, которые отнеслись къ нему, какъ къ военноплѣнному и сослали его на уединенный скалистый островъ святой Елены. Тамъ жилъ Наполеонъ послѣ своей титанической карьеры еще шесть лѣтъ, снѣдаемый гнѣвомъ и досадой вслѣдствіе мелочныхъ прижимокъ англійскихъ торгашей. Онъ умеръ 5 мая 1821 г.

Вторая реставрація разразилась надъ Франціей, какъ опустошительная буря. Съ Людовикомъ XVIII прибыли всѣ представители стараго режима и съ жаждой мести обрушились на всѣхъ, кто только чѣмъ нибудь скомпрометировалъ себя во время ста дней, которые Наполеонъ царствовалъ по возвращеніи съ Эльбы. Кровавая расправа учинена была надъ рядомъ храбрыхъ людей и за нею послѣдовала масса дикихъ оргій мести со стороны роялистической черни, которымъ власти не препятствовали и не преслѣдовали ихъ зачинщиковъ. Рядъ выдающихся бонапартистовъ отправленъ былъ въ ссылку; всѣ жившіе еще и не перешедшіе къ роялизму члены конвента также были изгнаны изъ Франціи, какъ „цареубійцы“. „Бѣлый терроръ“ свирѣпствовалъ во Франціи среди мира не меньше, чѣмъ нѣкогда красный терроръ въ пылу гражданской войны.

Такимъ образомъ, по внѣшнему виду политическій строй Франціи, существовавшій до революціи, былъ въ общемъ снова возстановленъ. Была конституція, которая не имѣла особеннаго значенія, потому что безъ конституціи уже не рѣшались править Франціей; для этого Франція всетаки осталась слишкомъ современной. Но и экономическихъ измѣненій, вышедшихъ изъ революціи, тоже невозможно было уничтожить. Это произвело бы всеобщее замѣшательство. Собственниковъ національныхъ имуществъ, отчужденныхъ во время революціи, нельзя было экспропріировать безъ всякихъ околичностей. Имущества за это время часто переходили въ другія руки, многіе изъ первоначальныхъ владѣльцевъ ихъ умерли за-границей, а иные уже не предъявляли своихъ претензій. Стараго феодальнаго зданія уже нельзя было возстановить и реставрація должна была страшиться раздраженія многочисленнаго класса мелкихъ крестьянъ, которые хотя и давно отреклись отъ самой революціи, но всѣми фибрами держались за землю, освободившуюся отъ феодальныхъ тяготъ или пріобрѣтенную ими во время революціи.

Легко представить себѣ, какъ безпрерывно осаждался дворъ толпами эмигрантовъ, требовавшихъ вознагражденія за свои имущества, такъ какъ самихъ имуществъ имъ уже нельзя было возвратить. Карлъ X, вступившій на престолъ въ 1824 г., наконецъ, уступилъ и въ 1825 г. палатамъ былъ предложенъ законъ относительно вознагражденія этигрантовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и принятый ими. По этому закону эмигранты получали вознагражденіе въ одинъ милліардъ въ видѣ трехъ-процентной ренты—ежегодно 30 милліоновъ. Но послѣ іюльской

революціи 1830 г. взглянули на этотъ вопросъ иначе и въ 1831 г. рента была снова отмѣнена.

Такъ феодализмъ поплатился за свою историческую роль огромными потерями и не могъ уже снова водвориться во Франціи, потому что сила его основывалась на его собственности и привиллегіяхъ. Собственность и привиллегіи отняла у него революція и реставрація не могла ихъ возвратить ему.

„Свободный крестьянинъ" остался прочнымъ пріобрѣтеніемъ французской революціи. Но былъ ли онъ дѣйствительно свободенъ? Нѣтъ,—свободенъ онъ не былъ, онъ все-таки оставался glebae adscriptus, человѣкомъ прикрѣпленнымъ къ землѣ, хотя ему и не надо было давать большую часть своего дохода землевладѣльцу. Мы уже указывали на то, какую пагубную ошибку сдѣлала революція раздробленіемъ земельной собственности на участки. На время эта мѣра достигла цѣли, потому что она привязала массу мелкихъ землевладѣльцевъ къ революціи. Мы видѣли, какъ держали себя участковые крестьяне въ различные фазисы революціи. Они были самой прочной опорой имперіи и приверженцами всякой реакціи, если только она обезпечивала имъ ихъ состояніе и гарантировала ихъ отъ конфискаціи ихъ имуществъ. Поэтому-то и реставрація вела дѣло такъ осторожно и вознагражденіе, назначенное ею эмигрантамъ, заставила выплачивать не однихъ только владѣльцевъ прежнихъ національныхъ имуществъ, а всю французскую націю.

Но участковая система шла своимъ неизбѣжнымъ путемъ; землевладѣніе раздроблялось все больше и больше и положеніе французскихъ крестьянъ ухудшалось. Если наставали особенно плохія времена, то налоги, который крестьянинъ долженъ былъ вносить государству уже наличными деньгами, конечно, давили его не меньше, чѣмъ нѣкогда сборы натурою, дававшіеся имъ землевладѣльцу.

Объ это крестьянство, чуждое всякихъ идеаловъ, всякихъ интересовъ, кромѣ интересовъ своей земли, разбилось также возстаніе 1848 г. во Франціи, а наполеоновская легенда сдѣлала остальное, чтобы во второй разъ возвести на престолъ крестьянскаго императора въ лицѣ Наполеона III. Все совершилось по образу 1799 г. и 2 декабря 1851 г. было лишь новымъ изданіемъ 18-го брюмэра 1799 г.,—хотя по своимъ причинамъ и результатамъ и очень ухудшенное изданіе.

Но тѣмъ значительнѣе было нормальное дѣйствіе французской революціи. Она придала обществу ту демократическую черту, которую уже невозможно изгладить. Уничтоживъ сословія, она объявила равенство, которое на практикѣ превратилось въ равноправность или равенство предъ закономъ. Для того времени это было огромнымъ шагомъ впередъ и составило основу новаго буржуазнаго общества. Буржуазное общество вмѣсто стараго сословнаго господства ввело господство классовое, преобладаніе имущихъ классовъ надъ неимущими, которое являет[illegible]воначально не основанной на законѣ, но фактической [illegible]й и потому отражается также на современномъ [illegible]вѣ. Задача

нашего времени состоитъ въ устраненіи противорѣчій, на которыхъ основывается классовое господство. Задача эта занимаетъ насъ въ видѣ того, что въ наши дни называютъ *соціальнымъ вопросомъ*.

Французская революція является, можетъ быть, самой интересной изъ всѣхъ историческихъ эпохъ и изученіе ея въ высшей степени поучительно. Какая масса блестящихъ интересныхъ фигуръ, какое благородство и какая пошлость, какіе герои и какія рабскія натуры, какіе потоки крови и какія блага! Мы, нѣмцы, съ ужасомъ отворачиваемся отъ кровавыхъ катастрофъ, отъ массовыхъ избіеній безоружныхъ, что не въ нашей натурѣ. Это больше въ характерѣ романскихъ народовъ проявлять жестокость и безпощадность къ побѣжденнымъ; наша исторія показываетъ, что мы менѣе жестоки, такъ какъ у насъ было мало избіеній безоружныхъ, а въ новѣйшей исторіи нашей ихъ вовсе не было. Большая война въ вердѣнскомъ лѣсу, когда Карлъ Великій велѣлъ избить 4000 плѣнныхъ саксовъ, совершилась болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ; подобныя жестокости мы могли бы еще представить себѣ развѣ лишь во время тридцатилѣтней войны, когда всѣ націи Европы свирѣпствовали на нѣмецкой землѣ. Кровавыя жестокости гражданскихъ войнъ во Франціи, Италіи, Испаніи и Южной Америкѣ противорѣчатъ натурѣ германцевъ, которая мягче и покладистѣе, и не такъ поддается необузданнымъ страстямъ, какъ согрѣтая солнцемъ юга кровь романцевъ.

Но многочисленныя привлекательныя и интересныя явленія французской революціи создали также особаго рода *революціонную романтику*, которая часто уже оказывала пагубное вліяніе. Есть мечтатели и фанатики, которые считаютъ свою жизнь потерянной, если они не пережили подобной же бурной эпохи. Они вѣрятъ, будто исторія есть лишь вѣчное повтореніе до мелочей и съ ребяческой вѣрой ждутъ того часа, когда настанетъ и „ихъ“ революція.

Кто долго пробылъ въ одномъ мѣстѣ и затѣмъ оставилъ его, у того воспоминанія объ этомъ мѣстѣ обыкновенно принимаютъ совершенно иной видъ. Все непріятное, противное и тягостное, существующее въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно болѣе или менѣе изглаживается изъ нашей памяти или представляется намъ издали болѣе сноснымъ. Все же пріятное, прекрасное и возвышенное, пережитое нами тамъ, встаетъ въ нашихъ воспоминаніяхъ удвоенной силой. Но если мы снова вернемся въ то мѣсто, исполненные пріятныхъ воспоминаній, то насъ постигнетъ разочарованіе, когда мы увидимъ передъ собой голую дѣйствительность.

То же самое и съ историческими эпохами. Если мы разсматриваемъ ихъ лишь поверхностно, лишь издали, мы видимъ въ нихъ только интересное и пріятное. Если же мы углубимся въ ихъ причины и слѣдствія, то рядомъ съ интересными и возвышенными явленіями, мы увидимъ и ихъ тѣневыя стороны. Ихъ не надо игнорировать, ибо иначе представленіе будетъ ложнымъ. Романтики же обыкновенно отчасти или даже совершенно игнорируютъ эти тѣневыя стороны.

Одинъ уважаемый нами историкъ какъ-то сказалъ, что внушать народу революціонную романтику столь же преступно, какъ и давать мореплавателю невѣрныя карты. Онъ правъ—и мы старались слѣдовать его указанію. Поэтому-то мы и останавливались на экономическихъ условіяхъ во время переворота. Изъ нихъ видно, что народъ долженъ вытерпѣть при столь большомъ переворотѣ, какія жертвы онъ долженъ нести своимъ достояніемъ и кровью, какія страданія долженъ онъ перетерпѣть,—между тѣмъ какъ плоды усилій всѣхъ, почти всегда достаются на долю лишь нѣкоторыхъ, немногихъ.

Вы видите, что истинныя улучшеніядля всего общества пріобрѣтаются въ исторіи лишь медленно и постепенно. Гдѣ проявляется чрезмѣрная поспѣшность, тамъ неизбѣжно наступаетъ реакція; исторія французской революціи учитъ насъ этому на сотняхъ примѣровъ.—Быстрое развитіе нашего времени быстрѣе также поведетъ насъ на пути къ лучшему. Цѣлый вѣкъ отдѣляетъ насъ отъ того всеобъемлющаго переворота и за это время совершилось еще не одно преобразованіе. Наше образованіе увеличилось, наши нравы улучшились, вся наша жизнь стала требовательнѣе. *Сила мысли* повсюду увеличилась и становится выше *силы кулака*. Идея человѣчности проложила себѣ дорогу. Это позволяетъ намъ надѣяться, что преобразованія, зрѣющія въ лонѣ будущаго, примутъ болѣе мягкія и человѣчныя формы.

Если правда, что будущее принадлежитъ демократіи, то иначе и быть не можетъ. Храмъ демократіи, говоритъ одинъ великій мыслитель, составляютъ науки. Съ ихъ помощью демократія, столь сильно проявляющаяся теперь особенно въ рабочемъ мірѣ, должна приблизиться къ рѣшенію вопросовъ времени. Гдѣ царятъ науки, тамъ нѣтъ мѣста царству жестокости.

Исторія складывается не по желаніямъ романтиковъ. Лишь въ томъ случаѣ, если мы тщательно и честно изучаемъ прошлое, намъ позволительно дѣлать заключенія относительно перемѣнъ въ будущемъ.

Памяти А. К. Михайлова-Шеллера.

I.

Русская литература понесла тяжкую утрату 21 ноября въ лицѣ скончавшагося на 63 году извѣстнаго писателя Александра Константиновича Шеллера (псевдонимъ А. Михайловъ). Изъ біографическихъ свѣдѣній о немъ мы узнаемъ, что онъ родился въ Петербургѣ 30 іюля 1838 года и по отцу былъ эстонецъ, а по матери русскій. Отецъ его въ ранней молодости былъ привезенъ изъ Аренсбурга въ нашу столицу и скоро совершенно обрусѣлъ. Сначала онъ игралъ въ театральномъ оркестрѣ, а потомъ былъ придворнымъ служителемъ. Мать шила платья и, такимъ образомъ, Александръ Константиновичъ провелъ молодость въ простой и весьма бѣдной семьѣ. Тѣмъ не менѣе, его родные были достаточно умными людьми, чтобы внушить сыну вѣру въ могущество просвѣщенія и честныхъ правилъ въ жизни. Шеллеръ описалъ ихъ въ своемъ романѣ „Гнилыя болота“ подъ фамиліей Рудые. Они употребили послѣднія средства на научное образованіе своего сына, помѣстивъ его первоначально въ Анненскую школу и потомъ поддерживая его дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ, гдѣ онъ былъ вольнослушателемъ. Наиболѣе серьезно занялся Александръ Константиновичъ изученіемъ соціальныхъ вопросовъ за границей, куда онъ поѣхалъ въ качествѣ домашняго секретаря при графѣ Апраксинѣ. Въ Парижѣ онъ собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ блестяще написанныхъ имъ научныхъ компиляцій по рабочему вопросу: „Ассоціаціи“ и „Пролетаріатъ во Франціи“.

Первоначальную свою дѣятельность А. К. Шеллеръ началъ въ 1859 году въ „Весельчакѣ“ Плюшара, подписываясь въ немъ анаграммою А. Релешъ, и въ „Современникѣ“, гдѣ первые его романы: „Гнилыя болота“ (1864 г.) и „Жизнь Шупова“ (1865 г.) сразу создали громкое имя автору.

„Гнилыя болота“ и „Жизнь Шупова“ въ художественномъ отношеніи безукоризненны.

Въ послѣдующемъ романѣ „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“ шестидесятники (одинъ изъ Прохоровыхъ) провѣряютъ самихъ себя и приходятъ къ скорбному заключенію о своей непрактичности и частомъ преобладаніи въ ихъ жизни громкихъ словъ вмѣсто дѣла... Дѣти вчерашнихъ крѣпостниковъ по своимъ привычкамъ оказались безсильными жить согласно указаніямъ разума и новыхъ идеаловъ. Какъ прежде въ ихъ поведеніи многое покоилось исключительно на либеральныхъ убѣжденіяхъ, такъ теперь все стало оправдываться „обстоятельствами“ и недостатками характера. Тенденціозный періодъ русской жизни ослабѣлъ, уступая ходу вещей, и т. д. Сообразно этой перемѣнѣ дальнѣйшія произведенія Шеллера отражаютъ наступающее умственное и политическое оскудѣніе жизни.

Въ романѣ „Паденіе“ выведенъ уже народившійся типъ глумящагося индиферентиста (Серпуховъ) надъ идеалами минувшаго прошлаго. Въ близкомъ будущемъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, этотъ добродушный и безпечный ренегатъ превращается въ активнаго и злобнаго реакціонера въ лицѣ „Ртищева“. Не только въ общественной, но и въ своей личной жизни новый герой всюду видитъ одну подлость и только о себѣ самомъ держится высокаго мнѣнія. Не только литература, общество и земство, по его мнѣнію, продажны, но даже простые его знакомые и пріятели идутъ къ нему только чтобы его объѣдать... Собственной женѣ необходимо жить въ четырехъ стѣнахъ и только принаравливаться къ мужу...

— Всѣ эти барышни и барыни, скачущія съ лекціи на лекцію, отъ товарокъ къ товаркамъ, отъ новостей къ новостямъ—самая худшая изъ породъ... Идутъ по торной дорожкѣ къ разврату,— говорилъ онъ про всѣхъ учащихся дѣвушекъ.—Сегодня бѣгаютъ на курсы, завтра къ студентамъ за совѣтами, послѣ завтра на ночлегъ къ любовникамъ. Мужская молодежь—эти „мальчики безъ штановъ“—праздно болтаютъ о высокихъ предметахъ. Политика не ихъ дѣло и не имъ играть спокойствіемъ народа. А самый народъ безъ узды немыслимъ, и эта узда—его религіозность.

Вотъ къ какимъ взглядамъ на жизнь пришли въ 80-хъ годахъ новые люди, уже свободные отъ идеализма прошлаго и его разочарованій. На свой страхъ и безъ сомнѣній, они затягивали все крѣпче и крѣпче узелъ общественной жизни и не боялись испытаній, которыя могутъ выпасть на долю каждой страны, въ видѣ голодовокъ, войны, финансовыхъ затрудненій или фанатизма непросвѣщенныхъ массъ...

Вѣрующіе въ самихъ себя и исключительно въ свой геній, они самоувѣренны и смѣло берутъ судьбы родины на свою отвѣтственность. Этотъ любопытный типъ самоувѣреннаго дворянства

А. К. Шеллеръ (Михайловъ).

въ реакціонную эпоху воспроизведенъ Шеллеромъ вполнѣ художественно въ романѣ „Ртищевъ“.

Вслѣдъ за паденіемъ либеральнаго направленія, появляется въ русской общественной жизни, почти одновременно со „Рти-

щевымъ", и буквальное вырожденіе обѣднѣлыхъ дворянъ, выведенныхъ Шеллеромъ въ его позднѣйшихъ романахъ. „Семья Муратовыхъ"—это цѣлая серія романовъ изъ эпохи оскудѣнія. Начинается дѣло съ дѣлежа наслѣдства между братьями Муратовыми. Уже при дѣлежѣ имущества видно, что братья готовы перегрызть другъ другу горло. Это дѣти неумѣлыхъ крѣпостниковъ, ханжи-матери и пьяницы-отца. Они воспитывались внѣ дома на казенныхъ хлѣбахъ или у петербургскихъ аристократовъ родственниковъ. Общаго между ними нѣтъ ничего. Одинъ братъ, Аркадій Павловичъ, отупѣвшій петербургскій чиновникъ, живущій не по средствамъ, мирится ради выгодъ и съ ролью мужарогоносца и съ ролью человѣка, обдѣлывающаго нечистыя дѣла іерусалимскихъ дворянъ, скупающихъ земли въ Западномъ краѣ. Петръ Павловичъ, гвардейскій хлыщъ и прожигатель жизни, сводитъ весь ея интересъ къ одному вопросу: гдѣ бы достать денегъ? Ради денегъ онъ соблазняетъ глуповатую жену стараго ростовщика и въ то же время разсчитываетъ жениться на богатой честной и милой дѣвушкѣ. Романъ съ женою ростовщика Зимина доходитъ въ сущности до уголовщины, до поддѣльныхъ векселей, до насильственной смерти Зимина, задушеннаго женой. Опомниться легкомысленнаго человѣка заставляетъ только то, что онъ видитъ, какъ погибаютъ на скамьѣ подсудимыхъ люди, подобные ему, отправляясь послѣ великосвѣтскихъ баловъ въ мѣста не столь отдаленныя („Безпечальное житье"). Другая участь (романъ „И золотомъ и молотомъ") ждала Данила Павловича Муратова, трактирнаго героя, жившаго въ провинціи и ближе знавшаго народъ и кулачество. Очутившись на своихъ ногахъ, онъ увидѣлъ, что надо сдѣлаться кулакомъ, чтобы спастись. И вотъ, женившись на дочери своего крѣпостного, теперь купца и подрядчика, онъ проходитъ тяжелую школу желѣзнодорожнаго строителя, моритъ людей, не брезгуетъ никакими средствами и наконецъ добивается „и золотомъ и молотомъ" своего, т. е. богатства. Максимъ Павловичъ—неудачникъ, которому суждено кончить жизнь „внѣ жизни", безъ толку, пострадавъ „за идеи"; сестра Софья Павловна, (ром. „Совѣсть"), послѣ „ложнаго шага" среди свѣтскаго общества, идетъ въ монастырь, гдѣ дѣлается довольно видной дѣятельницей въ роли игуменьи, но эта дѣятельность напоминаетъ карьеру извѣстной матушки—Митрофаніи. „Старыя гнѣзда" посвящены общей характеристикѣ всѣхъ этихъ героевъ, которымъ суждено на разныхъ поприщахъ дѣйствовать въ эпоху оскудѣнія. Интересными являются у Шеллера въ этихъ романахъ и старые типы дворянъ, неумѣющихъ приноровиться къ новой жизни безъ крестьянъ, какъ напримѣръ старый баринъ Платонъ Николаевичъ Баскаковъ, умирающій отъ удара при первомъ же столкновеніи со своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, или его братъ Александръ Николаевичъ Баскаковъ—мотъ и кутила, носящійся вѣчно съ какими то неосуществимыми планами, дѣлающійся домостроителемъ въ Петербургѣ во время строительной горячки восьмидесятыхъ годовъ и умирающій совершенно раззореннымъ нищимъ, настроивъ громадные дома для другихъ. Еще тяжелѣе

остается впечатлѣніе о несчастныхъ „оскудѣнышахъ“ по прочтеніи романа „Бездомники“ или разсказа „Конецъ Бирюковской дачи“, съ барышнями-помѣщицами, у которыхъ мѣстный кулакъ отбираетъ за долги ихъ усадьбу. Неприготовленныя ни къ какому труду и не нашедшія себѣ жениховъ, онѣ должны очутиться „на улицѣ“, исключая той изъ нихъ, которая ушла въ избу мужика и стала жить съ нимъ, „опростившись“ до него. Но среди вырождающихся дворянъ въ „декадентовъ жизни“ и преступниковъ, Шеллеръ не забылъ среди нихъ и „Побѣдителей“, представителей нарождающейся у насъ буржуазіи на мѣстахъ упраздненнаго дворянства.

Не стало крестьянъ, открылись новыя мѣста, новыя учрежденія, возникли десятки желѣзныхъ дорогъ и банковъ, и теперь явился новый способъ сдѣлать карьеру или пріобрѣсти доходное мѣсто.

«Новыя учрежденія,—говоритъ г. Шеллеръ—потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось поневолѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ можетъ быть, неловко было спрашивать объ ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами и имѣли денежныя средства».

Представителями этого «хамоваго отродья», отрѣснившаго «золотую молодежь» отъ пирога, являются у Шеллера въ городахъ Орловы изъ романа „Голь“, а въ деревняхъ Кожуховы изъ романа «Алчущіе».

Всѣ позднѣйшія произведенія Шеллера, въ которыхъ онъ касается вліянія на русскую жизнь новыхъ экономическихъ условій, проникнуты глубокимъ пессимизмомъ. Въ первоначальныхъ его романахъ, несмотря на глубокую скорбь за русскую семью и школу, авторъ былъ жизнерадостнымъ. Онъ имѣетъ полное право говорить по своему адресу:

«Счастливъ читатель, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потупилъ въ отчаяньи головы, но поднялъ ее и бодро и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми, и никакого пятна не наложитъ на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они мнѣ какъ будто знакомы...» Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, простыхъ людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму».

Позднѣе, чѣмъ торопливѣе мы шли на выучку къ капитализму, тѣмъ исключительнѣе выводилъ Шеллеръ въ своихъ романахъ

типъ торжествующаго безсердечнаго буржуа, замѣщающаго всюду упраздненныя ваканціи, съ специфической философіей о безсиліи моральнаго элемента въ исторіи русскаго общества и торжествѣ надъ личностью матеріальныхъ условій жизни.

Мрачныя картины нашей общественной жизни нисколько не изгладились въ наблюденіяхъ романиста и тогда, когда за послѣдніе годы въ обществѣ появились новые люди, извѣстные подъ именемъ „толстовцевъ“. Въ книгѣ, появившейся 1900 года, въ дополненіе къ „Полному собранію сочиненій“ А. К. Шеллера, собраны его романы „Школа жизни“ и двѣ повѣсти „Глухая рознь“ и „Послѣ насъ“. Въ послѣдней изъ нихъ авторъ, хотя и и нѣсколько блѣдно, выводитъ типъ людей, которые проповѣдуютъ воду, а сами пьютъ вино и которые для этой „воды“ готовы изломать чужую жизнь, какъ бы носитель ея не былъ мало пригоденъ для идеала съ водой и чернымъ хлѣбомъ.

Леонидъ Николаевичъ пріѣзжаетъ въ усадьбу скончавшагося отца и узнаетъ, что у покойнаго остался незаконнорожденный сынъ и мать послѣдняго. Какъ передъ пріѣздомъ своимъ въ усадьбу Леонидъ Николаевичъ не пожелалъ ее видѣть, такъ и за послѣдовавшимъ самоотравленіемъ ея онъ велѣлъ покойницу „отправить въ больницу“ и пообѣщался «не бросить ея мальчишку».

— Онъ изъ своей части долженъ помочь мальчику, такъ какъ это несомнѣнно сынъ его отца. Но какъ? Деньги иногда ни что иное, какъ страшное зло...

Разсуждая, такимъ образомъ, онъ рѣшилъ:—Придется добывать хлѣбъ работой, на костюмчики нельзя будетъ тратиться, а отвыкать отъ того, что вошло въ плоть и кровь, послѣ будетъ трудно... Надо теперь же приняться за перевоспитаніе мальчика.

У него въ головѣ давно уже созрѣлъ планъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь вдали отъ развратныхъ большихъ городскихъ центровъ въ простой крестьянской обстановкѣ, научившись черному труду, съ ограниченіемъ всѣхъ своихъ потребностей.

Онъ прямо заявилъ старику лакею, который няньчилъ «Бориньку», что мальчику уже пять лѣтъ и въ какомъ нибудь особенномъ уходѣ онъ не нуждается. „Онъ поселится здѣсь гдѣнибудь со мной, и когда подростетъ, я увижу, что надо будетъ сдѣлать изъ него... къ чему будутъ способности. Вы, Михаилъ Матвеевичъ, человѣкъ старый и многаго вамъ не объяснить... Вы вотъ баловали мальчика, какъ князька какого, а ему, можетъ быть, въ будущемъ-то сапожникомъ или столяромъ придется быть... будущее неизвѣстно“.

— Это сыну то Николая Даниловича? воскликнулъ Михаилъ Матвѣичъ и махнулъ рукою.—Что вы, сударь, шутить изволите, значитъ, надо мной, старикомъ...

— Вы ошибаетесь, началъ Леонидъ Николаевичъ.—Борисъ незаконный сынъ и дѣлать изъ него привередливаго барченка я вовсе не желаю... и не имѣю права...

— Батюшка, Леонидъ Николаевичъ, молящимъ голосомъ воскликнулъ старикъ.—Дитя малое, значитъ, отца и матери разомъ

лишилось, зачѣмъ же еще вы и меня то отъ него, значитъ, отнимаете... разомъ то привыкнуть дитяти будетъ трудно, одинъ одинешенекъ останется... Ничего мнѣ, значитъ, не надо, ни жалованья, ни куска хлѣба, оставьте только, значитъ при немъ...

Леонидъ Николаевичъ разрѣшилъ старику только „навѣщать" мальчика, нуждавшагося въ любящемъ сердцѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ воспитательныхъ теоріяхъ по заказу.

А между тѣмъ онъ запретилъ старику даже иногда помочь ребенку надѣть чулки и сапоги, несмотря на то, что любовь старика къ ребенку только и могла выразиться въ мелкихъ услугахъ послѣднему. „Сладкаго куска" нельзя было дать, такъ какъ у Леонида Николаевича „на все, значитъ, резоны свои..."

Хуже всего бывало въ тѣ минуты, когда Михаилъ Матвѣичъ заставалъ Бореньку одного, и тотъ, прижавшись головкой къ старику, тихо-тихо начиналъ плакать, не умѣя даже объяснить, о чемъ онъ плачетъ, о томъ-ли, что къ нему не идутъ папа и мама, о томъ-ли, что ему не даютъ сластей и игрушекъ, о томъ-ли, что складывать кубики ему вовсе не весело, или просто о томъ, что къ Леониду Николаевичу нельзя вотъ такъ прижаться головкой, какъ къ дядѣ Мишѣ.

Съ своей стороны и „толстовецъ" Леонидъ Николаевичъ судилъ о старикѣ въ томъ духѣ, что ему еще долго придется противодѣйствовать этому глупому старику, умѣющему только баловать, неумѣнью быть самостоятельнымъ и бабьей плаксивости. Онъ не помнилъ себя въ этомъ возрастѣ, но ему казалось, что онъ всегда самъ одѣвался, всему самъ научился, до всего дошелъ самъ, всегда былъ бодръ и серьезенъ, стоя выше всѣхъ окружавшихъ его людей. Онъ мысленно давалъ себѣ обѣщаніе:

— Я его такимъ и сдѣлаю въ деревнѣ, только бы этотъ выжившій изъ ума старикъ удалился поскорѣе въ богадѣльню.

А старикъ и самъ сознавалъ, что и „ему не долго жить, что и Боренька, ангелъ Божій, едва ли проживетъ долго — уморитъ его Леонидъ Николаевичъ".

Такимъ „камнемъ", а не гуманнымъ и глубокимъ человѣкомъ, выведенъ Шеллеромъ „толстовецъ", котораго, конечно, нельзя ставить на счетъ Л. Н. Толстого, но который всецѣло свидѣтельствуетъ о грубости нашего общества и грубости нашего примѣненія къ жизни истинъ, возвышающихъ насъ. Оказывается, что мы способны скомпрометировать самыя простыя истины, и поэтому немудрено, что Леонида Николаевича прозвали „поврежденнымъ" и „блаженнымъ", несмотря на то, что самъ онъ непремѣнно хочетъ быть „оракуломъ", „прорицателемъ" или „судьею..."

Грустнымъ наблюденіемъ надъ русской жизнью закончилъ А. К. Шеллеръ свои послѣднія работы. Втеченіе болѣе тридцати лѣтъ онъ далъ намъ о перемѣнахъ въ общественной жизни нѣсколько избранныхъ романовъ („Гнилыя болота", „Жизнь Шупова", „Паденіе", „Ртищевъ", „Бездомники", „Голь", „Алчущіе"), которые надолго переживутъ автора и обезпечатъ за нимъ извѣстность гуманнаго и просвѣщеннаго художника. Слѣдуетъ замѣтить, что покойный писатель не ограничивался одними беллетристиче-

скими работами, но былъ также прекраснымъ компиляторомъ и по научнымъ вопросамъ. Его „Пролетаріатъ во Франціи", „Ассоціаціи", „Революціоный анабаптизмъ", „Царство двухъ монаховъ", „Мечты и дѣйствительность", „Основы образованія" и „Наши дѣти" значительно помогаютъ читателю въ выработкѣ политическаго міросозерцанія, столь необходимаго каждому изъ насъ.

II.

Послѣ краткаго обзора литературной дѣятельности А. К. Шеллера, намъ хочется сдѣлать о немъ тотъ выводъ, что его беллетристическія произведенія отражаютъ типичныя проявленія нашей общественной жизни за послѣднія ея тридцать лѣтъ. Выведенныя имъ лица представляются вполнѣ живыми, а не кустарными иллюстраціями „богомаза" къ его излюбленнымъ теоріямъ, какъ аттестовалъ Шеллера недавно критикъ изъ „Міра Божьяго". Чтобы нашъ протестъ не былъ голословнымъ, мы сошлемся какъ на публику, которая, по библіотечной статистикѣ, требуетъ Шеллера наряду съ лучшими литературными именами, такъ и на цѣлый рядъ имѣющихся у меня въ распоряженіи письменныхъ доказательствъ того, что избранныя произведенія Шеллера останутся надолго художественными памятниками русской жизни и будутъ читаться въ русскихъ семьяхъ смѣло еще 40-50 лѣтъ. Я говорю о письменныхъ доказательствахъ, которыя Шеллеръ получалъ въ 25 и 30-лѣтніе юбилейные дни своей литературной дѣятельности и, которыя по своему сердечному и интимному тону, не оставляютъ сомнѣнія въ искренности авторовъ. Эти письменныя доказательства литературнаго значенія А. К. Шеллера исходятъ очень часто отъ крупныхъ литературныхъ именъ, и мы охотно сохранимъ ихъ для литературы.

Заканчивая статью о Шеллерѣ письмами о немъ многихъ лицъ, мы охарактеризуемъ его нѣсколькими словами: это былъ гуманный и просвѣщенный художникъ въ области романа, западникъ—въ научныхъ работахъ по соціальнымъ вопросамъ.

А. Фаресовъ.

Москва, Кисловка, д. и номера Базилевскаго. 17 окт. 88.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Мнѣ крайне досадно и обидно, что мой скромный голосъ не присоединился къ согласному хору русскихъ писателей, чествовавшихъ свѣтлый праздникъ Вашей долгой и плодотворной дѣятельности. Я былъ въ Константинополѣ и только сегодня вернулся въ Москву, гдѣ въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей" мнѣ передали о Вашемъ юбилеѣ. Еще разъ—мнѣ больно, душевно больно, что я отсутствовалъ тамъ, гдѣ, мнѣ кажется, я по праву могъ бы разсказать, съ какою сердечною теплотой, съ какимъ искреннимъ участіемъ

Вы всегда относились ко всему молодому и начинающему. Я хорошо помню—какимъ добрымъ словомъ Вы одобрили меня, когда растерянный и смятенный я вернулся въ Петербургъ. Я никогда не забуду, какъ бы ни складывались впослѣдствіи наши литературныя отношенія, что многимъ и многимъ въ своей энергіи труда въ ту тяжелую пору,—я былъ обязанъ Вамъ. И я ли одинъ! На моихъ глазахъ проходили тогда цѣлыя вереницы — начинавшихъ товарищей — къ которымъ Вы ни разу не отнеслись съ холоднымъ высокомѣріемъ сдѣлавшаго себѣ большое имя писателя. Напротивъ, Вы были истиннымъ другомъ каждому—и многіе изъ насъ, можетъ быть, не разъ жалѣли, что не прислушивались внимательно къ Вашимъ добрымъ совѣтамъ. Вы именно были всегда благожелательны къ самымъ слабымъ росткамъ таланта. У Васъ для нихъ находилось и время, и охота. Многихъ и многихъ ужъ чествовали у насъ, какъ высокоталантливыхъ писателей, какъ свѣточей русской мысли и русской поэзіи — но едва ли не Васъ одного можно сверхъ сего привѣтствовать, какъ истиннаго друга, добраго товарища, какъ сердце и душу, всегда открытыя тѣмъ, кому было трудно и жутко. Съ нами, пробивавшимися тяжело и болѣзненно впередъ, Вы связали себя прочною душевною связью. Сдѣланное тогда — не забывается впослѣдствіи. Я повторяю: какъ бы судьба ни разводила насъ въ разныя стороны—Вашъ свѣтлый литературный и человѣческій обликъ будетъ мнѣ всегда дорогъ—потому вы поймете, какъ тяжело мнѣ теперь, что на Вашемъ праздникѣ отсутствовалъ я, не разъ и многимъ Вамъ обязанный. Еще разъ привѣтствую Васъ не только какъ высокоталантливаго писателя, какіе были и будутъ, но какъ высокую душу, честное и горячо бьющееся сердце, какъ дорогого друга всѣмъ тѣмъ, кому трудно и жутко... Въ этомъ отношеніи — Вы въ очень маломъ обществѣ и едва ли даже не одиноки, и съ тѣмъ болѣе глубокимъ и благодарнымъ чувствомъ я заочно жму Вашу руку и отъ всего сердца желаю Вамъ еще долгаго, плодотворнаго труда и достойнаго Васъ успѣха, некрушимыхъ силъ и душевной ясности.

Весь Вамъ искренно преданный

Вас. Немировичъ-Данченко.

---

9 окт. 88.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Нездоровье помѣшаетъ мнѣ, къ сожалѣнію, принять личное участіе въ Вашемъ юбилеѣ. Но мнѣ никакъ не хочется пропустить этого дня безъ нѣсколькихъ словъ къ Вамъ. Мнѣ случилось нѣкогда быть свидѣтелемъ Вашихъ первыхъ начинаній, и теперь, черезъ многіе годы, видѣть, что Вы всегда, какъ при первомъ вступленіи на литературнае поприще—среди всѣхъ пережитыхъ тревогъ — остались вѣрны поставленной себѣ задачѣ — служить обществен-

ному сознанію картинами нашей жизни, за которыми стояло всегда хорошее общественное и задушевное нравственное чувство.

Примите мои искреннія пожеланія—еще долгой плодотворной дѣятельности и добраго здоровья.

Вамъ всегда душевно преданный

А. Пыпинъ.

В. О., Ср. пр., 29.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Наконецъ то и Вамъ пришлось переживать тотъ день, отъ котораго, къ счастію, вѣетъ не одною старостью, но и молодостью воспоминаній и сознаніемъ, что не все посѣянное нами поросло лебедой или побито градомъ, что и нашъ посѣвъ могъ когда нибудь и какъ нибудь пригодиться алчущимъ или хоть на время дать имъ нравственное удовлетвореніе.

Въ этотъ юбилейный день не поздравлять Васъ надо, а благодарить за то, что слишкомъ четвертъ вѣка Вы терпѣливо и не безплодно ратовали на пользу намъ родной литературы, за то, что, воодушевленные самыми лучшими намѣреніями, Вы дорожили не столько судомъ нашихъ литературныхъ корифеевъ, сколько сочувствіемъ своихъ многочисленныхъ читателей. Къ числу благодарныхъ голосовъ присоедините мой слабѣющій голосъ и не взыщите, если мнѣ лично не удастся присутствовать на Вашемъ праздникѣ—не всегда могу я:

Съ изнеможеніемъ въ кости
За новымъ племенемъ брести...

Пятьдесятъ лѣтъ не только литературной, но и какой хотите жизни—это такая тяжесть, отъ которой не только тѣло, но и душа болитъ. Поймите это и, какъ сердцевѣдецъ, великодушно извините

Васъ глубокоуважающаго и неизмѣнно преданнаго

Я. Полонскій.

1888 октябрь. С.-П.-Б.

Великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всея Русіи самодержцу и многихъ государствъ государю и благодѣтелю.

Бьетъ челомъ и плачетца и являетъ нищей твой государевъ сирота и богомолецъ, недостойный протопопишко Аввакумка.

Явка мнѣ, государь, на злодѣя твоего государева, на книжнаго воровскова атамана на Олексашку на Шеллерова, по разбойному его прозвищу — на Михайлова. Въ лѣто отъ рождества Господа и Спаса нашего Ісуса Христа тысяща осьмъ сотъ шестьдесятъ въ третье, божіимъ попущеніемъ и діавольскимъ навожденіемъ, забывъ страхъ божій и крестное цѣлованье, учалъ онъ, злодѣй твой государевъ, книжный воровской атаманишко Оле-

ксашка, непотребный сынъ Шеллеровъ, гнюсныя и любострастны книжницы, романами именуемыя, денно—нощно слагать и тисненію предавать на соблазнъ и погибель благочестивыхъ мужей и женъ, отроковъ, паче же отроковицъ и убѣленныхъ сѣдинами старцевъ и даже до ссущихъ младенцевъ. И оные, государь, мужи и жены, отроки же и отроковицы и ветхіе денми старцы, забывъ Бога и Пречистую его матерь, аки оглашенные, извѣся языки и распустивъ слюни сладострастія, тѣ непотребныя книжицы чтутъ въ-засосіе. И стало, государь, отъ того веліе на Руси умовъ шатаніе, женъ и отроковицъ даже доссущихъ младенцевъ паденіе, божественныхъ же книгъ конечное забвеніе. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи,—вели, государь сію мою явку и челобитье оному злодѣю твоему государеву, книжному воровскому атаману Олексашкѣ, непотребному сыну Шеллерову, всенародно вычесть, и, бивъ батоги нещадно, ноздри оному злодѣю вырвать, а книги ево на Конной площади сжечь всѣ безъ остатку, самово же злодѣя, Олексашку, заточить въ Пустозерскъ на вѣчныя времена безъ мотчанія. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Къ поданію подлежитъ въ твой государевъ приказъ, цензурою именуемый, чрезъ подателя сего, черкасково воровсково казака Данилку Мордовцева.

Сердечно поздравляю и желаю еще 30 лѣтъ злить протопопа

Аввакума.

10 октября 1888 года.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Мнѣ, человѣку, начавшему работать во времена лучшихъ литературныхъ традицій, особенно дорого, уже помимо художественныхъ достоинствъ Вашихъ произведеній, то честное и задушевное направленіе, которое съумѣли Вы сохранить такъ свято, несмотря на всѣ невзгоды. Это такая рѣдкость въ эти четверть вѣка метаморфозъ людей и мнѣній, такая великая Ваша заслуга, которой никогда не должна забыть исторія нашей литературы; въ этомъ Вы поучительный примѣръ не только для начинающихъ дѣятелей мысли и слова, но и для насъ стариковъ. Какъ педагогу, мнѣ особенно дорого то великое воспитательное значеніе, которое Вы всегда имѣли для молодежи, и дай то Богъ, чтобы Вы, сохранившій незыблемо всю жизнь лучшія сокровища:—вѣру въ добро, любовь къ родинѣ и честь писателя, еще долго, долго такъ же неутомимо и задушевно продолжали работать на пользу нашего общества, сѣя въ немъ благотворныя сѣмена добра и правды:—этого отъ всей души желаетъ Вамъ, вмѣстѣ съ множествомъ Вашихъ почитателей.

Всегда глубоко Вамъ преданный старый педагогъ и литераторъ

Викторъ Острогорскій.

Дерптъ. 9 октября 88 г.

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Завтра исполнится двадцатипятилѣтіе Вашего служенія русскому обществу и русской литературѣ,— служенія неустаннаго и плодотворнаго въ теченіе цѣлой четверти столѣтія,—позвольте же и мнѣ присоединится къ хору голосовъ Вашихъ почитателей и людей обязанныхъ многимъ Вашимъ произведеніямъ и тѣмъ хорошимъ свѣтлымъ мыслямъ, которыя Вы постоянно проводили и распространяли въ нихъ. Совѣсть безпристрастнаго наблюдателя, уважаемый Александръ Константиновичъ, заставляетъ каждаго признать въ Васъ пѣвца и выразителя печалей и радостей среднихъ классовъ нашей родины,—тѣхъ классовъ, откуда такъ много выходитъ всѣхъ „оскорбленныхъ и униженныхъ“, которымъ такъ тяжело живется на бѣломъ свѣтѣ и типичнымъ представителямъ которыхъ Вы всегда такъ тепло и радушно давали пріютъ и мѣсто на страницахъ Вашихъ, ярко рисующихъ бытъ общества, романовъ. Тѣсно связанный съ тѣми слоями нашего общества, бытописаніемъ и анализомъ которыхъ Вы занимались 25 лѣтъ съ такою любовію и участіемъ, я могу лично засвидѣтельствовать правду и теплоту тѣхъ отношеній, какія установились между Вами, какъ авторомъ и Вашими читателями. Тамъ въ далекой глухой провинціи, куда такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ проходятъ лучи свѣта, гдѣ всякое слово добра и правды звучитъ для многихъ и многихъ слушателей единственнымъ призывомъ къ иной, новой и разумной жизни, гдѣ горячее и искреннее слово писателя находитъ сочувствіе, откликъ и падаетъ, по большей части, не на каменистую почву,—тамъ Вашъ голосъ не пропадалъ безслѣдно, тамъ Ваши „Гнилыя болота“, „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“, „Чужіе грѣхи“ и др. произведенія дѣлали неуклонно свое глубокое важное дѣло, воспитывая подрастающія поколѣнія, заставляя задумываться старшее и всюду внося свѣтъ, разумъ и тепло.

Простой средній читатель—человѣкъ Васъ искренно полюбилъ и старался, на сколько хватало его силъ и умѣнія передать эту любовь и своимъ дѣтямъ. Правду моихъ словъ лучше всего рисуетъ и потверждаетъ отчетъ общественныхъ городскихъ библіотекъ, ясно указывающій кого изъ русскихъ писателей болѣе всего спрашиваетъ для чтенія публика. Заканчивая свое неумѣлое привѣтствіе Вамъ съ наступившимъ днемъ Вашего 25-лѣтняго юбилея и искренно желая, чтобы Вы, многоуважаемый Александръ Константиновичъ, еще долго—долго работали для русскаго общества, я не могу не замѣтить, что радъ возможности высказать Вамъ все, что давно накопилось, тѣмъ болѣе, что Вы имѣете для меня значеніе не только какъ писатель для читателя, но и какъ умѣлый опытный мастеръ слова, не отказавшій мнѣ въ помощи и давшій мнѣ возможность вступить, хотя въ качествѣ самаго младшаго члена, въ русскую литературную семью. Примите же, уважаемый Александръ Константиновичъ, мой поклонъ и горячій привѣтъ въ день Вашего юбилея. **Мих. Лисицынъ.**

Многоуважаемый Александръ Константиновичъ! Я, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всѣ остальные, празднующіе Вашъ юбилей, горячо и искренно люблю Васъ и желаю Вамъ еще долго и долго работать для Россіи. Говорю „можетъ быть болѣе всѣхъ", потому что никогда не забывалъ и не забуду того тяжелаго, ужаснаго времени, когда вы одни явились мнѣ поддержкой и путеводной звѣздой въ далекой глуши.

Я сохранилъ къ Вамъ теплыя чувства, и не только какъ къ человѣку лично мнѣ безконечно дорогому, но и какъ къ писателю, произведенія котораго освѣтили мою юность своими чистыми, человѣческими, глубоко-воспитательными лучами.

Глубоко преданный

Л. Оболенскій.

---

9 окт. 1888.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Съ ранней юности я зачитывался Вашими произведеніями, гдѣ столько сердечной теплоты, ума, добрыхъ и честныхъ идей. Познакомившись съ Вами лично, я больше и больше полюбилъ Васъ! Теперь, читая Ваши произведенія — я вижу, что въ нихъ одинъ герой честный неутомимый, разумный, котораго я люблю и уважаю; котораго любятъ и уважаютъ всѣ читатели, — и этотъ герой самъ авторъ, этотъ герой—Вы! Желая по мѣрѣ силъ почтить имянины Вашей литературной дѣятельности, я посвящаю Вамъ стихотвореніе. Можетъ быть оно слабо, не полно выразило мою мысль, но все же я буду счастливъ, если привлеку Ваше вниманіе, хоть на минуту, своимъ письмомъ и стихами.

Сердечно преданный Вамъ

Константинъ Фофановъ.

1888 г. 10 октября.

10 окт. 1888. С.-П.-Б.

Александръ Константиновичъ! 25 лѣтъ литературнаго творчества и почти столько же редакторской убійственной, отнимающей силы и время работы—это рѣдкое явленіе въ русской жизни и литературѣ! Вы работали на пользу общую, Вы не сѣяли сѣмянъ племенной ненависти, Вы—между прочимъ—заставили меня (сами того, можетъ быть, на зная) полюбить и высоко цѣнить русскую рѣчь и русскую литературу. За первое благодаритъ Васъ вся Россія, за второе искренній и преданный Вашъ другъ

Генрихблинскій.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! Только сегодня узнала, изъ газетъ, что вчера исполнилось тридцать лѣтъ Вашей литературной дѣятельности. Я никого не знаю изъ лите-

ратурнаго міра, мнѣ не отъ кого было узнать раньше. Не всѣмъ позволяется оригинальничать, мнѣ меньше многихъ, но простите, не могла удержаться и пишу Вамъ. Если бы я видѣла Васъ лично, едва ли бы я осмѣлилась сказать Вамъ то, что думаю: я только мысленно произношу длинныя рѣчи, да перо мое не въ мѣру смѣло и словоохотливо. Много трудовъ, много тяжелыхъ минутъ видѣла Ваша дѣятелность за тридцать лѣтъ. Но если кажется Вамъ порой, Александръ Константиновичъ, что жизнь дала Вамъ только тяжелыя минуты, вѣрьте, что онѣ пережиты не даромъ, что пойдутъ онѣ на пользу цѣлыхъ поколѣній. Вы много сдѣлали, много сдѣлаете въ будущемъ. Вы человѣкъ души, человѣкъ, забывающій себя для ближняго, Вамъ чуждъ эгоизмъ, и Васъ мысль эта можетъ утѣшить—Годъ тому назадъ я Васъ увидѣла, увидѣла, такимъ, какимъ воображала автора Вашихъ произведеній, „узнала“ Васъ. Даже хорошія, добрыя мысли и слова такъ часто расходятся съ дѣломъ, что, увидѣвъ Васъ, я написала восторженное письмо своему лучшему другу—Татьянѣ Л., въ которомъ писала ей о Васъ. Ея отвѣтъ теперь у меня передъ глазами, это не критика, это мнѣніе, а мнѣніе вѣдь можетъ, долженъ имѣть каждый. Не говорите: „Какое мнѣ дѣло до Вашихъ дѣтскихъ сужденій?“ не сочтите за обиду то, что я осмѣлюсь привести отрывокъ изъ письма, я это дѣлаю, потому что мнѣ хочется убѣдить Васъ, какъ глубоко запали Ваши мысли въ сердце молодежи, какъ цѣнитъ Васъ она, хочется чтобы Вы повѣрили что она только молчала, но слушала, все время слушала Васъ и, дастъ Богъ, возмется за дѣло. Добро не можетъ погибнуть; но вотъ и отрывокъ:

„Онъ (простите, это Вы Александръ Константиновичъ) заставляетъ думать, поднимаетъ или старается поднять вопросы, давно потонувшіе — это хорошо и полезно для молодежи, а особенно для нынешней, которая, къ сожалѣнію, мало его читаетъ. А было время (мы съ тобой захватили только кончикъ его) когда Михайловъ читался на расхватъ, о немъ говорили, спорили, чуть не дрались. Теперь иные времена и нравы, а жаль за него, и за насъ, и большое ему спасибо за то, что онъ написалъ! Его время прошло, но оно можетъ и еще разъ вернутся, и это будетъ хорошее время!“ Вернется, скоро вернется! Уже начинаетъ возвращаться, да и не прошло еще, нѣтъ, хотѣло уйти и вернулось съ полдороги. Спасибо вамъ Александръ Константиновичъ, спасибо и отъ тѣхъ, кто мыслитъ, и отъ тѣхъ, за которыхъ мыслили и ратовали Вы!

Съ глубокой признательностью, глубокимъ уваженіемъ.

К. Гумбертъ.

11-го октября 1893 г.

10-го Октября 1888 г.

Милостивый Государь Александръ Константиновичъ! Какъ и многіе другіе, я съ самой юности зачи[illegible] Вашими произве-

деніями и съ тѣхъ поръ съ Вашимъ именемъ у меня неразрывно связано представленіе о честныхъ, хорошихъ убѣжденіяхъ; о трудномъ, трудовомъ, но всегда прямомъ жизненномъ пути. Поздравить такого юбиляра, какъ Вы—есть долгъ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи

Алексѣй Альмединген.

Я вижу въ Вашемъ юбилеѣ
Живой идеи торжество;
Ея друзья сошлись тѣснѣе,
Чтобы братски чествовать того,
Въ комъ бьется сердце человѣка,
Не очерствѣлое враждой,
Кто молодежи четверть вѣка
Былъ путеводною звѣздой,
Кого не старѣютъ невзгоды,
Чьи мысли чисты, какъ кристалъ,
Кто знамя правды и свободы
Ни передъ кѣмъ не преклонялъ
И кто въ заоблачныхъ высотахъ
Безсмертной славы не искалъ,
Но на землѣ, въ „Гнилыхъ Болотахъ“,
Посѣялъ лавры и пожалъ.
Привѣтъ горячій юбиляру!
Пусть грянетъ тостъ во всѣ края,
Пусть за него подымутъ чару
Всѣ правды истинной друзья.

Ольга Лепко.

Глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ! 10-го октября исполнилось 30 лѣтъ служенія Вашего русской литературѣ. Будучи воспитаны на великихъ традиціяхъ лучшихъ годовъ, Вы вътеченіе своей литературной дѣятельности оставались вѣрными этимъ традиціямъ и въ своихъ произведеніяхъ проводили дорогія Вамъ и мыслящей части общества идеи. Вы знакомили въ удобопонятной для всякаго читателя формѣ наше общество съ обездоленной „голью“, съ угнетенными классами народа, какъ русскаго, такъ и западно-европейскаго; Вы пробуждали искреннее участіе къ тѣмъ, „кто сиръ, и нагъ, и бѣденъ, кто подъ ярмомъ нужды поникъ, чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ“; своими произведеніями Вы способны вызвать на серьезную умственную работу, наталкнуть на „проклятые вопросы“, дать здоровую пищу уму, жаждущему свѣта. Ваше имя будетъ стоять въ ряду почетныхъ именъ доблестныхъ служителей „бѣдной русской мысли“. Вы глубоко вѣрили и вѣрите въ молодежь и были, какъ писатель, ея преданнымъ воспитателемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, и вѣрнымъ ея другомъ. И мы шлемъ Вамъ, глубокоуважаемый Александръ Константиновичъ, задушевный привѣтъ и горячо желаемъ Вамъ

увидѣть еще ту „зарю новыхъ дней“, „зарю святаго обновленія“, во имя которой Вы вътеченіе 30 лѣтъ подвизались на поприщѣ родной литературы.

Студенты Харьковскаго Ветеринарнаго Института.

Телеграма № 14624.

10-го Октября.

Привѣтствую писателя идеалиста, до сѣдины оставшагося вѣрнымъ завѣтомъ свѣтлой и чистой юности. Да здравствуетъ авторъ „Жизни Шупова, его родныхъ и знакомыхъ“.

Е. Карповъ.

20-го Октября 1898 г.

Глубокоуважаемый и Многочтимый

Александръ Константиновичъ,

Простите, что пишу Вамъ заднимъ числомъ, что происходитъ, ни отъ невниманія, ни отъ забывчивости. Я, какъ искренняя Ваша почитательница, помнила день тридцатипятилѣтней годовщины Вашей литературной дѣятельности, и сердечно хотѣла высказать Вамъ самую искреннюю благодарность за все то доброе, что Вы посѣяли за эти тридцатпять лѣтъ въ сердцахъ читающей Васъ публики, въ сердцахъ отзывчивой на все, и горячо любившей и чтившей Васъ, молодежи! Если я не написала Вамъ во время, то отчасти, изъ за женской нерѣшительности, отчасти, изъ боязни написать слишкомъ много, а злоупотребить Вашимъ временемъ, въ такой торжественный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хлопотливый для Васъ день, считала—неприличнымъ; ограничиться же бональной телеграммой, я не хотѣла; не могла. Я слишкомъ многимъ обязана Вамъ! Вы воспитали меня Вашими произведеніями и сдѣлали изъ меня отзывчиваго человѣка. За это шлю Вамъ, многочтимый Александръ Константиновичъ, мое большое русское спасибо! И это „спасибо“ вмѣстѣ со мною, скажетъ Вамъ много сотенъ голосовъ изъ молодежи моего времени. Мы воспитали себя на Вашихъ Сочиненіяхъ; мы зачитывались ими! Вы были нашъ любимый наставникъ; нашъ любимый руководитель! На всѣ волновавшіе насъ вопросы, мы находили разрѣшенія въ Вашихъ сочиненіяхъ. Если Вы показывали намъ отрицательныя стороны жизни, то рядомъ указывали и на положительныя; если Вы говорили „такъ поступать нельзя“, то тутъ же показывали, какъ поступать надо; Вы никогда не оставляли насъ въ потемкахъ! Вы пробуждали въ насъ душу, будили умъ, заставляли вникать въ самихъ себя, въ окружающую жизнь, сочувствовать горю ближняго и быть отзывчивымъ; а Вашей правдивостью, честными взглядами, нравственной чистотой и искренностью—Вы всецѣло завоевывали и покоряли юныя сердца наши.—Вотъ впечатлѣнія моей юности... И Вы, еще можете говорить что, подводя итогъ всему, что Вы сдѣлали, Васъ пугаетъ мысль: „Не пошло ли все на смарку“?

Но развѣ можетъ пойти на смарку то, что переживается цѣлыми поколѣніями.?! Ваше письмо въ Редакцію „Новаго времени“, отъ 11-го октября, подстрекнуло меня написать Вамъ. Хотя я не имѣю удовольствія быть лично знакома съ Вами; но по сочиненіямъ Вашимъ, у меня составился свой собственный образъ Шеллера-Михайлова, который я люблю, уважаю, чту, и на котораго смотрю, какъ на высоко-нравственнаго, правдиваго человѣка! Я вѣрю, что, задавая себѣ вопросъ: „Не пошло ли все на смарку“? Вы были искренни; но неужели Вы не подозрѣвали того громаднаго вліянія, которое имѣли на читающую публику, и то высоко нравственное воспитательное значеніе, какое имѣютъ Ваши произведенія для молодежи? Неужели Вы думали, что Ваши сочиненія могутъ когда нибудь устарѣть, потерять интересъ и значеніе?—Мои впечатлѣнія юности я Вамъ уже выскасала. Въ настоящее время мнѣ сорокъ шесть лѣтъ, почти старуха; мать семейства; многое пережила, переиспытала... Много читала, перечитала почти все выдающееся въ нашей и иностранной беллетристической литературѣ, всѣхъ выдающихся нашихъ писателей,— и все же, Шеллеръ-Михайловъ остается, и по сіе время, однимъ изъ любимѣйшихъ моихъ, друзей-писателей! Его произведенія перечитывались мною по многу разъ и въ различномъ возрастѣ, и каждый разъ, по прочтенію ихъ, я выносила новый интересъ, самое отрадное одобряющее впечатлѣніе и особенный нравственный подъемъ духа! Читая Ваши произведенія, Александръ Константиновичъ, чувствуешь въ себѣ приливъ чего то хорошаго, чистаго; дѣлаешься, или вѣрнѣе, хочешь быть—лучше, добрѣе, честнѣе! А отчего?—Отвѣтьте сами.

Глубокоуважающая и почитающая Васъ.

Е. Пароменская.

Кронштадтъ. Морское
Инженерное Училище.

Историческія драмы Стриндберга.

вгустъ Стриндбергъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и оригинальныхъ представителей современной шведской литературы. Трудно отнести его къ какой либо литературной школѣ. Шведская литература вообще не переживала тѣхъ крайнихъ направленій, которыя наблюдаются въ исторіи другихъ европейскихъ литературъ. Народный эпосъ почти непосредственно смѣняется въ Швеціи, въ эпоху возрожденія, классическимъ направленіемъ, которое въ свою очередь въ семидесятые годы уступило мѣсто натуральному, и представителемъ послѣдняго ближе всего можетъ быть названъ А. Стриндбергъ.

Родившійся въ 1849 году, прошедшій суровую жизненную школу, испытавшій и роскошь и бѣдность еще въ самомъ отрочествѣ, Стриндбергъ съ трудомъ кончаетъ свое образованіе въ Упсальскомъ университетѣ; онъ пробуетъ счастье на различныхъ жизненныхъ поприщахъ, начиная съ актера и до ученаго включительно и, наконецъ, получивъ мѣсто младшаго библіотекаря королевской библіотеки въ Стокгольмѣ, посвящаетъ себя всецѣло литературѣ. Это было въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1881 г. появляются его первые историческіе труды; это былъ сборникъ историческихъ очерковъ подъ заглавіемъ „Судьбы и приключенія Швеціи“, обратившія общественное вниманіе на Стриндберга, какъ историческаго писателя. Въ наибольшемъ блескѣ литературный талантъ Стриндберга показалъ себя съ 1886 по 1891 годъ; къ этому времени относятся его лучшія произведенія: „Женитьбы“ (въ русскомъ переводѣ названо „Въ гору“) „Обитатели Гемсе“ [1]), „На взморьѣ“, „Утопія“, „Жизнь въ шкерахъ“ и т. д.

[1]) Русскій переводъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1891 году.

Въ настоящее время талантъ Стриндберга не такъ уже блестящъ. Но тѣмъ не менѣе литературную дѣятельность этого талантливаго писателя далеко еще нельзя считать законченною. Между прочимъ Стриндбергомъ написано болѣе десятка драматическихъ произведеній, и нѣкоторыя изъ нихъ надѣлали не мало шума, хотя въ общемъ Стриндбергъ, какъ драматическій писатель, стоитъ ниже бытописателя и философа. Въ настоящемъ же году появился сразу цѣлый циклъ новыхъ его историческихъ драмъ, подтверждающихъ, что талантъ Стриндберга еще далеко не угасъ.

Натуралистомъ мы назвали Стриндберга лишь вслѣдъ за Брандесомъ, который не жалуетъ Стриндберга, какъ не жалуютъ его даже многіе шведскіе писатели, несогласные съ его политическими взглядами, философскими доктринами и идеалами, проводимыми имъ въ его произведеніяхъ. Въ сущности, Стриндбергъ сочеталъ въ себѣ два, повидимому, несовмѣстимыхъ направленія; съ одной стороны являясь строгимъ поборникомъ непосредственной правды, съ другой-же онъ всегда сохраняетъ въ своемъ художественномъ творчествѣ оригинальный индивидуализмъ, и всѣ его произведенія проникнуты этимъ субъективнымъ элементомъ. Отношеніе Стриндберга къ явленіямъ окружающей жизни имѣетъ часто отрицательное направленіе; если-же къ этому прибавить крайній реализмъ, до котораго доводитъ онъ свое стремленіе соблюсти правду, и рядомъ значительную тенденціозность большинства его произведеній, то становится понятно, почему Стриндбергъ вызываетъ такіе разнообразные о себѣ толки. Въ одно и то же время его называютъ анархистомъ, ретроградомъ, фанатикомъ, ригористомъ и даже порнографическимъ писателемъ... [1]) Его считаютъ женоненавистникомъ и врагомъ новѣйшаго общества, интеллигенціи и всей вообще современной культуры, которая представляется ему какимъ-то болѣзненнымъ наростомъ, искаженіемъ и униженіемъ природы. И тѣмъ не менѣе Стриндбергъ оказываетъ огромное вліяніе какъ на общественную жизнь, такъ въ особенности на шведскую литературу, въ которой не мало его подражателей, доводящихъ своеобразныя особенности таланта Стриндберга до крайности. Философская доктрина Стриндберга дѣйствительно чрезвычайно своеобразна. Онъ съ презрѣніемъ относится къ тому направленію, по которому идетъ человѣческая цивилизація и культура; оно благопріятствуетъ развитію худыхъ сторонъ человѣческой природы; интеллигентный человѣкъ, по мнѣнію Стриндберга, стоитъ очень низко, ибо онъ въ своемъ переразвитіи, растратилъ душевныя силы, потерялъ чувство мѣры, и справедливости и способность къ отзывчивости. Современная культура, говоритъ Стриндбергъ, „насилуетъ законы природы", но „природа умѣетъ мстить за себя"—и Стриндбергъ предсказываетъ современному обществу полнѣйшее почти вырожденіе въ будущемъ.

Первою изъ четырехъ новыхъ драмъ Стриндберга является *„Сказаніе о Фолькунгахъ"* [2]). Въ слѣдующей драмѣ—*„Густавъ Васа"*

---

[1]) см. «Книжки Недѣли» 1894 г.—«Шведскій беллетристъ—отрицатель».

[2]) Фолькунги—древній родъ, изъ котораго вышло нѣсколько королей.

уже отчетливо выясняется основная мысль поэта. Яркая и характерная личность короля плѣнила, повидимому, Стриндберга; особенный интересъ проявилъ онъ къ анализу взаимоотношеній душевной, внутреннейжизни короля къ его внѣшней, государственной дѣятельности. Обѣ названныя пьесы въ смыслѣ сценической эфектности стоятъ значительно выше слѣдующей затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ драмы, *„Эрикъ XIV“*, но зато эта послѣдняя отличается удивительной тонкостью психологическихъ мотивовъ, обусловливающихъ главнѣйшіе моменты. Наконецъ, послѣдняя драма Стриндберга—*„Густавъ Адольфъ“* представляется, подобно драмѣ „Густавъ Ваза“, произведеніемъ глубоко тенденціознымъ и въ то же время проникнуто настолько субъективнымъ настроеніемъ поэта, что невольно заставляетъ вспоминать его „Сказаніе о Фолькунгахъ“. Авторъ, повидимому, задался цѣлью обрисовать постепенное преобразованіе юнаго, полнаго вѣры въ свое высокое призваніе короля, увлекающагося военной славой съ безпечностью молодости, въ терзаемаго сомнѣніями и нерѣшительностью скептика, совершенно извѣровавшагося въ своей миссіи и въ своихъ силахъ. Задавшись такой цѣлью, Стриндбергъ не могъ уже удержаться, чтобы не сблизить душевный міръ своего героя со своимъ собственнымъ, чтобы не отразить въ драмѣ своего собственнаго душевнаго разлада.

Субъективизмъ Стриндберга, болѣе умѣстный въ его беллетристическихъ произведеніяхъ, въ историческихъ драмахъ ведетъ къ тенденціозному искаженію общей исторической картины, и необходимъ, дѣйствительно, большой талантъ Стриндберга, чтобы при такихъ даже условіяхъ не убить въ читателѣ интереса къ драмѣ и держать какъ-бы въ плѣну его мысль и воображеніе.

Возьмемъ, напримѣръ, драму „Густавъ Ваза“. Собственно драмы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, мы здѣсь не встрѣчаемъ. Наоборотъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто Стриндбергъ хочетъ убѣдить своего читателя, что въ человѣческой жизни не существуетъ какой-либо постепенной и раціональной послѣдовательности, а все происходитъ фатально, по предопредѣленію свыше, безъ видимой причинной связи поступковъ и ихъ послѣдствій. Могущественной рукой короля, несмотря на кажущійся произволъ всѣхъ его дѣйствій, руководитъ высшая мудрость, незримо направляя властную волю монарха къ заботѣ о благѣ его государства. Такъ же фатально, по желанью провидѣнья, разрушаются и всѣ созданные усиліями людей планы и намѣренія. Такимъ образомъ Стриндбергъ проводитъ смѣлую параллель между отношеніемъ короля къ подданнымъ и Царя Небеснаго къ людямъ. Увлекшись этой аналогіей, Стриндбергъ даже облекаетъ короля, владыку земного, въ шляпу и плащъ Одина, прибавивъ къ этому въ видѣ атрибута и молотъ Тура, подчеркивая, такимъ образомъ, свою мысль чисто внѣшними средствами.

Густавъ Ваза рѣшается проучить жителей Дарлекарліи за ихъ возстаніе. Моментъ выбранъ для этого вполнѣ удобный. Христіанъ не опасенъ ему болѣе; не боится онъ также присоединенія къ нему дарлекарловъ. Но въ это самое время, какъ снѣгъ на

голову, неожиданно появляется новый врагъ въ лицѣ Нильса Дакке, организовавшаго крестьянскій бунтъ въ южныхъ провинціяхъ Швеціи. Въ началѣ своей драмы Стриндбергъ, не жалѣя красокъ, обрисовываетъ недовольство крестьянъ въ Дарлекарліи, вызванное жестокостью по отношенію къ нимъ Густава Вазы. Авторъ даже посвятилъ отдѣльную сцену изображенію того, какъ странствующій инкогнито по Стокгольму король попадаетъ на скамью подсудимыхъ и воочію видитъ несправедливость и жестокость наказаній, которымъ подвергались дарлекарлы.

Дакке со своими мятежниками идетъ на Стокгольмъ съ юга, а съ сѣвера къ столицѣ двигаются полчища дарлекарловъ. Уже слышенъ стукъ ихъ деревянной обуви: они проходятъ по сѣверному мосту. Король приходитъ къ убѣжденію, что его дѣло проиграно; онъ начинаетъ готовиться къ отреченію отъ трона и къ смерти. Онъ убѣжденъ въ своей гибели, такъ какъ здравый смыслъ долженъ подсказывать ему, что угнетаемые дарлекарлы не преминутъ воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ, чтобы отомстить ему за всѣ несправедливости и обиды.

Но что-же оказывается? Дарлекарлы пришли не для того, чтобы поддержать возстаніе даккейцевъ, а напротивъ того, чтобы помочь Густаву Вазѣ подавить это возстаніе. Вотъ въ эту-то самую минуту король произноситъ знаменательныя слова: *„О, Боже, ты наказалъ меня, и я благодарю Тебя!“*

Такова мораль драмы, такова этическая ея сторона. Добрыя намѣренія короля, но не его поступки, примиряютъ его съ совѣстью, примиряютъ съ людьми, примиряютъ съ Богомъ. Въ цѣломъ рядѣ сценъ, гдѣ Густавъ Ваза бесѣдуетъ со своей совѣстью и съ Богомъ, авторъ подчеркиваетъ эту основную свою мысль.

Но помимо совершенно неожиданной, дѣланной развязки, Стриндбергъ въ жертву основной идеѣ приноситъ даже историческую правду. Такъ, онъ сопоставляетъ въ драмѣ третье возстаніе въ Дарлекарліи, бывшее въ 1533—году, съ борьбой Густава Вазы съ Дакке, происходившей въ 1542—1543 годахъ. Такой анахронизмъ въ драмѣ, не вызываемый вовсе технической ея стороной, можетъ быть объясненъ развѣ желаніемъ Стриндберга болѣе рельефно выдвинуть свою основную мысль. Подобная-же тенденція въ свою очередь объясняется современными религіозно-философскими воззрѣніями Стриндберга. Автору нужна была такая неожиданная, ни съ чѣмъ логически не связанная развязка, ему необходимо было закончить драму чудомъ.

Этотъ анахронизмъ въ драмѣ не единственный, но всѣ другіе могутъ быть разсматриваемы, какъ неизбѣжная уступка сценической и драматической техникѣ. Хотя „Густавъ Ваза“, какъ драматическое произведеніе, составляетъ одно цѣлое, вполнѣ законченное, тѣмъ не менѣе его можно разсматривать какъ трилогію, совмѣщающую въ себѣ сказаніе о Вазахъ, начинающуюся мастеромъ Олавомъ и кончающуюся Эрикомъ XIV; съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ появленіе въ драмѣ „Густавъ Ваза“ принцевъ Эрика и Іогана, а также Герана Персонъ и Карины Монсдоттеръ; эти послѣднія лица, какъ извѣстно, начинаютъ играть

выдающуюся роль только при Эрикѣ XIV, а слѣдовательно въ драмѣ „Густавъ Ваза“ можно было бы вовсе не выводить ихъ, но, принимая во вниманіе, что Стриндбергъ допускаетъ очевидный анахронизмъ, представляя въ это время принцевъ Карину взрослыми, появленіе всѣхъ этихъ лицъ въ „Густавѣ Вазѣ“ слѣдуетъ объяснить желаніемъ создать цѣлый поэтическій циклъ для того, чтобы въ *„Эрикѣ XIV“* вполнѣ закончить трагическое сказаніе о Вазахъ, основанное на глубокомъ семейномъ разладѣ. Натянутыя отношенія Эрика къ отцу и братьямъ находятъ себѣ здѣсь естественное объясненіе въ томъ, что Эрикъ сознаетъ тягость своего положенія, какъ пасынка, въ семьѣ, а при этомъ условіи его несдержанность и эксцентричность получаютъ трагическій оттѣнокъ, именно благодаря этому сопоставленію съ его дѣтскими, непосредственными впечатлѣніями. „Зачѣмъ мнѣ сердце?— говоритъ онъ королевѣ въ одной изъ сценъ:— Мое сердце давно похоронено въ одномъ изъ склеповъ подъ соборомъ вмѣстѣ съ моей матерью. Мнѣ было всего четыре года, когда это произошло, но тѣмъ не менѣе это произошло, и говорятъ, что у нея на головѣ была рана отъ молота Тура. Но я этого не видѣлъ; на похоронахъ, когда я просилъ позволенія взглянуть въ послѣдній разъ на мою мать, крышка гроба оказалась уже привинченою... Тамъ вотъ и лежитъ мое единственное сердце, другого-же мнѣ дано не было“.

Точно также воспользовался Стриндбергъ возможностью объяснить источникъ католическихъ симпатій принца Іогана. Хотя реформація только что передъ тѣмъ, подобно урагану, пронеслась надъ Швеціей, сметая на своемъ пути католицизмъ, тѣмъ не менѣе теща короля-реформатора—Эбба Леонхуввудъ, оставалась ревностною католичкой, и въ стѣнахъ самаго дворца поэтому не переставала раздаваться католическая месса. Впечатлительная юношеская душа принца, сформировавшаяся при такихъ обстоятельствахъ, не осталась равнодушной къ этому явленію, и въ ней навсегда остался глубокій слѣдъ въ видѣ симпатій къ католицизму, послужившихъ источникомъ тяжелыхъ терзаній впослѣдствіи.

Несмотря на всѣ недостатки, свойственныя, вообще, крупному дарованію Стриндберга, драма „Густавъ Ваза“ является однимъ изъ лучшихъ его драматическихъ произведеній. Не такъ давно эта драма была поставлена на сценѣ Гельсингфорсскаго шведскаго театра и прошла съ огромнымъ успѣхомъ; въ сценическомъ отношеніи драма эта, несмотря на встрѣчающіяся длинноты, чрезвычайно эффектна и обстановочна.

Новая пятиактная драма Стриндберга — *„Густавъ-Адольфъ“* почти вдвое обширнѣе драмы *„Густавъ Ваза“*, такъ что для постановки на сценѣ она потребуетъ значительныхъ сокращеній.

Она состоитъ изъ 15 картинъ, въ которыхъ представлена цѣлая панорама, изображающая вторженіе шведовъ въ Германію въ 1630 году, окончательно взбаламутившее жизнь этой страны, уже безъ того расшатанной долгой и напряженной религіозной борьбой. Эта борьба двухъ исповѣданій приняла съ самаго начала характеръ борьбы изъ-за господства и ради грабежа. Грабежъ стоитъ на

первомъ планѣ: протестанты сражаются въ рядахъ католиковъ, а эти послѣдніе проливаютъ кровь на сторонѣ лютеранъ. Короче говоря, религіозныя убѣжденія не играютъ почти никакой роли: у каждаго здѣсь своя вѣра. Военоначальники берутъ контрибуцію со своихъ единовѣрцовъ наравнѣ съ еретиками. Религіозная терпимость въ народной массѣ подчеркнута авторомъ въ первыхъ же словахъ пьесы. Протестантъ-мельникъ, въ первой же сценѣ, выказываетъ полное уваженіе, или вѣрнѣе равнодушіе, къ религіознымъ обрядамъ своей жены-католички, проводя мысль, что каждый долженъ молиться по своему. Мысль, что не религіозныя убѣжденія, а личныя только выгоды руководили въ то время дѣйствіями и взглядами большинства дѣйствующихъ лицъ, проведена въ драмѣ красной чертой.

При такихъ-то условіяхъ происходитъ появленіе на театрѣ кровавой борьбы въ Германіи шведовъ, пришедшихъ освободить отъ гнета своихъ единовѣрцевъ. Передъ зрителями проходитъ цѣлый рядъ молодыхъ генераловъ Густава-Адольфа; кто они такіе— читатель узнаетъ изъ отзывовъ бойкаго и смышленнаго фельдфебеля. Стриндбергъ, какъ послѣдовательный реалистъ, не щадитъ красокъ на изображеніе грубости этихъ генераловъ, ссорящихся между собою, произносящихъ безъ всякаго стѣсненія проклятія и вовсе не похожихъ на молодыхъ героевъ.

Вслѣдъ за ними появляется на сценѣ и самъ король. Густавъ-Адольфъ сіяетъ молодостью, энергіей и увѣренностью въ побѣдѣ. Онъ производитъ впечатлѣніе увлекающагося военной славой героя, стоящаго на порогѣ своей via triumphalis, не знающаго сомнѣній и непризнающаго никакихъ трудностей. Однако, упоеніе военной славой продолжается не долго. Вскорѣ Густавъ-Адольфъ убѣждается, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ тому, что онъ себѣ представлялъ, вступая на германскую почву; что предпріятіе его сопряжено съ большимъ рискомъ и вовсе не похоже на простую военную прогулку по Германіи. Обстоятельства вынуждаютъ его на первыхъ же порахъ наложить контрибуцію на дружественныя ему нѣмецкія государства для того, чтобы имѣть возможность содержать свою огромную армію. Это вызываетъ противъ него понятный ропотъ народа. Мало того, Густавъ-Адольфъ вынужденъ даже занимать деньги у еврея Маркуса, этого индифферентиста въ религіозныхъ вопросахъ; онъ, освободитель протестантовъ, принужденъ принимать, заглушая голосъ совѣсти, вопреки всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, субсидію отъ Франціи, которая являлась естественной представительницей интересовъ католицизма. А тутъ еще новые удары. Густава-Адольфа поражаетъ полнѣйшее равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ большинства, своекорыстіе, какъ главный импульсъ, въ дѣятельности наиболѣе видныхъ представителей обоихъ лагерей, всякій сбродъ, переполняющій враждующія арміи, въ массѣ котораго совершенно тонутъ болѣе свѣтлыя личности, встрѣчающіяся нетолько между протестантами, но и между католиками.

Такимъ образомъ Стриндбергъ выдвигаетъ въ своемъ героѣ, какъ основной мотивъ драмы, глубокій душевный разладъ: въ мо-

лодомъ королѣ происходитъ съ одной стороны напряженная борьба между вѣрой въ свое призваніе, какъ освободителя угнетенныхъ протестантовъ, и сознаніемъ религіознаго равнодушія тѣхъ, за кого обнажилъ онъ свой мечъ, между вѣрой въ себя и сознаніемъ своего безсилія при непосредственномъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Вотъ почему Густавъ-Адольфъ въ пьесѣ является постоянно колеблющимся и нерѣшительнымъ человѣкомъ; генералы называютъ его великимъ полководцемъ и въ то же время обращаются съ нимъ весьма безцеремонно, а иногда даже неучтиво; король же оказываетъ имъ слишкомъ большое снисхожденіе; подавленный происходящей въ немъ внутренней борьбой, смущенный противорѣчіями, на которыя онъ всюду наталкивается Густавъ - Адольфъ, „просящій совѣта у всѣхъ, но не слѣдующій никакимъ совѣтамъ“, держитъ себя крайне непослѣдовательно, производя порой даже впечатлѣніе пустого искателя приключеній, не прочитывающаго даже подписанныхъ имъ договоровъ съ иностранными державами. Только послѣ Брейтенфельда начинаетъ, повидимому, приходить въ себя молодой король, обладающій „божественнымъ легкомысліемъ“ и глубоко убѣжденный, что „всѣ его поступки справедливы“. И вотъ, когда все вокругъ него окончательно перепуталось, онъ, наконецъ, сознается, что не понимаетъ происходящихъ событій, но тѣмъ не менѣе не унимается. Онъ еще не научился управлять собою въ томъ вихрѣ страстей, въ борьбу которыхъ былъ вовлеченъ самой судьбой; онъ еще не можетъ ихъ осилить. Когда же наконецъ онъ понялъ, что „въ домѣ Отца моего обителей много“, онъ спѣшитъ домой, чтобы посвятить себя мирнымъ заботамъ объ устроеніи своей страны. Но на обратномъ пути на родину онъ гибнетъ, убитый подъ Люценомъ.

Такой исходъ драмы самъ по себѣ обусловливаетъ тотъ скептицизмъ, которымъ проникнута пьеса Стриндберга. Всѣ герои драмы—шведы, начиная съ короля и кончая самымъ мелкимъ изъ персонажей, являются скептиками, чувствующими свое превосходство, а потому и относящимися критически ко всему, что имъ приходится встрѣчать и наблюдать въ Германіи. Эта черта настолько рѣзко проведена черезъ всю драму, что получается даже нѣкоторая натянутость, и читатель склоненъ думать, что шведы въ культурномъ отношеніи въ то время едва-ли не походили на нашихъ современниковъ.

Сообразно съ указаннымъ основнымъ мотивомъ драмы, дѣйствіе въ пьесѣ развивается слѣдующимъ образомъ. Убѣдившись въ равнодушіи своихъ единовѣрцевъ въ Германіи къ цѣли его предпріятія, Густавъ-Адольфъ начинаетъ подъискивать себѣ болѣе надежныхъ союзниковъ для того, чтобы довести до конца дѣло, за которое онъ взялся. Изъ полководца онъ обращается въ дипломата, но окружающіе его генералы, добрые вояки, но плохіе политики; они не одобряютъ образа дѣйствій своего короля, между королемъ и его сподвижниками устанавливаются далеко не тѣ откровенныя и простыя отношенія, какія были раньше. Они какъ-бы сторонятся своего короля, не довѣряютъ ему и, не имѣя

возможности открыто высказать ему свое мнѣніе, отвѣчаютъ холоднымъ безмолвіемъ. Но вотъ картина нѣсколько мѣняется; счастье войны улыбнулось Густаву-Адольфу, Магдебургъ взятъ войсками Тилли; германскимъ князьямъ ничего больше не остается, какъ присоединиться къ шведамъ. Сраженіе подъ Брейтенфельдомъ и пораженіе Тилли сплетаютъ Густаву-Адольфу вѣнецъ побѣдителя. Слава вскармливаетъ честолюбіе короля; онъ начинаетъ увлекаться мечтой о величіи. Болѣе опытные и благоразумные изъ приближенныхъ короля отлично сознаютъ, что Швеціи слѣдуетъ воспользоваться моментомъ и кончить съ честью походъ, но король и слышать объ этомъ не хочетъ. Теперь ему грезится уже борьба съ римской имперіей, горизонты расширяются, масштабъ увеличивается, чисто-религіозный споръ отступаетъ на задній планъ; Густавъ-Адольфъ становится искателемъ военной славы, военоначальникомъ, котораго нисколько уже не смущаетъ, что тысяча католиковъ изъ рядовъ разбитаго войска Тилли перешли теперь подъ его знамена. Такое настроеніе короля особенно рельефно сказывается въ сценѣ съ Акселемъ Оксеншерной, когда король сознается, что ему грезятся новыя короны, что Швеція уже тѣсна для него. Мудрый канцлеръ замѣчаетъ ему по этому поводу: „можетъ ли быть тѣсно въ такой обширной странѣ, о размѣрахъ обитаемаго пространства которой еще никто не имѣетъ понятія, гдѣ на квадратную милю приходится по одному жителю, вынужденному тосковать вслѣдствіе отсутствія сосѣда!.. Нѣтъ, эта страна достаточно велика для того, кто обладаетъ настолько великой душой, чтобы ею объять всѣ эти обширныя пространства и заселить пустыню высокими помыслами.“

Однако военная слава и величіе достались Густаву-Адольфу не дешево: онъ понялъ жизнь, пріобрѣлъ умудряющій опытъ, но зато въ немъ совершенно исчезло былое „божественное легкомысліе“, душевное равновѣсіе было нарушено, утеряна была вѣра въ свое дѣло и увѣренность въ своихъ силахъ. Изъ мечтательнаго юноши онъ обратился въ зрѣлаго скептика. Онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ міровую жизнь, слишкомъ много испыталъ, познавая человѣческую душу, и чувствовалъ теперь утомленіе, тяготился своимъ одиночествомъ, наступала реакція. Пуля, ранившая его подъ Ингольдштадтомъ, служила мрачнымъ предвѣстіемъ. Съ этого момента въ Густавѣ-Адольфѣ начинаетъ проявляться стремленіе къ мистическимъ размышленіямъ о предназначенномъ ему отъ Бога жребіи, о значеніи всей его дѣятельности; вспоминаются ему смертныя казни и муки, произведенныя по повелѣнію его отца; вспоминаетъ онъ и собственныя свои прегрѣшенія въ молодые годы; его преслѣдуютъ тѣни казненныхъ приверженцевъ короля Сигизмунда, передъ нимъ рисуется образъ сына Сигизмунда и Маргариты Кабиліо, ему мерещится Нильсъ Врахе съ глазами сестры своей Эббы. Густавъ-Адольфъ мучится упреками совѣсти и страшится, что Господь отвернулся отъ него, лишилъ его своей защиты. Король обращаетъ свои взгляды къ далекой родинѣ. Его тянетъ туда къ мирной дѣятельности.

„Всѣ стремятся домой“—говорится въ небольшой прекрасной сценѣ, изображающей трогательный разговоръ въ тихую звѣздную ночь между молодымъ пажемъ Лейбельфингомъ, на рукахъ котораго впослѣдствіи скончался Густавъ-Адольфъ, и маленькимъ барабанщикомъ изъ Вестергетланда, стоящими одновременно на часахъ у палатки короля.

Къ смертному одру короля въ Витенбергѣ друзья и недруги, знатные и простолюдины, люди различныхъ вѣроисповѣданій, несутъ печальные вѣнки, но для болѣе дальновидныхъ, смотрящихъ въ грядущую даль исторіи, уже мерещится заря новой жизни, обѣтованный край просвѣщенія и братства.

Безъ сомнѣнія, оригинальный талантъ Стриндберга со всѣми его своеобразными особенностями и крайностями глубоко отразился въ его новомъ произведеніи; вся драма проникнута субъективнымъ настроеніемъ и личными взглядами автора, иногда даже въ ущербъ исторической правдѣ, но, если и можно это поставить въ вину даровитому писателю, то во всякомъ случаѣ нельзя отказать пьесѣ въ интересѣ и талантливости.

Сандръ.

Елизавета, королева Богеміи.
По картинѣ Адріана ванъ-деръ-Верфа.
(Къ разсказу „Свадьба Зимняго короля“).

Свадьба Зимняго короля.

(Пер. съ нѣмецкаго **З. М. Спировой**).

РЕДИ нѣмецкихъ княжескихъ дворовъ начала семнадцатаго столѣтія наибольшей пышностью отличался пфальцскій дворъ въ Гейдельбергѣ. Длинные корридоры и покои обширнаго зданія при Іеттенбюелѣ оглашались голосами многочисленныхъ слугъ, отправлявшихъ свои обязанности; на широкомъ балконѣ только что достроеннаго дворца Фридриха проводили время дамы княжескаго дома и, принимая своихъ знатныхъ гостей, показывали имъ великолѣпный каменный фасадъ, съ его роскошными украшеніями, или же водили ихъ внизъ, въ садъ, смотрѣть недавно поставленныя оранжереи, первыя еще тогда въ Германіи; мужчины же въ это время любовались княжескими конюшнями или гуляли въ ближайшемъ лѣсу на горѣ, забывая даже объ интересахъ высшей политики

Съ того момента, какъ Пфальцъ сталъ во главѣ протестантской партіи, высокія ворота дворца стали пропускать одно за другимъ посольства. Здѣсь они собирались на совѣтъ вмѣстѣ съ единомышленными и единовѣрными князьями. Веселый Пфальцъ не могъ скромно принимать столь дорогихъ гостей и подавать имъ скудное угощеніе. Дѣлалось все возможное для ихъ развлеченія и удовольствія: танцы смѣнялись пирушками, охота—бѣгами на призы и т. д. и т. д., всѣ были веселы, оживлены и доходы съ владѣній быстро исчезали такъ-же, какъ и запасы кладовыхъ и глубокаго погреба, уже тогда прославившагося своей громадной бочкой.

Средоточіемъ этой шумной придворной жизни былъ курфюрстъ Фридрихъ IV, пфальцграфъ Рейнскій. Осиротѣвъ еще въ дѣтствѣ, онъ выросъ подъ надзоромъ своего дяди Іоанна Казиміра, извѣстнаго пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Курфюрстъ, добродушный молодой человѣкъ, любившій весело пожить и предоставившій управленіе страною своему совѣту, съ одинаковою готовностью выслушивалъ наставленія придворнаго проповѣдника, какъ и доклады каммермейстера, послѣ чего, не задумываясь, отправлялся пользоваться днемъ. Какія-либо эстетическія тонкости были чужды этому человѣку; на своихъ пирахъ онъ менѣе обращалъ вниманіе на качество, чѣмъ на количество подаваемыхъ блюдъ. Какъ во всей Германіи въ то время, такъ и въ Гейдельбергѣ страсть къ вину достигла своего апогея: напиться пьянымъ за княжескимъ столомъ считалось верхомъ удовольствія и подагра была тогда модной болѣзнью. Положимъ, изрѣдка, когда очень уже плохо приходилось послѣ попойки, многіе проклинали пьянство и даже былъ основанъ орденъ умѣренности подъ покровительствомъ самого курфюрста; но ни это похвальное намѣреніе, ни французскіе придворные обычаи, проникшіе въ Гейдельбергъ, не могли измѣнить установившагося порядка, даже никакого вліянія не могла оказать высокообразованая курфюрстина, дочь Вильгельма Молчаливаго, героя войны за освобожденіе Нидерландовъ.

Курфюрстъ Фридрихъ какъ бы спѣшилъ истратить ничтожныя силы страны; уже во время регентства Іоанна Казиміра Пфальцъ неуклонно слѣдовалъ по пути финансоваго раззоренія. Годовой доходъ не превышалъ ста тысячъ рейнскихъ гульденовъ, а расходъ былъ ровно вдвое; дорого стоющія великолѣпныя постройки въ Гейдельбергѣ и Мангеймѣ, безграничное гостепріимство, слишкомъ многочисленный штатъ придворныхъ только разрушали благосостояніе этой маленькой страны такъ-же, какъ и политика, поставившая Пфальцъ во главѣ протестантскихъ князей.

Тогда то именно, въ 1608 году, пфальцскимъ государственнымъ людямъ удалось, наконецъ, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, соединить нѣкоторыхъ протестантскихъ князей Германіи для оборонительнаго союза, такъ называемой уніи, которая тотчасъ же вошла въ сношеніе съ другими протестантскими силами Европы, главнымъ образомъ, съ Англіей и Генеральными штатами. Въ союзъ вошла также и Франція, король которой считалъ себя защитникомъ свободы протестантскаго вѣроисповѣданія внѣ своей страны. Всѣ они опасались возраставшаго вліянія испанско-габсбургскаго дома и рѣшили всѣми силами отстаивать религіозную и политическую свободу Европы.

Въ то время вся Европа уже смутно догадывалась о предстоящихъ крупныхъ перемѣнахъ, ожидался большой всемірный пожаръ, горючій матеріалъ для котораго давно уже былъ заготовленъ, однимъ словомъ, предчувствовалась неминуемая въ Германіи война. Неудивительно поэтому, что католическіе князья Германіи составили контръ-союзъ, лигу, хотя и имѣвшую цѣлью

поддержаніе религіознаго и свѣтскаго мира, но тѣмъ не менѣе своимъ возникновеніемъ сдѣлавшую невозможнымъ возвращеніе стараго государственнаго строя.

Обѣ партіи входили въ задоръ, распуская самые невозможные слухи о намѣреніяхъ противника; какъ въ самой Германіи, такъ и за ея предѣлами уже вербовались единомышленники; вскорѣ обѣ стороны выставили уже вооруженную силу, — какъ вдругъ въ маѣ 1610 года во Франціи Равальякъ ударомъ кинжала убиваетъ Генриха IV, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя умираетъ и курфюрстъ Фридрихъ IV, — положимъ, менѣе славной смертью, такъ какъ она была слѣдствіемъ подагры. Управленіе пфальцскими владѣніями и главенство въ протестанской уніи перешло въ это бурное время, вмѣстѣ съ курфюршескимъ достоинствомъ, къ Фридриху V, пятнадцатилѣтнему мальчику, болѣе извѣстному въ исторіи подъ именемъ Зимняго Короля.

Онъ былъ первый сынъ Фридриха IV, родился 26-го августа 1596 г. и самое раннее дѣтство провелъ при дворѣ отца въ Гейдельбергѣ, гдѣ мало заботились о его воспитаніи какъ будущаго правителя. Семи лѣтъ его отправили ко двору французскаго вассала въ Седанъ, гдѣ въ то время находился одинъ изъ поборниковъ протестантизма во Франціи, честолюбивый герцогъ Бульонскій, укрывшійся отъ гнѣва своего короля. Здѣсь маленькій Фридрихъ провелъ все время до преждевременной кончины отца, вслѣдъ за которою и возвратился въ Гейдельбергъ. Въ Седанѣ его воспитаніемъ занялись герцогъ со своей супругой (герцогиня была сестра пфальцской курфюрстины), а надзоръ за нимъ былъ порученъ нѣмецкому гувернеру, Ахацу Дона. Фридрихъ здѣсь усвоилъ себѣ вѣроисповѣданіе Кальвина, изучилъ бывшія тогда въ ходу науки, освоился вполнѣ съ французскимъ языкомъ и придворными обычаями и укрѣпился спортомъ и гимнастическими упражненіями.

Регентство надъ несовершеннолѣтнимъ наслѣдникомъ и управленіе страной было поручено, согласно волѣ покойнаго курфюрста, двоюродному брату, пфальцграфу Іоанну Цвейбрюкенскому, совмѣстно со вдовствующей курфюрстиной и княземъ Христіаномъ Ангальтскимъ, самымъ пылкимъ фантазеромъ среди всей уніи.

Понятно, что теперь не могло быть и рѣчи о наступательной политикѣ, которой до сихъ поръ держался Пфальцъ, тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени все яснѣе и яснѣе выступали финансовыя затрудненія. Вслѣдствіе этого регенство рѣшило укрѣпить и обезопасить положеніе курфюршескаго дома и всей уніи при помощи выгодныхъ союзовъ съ державами. Прежде всего нашли нужнымъ привязать къ интересамъ протестантскихъ князей въ Германіи короля Англіи, Іакова I, который выказывалъ довольно подозрительныя симпатіи къ ненавистной имъ Испаніи; государственная же наука указывала одинъ вѣрный способъ для этого, а именно соединеніе посредствомъ брака дома Стюарта съ домомъ Пфальцъ-Виттельсбахъ, что обѣщало вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальныя выгоды.

Въ тотъ самый годъ, когда родился Фридрихъ V, даже въ

[illegible] дочь. [illegible] своего [illegible] дворѣ; [illegible] въ Лондонъ [illegible] при [illegible] на гла- [illegible] въ [illegible] на- [illegible] —такъ какъ [illegible] придворная жизнь въ [illegible] еще менѣе [illegible] тѣмъ [illegible] воспитанія въ [illegible] король Іаковъ считалъ [illegible]

[illegible] чтобы его такъ называли,— [illegible] странный [illegible] говорить [illegible] ученѣйшимъ [illegible] пустымъ [illegible]

Маленькій, [illegible] движе- ніями, [illegible] ему казалось, что отъ его [illegible] не скроется, а между тѣмъ онъ легко поддавался самой грубой лести, награждая льстецовъ почестями, тогда какъ къ истиннымъ заслугамъ питалъ только недовѣріе и не имѣлъ ни малѣйшаго чувства благодарности, какъ это обыкновенно бываетъ у низкихъ натуръ. Король этотъ не цѣнилъ людей по способностямъ или по характеру, и потому-то въ его царствованіе при англійскомъ дворѣ было столько фаворитовъ; никогда прежде не подымалось столько ничтожныхъ людей на высоту, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, какъ при этомъ королѣ, тоже довольно темнаго происхожденія.

Своей неловкостью и безтактностью въ отношеніяхъ къ своимъ новымъ англійскимъ подданнымъ онъ пріобрѣлъ въ ихъ средѣ не мало враговъ. Пороховой заговоръ былъ слѣдствіемъ обманутыхъ надеждъ католиковъ, расчитывавшихъ, что Іаковъ будетъ на сторонѣ пуританъ, тогда какъ онъ предпочелъ епископальную церковь. Затѣмъ, своимъ стремленіемъ къ неограниченной власти, онъ вооружилъ противъ себя парламентъ. А между тѣмъ, ему-то и не слѣдовало расходиться съ парламентомъ, такъ какъ онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и даже не могъ заплатить за воспитаніе своей дочери. Годовой расходъ превышалъ доходъ почти на двѣсти тысячъ ф. стерл., и сумма эта никого не удивитъ, если принять во вниманіе, что послѣ порохового заговора парламентъ согласился выдать четыреста пятьдесятъ тысячъ ф. стерл. на торжественныя празднества, устроенныя Іаковомъ въ Лондонѣ въ честь своего тестя, Христіана IV, короля Даніи. Но на дальнѣйшія субсидіи не удалось склонить нижнюю палату, которая

требовала, чтобы король сначала удовлетворилъ духовныя и свѣтскія нужды страны. Тогда Іаковъ постарался при помощи политики мелкихъ средствъ наполнить свою постоянно пустѣвшую кассу: онъ продавалъ титулы и чины, государственныя права и королевскія земли, назначалъ высокіе денежные штрафы и конфисковалъ имущества; все это, конечно, еще болѣе возстановляло всѣхъ противъ него и вызывало всеобщее озлобленіе. Можно сказать, что Іаковъ самъ съ перваго дня своего вступленія на престолъ отточилъ топоръ, который впослѣдствіи обезглавилъ его сына.

Непомѣрная расточительность и испорченные нравы характеризируютъ эпоху этого царствованія. Придворные такъ держали себя въ присутствіи величества, какъ будто они были въ кабакѣ, а не во дворцѣ. Обѣднѣвшее земское дворянство съ женами и дочерьми стремилось попасть въ этотъ кругъ, чтобы какъ-нибудь направить и на себя хоть малую струю той золотой рѣки, которая разливалась для любимцевъ короля.

Ко всему этому еще скандальный бракоразводный процессъ графини Эссекской далъ немало поводовъ къ сплетнямъ; замѣшаны были имена многихъ придворныхъ дамъ, самой королевы и въ особенности короля, что довольно странно, такъ какъ женщины для него не имѣли никакого значенія.

Молодая принцесса рѣдко появлялась при дворѣ; ее видѣли только при исключительныхъ торжествахъ, но всѣ видѣвшіе ее были очарованы ея миловидностью. Кромѣ такихъ случайныхъ похвалъ, о юности ея неизвѣстно ничего положительнаго. Занятіями ее не очень утруждали; зато жизнерадостная дѣвушка скоро прославилась какъ отважная наѣздница, увлекавшаяся охотой. Повидимому, къ родителямъ она не питала особеннаго расположенія, но своего старшаго брата, Генриха, принца Уэльскаго, она нѣжно любила, насколько это допускала ея холодная натура.

Скоро появились и женихи: Генрихъ IV думалъ женить дофина, овдовѣвшій король Испаніи хотѣлъ жениться самъ, даже старый подагрикъ Матвѣй, король Венгріи и Богеміи, просилъ ея руки; особенно-же усердствовалъ герцогъ Савойскій, задавшійся цѣлью устроить двойную свадьбу между своими дѣтьми и дѣтьми Іакова. Королю Іакову очень хотѣлось выдать дочь замужъ за Филиппа III и такимъ образомъ заключить союзъ съ Испаніей, тѣмъ болѣе, что тщеславная королева сильно стояла за этотъ бракъ. Но ему пришлось отказаться отъ мысли имѣть зятемъ католика, вслѣдствіе все возраставшей враждебности его англійскихъ и шотландскихъ подданныхъ къ папистамъ и явнаго противодѣйствія со стороны епископовъ и большинства тайнаго совѣта, въ особенности-же принца Уэльскаго.

Къ счастью, не было недостатка и въ женихахъ протестантскаго вѣроисповѣданія: однимъ изъ первыхъ былъ Густавъ Адольфъ шведскій, въ то время еще не успѣвшій прославиться; поэтому сватовство было для него столь-же неудачнымъ, какъ и для герцога Фридриха-Ульриха Брауншвейгскаго, пфальцграфа Вольфганга-Вильгельма Нейбургскаго или ландграфа Оттона Гессенъ-

Кассельскаго. Все-таки лучшей партіей былъ тогда Фридрихъ V, курфюрстъ пфальцскій, на котораго король уже обратилъ вниманіе лѣтомъ 1610 года, причемъ къ этому браку его склоняли и политическія соображенія. За англо-пфальцскій бракъ стояла не только нѣмецкая унія, но и Франція и Генеральные штаты, которымъ тѣсный союзъ Англіи съ Испаніей былъ въ высшей степени невыгоденъ. Итакъ, съ начала 1611 года дипломатамъ пришлось считаться съ этимъ планомъ. Принцъ Морицъ Оранскій, намѣстникъ соединенныхъ нидерландскихъ провинцій, тоже поддерживалъ намѣреніе Пфальца (тѣмъ болѣе, что онъ находился даже съ нимъ въ родствѣ, будучи дядей принца), помогая совѣтомъ и дѣломъ. Одинъ изъ князей нѣмецкой уніи и герцогъ Бульонскій, снова возвратившій свое вліяніе благодаря регентству во Франціи, взялись вести переговоры въ Гаагѣ и въ Лондонѣ, но все-таки прошелъ еще цѣлый годъ, прежде чѣмъ торжественное посольство, со старымъ графомъ Филиппомъ-Людовикомъ во главѣ, отправилось изъ Ганау-Мюнценберга въ Англію сватать принцессу.

Король хорошо принялъ посланныхъ; затрудненія явились только при подписаніи брачнаго контракта, такъ какъ не могли сговориться насчетъ приданаго. Столь расточительный обыкновенно, король Іаковъ оказался въ данномъ случаѣ скупымъ, онъ согласился дать только сорокъ тысячъ ф. стерл., которые должны были быть внесены втеченіе двухъ лѣтъ послѣ свадьбы; съ своей стороны онъ поставилъ условіемъ, чтобы его дочь въ случаѣ вдовства получала сто тысячъ ф. стерл. въ годъ, и ежегодно пятнадцать тысячъ ф. стерл. на карманные расходы; ко всему этому принцъ долженъ былъ взять на себя расходы англійской свиты, назначенной для сопровожденія принцессы въ Германію. Пфальцъ согласился на всѣ эти требованія и даже заложилъ для этого четыре своихъ лучшихъ округа. Съ экономической точки зрѣнія партія эта не могла считаться выгодной для Пфальца и за честь быть зятемъ короля пришлось дорого заплатить. По поводу этихъ соглашеній въ Гейдельбергѣ многіе громко высказывали свои мысли; одинъ изъ старыхъ и вѣрныхъ слугъ пфальцскаго дома, Фабіанъ Дона, узнавъ о положеніи вещей, воскликнулъ съ грустью: „О, дорогой Пфальцъ, съ тобой все кончено!“ Но оптимисты Гейдельберга, главнымъ образомъ, князь Христіанъ Ангальтскій, иначе смотрѣли на дѣло, думая только о политическихъ выгодахъ этого союза, о будущемъ блескѣ дома и утѣшая себя обманчивыми надеждами, полагали, что отцовское сердце позаботится и о дальнѣйшемъ снабженіи дочери. Этими доводами удалось успокоить осторожнаго опекуна, съ трудомъ согласившагося на эту сдѣлку.

Послѣ возвращенія посольства въ Германію, между принцемъ и англійской принцессой завязалась правильная, хотя и не частая переписка, часть которой, а именно письма Фридриха V, сохранились въ Мюнхенской государственной библіотекѣ. Конечно, въ этихъ письмахъ, написанныхъ крупнымъ, прямымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ, нечего искать выраженія глубокаго

душевнаго движенія или сильной сердечной привязанности. Въ этихъ аккуратно выведенныхъ словахъ, въ красивыхъ оборотахъ рѣчи о страстномъ ожиданіи, о сильномъ нетерпѣніи любящаго сердца и т. д., которые были заимствованы изъ моднаго романа того времени Astrée (написаннаго д'Урфе), замѣчается явное вліяніе ловкаго гофмейстера принца, Ганса Мейнгарда изъ Шенбурга. Поэтому не было большимъ несчастіемъ, что нѣсколько писемъ Фридриха, назначенныхъ принцессѣ, попали къ ея брату.

Между тѣмъ, въ Гейдельбергѣ дѣлались уже приготовленія для свадебной поѣздки принца. По мнѣнію матери и опекуновъ шестнадцатилѣтній женихъ долженъ былъ въ Лондонѣ только обручиться, а свадьба предполагалась нѣсколько лѣтъ спустя; приэтомъ расчитывали, что король Іаковъ отпуститъ принцессу послѣ обрученія въ Германію, чтобы она здѣсь подъ руководствомъ курфюрстины—вдовы могла посвятить себя изученію нѣмецкихъ нравовъ и обычаевъ.

Предпринята была большая, такъ называемая „англійская“ пристройка, примыкающая къ большой башнѣ Гейдельбергскаго дворца, такъ какъ увеличивали штатъ придворныхъ, и для этого необходимо было новое помѣщеніе. Въ то-же время занялись окончательной шлифовкой воспитанія молодого курфюрста, котораго съ этого времени уже такъ называли, несмотря на его несовершеннолѣтіе: онъ усердно упражнялся въ верховой ѣздѣ, въ игрѣ въ мячъ и въ танцахъ у учителя, спеціально выписаннаго для него изъ Штутгарта. Для внѣшняго блеска пріобрѣтены были роскошныя одежды, множество ливрей; изъ Парижа и Гааги выписаны были экипажи, сѣдла и другія принадлежности для ѣзды. Гораздо труднѣе было достать необходимыя средства на издержки свиты и на дальнюю поѣздку. Наконецъ, собравъ съ трудомъ сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ, рѣшили, что исходъ найденъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1612 года курфюрстъ двинулся въ путь; его сопровождало 190 человѣкъ, среди которыхъ было много графовъ и всякихъ совѣтниковъ. Отвѣтственность и заботу о юномъ повелителѣ взяли на себя гроссгофмейстеръ Пфальца, Іоаннъ-Альбрехтъ графъ Солмскій, и вышеупомянутый гофмейстеръ Гансъ Мейнгардъ Шенбургскій, единственный изъ свиты знакомый съ англійскимъ языкомъ; съ нимиже находился и гейдельбергскій придворный проповѣдникъ М. Авраамъ Скультетусъ, пользовавшійся впослѣдствіи большимъ вліяніемъ.

Черезъ двѣ недѣли пути, проведеннаго главнымъ образомъ на водѣ, курфюрстъ достигъ, наконецъ, перваго остановочнаго пункта—Гааги, гдѣ онъ былъ встрѣченъ намѣстникомъ, своимъ дядей и двоюроднымъ братомъ, графомъ Нассаускимъ, которые очень радушно приняли его. Сначала намѣчено было продолжительное пребываніе курфюрста въ Нидерландахъ, чтобы онъ могъ воспользоваться обществомъ высокообразованнаго дяди и расширить такимъ образомъ свой кругозоръ. Но приближавшійся періодъ бурь и нетерпѣніе молодого жениха заставили поспѣшить отъѣздомъ, и менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли курфюрстъ отчалилъ на

кораблѣ и при попутномъ вѣтрѣ 26-го октября 1612 года достигъ англійскаго берега у Гравсенда.

Здѣсь не ожидали его такъ рано и для встрѣчи еще не все было готово; прошло три дня, прежде чѣмъ герцогъ Ленноксъ и другіе англійскіе вельможи могли присоединиться къ свитѣ Фридриха. Но зато торжественнымъ былъ въѣздъ въ Лондонъ: вся Темза была покрыта кораблями; на шестнадцати разукрашенныхъ баркахъ находились курфюрстъ со свитой, ихъ сопровождало шесть военныхъ кораблей и безчисленное количество болѣе мелкихъ судовъ. На обоихъ берегахъ стояла такая густая толпа народу, какой пфальцскимъ жителямъ никогда не приходилось видѣть; во всѣхъ окнахъ и даже на крышахъ домовъ стояли любопытные и криками своими заглушали даже пушечные выстрѣлы, доносившіеся съ Тоуэра; курфюрстъ, несмотря на дурную погоду, съ самаго начала велѣлъ поднять навѣсъ своей барки, чтобы дать возможность лондонцамъ насмотрѣться въ волю. Миновавъ Тоуэръ и проѣхавъ подъ мостомъ, барки поднялись вверхъ по теченію и остановились у Вайтгольскаго дворца. Курфюрстъ, не успѣвшій еще перемѣнить дорожнаго костюма, былъ встрѣченъ у пристани младшимъ сыномъ короля, Карломъ Іоркскимъ, который провелъ его черезъ густую толпу въ тронный залъ дворца, гдѣ его ожидали король съ королевой, принцъ Уэльскій и принцесса.

Это былъ моментъ тягостнаго ожиданія для обѣихъ сторонъ. Король слышалъ много неблагопріятнаго о курфюрстѣ, о которомъ недоброжелатели распространили басни, что онъ горбатъ, хромаетъ, невзраченъ и т. д.; но юноша, какъ онъ ни былъ ошеломленъ окружающимъ великолѣпіемъ, стоялъ передъ королемъ стройный, молодой и свѣжій. Король поднялся съ трона и, сдѣлавъ навстрѣчу нѣсколько шаговъ, обнялъ его и съ ласковыми словами подвелъ къ королевѣ, которая, не теряя своего достоинства, холодно выслушала робкія слова привѣта. Обезкураженный этой холодностью, курфюрстъ подошелъ наконецъ къ принцессѣ, которая неподвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ и даже не поднимала глазъ на жениха. Глубоко преклонился передъ нею курфюрстъ; отвѣтивъ ему такимъ же глубокимъ поклономъ, принцесса протянула ему, улыбаясь, свои уста для поцѣлуя; тогда только онъ нашелся прошептать ей нѣсколько словъ любви. Эта робость очаровала всѣхъ зрителей, кромѣ королевы, которая попрежнему была настроена противъ „пфальцграфченка“, какъ она презрительно называла жениха дочери.

Курфюрстъ со своей свитой остановился въ Эссексъ-Гоузѣ; но въ скоромъ времени ему отвели помѣщеніе въ Вайтголѣ, чтобы быть ближе къ королю, желавшему постоянно видѣть его около себя и бравшаго его даже съ собой на охоту въ Ройстонъ и Сантъ-Теобольдъ. Короткіе осенніе дни въ Лондонѣ проходили незамѣтно для молодого курфюрста: постоянные взаимные визиты, посѣщенія принцессы, потомъ обѣдъ съ королевской фамиліей, послѣ чего онъ или игралъ съ невѣстой въ alla primiera (родъ лото), или присутствовалъ на спектаклѣ.

Король съ теченіемъ времени привязывался все больше и

больше къ будущему зятю, и ни онъ, ни тѣмъ менѣе принцесса не хотѣли и слышать объ отсрочкѣ свадьбы. Несмотря на разумные доводы, онъ настойчиво стоялъ на томъ, чтобы послѣ назначеннаго на Рождество обрученія свадьба послѣдовала уже на маслянницѣ; ему хотѣлось скорѣе отпраздновать торжественную свадьбу, на которую онъ ассигновалъ сто тысячъ ф. стерл. и которою онъ хотѣлъ удивить всѣхъ, такъ какъ Англіи давно уже не приходилось присутствовать на свадьбѣ королевскихъ дочерей.

Пфальцскіе совѣтники изъ свиты курфюрста сильно недоумѣвали: имъ казалось, что ихъ шестнадцатилѣтній господинъ слишкомъ еще юнъ для того, чтобы быть супругомъ; кромѣ того ихъ смущали финансовые вопросы. Дѣло въ томъ, что король высказалъ желаніе, чтобы Пфальцъ съ своей стороны крупной суммой способствовалъ блеску грандіозно задуманнаго торжества, а пріѣзжіе успѣли уже замѣтить, какъ быстро расходовались здѣсь деньги, съ такимъ трудомъ собранныя на родинѣ. Большая часть взятой съ собой суммы была уже истрачена, а еще предстояло заплатить за всѣ пріобрѣтенія въ Парижѣ и Гаагѣ и за работу ювелировъ и позолотчиковъ. Кромѣ того отовсюду протягивались къ курфюрсту руки, которыя надо было наполнять, чтобы поддержать свою честь; маленькими дарами нельзя было отдѣлаться въ дорогомъ Лондонѣ и при испорченныхъ нравахъ двора. Скоро совѣтниковъ отовсюду стали серьезно предостерегать по поводу ихъ скупости, говоря, что число ихъ друзей уменьшается, но зато растетъ число враговъ, которые, несмотря на твердость короля, не теряютъ надежды разстроить этотъ бракъ. Дѣйствительно, пребываніе въ Англіи савойскаго посланника, несмотря на пріѣздъ курфюрста, должно было казаться подозрительнымъ. Противъ курфюрста была не только та партія, которая склонялась къ Испаніи и папистамъ, но вообще большинство англичанъ, недовольныхъ тѣмъ, что королевская дочь выходитъ замужъ за какого-то пфальцграфа, который даже не былъ милордомъ. Англійскіе путешественники, проѣзжавшіе черезъ Гейдельбергъ и пользовавшіеся радушнымъ пріемомъ во дворцѣ, отблагодарили тѣмъ, что, возвратясь въ Англію, писали и говорили только о бѣдности курфюршескаго двора, гдѣ даже не было достаточно гобеленовъ, чтобы завѣсить ими стѣны; разсказывали о незначительности и скудости ихъ земли и о грубости нравовъ самихъ жителей. Въ Пфальцѣ, узнавъ объ этомъ, поспѣшили написать возраженіе и, спасая честь своей родины, понятно, наговорили о себѣ много лишняго.

Болѣе серьезнымъ случаемъ, чуть не разстроившимъ всѣ планы или по крайней мѣрѣ угрожавшимъ отодвинуть ихъ на неопредѣленное время,—была смерть принца Генриха Уэльскаго. Онъ давно уже чувствовалъ себя плохо, а нѣсколько дней спустя, послѣ пріѣзда курфюрста, простудился, играя въ мячъ, слегъ въ постель и черезъ нѣсколько дней, 16 ноября 1612 года умеръ отъ тифа; послѣднія его слова относились къ горячо любимой имъ сестрѣ. Преждевременная кончина принца Генриха, бывшаго на три года старше курфюрста, была жестокимъ ударомъ для Англіи, въ осо-

бенности для тѣхъ, которые ожидали отъ будущаго многихъ перемѣнъ во внутренней политикѣ. Генрихъ, носившій имя славнаго короля, властителя Англіи, пользовался любовью народа настолько же, насколько отецъ—ненавистью. Высоко цѣнили его за то, что онъ сумѣлъ побороть шотландскихъ фаворитовъ короля, за то, что онъ былъ явнымъ врагомъ Испаніи и папистовъ, и за его упорное сопротивленіе браку съ принцессой католическаго вѣроисповѣданія; онъ даже выразилъ желаніе сопровождать сестру въ Германію и выбрать себѣ супругу среди дочерей многочисленныхъ протестантскихъ князей. Его окружающіе увѣряли, что онъ задавался широкими планами въ будущемъ.

Смерть принца была также тяжелой потерей и для курфюрста, лишившагося въ немъ одного изъ главныхъ сторонниковъ своего брака. Число враговъ зато увеличилось, такъ какъ многіе, указывая на болѣзненность второго сына, Карла, находили неудобнымъ выдавать принцессу Елизавету замужъ за-границу, ибо могло настать время, когда она была бы призвана занять престолъ Англіи. Но король Іаковъ не далъ убѣдить себя этимъ доводомъ и только назначилъ свадьбу послѣ окончанія траура, не ранѣе мая 1613 года, вслѣдъ за чѣмъ молодые еще продолжительное время должны были оставаться въ Англіи. Мотивомъ къ тому, должно быть, послужило его нежеланіе подчинить дочь регентству Гейдельберга, а можетъ быть и воспоминаніе о собственной свадебной поѣздкѣ въ Онсло (у норвежскихъ береговъ), откуда онъ съ молодой королевой выѣхалъ глубокою зимою и переправляясь черезъ горы, покрытыя снѣгомъ, черезъ замерзшія воды, долженъ былъ всетаки просидѣть мѣсяцъ въ Копенгагенѣ, такъ какъ морскіе штормы не позволили скорѣе возвратиться на родину; эта забота дочери была, кажется, единственной симпатичной чертой въ жизни такого себялюбца, какъ король Іаковъ. Пфальцская свита и въ особенности честный, прямой Сольмсъ были совсѣмъ въ отчаяніи отъ подобнаго положенія дѣлъ. Они давно уже отказались отъ мысли отложить свадьбу на нѣсколько лѣтъ, но и дальнѣйшее пребываніе въ чужой странѣ, требовавшее такихъ невозможныхъ денежныхъ затратъ отъ Пфальца, не особенно имъ улыбалось. Уже были посланы на родину письма, въ которыхъ они просили прислать имъ по меньшей мѣрѣ еще двѣсти тысячъ гульденовъ, необходимыхъ для покрытія расходовъ по свадьбѣ и на поѣздку назадъ. Скрѣпя сердце, полный мрачныхъ предчувствій написалъ домой и Сольмсъ, доказывая, что разъ взявшись за дѣло, надо съ честью выйти изъ него.

Вообще положеніе пріѣзжихъ въ Лондонѣ не было завиднымъ. Заботились о нихъ, положимъ, по-царски, король выдавалъ на нихъ ежедневно пятьсотъ гульденовъ, хотя часто упоминалъ о необходимости сбереженій. Незнаніе языка и обычаевъ страны приводило къ постояннымъ несогласіямъ между слугами курфюрста и людьми короля, причемъ англичане никогда не уступали. Приближался уже новый годъ, требовавшій раздачи богатыхъ подарковъ. Но несноснѣе всего было то, что король, считая

себя великимъ политикомъ, притязалъ на право знать малѣйшія подробности, касающіяся Пфальца и нѣмецкой уніи, и чувствовалъ себя призваннымъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Германіи, конечно, съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ континентальныхъ отношеній, какимъ отличается британская политика.

Въ декабрѣ 27-го числа (стар. ст.) король отпраздновалъ торжественное обрученіе, что по англійскимъ понятіямъ уже скрѣпляло союзъ жениха и невѣсты. Торжество произошло въ присутствіи многочисленнаго собранія, среди котораго, однако, замѣтно было отсутствіе королевы, не желавшей принять въ этомъ обрядѣ никакого участія. Но такъ какъ курфюрстъ не вполнѣ владѣлъ англійскимъ языкомъ, то король велѣлъ перевести на французскій языкъ слова торжественнаго обѣта: „держаться другъ друга съ этого дня на всю жизнь, при хорошихъ и дурныхъ обстоятельствахъ, въ богатствѣ и бѣдности, при здоровьи и болѣзни, любить и уважать другъ друга до самой смерти“; секретарь же, которому это было поручено, такъ хорошо исполнилъ свою задачу, что всѣ присутствующіе, несмотря на серьезность дѣйствія, едва могли удержаться отъ смѣха, и только рѣчь архіепископа Кентерберійскаго снова возвратила соотвѣтствующее настроеніе.

Съ этого дня курфюрстъ сталъ считаться членомъ королевской семьи и за него молились въ англійскихъ церквахъ, и противники теперь уже не надѣялись на успѣхъ.

Судя по началу новаго 1613 года, судьба стала благопріятствовать курфюрсту; уже одно то, что пфальцы съ честью вышли изъ необходимости дѣлать подарки; положимъ, что имъ понадобилось на одинъ только придворный штатъ принцессы три тысячи пятьсотъ ф. стерл., что составляло пятую часть всѣхъ доходовъ Пфальца, а кромѣ того пришлось еще дѣлать дорогіе подарки королевской семьѣ: уборъ изъ драгоцѣнныхъ камней, поднесенный курфюрстомъ своей невѣстѣ, стоилъ тридцать пять тысячъ ф. стерл. Но самъ король положилъ конецъ дальнѣйшимъ расходамъ.

Еще большій успѣхъ принесъ съ собой новый годъ; а именно, король наконецъ согласился съ доводами окружающихъ и рѣшилъ тотчасъ послѣ свадьбы, назначенной на февраль мѣсяцъ, отпустить молодыхъ въ Пфальцъ.

При такихъ обстоятельствахъ, слѣдующія недѣли быстро прошли въ приготовленіяхъ къ предстоящему празднеству; всѣ придворные поэты сидѣли и строчили на этотъ случай стихи, инженеры и машинисты пустили въ ходъ всѣ свои познанія по техникѣ, чтобъ новыми изобрѣтеніями и приспособленіями оживить спектакли. Король Іаковъ въ это время былъ занятъ измышленіями какъ бы поднять подать въ пользу приданаго невѣсты, чтобы имѣть отъ этого побольше дохода; кромѣ того распространившіеся слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ папистовъ заставили его позаботиться о своей безопасности въ Лондонѣ и заняться необходимыми на этотъ случай приготовленіями.

Свадьба, для которой отложенъ былъ трауръ, началась съ грандіознаго фейерверка на водѣ. Черезъ два дня послѣ этого

ловѣческое знаніе, подчинены всѣ силы природы, и уста кото-го открываются только для мудрыхъ изреченій—надо видѣть ороля Іакова, не такого, конечно, каковъ онъ въ жизни, но ка-чимъ желательно, чтобы себѣ его представляли. Но Шекспиръ е былъ грубымъ льстецомъ, онъ сумѣлъ приблизить идеалъ, ка-чимъ онъ изображалъ короля, болѣе къ дѣйствительности, чѣмъ а первый взглядъ кажется. Если всмотрѣться въ этого мудраго Іросперо, то видно то-же благоговѣніе передъ церемоніями, та-же юбовь поучать и въ общемъ та-же пустота, которая характе-оизуетъ короля Іакова. Собственно, судьба изгнаннаго герцога олжна была бы напоминать ему, что не слѣдуетъ слишкомъ много находиться въ мірѣ духовъ, если не желательно потерять подъ собой почву земной власти.

Представленіе этой фантастической сказки приводило зрителей въ тяжелое и мрачное настроеніе, такъ какъ здѣсь говорилось только о превратностяхъ судьбы, невѣрности счастья и измѣнчивости всего земного. Какъ будто авторъ видѣлъ уже, какъ въ этомъ праздничномъ сіяніи, „въ этомъ шаткомъ зданіи блеска“ скользили кровавыя тѣни будущаго, точно онъ предчувствовалъ уже легкое дыханіе предвѣстника бури, которая разнесетъ престолъ Стюартовъ и смѣшаетъ съ пылью цвѣтъ великаго времени Англіи. Сейчасъ послѣ свадьбы свита Фридриха стала уговаривать короля отпустить молодыхъ домой. Дѣла Пфальца, нѣмецкой уніи и вообще Германіи, гдѣ въ апрѣлѣ собирался рейхстагъ, требовали присутствія курфюрста. На этотъ разъ Іаковъ легко согласился, тѣмъ болѣе что и ему хотѣлось освободиться отъ дорого стоющихъ Англіи гостей. Елизавету тоже ничто уже не привязывало къ родительскому дому послѣ смерти брата. Въ особенности-же радъ былъ курфюрстъ, довольный, что можетъ скоро избавиться отъ гувернерскихъ поученій педантичнаго тестя.

Но всетаки надо было еще переждать весеннія бури. Пока курфюрстъ проводилъ время въ путешествіи по Англіи, король по своему занялся приготовленіями къ поѣздкѣ молодыхъ. Въѣздъ его дочери въ Германію долженъ былъ надѣлать по возможности больше шума; во главѣ должно было идти небольшое войско, а сопровождать англійскій кавалерійскій полкъ, къ которому Генеральные штаты должны были присоединить еще второй. Намѣреніе короля, не оставшееся тайнымъ, подняло сильное движеніе въ западной Германіи, въ особенности у нижняго Рейна; громче всѣхъ взывалъ о помощи противъ угрожающаго британскаго нашествія городъ Кельнъ, тотъ самый, который когда-то указалъ англійскимъ королямъ дорогу въ Германію. Но, къ счастію, Генеральные штаты отговорили короля отъ этого намѣренія, ибо иначе, при томъ внутреннемъ состояніи Германіи, оно легко могло сыграть роль воспламеняющей искры.

Ровно полгода спустя послѣ пріѣзда курфюрста въ Англію, а именно 20-го апрѣля 1613 года, внизъ по теченію спустилась флотилія барокъ, на этотъ разъ со всей королевской семьей на палубѣ. Опять прогремѣли съ Тоуэра пушечные выстрѣлы, опять

воздухъ огласился радостными криками толпы: на этотъ разъ это было прощаніе. Прошло еще двѣ недѣли, прежде чѣмъ англійская эскадра, принявшая молодыхъ съ ихъ свитой, могла сняться съ якоря; затѣмъ, только 8-го мая, совершивъ трехдневный бурный переѣздъ, курфюрстъ со своей молодой супругой вступилъ на континентъ въ Остенде.

Генеральные штаты и принцъ Морицъ всѣми силами старались оказать возможно больше почестей высокимъ гостямъ; курфюрстину буквально осыпали подарками; говорятъ, что ея недолгое пребываніе въ Гаагѣ обошлось Генеральнымъ штатамъ въ милліонъ брабантскихъ гульденовъ, но зато доставило имъ очень выгодный союзъ съ нѣмецкой уніей. Въ Гаагѣ Фридрихъ разстался со своей супругой и поспѣшилъ съ нѣсколькими провожатыми впередъ въ Пфальцъ, чтобы самому слѣдить за приготовленіями для пріема Елизаветы на родинѣ; курфюрстина въ это время медленно продолжала свой путь вверхъ по Рейну. Въ свитѣ ея было болѣе трехсотъ человѣкъ (изъ нихъ сто сорокъ англичанъ); для перевозки вещей нужно было триста телѣгъ и шестьсотъ лошадей—что было немалымъ испытаніемъ для мѣстностей, которыя они проѣзжали. Въ Мангеймѣ, выше Кельна, на встрѣчу курфюрстинѣ были высланы изъ Пфальца снаряженные корабли—цѣлая эскадра; Елизавету приняло самое большое и красивое судно, обитое дорогими матеріями и со стоящей на носу статуей Фортуны, катящейся на шарѣ.

Въ Бахарахѣ, гдѣ ее ожидалъ супругъ, Елизавета впервые вступила на пфальцскую землю; отсюда оба они послѣдовали по приглашенію курфюрста Майнцскаго въ его столицу, послѣ чего уже поѣхали дальше въ экипажѣ черезъ Оппенгеймъ и Франкенталь. Всюду устраивались тріумфальныя арки, встрѣчи, процессіи и т. д., но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало курфюрстину въ Гейдельбергѣ.

Городъ и университетъ соревновали съ дворомъ. Мрачный, угловатый городокъ превратился въ веселый лѣсъ, обставленный зелеными березками, надъ которыми возвышались тріумфальныя арки, украшенныя аллегорическими изображеніями и произведеніями поэзіи профессоровъ. Всѣ дружественные князья уніи находились здѣсь со своими большими свитами, изъ всего Пфальца было созвано ленное дворянство, ежедневно при дворѣ обѣдало до пяти-шести тысячъ человѣкъ; внѣ города, въ Ландендургѣ, стянуто было порядочное войско,—однимъ словомъ, сдѣлано было все, чтобы показать гордой королевской дочери весь блескъ, могущество и вкусъ ея новой родины.

Среди довольно обычныхъ празднествъ, устроенныхъ въ слѣдующіе дни, какъ то — фейерверковъ, турнировъ, состязаній на призы, особенно выдѣлилась аллегорическая процессія во вкусѣ поздняго ренессанса, изображавшая возвращеніе аргонавтовъ изъ Колхиды. Представлено это было самими князьями съ ихъ свитой. На Арго, подвигаемомъ потайными колесами, стоялъ курфюрстъ Фридрихъ—герой Язонъ. Какъ уже тогда замѣтили, это не было благопріятнымъ предзнаменованіемъ: золотое руно не было при-

везено, такъ же, какъ отъ снившихся богатствъ Англіи ничего не попало въ Пфальцъ, кромѣ небольшого приданаго, которое даже не покрывало расходовъ по свадебной поѣздкѣ. Закончились торжества большой охотой, впервые видѣнной въ Германіи и устроенной на англійскій образецъ. Мало-по-малу разъѣхались всѣ гости и большая часть англійской свиты возвратилась на родину, причемъ гейдельбергцы, прощаясь, не особенно жалѣли объ отъѣздѣ надменныхъ британцевъ.

Пока на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ кончали со старымъ режимомъ государства, курфюрстъ со своей супругой спокойно проживали въ охотничьихъ замкахъ богатаго лѣсами Оденвальда. Молодые супруги были вполнѣ счастливы, въ особенности-же послѣ того, какъ въ первый день новаго 1614 го года пушечные выстрѣлы возвѣстили о рожденіи сына и наслѣдника. Какія надежды, какія пожеланія высказывались у колыбели ребенка! Одни уже видѣли пфальцскаго льва, соединеннаго на одномъ гербѣ съ англійскимъ леопардомъ, другіе вспоминали о старомъ, никогда не умиравшемъ сказаніи о третьемъ императорѣ Фридрихѣ, который явится, чтобы свергнуть папство и установить миръ на много лѣтъ, и при этомъ указывали на молодого отца. Но судьба устроила иначе! Положимъ, чешская королевская корона украшала голову Фридриха втеченіе одной зимы; былъ даже моментъ, когда казалось, что Пфальцъ сниметъ съ Фердинанда Габсбургскаго императорскую корону; но въ одно ноябрьское утро разлетѣлись всѣ надежды.

Битвой при Бѣлой Горѣ кончается счастье Пфальца. По поводу бѣжавшаго Зимняго Короля уличные мальчишки слагали насмѣшливыя пѣсни, а гордая королева не имѣла уголка, гдѣ-бы преклонить голову. Съ этого момента, не имѣя болѣе родины, имъ оставалось только вмѣстѣ со своими дѣтьми переходить изъ страны въ страну; Гейдельбергъ былъ оставленъ на произволъ непріятелей и Пфальцъ раззоренъ войсками, проходившими по нему взадъ и впередъ. Первенецъ, такъ много обѣщавшій принцъ Фридрихъ-Генрихъ, шестнадцати лѣтъ утонулъ, катаясь въ лодкѣ по Гарлемскому морю; нѣжно любящій, мягкосердечный отецъ съ этого дня замѣтно чахнетъ и умираетъ недалеко отъ родины, въ Майнцскомъ дворцѣ, едва достигнувъ тридцати шести лѣтъ. Еще больше пришлось пережить курфюрстинѣ: изъ оставшихся сыновей, старшій, принцъ Карлъ-Людвигъ, разошелся съ матерью; принцъ Рупрехтъ всю свою жизнь принужденъ былъ скитаться по чужимъ землямъ и отдаленнымъ морямъ, сражаясь за погибающее дѣло Стюартовъ; третій, принцъ Морицъ, появившійся на свѣтъ во время бѣгства изъ Праги, сдѣлался невольникомъ морскихъ разбойниковъ. Кромѣ всего этого Елизаветѣ пришлось еще пережить кровавую кончину своего брата Карла, истребленіе приверженцевъ ихъ дома, потерять самой все свое имущество и пользоваться гостепріимствомъ своихъ голландскихъ друзей. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, когда ея племяннику Карлу II удалось снова возстановить монархію Стюартовъ, она вернулась въ Англію, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, всѣми

забытая и покинутая, умерла какъ-разъ въ вечеръ наканунѣ пятидесятилѣтія со дня своей свадьбы.

Каждое несчастіе предполагаетъ въ прошедшемъ какую либо вину или по меньшей мѣрѣ ошибку. Въ данномъ случаѣ потомство строго осудило курфюрстину: ея безграничному честолюбію приписываютъ роковой походъ Пфальца въ Богемію, а ея безумную расточительность выставляли какъ причину ослабленія и безоружности страны въ минуту нужды. Подобный взглядъ ставитъ, однако, слишкомъ высоко вліяніе курфюрстины, бывшей на самомъ дѣлѣ натурой поверхностной, не глубоко чувствующей и пассивной, скорѣе нуждавшейся въ побужденіи со стороны, чѣмъ направлявшей къ чему-нибудь другихъ. При различныхъ политическихъ обстоятельствахъ, она ни разу не повліяла и даже не пробовала повліять на своего супруга, продолжавшаго страстно любить ее и еще глубже привязавшагося къ ней послѣ несчастія. А ей такъ было безразлично все происходившее въ Германіи, что она даже во всю свою жизнь не изучила нѣмецкаго языка. День ея уходилъ на охоту, чтеніе романовъ, театръ, игру въ карты и т. п. пустяки; духовные интересы не коснулись ея, даже несчастіе не повліяло на нее облагораживающимъ образомъ.

Конечно, нельзя отрицать, что долги курфюрстины, ея страсть къ расточительности, дѣлали окончательные разсчеты Пфальца съ каждымъ днемъ все хуже и хуже; не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что сама свадьба, своими чудовищными требованіями, могла пошатнуть финансовое равновѣсіе Пфальца; затѣмъ извѣстно, что, надѣясь на поддержку Іакова, курфюрстъ пускался все въ болѣе рискованныя политическія предпріятія, и наконецъ ясно, что самъ Пфальцъ сильно способствовалъ своему паденію плохимъ веденіемъ государственнаго хозяйства и чрезмѣрнымъ напряженіемъ своихъ слабыхъ силъ для занятія виднаго положенія среди великихъ державъ, что оказалось несбыточной мечтой.

Итакъ, вовсе не одна свадьба Зимняго Короля была причиной гибели Пфальца, какъ обыкновенно привыкли думать а всѣ эти причины вмѣстѣ взятыя.

Общественныя отношенія во Франціи къ концу прошлаго вѣка.

ФРАНЦУЗСКАЯ революція дала толчокъ такому пониманію исторіи, которое сдѣлало возможнымъ объективное изученіе какъ этого, такъ и всѣхъ иныхъ общественныхъ явленій: она дала понять, что движущую силу историческаго развитія надо искать прежде всего не въ желаніяхъ людей, а въ общественныхъ отношеніяхъ, которыя—по крайней мѣрѣ, при системѣ товарнаго производства — независимы отъ нихъ, выше ихъ, даже господствуютъ надъ ними. Какъ ни склонны историки французской революціи считать ее дѣломъ, съ одной стороны философовъ — Вольтера и Руссо,—съ другой,—ораторовъ національнаго собранія—Мирабо и Робеспьера, но и они не могли обойти того факта, что конфликтъ, приведшій къ революціи, возникъ изъ той противоположности, въ которой стояли два первые класса къ третьему. Они видѣли, что эта противоположность не была случайной и скоро-преходящей, что она дѣйствовала въ генеральныхъ штатахъ 1614 года и еще раньше такъ же, какъ и въ 1789 году, что она служила существеннымъ элементомъ историческаго развитія — именно, въ дѣлѣ упроченія неограниченной королевской власти.

Основанное на этомъ положеніи пониманіе исторіи многими еще и теперь оспаривается. Но почти всѣми давно признано,

эту роскошь и расточительность, могли соперничать другъ съ другомъ въ блескѣ салоновъ, пышности празднествъ, великолѣпіи построекъ—въ этой единственной области, остававшейся открытой для соревнованія дворянства. Дворянство давно уже стало слишкомъ лѣнивымъ и безхарактернымъ для соревнованія въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ рѣшаютъ дѣло личныя достоинства. Соперничать же другъ съ другомъ въ томъ, кто въ состояніи больше дѣлать расходовъ, а слѣдовательно—какъ надо было заключать—кто располагаетъ большими доходами,—это вполнѣ соотвѣтствовало характеру товарнаго производства, въ область котораго дворянство въ значительной части вступило. Но дворянство того времени еще далеко не на столько примѣнилось къ новой формѣ производства, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., теперь. Швырять деньгами оно научилось очень скоро, но увеличивать свои доходы посредствомъ торговли шерстью, хлѣбомъ, спиртными напитками и т. п. такъ ловко, какъ это дѣлаютъ члены этого сословія теперь, оно еще не умѣло. Располагая только своими феодальными доходами оно залѣзло по уши въ долги. Но если такая участь постигла высшее дворянство, то что ужъ и говорить о среднемъ и низшемъ! Вѣдь множество дворянскихъ фамилій едва могли извлекать изъ своихъ помѣстій 50, а то и 25 ливровъ годового дохода! Чѣмъ бѣднѣе были дворяне, тѣмъ большія требованія предъявляли они. Но это помогало мало. Займы оказывали только временную помощь: они приводили къ еще большему обѣднѣнію. Единственную прочную помощь могло оказать государство. Всѣ доходныя должности, какими располагалъ король, стали достояніемъ дворянъ. Но число раззорившихся и близившихся къ раззоренію дворянъ съ каждымъ годомъ возрастало, поэтому должно было возрастать и число соотвѣтствующихъ должностей: измышлялись самые курьезные предлоги, чтобы дать какому-нибудь захудалому дворянину право кормиться на счетъ государства. Само собою разумѣется, что рядомъ съ захудалыми не была забыта также задолжавшаяся и алчная высшая аристократія.

Самыми заманчивыми синекурами стали прежде всего придворныя должности. Онѣ оплачивались лучше всѣхъ остальныхъ и менѣе всѣхъ требовали знанія и труда; онѣ вели прямо къ источнику всѣхъ благъ и наслажденій. При дворѣ состояло до 15,000 человѣкъ, большинство изъ нихъ имѣло единственное назначеніе—подъ приличнымъ титуломъ получать приличную сумму денегъ. Десятая часть государственныхъ до-

ходовъ, свыше 40 милліоновъ ливровъ (что соотвѣтствуетъ при теперешней стоимости денегъ почти 100 милл. франковъ), уходила на кормленіе этой толпы. Но дворянство этимъ не ограничилось. Въ администраціи были самыя разнообразныя должности: были между ними и такія которыя требовали извѣстнаго образованія и значительнаго труда. Такія должности умѣренно оплачивались и предоставлялись мѣщанству: фактически онѣ заключали весь трудъ управленія государствомъ. Но рядомъ съ ними существовали и такіе посты, единственнымъ назначеніемъ которыхъ было «представительство»: пріятное времяпрепровожденіе было единственной обязанностью, лежавшей на лицахъ, занимавшихъ эти посты. Такія должности щедро оплачивались и удерживались для дворянъ. Согласно одному ордонансу 1776 г. такими должностями были: 18 генералъ-губернаторскихъ мѣстъ въ провинціи съ окладомъ въ 60,000 ливровъ каждое, 21 съ окладомъ въ 30,000 ливровъ; 114 губернаторскихъ съ окладомъ 8—12 ливровъ; 176 намѣстниковъ въ городахъ съ окладомъ 2—16 ливровъ. Въ 1788 г. учреждено было еще 17 должностей оберъ-комендантовъ съ окладомъ 20—30000 ливровъ и 4—6000 ливровъ въ мѣсяцъ квартирныхъ. Затѣмъ слѣдовали коменданты. При назначеніи офицеровъ въ арміи встарину обращали вниманіе прежде всего на заслуги. Въ царствованіе Людовика XIV въ арміи можно было найти офицеровъ какъ изъ мѣщанъ такъ и изъ дворянъ. Лишь въ мирное время предпочитались послѣдніе. Но чѣмъ болѣе нуждалось дворянство въ государственныхъ должностяхъ, тѣмъ настойчивѣе старалось оно превратить высшіе офицерскіе чины въ свою сословную привиллегію. Унтеръ-офицеры, на которыхъ лежали очень тяжелыя обязанности, могли рекрутироваться и изъ «черни», но хорошо оплачиваемыя и главное, не требующія много труда—особенно въ мирное время—и знаній, мѣста офицеровъ стали привиллегіей дворянства. Содержаніе офицеровъ стоило ежегодно 46 милліоновъ ливровъ,—вся же армія должна была довольствоваться 44 милліонами. Чѣмъ задолженнѣе становилось дворянство, тѣмъ ревностнѣе оберегало оно свою привиллегію занятія офицерскихъ мѣстъ. За нѣсколько лѣтъ до революціоннаго взрыва (1781 г.) появился королевскій эдиктъ, предоставлявшій мѣста офицеровъ только *старому* дворянству. Желавшій получить чинъ офицера долженъ былъ доказать, что у него (по мужской линіи) было не менѣе четырехъ предковъ-дворянъ. Такимъ образомъ, всему

новоиспеченному—за послѣднее столѣтіе—дворянству стало недоступнымъ офицерское «званіе».

Въ церкви высшія и лучше оплачиваемыя мѣста частью были издавна предоставлены дворянству, частью же фактически находились въ его распоряженіи, такъ какъ назначенія на эти мѣста производились королемъ, который все чаще и чаще оставлялъ ихъ исключительно за дворянами. Здѣсь тоже не задолго до революціи права на занятіе всѣхъ хлѣбныхъ мѣстъ были признаны исключительно за дворянствомъ, хотя это и не объявлялось. 1,500 богатыхъ бенефицій, которыми располагалъ король, предоставлялись исключительно дворянамъ, какъ и каѳедры епископовъ и архіепископовъ. Между ними были дѣйствительно теплыя мѣста. Французскіе епископы и архіепископы въ числѣ 131 чел. получали вмѣстѣ свыше 14 милліоновъ ливровъ годового дохода,—болѣе 100,000 на брата. Кардиналъ Роганъ, архіепископъ страсбургскій, въ качествѣ князя церкви, получалъ болѣе милліона ливровъ.

Но всѣ эти, такъ прекрасно оплачивавшіяся, мѣста въ церкви, въ арміи, въ государственномъ управленіи, при дворѣ не могли удовлетворить задолжавшагося дворянства. Короля безпрестанно осаждали настойчивыми просьбами о выдачѣ экстраординарныхъ вспомоществованій дворянамъ изъ государственной казны. Такимъ образомъ, только съ 1774 по 1789 г. было выдано изъ государственнаго казначейства въ видѣ пособій, подарковъ и т. п. 228 милліоновъ ливровъ; изъ этой суммы 80 милл. взято членами королевской семьи. За нѣсколько лѣтъ до революціи, въ виду страшнаго дефицита, грозившаго государственной казнѣ, министръ финансовъ Калонъ купилъ увеселительный замокъ Сенъ-Клу за 15 милліоновъ ливровъ и Рамбулье за 14 милліоновъ—для короля. Семейство Полиньякъ, пользовавшееся особенной благосклонностью Маріи-Антуанеты, получило однихъ пенсіоновъ на сумму 700,000 ливровъ. Герцогъ Полиньякъ, сверхъ того, получилъ пожизненную ренту въ 1.20,000 ливровъ и единовременный презентъ для покупки имѣнія въ 1.200,000 ливровъ.

Мы говорили до сихъ поръ о дворянствѣ. Это собственно неточно. Значительная часть дворянства, ново всякомъ случаѣ только меньшинство его, не только не принимала въ этомъ хищеніи никакого участія, но даже была имъ въ высшей степени возмущена. Это было мелкое и среднее дворянство экономически-отсталыхъ провинцій, въ которыхъ феодальное хозяйство сохранилось во всей своей силѣ, какъ Вандея и отчасти Бре-

тань. Феодалы этихъ областей, вмѣсто того, чтобы переселяться въ Парижъ или Версаль, жили по старому въ своихъ замкахъ, среди своихъ крестьянъ: они сами были тѣ же крестьяне только высшаго пошиба. Грубы и необразованны были они, но сильны и полны сознанія собственнаго достоинства; потребности ихъ, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, чтобы хорошо поѣсть и попить, легко удовлетворялись тѣмъ, что они получали натурою отъ своихъ крестьянъ. Долги не угнетали ихъ, не на что было имъ бросать бѣшеныя деньги: у нихъ не было причины увеличивать повинности, лежавшія на крестьянахъ, или слишкомъ строго требовать ихъ исполненія. Они были съ своими крестьянами далеко не въ дурныхъ отношеніяхъ. Совмѣстная жизнь при одинаковыхъ условіяхъ—одного уже этого достаточно для развитія нѣкоторой симпатіи. А феодалъ въ отсталыхъ провинціяхъ еще не былъ безполезнымъ эксплуататоромъ и паразитомъ, какимъ онъ сталъ уже въ областяхъ болѣе прогрессивныхъ. Въ этихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе переходили въ вѣдѣніе королевской бюрократіи всѣ административныя, полицейскія и судебныя обязанности, которыя исполнялись раньше феодаломъ. За феодаломъ, наконецъ, осталось только то, что не имѣло никакого значенія ни для порядка, ни для общественной безопасности въ странѣ: вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ея благосостоянію, онъ могъ и долженъ былъ только увеличивать ея тяготы. Судебные и полицейскіе чиновники въ помѣстьяхъ не получали никакого жалованья. Мало того, они должны были *покупать* свои мѣста; понятно, что они покупали вмѣстѣ съ тѣмъ и право высасывать доходы для себя.

Совершенно иначе было въ отсталыхъ феодальныхъ областяхъ. Помѣщикъ здѣсь еще управлялъ и принадлежавшей ему территоріей: онъ заботился о путяхъ сообщенія, о безопасности дорогъ; онъ рѣшалъ споры между своими подчиненными, наказывалъ ихъ проступки и провинности. Онъ даже иногда пользовался своимъ старинымъ правомъ—защищать своихъ подчиненныхъ отъ внѣшнихъ враговъ,—конечно, не отъ непріятельскихъ армій. Врагомъ дѣлавшимъ время отъ времени хищническіе набѣги на эти захолустья, были сборщики податей. Сохранились примѣры, что феодалы-помѣщики попросту прогоняли этихъ господъ, если ихъ набѣги были ужъ слишкомъ буйны. Дворяне этой категоріи отнюдь не были склонны безусловно подчиняться королевской власти. Придвор-

ное дворянство съ своимъ хвостомъ въ арміи, церкви и высшей бюрократіи имѣло всѣ основанія ратовать за усиленіе неограниченной королевской власти. Чѣмъ сильнѣе была власть, тѣмъ произвольнѣе она могла выжимать налоги, но тѣмъ больше могла она также отвлекать государственные доходы отъ удовлетворенія государственныхъ нуждъ и расточать ихъ на своихъ ставленниковъ. Это было не по вкусу мѣстному дворянству. Отъ двора помѣстнымъ дворянамъ не перепадало никакихъ милостей, да они въ нихъ и не нуждались. Но чѣмъ напряженнѣе дѣйствовала податная машина, тѣмъ больше бѣднѣли ихъ подчиненные; чѣмъ больше судебная, административная и полицейская власть переходила въ руки королевской бюрократіи, тѣмъ больше силы и значенія теряли они въ своемъ раіонѣ. Они были проникнуты старо-феодальнымъ духомъ и считали себя чуть ни равными королю. Для нихъ король, какъ и во времена феодализма, былъ только самый крупный изъ землевладѣльцевъ, «первый среди равныхъ», который не смѣлъ предпринимать никакихъ измѣненій въ государствѣ безъ ихъ согласія, которому они настойчиво противуставляли свои исконныя права и вольности,— въ чемъ они, понятно, далеко не всегда имѣли успѣхъ. И тѣмъ больше основаній имѣли они для своей оппозиціи, чѣмъ болѣе увеличивались потребности государственной казны, чѣмъ больше вводилось новыхъ налоговъ, которые отчасти падали и на дворянство, несмотря на его старинную свободу отъ податей, такъ что помѣстное дворянство должно было нести государственныя тяготы, не принимая участія въ дѣлежѣ добычи. Поэтому все громче и громче, кричало оно о бережливости въ государственномъ хозяйствѣ, о реформахъ въ финансовомъ управленіи, о контролѣ надъ нимъ со стороны сословнаго представительства.

Мы видимъ, что дворянство распалось на два враждебныхъ другъ другу лагеря: на придворную аристократію и ея приспѣшниковъ—въ этомъ лагерѣ было высшее дворянство и значительная часть средняго и низшаго; онъ безусловно стоялъ за неограниченную королевскую власть;—и на помѣстное дворянство, въ составъ котораго входили средніе и низшіе дворяне экономически неразвитыхъ мѣстностей; этотъ лагерь настаивалъ на созывѣ сословныхъ представителеій для контроля надъ государственнымъ управленіемъ.

Захолустный дворянинъ относился къ буржуа съ той ненавистью, которую питаютъ обыкновенно крестьяне къ горо-

жанамъ, люди натуральнаго хозяйства—къ людямъ хозяйства денежнаго, необразованные — къ образованнымъ, «исконные жители» данной мѣстности—къ разнымъ выскочкамъ неизвѣстнаго происхожденія. Понятно, онъ встрѣчалъ буржуа чрезвычайно рѣдко въ своихъ захолустьяхъ, зато никогда въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ нему. Городское дворянство, напротивъ, быстро сближалось съ частью, по крайней мѣрѣ, буржуазіи. Конечно, къ какому-нибудь портному или перчаточнику придворный аристократъ относился еще высокомѣрнѣе—если это возможно,—чѣмъ его деревенскій собратъ. Совсѣмъ иное отношеніе было къ тузамъ финансоваго міра. У нихъ въ избыткѣ были деньги, въ которыхъ такъ настоятельно нуждалась знать: отъ нихъ зависѣло, объявить ли ее банкротомъ, или поддерживать и впредь ея существованіе. За исключеніемъ нѣсколькихъ фамилій, всѣ придворные аристократы отъ короля до самаго послѣдняго пажа были неоплатными должниками финансистовъ. Съ ними, понятно, надо было вести себя осторожно. Людовикъ XIV, этотъ надменный «король-солнце», однажды при пріемѣ еврея Самуеля Бернара оказалъ ему въ присутствіи всего двора истинно царскія почести: что тамъ ни толкуй, а у этого жида было 60 милліоновъ! Могли-ли слуги короля держать себя неприступнѣе, чѣмъ ихъ господинъ?! Финансовая аристократія все болѣе и болѣе уподоблялась аристократіи родовой: она покупала дворянскіе титулы, дворянскія помѣстья. Нерѣдко тотъ или иной обнищавшій дворянинъ старался подновить свой износившійся гербъ посредствомъ брака съ какой-нибудь аристократкой денежнаго мѣшка. Въ подобныхъ случаяхъ утѣшались каламбуромъ, что самое лучшее поле необходимо время отъ времени унаваживать. И дворянство тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе погружалось въ навозъ. Салоны финансовой аристократіи ни въ чемъ уже не уступали салонамъ аристократіи родовой, Продажныя женщины были въ такой же степени доступны для бонвивановъ изъ третьяго сословія, какъ и для графовъ, герцоговъ и епископовъ.

Нѣкоторые писатели, какъ, напр., Бокль, видѣли во все увеличивающемся сближеніи аристократіи съ людьми денежнаго мѣшка проявленіе „демократическаго духа“, который передъ революціей проникъ дескать во всѣ головы, къ какому онъ классу ни принадлежали ихъ обладатели. Жаль только, что какъ разъ въ это время „демократическіе“ дворяне увеличили аристократическія требованія относительно предковъ для

соискателей офицерскихъ чиновъ, отмежевали въ пользу дворянства церковныя имѣнія и создавали въ бюрократіи новыя синекуры исключительно для себя. Не демократическія идеи, а матеріальные интересы уничтожали—и очень замѣтно—грань, отдѣлявшую денежную аристократію отъ аристократіи земельной, въ то время, какъ эта послѣдняя старалась, возможно больше, обострить исключительность своихъ правъ на занятіе государственныхъ должностей. Эта «свобода отъ предразсудковъ» парижскаго дворянства въ области общественныхъ сношеній приводила въ ужасъ захолустныхъ дворянъ. Еще ужаснѣе казалась имъ его «свобода отъ предразсудковъ» въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. Помѣстный дворянинъ, все еще жившій въ условіяхъ феодальнаго строя, строго держался соотвѣтствовавшаго ему міровоззрѣнія, религіи своихъ отцовъ. Для парижскаго дворянина религія казалась уже ненужной, и необходимой лишь для массъ, для черни. Рука объ руку съ распространеніемъ вольнодумства въ аристократическихъ салонахъ шелъ упадокъ старыхъ нравовъ, которые тоже лишились своей матеріальной основы. Для феодальнаго господина его домашнее хозяйство, достоинства и недостатки госпожи имѣли огромное значеніе: безъ правильнаго, прочнаго домашняго хозяйства могъ остановиться весь механизмъ производства. Прочный бракъ, строгая семейная дисциплина при такихъ обстоятельствахъ—необходимы. Но для придворнаго, у котораго, кромѣ развлеченій и разбрасыванія денегъ на всѣ стороны, не было рѣшительно никакого дѣла,—бракъ, семья были совершенно излишни: они стали неудобоносимымъ бременемъ, которому хотя и подчинялись внѣшнимъ образомъ—надо же было имѣть законныхъ наслѣдниковъ—но перестали строго держаться этихъ формъ. Помѣстное дворянство такъ же возмущалось этой «свободой отъ предразсудковъ» городского дворянства, какъ и его расхищеніемъ государственныхъ финансовъ; на него въ свою очередь сыпались упреки въ грубости, невѣжествѣ и непокорности. Оба лагеря относились въ высшей степени враждебно другъ къ другу. Конечно, когда основы феодальнаго строя, общая почва, на которой только и могли существовать какъ тѣ, такъ и другіе, подверглись серьезной опасности,—враждующіе братья соединились. Но соединеніе обоихъ слоевъ аристократіи произошло только тогда, когда это было уже слишкомъ поздно, когда уже ничто не могло остановить побѣдоносное шествіе третьяго сословія.

Рядомъ съ этими двумя слоями аристократіи было не мало

дворянъ, которые въ критическую минуту перешли къ врагу и потрясли феодальную систему въ самомъ ея основаніи. Именно въ рядахъ низшаго, окончательно обнищавшаго дворянства оказалось много такихъ лицъ, которымъ была не по вкусу духовная карьера, которые не могли пристроиться въ арміи, не сумѣли пробраться ко двору или даже попали почему бы то ни было въ немилость; были здѣсь и такіе, у которыхъ такое же отвращеніе возбуждало ничтожество придворнаго дворянства, какъ и грубость и ограниченность захолустныхъ дворянъ,—которые считали неизбѣжнымъ паденіе господствующей системы и глубоко скорбѣли о народныхъ бѣдствіяхъ. Эти люди стали на сторону третьяго сословія: они соединились съ его интеллигенціей, его памфлетистами, журналистами, сила и значеніе которыхъ съ каждой побѣдой третьяго сословія быстро возрастали. Такимъ образомъ, на сторону третьяго сословія перешли изъ рядовъ аристократіи самые интеллигентные, энергичные, неустрашимые и сильные духомъ члены ея. Они переходили сперва въ одиночку, но когда побѣда третьяго сословія стала несомнѣнной, они устремились къ нему цѣлыми толпами и самымъ чувствительнымъ образомъ ослабили свой собственный классъ въ тотъ именно моментъ, когда ему необходимо было напречь всѣ силы, чтобы хоть отсрочить, по крайней мѣрѣ, свою гибель.

Въ это же время измѣнили старому строю и тѣ двѣ опоры, на которыя онъ всего болѣе разсчитывалъ: духовенство и армія.

Высшіе посты какъ въ церкви, такъ и въ арміи занимали дворяне; третье сословіе давало унтеръ-офицеровъ и приходскихъ священниковъ; какъ тѣ, такъ и другіе имѣли одну задачу—дѣлать изъ людей, къ которымъ они были приставлены, безсмысленныя машины, которыя бы безъ разсужденій повиновались всякому приказанію свыше. Но люди, которые должны были такимъ образомъ воспитывать рабовъ господствующаго класса и руководить ими, сами принадлежали къ эксплуатируемымъ. Церковь была чрезвычайно богата. Пятая часть французскихъ земель принадлежала ей и это была самая лучшая часть: стоимость ея далеко превосходила стоимость всѣхъ остальныхъ земель. Стоимость церковныхъ имѣній опредѣляли въ четыре тысячи милліоновъ ливровъ: они давали сто милліоновъ дохода [1]). Сверхъ того, десятина давала духовенству 123 милліона ежегодно. Изъ этихъ громадныхъ суммъ, не говоря уже о доходахъ съ движ[illegible] имуществъ, принад-

лежавшихъ различнымъ церковнымъ корпораціямъ; львиную долю получали высшіе сановники церкви и монастыри [2]): приходскіе же священники жили въ страшной бѣдности, въ жалкихъ лачугахъ, едва обезпеченные отъ голода. И тѣмъ не менѣе на нихъ именно лежали всѣ церковныя обязанности. Этимъ людямъ даже въ голову не могло придти, что они принадлежать къ привиллегированному сословію. Тѣсно связанные посредствомъ семейныхъ отношеній съ третьимъ сословіемъ, лишенные всякой надежды на выходъ изъ своего положенія, бѣдные, заваленные работой, эти люди жили среди полунищаго населенія и были гораздо ближе къ этому населенію, чѣмъ къ привиллегированному сословію.

Чѣмъ больше возрастала притязательность и алчность дворянства, чѣмъ болѣе захватывали дворяне исключительно въ свою пользу всѣ лучшія мѣста въ арміи и церкви, тѣмъ болѣе оттѣсняли они унтеръ-офицеровъ и приходскихъ священниковъ къ третьему сословію. Власть имущіе, конечно, не замѣчали этого явленія и его неизбѣжности, благодаря той обязанности безусловнаго повиновенія, которая возлагалась на субалтерновъ арміи и церкви. И тѣмъ безпощаднѣе былъ ударъ, полученный ими въ рѣшительную минуту, когда противъ нихъ обратились тѣ силы, на которыя они разсчитывали, въ которыхъ они именно въ эту минуту всего болѣе нуждались!

Въ собраніи генеральныхъ штатовъ 1789 г. былъ поднятъ съ самаго же начала вопросъ первостепенной важности: должно-ли голосованіе производиться по числу депутатовъ, или по сословіямъ. Третье сословіе стояло за первое рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ число его представителей было вдвое больше числа представителей первыхъ двухъ сословій. Дворянство же надѣялось одержать верхъ съ помощью духовенства и, если бы было принято голосованіе по сословіямъ, генеральные штаты были бы въ его рукахъ. Духовенство обмануло ожи-

---

[1]) Въ 1791 году депутатъ Амело (Amelot) оцѣнивалъ проданные и назначенные къ продажѣ церковныя земли и лѣса въ 3,700 милліоновъ.

[2]) 399 членовъ ордена премонстратовъ получали ежегодно болѣе милліона; клюнійскіе бенедиктинцы, числомъ 298 чел.—1.800,000 ливровъ, бенедиктинцы монастыря св. Мора (St. Maur)—1672 челов., получали чистаго дохода 8 милліоновъ, не считая приблизительно такой же суммы, поступавшей ежегодно ихъ аббатамъ и номинальнымъ пріорамъ, получавшимъ ежегодно приблизительно такую же сумму. Прибавьте къ этому указанные нами выше доходы епископовъ и архіепископовъ, и вы поймете ту благочестивую ревность, съ которой дворянство, рядомъ съ престоломъ отстаивало и алтарь: первый открывалъ ему дорогу къ сундукамъ государственнаго казначейства, отъ второго ему перепадали такіе жирные кусочки!

данія дворянъ. Среди его представителей было 48 епископовъ и архіепископовъ, 35 аббатовъ и деканов и 208 приходскихъ священниковъ. Большинство этихъ послѣднихъ перешло на сторону третьяго сословія, что во многомъ способствовало тому, что было принято голосованіе по числу депутатовъ. Армія должна была поправить дѣло дворянъ. Дворъ придумывалъ важныя военныя мѣропріятія, которыя были явно разсчитаны на государственный переворотъ. При дворѣ надѣялись, что если Парижъ будетъ раздавленъ, то съ національнымъ собраніемъ, въ которое превратились генеральные штаты, управиться будетъ не трудно. Возстаніе легко было вызвано отставкой Неккера (12 іюля), но ему не суждено было окончиться въ пользу двора, давшаго ему первый толчокъ. Полки отказывались стрѣлять и офицеры должны были отозвать ихъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не дождаться измѣны и этихъ полковъ. 13 іюля парижане вооружились; 14 же іюля, когда распространился слухъ, что пушки Бастиліи угрожаютъ Сентъ-Антуанскому предмѣстью и что изъ Сенъ-Дени идутъ въ Парижъ свѣжія войска,—парижане въ союзѣ съ французской гвардіей взяли ненавистную крѣпость-тюрьму. «Измѣна» приходскихъ священниковъ и гвардіи—это важнѣйшіе моменты французской революціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ моментъ революціоннаго взрыва вся «реакціонная масса» французовъ была глубоко разъединена и распалась на самыя разнообразныя группы. Одна изъ нихъ была неопредѣленна, другая—открыто играла въ руку врага; та глубоко консервативна, но не хотѣла мириться съ неограниченной монархіей и настойчиво требовала реформъ въ дѣлѣ финансоваго управленія, другая была достаточно «просвѣщена», но слишкомъ срослась съ злоупотребленіями господствующей системы, такъ что всякая финансовая реформа [illegible]

въ которомъ находились господствующіе слои во Франціи при началѣ революціи.

Но и третье сословіе было не менѣе разъединено.

III

Даже тотъ классъ, который теперь называютъ преимущественно третьимъ сословіемъ, въ противуположность четвертому—классу неимущихъ пролетаріевъ—классъ капиталистовъ далеко не представлялъ изъ себя сплоченнаго, замкнутаго отряда. На верху его стояли крупные финансисты. Они, въ качествѣ главныхъ кредиторовъ государства были заинтересованы въ томъ, чтобы должникъ не раззорился окончательно и въ этомъ смыслѣ, желали нѣкоторыхъ реформъ. Они были кредиторами не только короля, но и всего задолжавшагося дворянства. Экономисты вполнѣ убѣдительно доказали, что доходъ съ земледѣльческаго хозяйства значительно повысится, если оно будетъ вестись не на полу-феодальныхъ, а на чисто капиталистическихъ началахъ. Для того-же, чтобы переходъ этотъ могъ совершиться, необходимъ былъ извѣстный капиталъ для различныхъ приспособленій, для обзаведенія скотомъ, земледѣльческими орудіями и т. п. Этимъ капиталомъ располагала только самая незначительная часть дворянъ. Уничтоженіе феодальныхъ повинностей грозило сдѣлать ихъ полными банкротами. Ихъ кредиторы, понятно, не имѣли никакихъ причинъ содѣйствовать этому. Высшія сферы буржуазіи, какъ мы уже видѣли, все болѣе и болѣе сближались съ дворянствомъ и въ общественномъ отношеніи. Мало того, всякая радикальная финансовая реформа должна была привести къ замѣнѣ откупной системы системой государственныхъ пошлинъ. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ государственныхъ доходовъ какъ налогъ на соль, на спиртные напитки, таможенные сборы, табачная монополія отдавались на откупъ. За все это откупщики платили государству (въ послѣдніе годы передъ революціей) 116 милліоновъ ливровъ, выжимали же изъ народа, можетъ быть, вдвое большую сумму. Откупная система была для нихъ самой выгодной системой—неужели господа финансисты могли добровольно отказаться отъ нея!

Тѣмъ не менѣе финансисты, невольно, конечно, стали сильными политическими агитаторами: они именно способствовали тому, что мирные обыватели стали политиками, стали вздыхать о свободѣ. Крупный капиталъ былъ тѣмъ каналомъ, по которому государственныя долговыя обязательства расходи-

лись въ народъ, по которому, съ другой стороны, на приманку быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ займовъ, стекались средніе мелкіе капиталы. Средніе и мелкіе капиталисты все болѣе и болѣе становились кредиторами государства. Буржуа этого сорта обыкновенно нисколько не интересуются правительствомъ и его дѣятельностью. Филистеръ считаетъ политику пустымъ дѣломъ, которое не приноситъ никакой выгоды и даже можетъ стоить времени и денегъ. Но дѣло совершенно измѣнилось, когда онъ сталъ кредиторомъ государства, когда появилось опасеніе государственнаго банкротства. Теперь политика перестала быть пустымъ дѣломъ: она стала чрезвычайно важнымъ занятіемъ. Буржуа вдругъ проникся глубокимъ интересомъ ко всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія. Онъ знать не хотѣлъ никакихъ привиллегій и воспылалъ страстною любовью къ свободѣ и равенству.

И не только въ качествѣ государственнаго кредитора онъ долженъ былъ стать въ оппозицію къ привиллегированнымъ классамъ: онъ не могъ поступить иначе также въ качествѣ купца и промышленника. Высшія мѣста въ арміи и флотѣ занимались исключительно дворянствомъ, подвергшимся значительному оскудѣнію и военная сила Франціи все болѣе и болѣе падала. Въ теченіе всего 18-столѣтія Франція не вела почти ни одной войны, которая не поставила бы ее торговлю въ крайне невыгодныя условія или не привела ея къ потерѣ колоній: стоитъ припомнить утрехтскій миръ (1718), ахенскій (1748), парижскій (1763), версальскій (1783). Но выгодная колоніальная политика—одно изъ важнѣйшихъ условій процвѣтанія внѣшней торговли. Внутренняя же торговля Франціи была крайне стѣснена старинными феодальными ограниченіями. Нѣкоторыя провинціи представляли собою, такъ сказать, государства въ государствѣ: онѣ были разобщены съ остальными частями государства посредствомъ особаго права, дѣйствовавшаго въ нихъ, особаго управленія, таможенныхъ заставъ и т. п. Если мы прибавимъ къ этому еще подсудность торговыхъ мѣстъ феодаламъ, взимавшіеся ими налоги за мѣста, занимаемыя торговцами, дорожные, мостовые сборы и т. п., мы легко поймемъ, отчего внутренняя торговля во Франціи крайне подавлена. Товары, приходившіе во Францію изъ Японіи или Китая, провозились по отдаленнымъ, бурнымъ морямъ, кишѣвшимъ пиратами,—повышались въ цѣнѣ только въ три—четыре раза. Вино же, привозившееся изъ Орлеана въ Нормандію, дорожало, по меньшей мѣрѣ въ *двадцать* разъ, вслѣдствіе

разныхъ налоговъ, взимавшихся съ товаровъ [1]). Именно торговля виномъ,—одна изъ главнѣйшихъ отраслей французской торговли, была особенна стѣснена. Такъ, владѣльцамъ виноградниковъ въ окрестностяхъ Бордо была воспрещена продажа всякаго вина въ этомъ городѣ, за исключеніемъ того, которое было собрано съ ихъ собственныхъ виноградниковъ. Такимъ образомъ, у самыхъ богатыхъ въ этомъ отношеніи мѣстностей: Лангдока, Перигора, Аженуа, Кирси, рѣки которыхъ текли подъ самыя стѣны Бордо, было отнято право сбыта ихъ продуктовъ въ пользу владѣльцевъ бордосскихъ виноградниковъ. При этомъ и пути сообщенія во Франціи были въ крайне жалкомъ состояніи. На ремонтъ дорогъ не отпускалось никакихъ суммъ, натуральная же дорожная повинность крестьянами не выполнялась. Для того, чтобы торговля могла процвѣтать, необходимо было отмѣнить привиллегіи дворянъ, реорганизировать армію и флотъ, уничтожить партикуляризмъ отдѣльныхъ провинцій, отмѣнить пошлины, взимавшіяся съ товаровъ внутри страны какъ короной, такъ и феодалами: словомъ, интересы торговли требовали „свободы и равенства“.

Но не одни купцы преклонялись передъ этимъ лозунгомъ. Самымъ любимымъ способомъ до-революціоннаго королевства разживаться деньгами была монополизація той или иной отрасли торговли или промышленности, продажа этой монополіи нѣсколькимъ счастливцамъ или дѣлежъ съ ними доходовъ, получаемыхъ отъ эксплуатаціи потребителей. Самыми выгодными были монополіи большихъ торговыхъ обществъ въ колоніяхъ. Но рядомъ съ ними существовали въ разныхъ городахъ еще другія торговыя монополіи, принадлежавшія различнымъ корпораціямъ, организованнымъ на подобіе цеховъ. Одна изъ такихъ замкнутыхъ корпорацій пережила даже реформы Тюрго: это цехъ торговцевъ виномъ въ Парижѣ. Не удивительно, что люди, пользовавшіеся этими привиллегіями, хотя они и принадлежали къ третьему сословію, стояли за старый государственный строй. Промышленность подверглась со стороны стараго строя не меньшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ и торговля. Конечно, это происходило вовсе не отъ желанія правительства подавить ее; напротивъ, оно старалось ей всячески покровительствовать. Цвѣтущая капиталистическая промышленность считалась однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ богатства

1) Louis Blanc. Histoire de la Rèvolution. III. т. 3 гл. (стр. 156, въ брюссельскомъ изданіи 1847 г.).

государства и потому ей оказывали покровительство и поддержку. Такъ какъ ремесленные цехи старались всѣми мѣрами ставить разныя помѣхи капиталистической промышленности, конкурренція которой имъ была очень непріятна,—то короли взяли ее подъ свое покровительство. Конечно, уничтожить цехи и такимъ образомъ навсегда устранить эти помѣхи королямъ и въ голову не приходило: съ уничтоженіемъ цеховъ они, какъ мы увидимъ ниже, потеряли бы значительный источникъ доходовъ. Но они давали различнымъ мануфактурамъ грамоты, избавлявшія ихъ отъ налоговъ и всякихъ цеховыхъ и феодальныхъ стѣсненій. Мануфактура, получившая такую привиллегію, называлась «королевской мануфактурой». Короли на этомъ не остановились. Для достиженія того, чтобы мануфактуры производили товары самаго лучшаго достоинства, предприниматели обязательно должны были знать лучшіе пріемы производства и примѣненіе этихъ пріемовъ было строго предписано особыми регламентами. Возможно, что въ дѣтскомъ состояніи мануфактурнаго производства эти мѣры были для него полезны, но совсѣмъ иначе стало во второй половинѣ 18 столѣтія, когда мануфактурная промышленность начала быстро развиваться и поднялась на болѣе высокую ступень. Для новыхъ предпріятій было очень не удобно, что только королевская привиллегія могла защитить ихъ отъ разныхъ придирокъ и процессовъ со стороны ремесленныхъ цеховъ. Всякіе-же регламенты стали положительно невыносимы. Изъ средствъ для распространенія лучшихъ пріемовъ производства они выродились въ средства для удержанія самыхъ худшихъ и устарѣлыхъ и на будущее время. Съ шестидесятыхъ годовъ 18 вѣка началась та техническая революція, которая замѣнила мануфактуру фабрикой и должна была создать крупную промышленность нашего времени. Раньше, въ мануфактурной промышленности пріемы и орудія производства измѣнялись крайне медленно. Теперь-же всякое новое изобрѣтеніе быстро вытѣснялось другимъ, новѣйшимъ: эти изобрѣтенія и усовершенствованія немедленно примѣнялись въ Англіи. Для того, чтобы Франція могла выдержать конкурренцію съ Англіей, она должна была также быстро слѣдовать за техническимъ прогрессомъ. Устраненіе цеховыхъ ограниченій и бюрократическихъ регламентовъ не было уже вопросомъ пользы и выгоды: оно стало вопросомъ жизни и смерти для французскаго капиталистическаго производства. Но напрасно Тюрго пытался въ 1776 г. устранить эти остатки старины. Привиллегирован-

ные прекрасно понимали, что дѣло реформы, разъ оно будетъ начато, на этомъ не остановится. Они свергли Тюрго и разстроили его дѣло. Чтобы устранить препятствія къ развитію крупной промышленности была необходима реформа.

Не малая часть капиталистовъ-промышленниковъ была заинтересована въ сохраненіи стараго режима съ его привиллегіями. Капиталистическая промышленность, также какъ и торговля, служила вначалѣ преимущественно роскоши — тѣмъ болѣе, что она была такъ сказать, придворной промышленностью. Важнѣйшія мануфактуры Франціи производили шелковыя матеріи, бархатъ, кружева, ковры, фарфоръ, пудру, бумагу, (бумага сто лѣтъ тому назадъ была еще предметомъ роскоши) и т. п. Эти предпріятія находили самый большой спросъ среди высшихъ сословій. Уменьшеніе доходовъ этихъ сословій должно было сильно подорвать дѣла значительной части капиталистовъ-промышленниковъ. Поэтому революція не могла вызвать у нихъ особенно горячихъ симпатій. Знаменательно, что когда въ 1793 году взялась за оружіе контръ-революція, во главѣ ея, рядомъ съ одной изъ мѣстностей Франціи, въ которой еще сохранилось во всей силѣ феодальное хозяйство—Вандеей, стоялъ и самый промышленный городъ государства, знаменитый своими шелковыми издѣліями и золотымъ шитьемъ, Ліонъ. Еще въ 1790 г. тамъ была сдѣлана духовенствомъ и дворянами попытка произвести возстаніе и долго послѣ этого Ліонъ служилъ оплотомъ легитимизма и католицизма. И въ 1795 г., когда пало господство якобинцевъ, парижская буржуазія нисколько не скрывала своихъ роялистическихъ, антиреспубликанскихъ симпатій. Если-бы только за нею была остановка, — она еще тогда возстановила бы легитимную монархію и позаботилась бы о возвращеніи на родину аристократическихъ эмигрантовъ.

IV.

Не меньшія противоположности, чѣмъ въ классѣ капиталистовъ господствовали и среди ремесленниковъ.

Цеховая организація уже давно окаменѣла и превратилась въ средство монополизаціи ремесленнаго производства въ пользу немногихъ избранныхъ, а званіе мастера—въ исключительную привиллегію и чѣмъ меньше и тѣснѣе былъ кругъ этихъ привиллегированныхъ, тѣмъ легче и выгоднѣе была для нихъ эксплоатація подмастерьевъ и потребителей. Пробраться подмастерью въ сословіе мастеровъ стало почти невозможно, если

онъ не былъ сыномъ или зятемъ какого-нибудь мастера или не женился на вдовѣ мастера. Полученіе правъ мастера кѣмъ-либо постороннимъ не только было стѣснено множествомъ разнообразныхъ условій, но и обставлено такими требованіями, которыя сплошь и рядомъ дѣлали его совершенно невозможнымъ. Нерѣдко даже цехъ просто объявлялся замкнутой организаціей съ разъ навсегда установленнымъ числомъ членовъ. Но мастера очень заблуждались, если они думали, что могутъ, въ тогдашнемъ государствѣ, вести свою монополію на свой собственный рискъ и страхъ и исключительно въ свою пользу. Право давать дипломы на званіе мастера—и самое главное, понятно, за хорошую плату—было объявлено привиллегіей короны. Корона также оставила за собой право назначать членовъ цехового управленія. Если цехи хотѣли удержать эти привиллегіи за собой, они должны были платить за нихъ коронѣ огромныя деньги; платить приэтомъ приходилось не разъ навсегда опредѣленную сумму, а суммы различныя [1]). Цеховые мастера были, естественно, очень заинтересованы въ сохраненіи привиллегій и стараго государственнаго строя: они, какъ самые слабые изъ всѣхъ привиллегированныхъ, должны были первые пасть жертвой реформаціонной политики. На нихъ дѣйствительно и былъ направленъ первый ударъ реформъ Тюрго. Въ рѣзкой противоположности къ нимъ стояли ихъ подмастерья. Званіе подмастерья не было уже переходной ступенью къ званію мастера: подмастерья стали отдѣльнымъ сословіемъ съ особыми сословными интересами. Они относились очень враждебно къ *цеховымъ* мастерамъ; тѣмъ не менѣе они ничего такъ не желали, какъ сами стать мастерами и чувствовали себя за одно съ мастерами, *не принадлежащими къ цехамъ*, представляющими изъ себя многочисленное и быстро увеличивавшееся сословіе.

Въ до-революціонномъ королевствѣ нѣкоторыя мѣстности пользовались привиллегіей свободы отъ всякихъ цеховыхъ ограниченій. Первоначально даже само учрежденіе цеховъ существовало только въ городахъ и не распространялось на села и деревни. Но нѣкоторыя подгородныя села быстро разрослись, слились съ городами и стали предмѣстьями, сохраняя часто свою свободу отъ цеховыхъ ограниченій и на послѣдующее время. Когда въ царствованіе Людовика XIV развилась страшная нищета среди ремесленниковъ, не принадлежав-

[1]) Еще Генрихъ III въ 1581 г. объявилъ ордонансомъ, что никто не можетъ стать мастеромъ, не представивъ на испытаніе образца своей работы или *не купивъ диплома* на званіе мастера.

шихъ къ цехамъ и ненависть ихъ къ цехамъ значительно возрасла, правительство пыталось успокоить волненіе умовъ тѣмъ, что расширило эти привиллегіи предмѣстій, нѣкоторымъ же мѣстностямъ дало ихъ вновь. Въ Парижѣ особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи предмѣстьямъ: Сентъ-Антуанскому и du Temple [2]). Всѣ подмастерья, мечтавшіе о самостоятельности и не имѣвшіе никакихъ надеждъ стать цеховыми мастерами, устремились въ эти предмѣстья. Масса мелкихъ мастеровъ едва могли перебиваться въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, не смѣя сбывать своихъ произведеній внѣ опредѣленной черты, и чѣмъ больше увеличивалось ихъ число, чѣмъ больше возрастала конкурренція, которую они дѣлали другъ другу,—тѣмъ съ большимъ недовольствомъ подчинялись они ограниченіямъ, налагаемымъ на нихъ государствомъ, тѣмъ сильнѣе было чувство обиды, вызывавшееся у нихъ сравненіемъ ихъ крайней нищеты съ самодовольной зажиточностью цеховыхъ мастеровъ сосѣднихъ кварталовъ. Но въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ цеховыхъ ограниченій, охотнѣе всего и капиталисты устраивали свои мануфактуры: здѣсь они скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могли найти то, въ чемъ они всего болѣе нуждались—большое предложеніе умѣлыхъ рукъ, которыя имъ можно было эксплоатировать безъ всякихъ стѣсненій. Поэтому, рядомъ съ множествомъ мелкихъ мастеровъ и подмастерьевъ мы находимъ въ предмѣстьяхъ массу наемныхъ рабочихъ капиталистической промышленности; они рекрутировались частью изъ ремесленниковъ, частью изъ сельскаго населенія. Рядомъ съ обученными рабочими капиталистическая промышленность уже все больше и больше занимала и необученныхъ поденьщиковъ, къ которымъ примыкали многочисленные пролетаріи и нищіе Парижа, доходившіе до шестой части его населенія. Этотъ элементъ и составилъ ядро революціонной массы.

Торжество буржуазіи началось 9 термидора (23 іюля 1794 г.) паденіемъ Робеспьера и было подписано 4 преріаля (24 мая 1794 г.).

Якобинцы и жители парижскихъ предмѣстій потерпѣли крушеніе потому, что реальныя общественныя отношенія не представляли никакой почвы для революціи въ пользу мелкаго мѣщанства и пролетаріата, дѣлали недѣйствительными всѣ мѣры, какія эти послѣдніе придумывали для остановки революціи капиталистической.

[2]) Сравн. объ этомъ, между проч., Tocqueville, L' ancien Régime et la Revolution, Paris, 1859. Стр. 139.

Но революціонная борьба французскаго и преимущественно парижскаго мелкаго мѣщанства, хотя и кончилась пораженіемъ его, не прошла для него безслѣдно. Громадная сила, обнаруженная имъ въ революціи, дала ему то самосознаніе, ту политическую зрѣлость, которыя не могли исчезнуть безслѣдно.

V.

Между тѣмъ какъ дворянство, духовенство, государственная и городская бюрократія и весь болѣе или менѣе зажиточный слой населенія были совершенно или, по крайней мѣрѣ, отчасти свободны отъ прямыхъ государственныхъ налоговъ, они всей своей страшной тяжестью ложились на крестьянъ, масса которыхъ была разорзнена. Нерѣдко они поглощали у крестьянина 70 процентовъ чистаго дохода, въ среднемъ же крестьянинъ платилъ въ видѣ прямыхъ государственныхъ налоговъ 50 процентовъ чистаго дохода. Военная служба лежала преимущественно на крестьянахъ, для нея набиралось ежегодно въ ополченіе 60000 человѣкъ. Дворянство, напротивъ, было свободно отъ воинской повинности. Оно оправдывало свою свободу отъ податей «налогомъ крови»; между тѣмъ, въ дѣйствительности этотъ «налогъ крови», насколько вообще дворянство теперь несло его, превратился изъ полной опасности и тяжелой обязанности въ выгодную привиллегію эксплоатаціи отечества. Упрекъ, что несправедливо подвергать рекрутскому набору однихъ только крестьянъ, защитники этого порядка думали *совершенно* устранить соображеніемъ о «налогѣ крови». Натуральныя дорожныя повинности (corvées) несли только крестьяне; на нихъ же лежали квартирная и подводная повинность при размѣщеніи войскъ. Содержаніе современнаго государства все болѣе и болѣе увеличивало тяготы крестьянина, но рядомъ съ ними сохранились во всей силѣ и тяготы феодализма, которыя были не только тяготами, но и узами, мѣшавшими всякому улучшенію производства, такъ какъ всякое улучшеніе въ этомъ отношеніи обязательно должно было привести къ ихъ уничтоженію.

Крестьянинъ не смѣлъ культивитировать того, что онъ считалъ нужнымъ; десятина взималась съ урожая лишь издавна извѣстныхъ растеній, а не нововведенныхъ, какъ напр., картофель, люцерна. Культура ихъ, поэтому, неоднократно воспрещалась. Всякое улучшеніе полеводства, вродѣ перехода отъ трехпольной системы къ плодоперемѣнной, было чрезвычайно затруднено. Остатки общиннаго строя, особенно обяза-

тельный сѣвооборотъ, конечно, еще въ большей степени препятствовали развитію земледѣлія. Каждую минуту, во время самыхъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, крестьянина могли потребовать на барщину. Не успѣлъ онъ хоть сколько нибудь освободиться отъ обязательныхъ работъ на господина, на него наваливались новыя тяжести въ видѣ натуральной дорожной повинности, подводной повинности—особенно при транспортировкѣ войскъ. Когда выросталъ на полѣ хлѣбъ или овощи, крестьянинъ былъ лишенъ почти всякой возможности обезопасить его отъ господской дичи, голубей, кроликовъ. Право охоты принадлежало исключительно дворянамъ; дворянство также имѣло исключительное право держать стада кроликовъ, голубятни и широко пользовалось этимъ правомъ. Содержать этихъ животныхъ и птицъ должны были крестьяне, предоставляя имъ, конечно, недобровольно, опустошать свои поля. Иногда крестьянъ прямо обязывали сѣять только такія растенія, которыя любитъ дичь. Особые надсмотрщики за дичью имѣли право застрѣлить каждаго, кто бы осмѣлился убить кролика или зайца. Тэнъ находитъ страннымъ, что по мѣрѣ того, какъ «смягчались нравы», какъ «возрастало просвѣщеніе», возрастало также и варварство въ постановкѣ охоты. Но охота служила для дворянства настолько же потѣхой, насколько и средствомъ эксплоатаціи. «Смягченіе нравовъ» проявлялось только въ отношеніяхъ господъ между собой и къ финансистамъ. Что же касается охоты, то дворянство все болѣе и болѣе размножало дичь, и приэтомъ нерѣдко — самую вредную: въ Клермонтѣ, въ имѣніяхъ принца Конде воспитывались и заботливо выкармливались молодые волки, зимой ихъ выпускали на волю и охотились на нихъ.

Однимъ изъ регламентовъ 1762 года запрещено было ограживать крестьянскія угодья во всѣхъ королевскихъ охотничьихъ раіонахъ, чтобы дичь могла безпрепятственно разгуливать по полямъ и огородамъ; запрещено также было всѣмъ, не исключая и хозяевъ, ходить по полямъ съ 1 мая по 24 іюня, чтобы не тревожить куропатокъ во время высиживанія яицъ. Пусть сорныя травы за это время совершенно заглушатъ культурныя растенія—это пустяки! Еще въ 1789 году, когда возстаніе противъ феодальной системы было уже въ полномъ ходу, въ одной только мѣстности королевскаго раіона, Фонтенбло, было вновь насажено 108 рощъ для зайцевъ и куропатокъ, несмотря на всѣ протесты заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Но революціонная борьб… парижскаго мелкаго мѣщан… его, не прошла для него … женная имъ въ революціи… тическую зрѣлость, котор…

Между тѣмъ какъ … ная и городская бюр… ный слой населенія … отчасти свободны о… они всей своей стр… масса которыхъ б… крестьянина 70 … крестьянинъ пла… логовъ 50 проце… преимуществен… въ ополченіе … свободно отъ … боду отъ пода… сти этотъ «… несло его … обязанно… Упрекъ, … однихъ … *шенно* … рожн… же … ніи … бо… со… г…

… зику, … въ … плохо. … ательн… въ вот… … отд… … вино … … аніи с… … была … … въ самомъ … … поборы— … … аться. … … сумму. … … И какъ … … ! Но … … ать, такъ … … въ реестр… … Revolu… … личныхъ ф… … заграждения въ … … каплей въ … … въ высшей с… … удавалось … … держать ее … … самое большее … … употребляли … … увеличеніе дохода … … повышеніе поборовъ.

карт… , … прещалась. … отъ трехпольно… … чайно затруднено. С…

пинства крестьянъ жалкое состояніе хозяйства было
ъ результатомъ необходимости: лишь немногимъ
сколотить и припрятать незначительную сумму
шни не удобрялись, почва быстро истощалась; не-
е чаще и чаще посѣщали страну. О запасахъ, ко-
было и рѣчи: выпадалъ неурожайный годъ и на-
ачинался неизбѣжный голодъ. Для многихъ въ такихъ
дальнѣйшее веденіе хозяйства становилось невоз-
Земледѣльцы оставляли родину, и деревни все
болѣе пустѣли. Уже въ 1750 году Кенэ говорилъ,
ерть земли, годной къ земледѣлію, остается заброшен-
осредственно передъ революціей Артуръ Юнгъ сооб-
го запущена *треть* пахотной земли (болѣе 6 милліо-
таровъ!). По сообщеніямъ Реннскаго сельско-хозяй-
о общества въ Бретани пустовало въ это время *дес*
всей пахатной земли.

несмотря на то, что число земледѣльцевъ умень-
, общая сумма налоговъ быстро увеличивалась, которые та-
бразомъ, распредѣлялись между все меньшимъ и меньшимъ
ъ душъ. Неудивительно, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ
стяхъ все населеніе грозило разбѣжаться. Но куда? Эмигра-
границу была тогда для крестьянъ почти невозможной; земле-
ы направлялись въ города въ качествѣ поденьщиковъ, но здѣсь
наталкивались на феодальныя стѣсненія, на цеховыя моно-
, которыя становились тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ быстрѣе
превращеніе земледѣльческаго населенія въ пролетаріатъ;
переполняли свободныя отъ цеховыхъ стѣсненій предмѣстья
лѣе всего способствовали образованію той толпы, которая
ь быстро зрѣла для санкюлотства. Многіе вербовались въ
ю, но большинство опускалось до положенія голытьбы,
сть имущіе тогда, какъ теперь, воображали, что не-
ніе опредѣленнаго мѣста жительства, отсутствіе опредѣ-
ныхъ занятій излечиваются наказаніемъ «провинившихся».
хотя ордонансъ 1764 г. опредѣлилъ за нищенство, даже
простое отсутствіе опредѣленныхъ занятій, наказывать трех-
тними работами на галерахъ,—всетаки въ 1777 году на-
итывали 1.200,000 нищихъ [1]). Намъ неизвѣстно, откуда
ято это именно число, но даже если оно выражаетъ только
ростую догадку, то тѣмъ не менѣе показываетъ, до какихъ
трашныхъ размѣровъ развилось нищенство въ странѣ [2]). Но

[1]) Louis Blanc. La Revolution. 149.

[2]) Ср. «Капиталъ» т. I гл. VIII стр. 47. О пролетаріатѣ во Франціи передъ революціей; Н. Карѣевъ: «Крест. и крест. вопросъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ» М. 1879 г.

люди болѣе сильные, люди съ болѣе смѣлымъ характеромъ презирали нищенство, на долю котораго доставалась только безъисходная нужда и позоръ. Они собирались въ вооруженныя шайки и силой забирали все, въ чемъ нуждались. Разбои стали страшной и неизлѣчимой язвой страны.

Но и среди крестьянъ, еще «крѣпкихъ землѣ», все болѣе и болѣе развивался духъ возмущенія. Правительственные чиновники и феодалы все чаще и чаще наталкивались на сопротивленіе. Эти разрозненныя, спорадическія волненія подавлялись однако безъ всякаго труда. Но послѣ того, какъ неурожай, страшно суровая зима [1]) и, наконецъ, выборы депутатовъ въ генеральные штаты довели волненіе умовъ до самой высшей степени, взятіе Бастиліи объединило недовольныхъ. И когда въ знаменитую августовскую ночь всѣ отказывались отъ привиллегій,—уже отказывались отъ того, что, на самомъ дѣлѣ, перестало существовать.

К. Каутскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Градъ и засуха сильно подорвали доходъ земледѣльческаго хозяйства въ 1788 году; въ концѣ декабря этого года температура въ Парижѣ понизилась до 18⅝° R; въ одномъ только Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ насчитывали тогда 30,000 чел., нуждающихся въ помощи.

Памфлетъ на русскую литературу.

«A. History of Russian Literature, *by K Waliszewski. London 1900. W. Heinemann*».

ПРИСКОРБНОЕ впечатлѣніе производитъ эта „Исторія“ на русскаго читателя... Случалось вамъ видѣть плохую ремесленную фотографію съ близкой и дорогой вамъ особы? Предъ вами знакомыя черты лица: кажется, и глаза и носъ и губы—все на мѣстѣ, а между тѣмъ требуется извѣстное напряженіе, чтобы признать сходство между фотографіей и живой личностью. Ремесленная фотографія, схвативъ внѣшній обликъ, не въ состояніи была передать того дуновенія жизни, которое освѣщаетъ лицо и дѣлаетъ его дорогимъ для васъ. Эта параллель невольно пришла на мысль намъ при чтеніи труда г. Валишевскаго. Предъ нами мелькаютъ знакомыя даты, знакомыя имена, но напрасно мы будемъ искать въ книгѣ г. Валишевскаго того дуновенія жизни, которое дается лишь глубокимъ безпристрастнымъ изученіемъ и любовью къ изображаемому предмету; напрасно вы будете отыскивать въ ней объясненіе могущественнаго вліянія, оказаннаго въ послѣдніе годы русской литературой на европейскія литературы; напрасно вы будете доискиваться:—что новаго внесла въ сокровищницу всемірной литературы Россія, въ чемъ отличительныя, характерныя черты русской литературы? Г. Валишевскій не дастъ вамъ отвѣта на эти интересные вопросы. Самое большее, что онъ сможетъ дать, это—кое-какіе факты и даты. Но и съ этими данными нужно обращаться очень осторожно и не особенно довѣрять аккуратности автора, такъ какъ его „Исторія“ не отличается даже той трудолюбивой точностью, которая можетъ сдѣ-

лать книгу, при всѣхъ ея недостаткахъ, полезнымъ справочнымъ пособіемъ.

Мы не будемъ останавливаться на первыхъ главахъ книги, такъ какъ въ нихъ авторъ задался совершенно неисполнимой задачей: на пространствѣ 150 маленькихъ страницъ изложить исторію русской литературы отъ... „The Dawn of Christianity“ до.... Пушкина включительно! О какой нибудь оригинальности въ этихъ главахъ книги нечего и говорить: это просто очень сжатый, въ высокой степени небрежный и неточный пересказъ капитальной работы г. Пыпина.

Неаккуратность г. Валишевскаго часто принимаетъ комическіе размѣры. Говоря напр. о журналахъ, издававшихся въ 1794—99 гг. Карамзинымъ („Аглая и Аониды“), онъ считаетъ нужнымъ „съ ученымъ видомъ знатока“ прибавить: „Въ нихъ Пушкинъ помѣщалъ свои юношескія произведенія“. Какимъ образомъ Пушкинъ, родившійся въ 1799 г., могъ сотрудничать въ этихъ журналахъ, остается тайной автора. (Очевидно, онъ смѣшалъ В. Л. Пушкина съ А. С. Пушкинымъ). Подобными же курьезами кишитъ вся работа г. Валишевскаго: онъ очень любитъ вводить въ изложеніе различныя мелочныя подробности съ цѣлью показать, что онъ чувствуетъ себя въ области русской литературы „какъ у себя дома“, и почти всегда именно эти подробности обнаруживаютъ глубокое невѣжество автора.

Да и вообще Пушкину не повезло въ работѣ г. Валишевскаго. Какъ напр. вы думаете объясняетъ г. Валишевскій ссылку (1820) Пушкина? Пушкинъ написалъ въ юности скабрезную поэму „Гавріліада» (которую г. Валишевскій почему-то называетъ „Sabriélid), и вотъ она-то, по мнѣнію г. Валишевскаго, и послужила главной причиной ссылки Пушкина. „Какъ его біографы ни стараются замаскировать этотъ фактъ,—пишетъ г. Валишевскій,—но несомнѣнно, что немилость къ Пушкину въ 1820 г. была въ значительной степени связана съ „Гавріліадой“. Къ сожалѣнію, г. Валишевскій не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпнулъ этотъ любопытный фактъ.

Больше того,—восторгъ, вызванный среди русской публики юношескими стихами Пушкина, приписывается г. Валишевскимъ все той-же „Гавріліадѣ“, ибо „русскіе современники Пушкина были склонны смѣшивать свободу съ распущенностью“. Это говорится о русскомъ обществѣ въ концѣ царствованія Александра I!

Оппозиціонное настроеніе Пушкина въ періодъ ссылки г. Валишевскій приписываетъ... Но мнѣ положительно стыдно цитировать г. Валишевскаго! Пушкинъ, по его словамъ, „былъ готовъ въ это время перевернуть вверхъ дномъ весь міръ, потому что его ссылкѣ предшествовало *тѣлесное наказаніе* (!!), причемъ распространившіеся въ публикѣ слухи о наказаніи, *болѣе чѣмъ само наказаніе*, приводили его въ бѣшенство!“ Вотъ въ какомъ свѣтѣ выставляетъ г. Валишевскій поэта, котораго толки о якобы понесенномъ имъ тѣлесномъ наказаніи возмущали, по его словамъ, болѣе чѣмъ само наказаніе, которому его подвергъ добросовѣстный „историкъ“ русской литературы.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что г. Валишевскій негодуетъ на часто проводимую параллель между Байрономъ и Пушкинымъ. „Байронъ никогда не былъ ни [illegible] ни игрокомъ“,—говоритъ г. Валишевскій, намекая на то, что у Пушкина было нѣсколько дуэлей и что онъ въ молодости былъ любителемъ картежной игры.

Трагическая судьба Пушкина, задыхавшагося подъ [illegible] Бенкендорфа, обязаннаго посылать каждую написанную [illegible] на просмотръ высочайшему цензору, ненавидимаго [illegible] аристократіей и убитаго рукой чужеземца,—судьба эта [illegible] не трогаетъ г. Валишевскаго. Говоря о смерти Пушкина, г. Валишевскій замѣчаетъ: „этотъ трагическій конецъ [illegible] Россію великаго поэта“.

Насколько несправедливы отзывы автора о [illegible] Пушкина, настолько же несправедливы и пристрастны [illegible] произведеніяхъ Пушкина, которыхъ мы не будемъ [illegible] и которые всѣ сводятся къ тому, что Пушкинъ, [illegible] блестящій версификаторъ, „граціозный“ [illegible] ный оригинальности. Въ другомъ мѣстѣ [illegible] г. Валишевскій именуетъ Пушкина... „патріотомъ дикой силы“ [illegible] brutality)!

Вообще, вся глава, посвященная Пушкину въ [illegible] г. Валишевскаго, дышетъ желаніемъ развѣнчать [illegible] не понимаешь: почему? и, лишь вспомнивъ, что г. Валишевскій — полякъ, а Пушкинъ, къ несчастью, авторъ [illegible] никамъ Россіи“ (являющагося въ сущности [illegible] домъ въ его поэтической карьерѣ), начинаемъ [illegible] холодности г. Валишевскаго къ Пушкину. [illegible] г. Валишевскій счелъ „Исторію русской [illegible] удобнымъ мѣстомъ для сведенія національныхъ [illegible] комъ случаѣ англійскій читатель, ознакомившійся съ Пушкинымъ лишь по „Исторіи“ г. Валишевскаго, вѣроятно, будетъ [illegible] недоумѣвать: почему Россія съ такимъ [illegible] вала 100-лѣтній юбилей рожденія Пушкина [illegible] „бреттеру и картежнику“ Россія воздвигла памятникъ?

Не менѣе суровы приговоры г. Валишевскаго [illegible] свѣтилахъ русской литературы. Вотъ напр. его [illegible] ной комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“, стихи [illegible] лись въ пословицы: „комедію эту,—говоритъ г. Валишевскій,—я считаю немыслимой для исполненія на сценѣ, [illegible] даже читается съ трудомъ“

О другой великой русской комедіи, о „Ревизорѣ“ г. Валишевскій говоритъ: „Съ чисто артистической точки зрѣнія „Ревизоръ“ не обладаетъ большими достоинствами и [illegible] *оригиналенъ*“. Что-же касается „Мертвыхъ душъ“,—[illegible] самыхъ оригинальныхъ произведеній русской литературы,—то оно, по мнѣнію г. Валишевскаго, лишь подражаніе... Сервантесу и Диккенсу! Г. Валишевскаго нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Шинель“ появились въ началѣ 30-хъ годовъ

(„Ревизоръ“ въ 1836), а первое юношеское произведеніе Диккенса было напечатано лишь въ 1834 г. (въ „Old Monthly Magazine“), т. е. когда Гоголь былъ въ расцвѣтѣ таланта и когда онъ уже успѣлъ обнаружить тѣ отличительныя черты своего великаго таланта, которыя сдѣлали его родоначальникомъ русскаго реалистическаго романа.

Болѣе близкій нашему времени драматургъ, Островскій, также не вызываетъ особенной симпатіи г. Валишевскаго. Вотъ его отзывъ о пьесахъ Островскаго: „Произведенія Островскаго не даютъ публикѣ ничего, надъ чѣмъ можно было бы посмѣяться или поплакать“. Что же касается оригинальности Островскаго, то... идутъ указанія на Чиккони, Гольдони, Лери и т. п., о которыхъ, вѣроятно, Островскому и не снилось, когда онъ живописалъ „жестокіе нравы“ Замоскворѣчья.

Казалось бы, Тургеневъ, пользующійся всемірной извѣстностью, долженъ обладать оригинальностью. Но, увы! Его „Записки Охотника“ напр.: „Въ этомъ произведеніи нѣтъ ничего оригинальнаго“—съ развязностью заявляетъ г. Валишевскій и указываетъ на Жоржъ-Зандъ и Ауэрбаха, какъ на образцы, у которыхъ Тургеневъ заимствовалъ концепцію „Записокъ Охотника“. Далѣе, г. Валишевскій находитъ, что Тургеневу въ его знаменитыхъ романахъ не удалось даже изобразить „характерныя черты его современниковъ“. Дальше этого критическая самоувѣренность, кажется, уже не можетъ идти. Объ оригинальности Тургенева, конечно, не можетъ быть и рѣчи. „Работа Тургенева, какъ артиста, цѣликомъ, какъ правило (as a rule), покоится на подражаніи великимъ англійскимъ романистамъ Теккерею и Диккенсу“. Главное достоинство Тургенева опять таки заключается въ *стилѣ*. Хорошій стилистъ и больше ничего! Значеніе его, какъ писателя, г. Валишевскій суммируетъ такъ: „Произведенія Тургенева не обнимаютъ ни историческихъ моментовъ, ни великихъ событій современной жизни, болѣе того, въ нихъ вы не найдете даже изображеній какого либо общаго, понятнаго всѣмъ характера, которыя бы остались на долго“. (Насколько внимательно этотъ суровый критикъ читалъ Тургенева, можно судить по тому, что Елена Тургеневскаго „Наканунѣ“ фигурируетъ въ его „Исторіи“, какъ *кузина* болгарина Инсарова!). Словомъ, англійскому читателю опять остается недоумѣвать: почему этотъ подражательный писатель пріобрѣлъ всемірную славу? Изъ этого затрудненія его, впрочемъ, выведетъ полное собраніе сочиненій Тургенева, появившееся недавно въ художественномъ переводѣ г-жи Гарнеттъ.

Но вотъ Достоевскій. Кажется, ужъ онъ-то оригинальный писатель. Увы, онъ подражатель... Диккенсу, Евгенію Сю и неизбѣжной Жоржъ-Зандъ. Въ своей маніи отыскивать въ русскихъ писателяхъ подражателей г. Валишевскій доходитъ до смѣшного. Напр. герой романа „Бѣсовъ“ Ставрогинъ, по мнѣнію г. Валишевскаго, представляетъ изъ себя и загадочную и малопонятную фигуру, сильно окрашенную романтизмомъ; черты его характера, кажется, заимствованы авторомъ отовсюду: изъ „Корсара“ Бай-

рона, изъ „Эрнани“ В. Гюго, изъ аристократическихъ демагоговъ Жоржъ-Занда, Евгенія Сю, Карла Гуцкова и Шпильгагена“... Что же касается таланта Достоевскаго, то „вы не найдете мастерства въ произведеніяхъ Достоевскаго. Ничего деликатнаго и высокозаконченнаго не вышло изъ-подъ его пера“. Мы не приводимъ отдѣльныхъ отзывовъ г. Валишевскаго о произведеніяхъ Достоевскаго, о которыхъ онъ (за исключеніемъ „Братьевъ Карамазовыхъ“) отзывается очень сурово. Тѣмъ неожиданнѣе внезапный отзывъ его въ концѣ главы: „Достоевскій былъ великій писатель“. Читатель, послѣ вышеприведенной характеристики, вправѣ спросить: въ чемъ же его величіе? Курьезнѣе всего, что этотъ подражатель Жоржъ-Зандъ, Сю, В. Гюго создалъ школу именно во Франціи (романисты Бурже, П. Маргеритъ и Э. Родъ, по признанію французскаго критика, находились подъ вліяніемъ Достоевскаго).

Съ наибольшей снисходительностью отнесся Валишевскій къ Толстому и еслибы не его неприличное обращеніе къ самому Толстому, въ которомъ онъ уговариваетъ его бросить философію и заняться беллетристикой, то мы-бы назвали эту главу лучшей въ книгѣ Валишевскаго. Впрочемъ, читатели глубоко ошибутся, если подумаютъ, что Толстой оригинальный писатель. Онъ подражатель Жоржъ-Зандъ и... Жанъ-Жака Руссо...

Впрочемъ, довольно, кажется. Почти половина книги г. Валишевскаго посвящена вопросу объ оригинальности русскихъ писателей, и въ погонѣ за этой неблагодарной цѣлью онъ пропустилъ такихъ крупныхъ писателей, какъ Глѣбъ Успенскій и Златовратскій. Вообще о народникахъ и народничествѣ въ русской литературѣ въ книгѣ г. Валишевскаго почти нѣтъ никакихъ указаній. Зато г. Валишевскій рекомендуетъ англійской публикѣ своихъ друзей: г. Онѣгина (автора нѣсколькихъ библіографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ), какого-то подающаго большія надежды г. Щукина (?) и... г. Скальковскаго, который, по словамъ г. Валишевскаго, пользуется большимъ уваженіемъ среди русской читающей публики... Г. Скальковскій извѣстенъ, даже слишкомъ извѣстенъ какъ сотрудникъ „Новаго Времени“, авторъ скабрезной книги „О женщинѣ“, пикантныхъ изслѣдованій о балетѣ, но сказать о немъ, что онъ пользуется большимъ уваженіемъ русской публики, едва-ли возможно.

Приведемъ еще одинъ образчикъ безбрежнаго невѣжества г. Валишевскаго. Дѣло идетъ о русскихъ литературно-общественныхъ теченіяхъ 70—90-хъ годовъ. Вотъ какъ живописуетъ ихъ г. Валишевскій: „Послѣ 1871 г. образовалась новая группа радикальныхъ диссидентовъ, принявшихъ въ руководство ученіе Карла Маркса“ (Это въ 70-хъ то годахъ!). Группа эта, по увѣренію г. Валишевскаго, пользовалась большимъ вліяніемъ вплоть до 1881 г., вслѣдъ затѣмъ наступила реакція и апатія. Изъ этой апатіи вывелъ русское общество „недородъ“ и дѣятельность Л. Н. Толстого. Началось оживленіе, выразившееся полемикой редактора журнала „Русское Богатство“ г. Воронцова (?), Пыпина и... Вл. Соловьева“... „Образовались новыя группы: „новыхъ

коллективистовъ“ подъ предводительствомъ г. Воронцова, „индивидуалистовъ“ школы Маркса и Энгельса и „индивидуалистовъ“ школы В. С. Соловьева“... Какъ вамъ нравится, читатель, эта „Исторія“ 70—90-хъ годовъ?

И вотъ человѣкъ, вооруженный такими знаніями, берется за „Исторію русской литературы“. Помимо невѣжества и недобросовѣстности, г. Валишевскій внесъ въ свою „Исторію“ громадный запасъ національной нетерпимости и шовинистскаго задора. Мы вполнѣ понимаемъ патріотическія чувства г. Валишевскаго и, пожалуй, даже отнеслись бы къ нимъ съ извѣстнымъ сочувствіемъ, если бы онъ для проявленія ихъ избралъ другое поле, а не исторію русской литературы, вовсе неповинной въ лицѣ ея лучшихъ представителей въ патріотической скорби автора. Въ настоящемъ случаѣ книга является злостнымъ политическимъ памфлетомъ, а не добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ: русской литературѣ она не повредитъ, а имени ея автора можетъ повредить въ значительной степени.

В. Б—скій.

Страницы прошлаго.

Къ вопросу о [illegible]

все еще [illegible] жалѣнію, такой [illegible] о безпристрастіи [illegible] ный трудъ о жизни и [illegible] г. Барсукова [illegible] исторія его [illegible] ныхъ въ ней [illegible] литературныхъ [illegible].

Не будемъ [illegible] ской исторіографіи [illegible] среди неспеціалистовъ [illegible] образомъ, какъ [illegible] Погодинъ былъ ученый стараго московскаго типа, [illegible] запасомъ знаній, съ усидчивостью, трудолюбіемъ и [illegible] въ отстаиваніи даже своихъ заблужденій. Онъ не [illegible] къ широкимъ обобщеніямъ и не далъ ни одного [illegible] мыслу и исполненію труда. Притомъ, въ своихъ [illegible] Погодинъ вводилъ извѣстнаго рода офиціальность, [illegible] зумѣется, шла вразрѣзъ съ задачами [illegible] Одною изъ заслугъ Погодина считается то, что [illegible]

огромное собраніе очень важныхъ и цѣнныхъ рукописей, поступившее затѣмъ въ публичную библіотеку. При тогдашней косности ученыхъ и вандализмѣ различнаго рода учрежденій, гдѣ случайно обрѣтались эти рукописи, эта заслуга предъ потомствомъ немаловажна, но Погодинъ воспріялъ уже при жизни благодарность за этотъ трудъ въ видѣ солидной суммы денегъ, за которую онъ уступилъ свое собраніе правительству.

Другой заслугой Погодина выставляется его „служеніе зарубежному славянству", какъ сказано въ одной изъ юбилейныхъ статей. Справедливость однако заставляетъ умалить и эту его заслугу. Симпатичную окраску славянофильство пріобрѣло съ выступленіемъ на сцену „молодой редакціи" „Москвитянина", именно тогда, когда Погодинъ фактически отстранился отъ своего журнала. Погодинъ, можно сказать, даже чуждъ того славянофильства, которое сопровождалось гоненіями на его современниковъ; его славянофильство гораздо ближе къ позднѣйшему теченію, принявшему это имя,—тому теченію, принадлежность къ которому является оффиціальнымъ признакомъ полной благонамѣренности.

Прилагаемый портретъ Погодина изображаетъ его въ послѣдніе годы жизни. Черствое старческое лицо довольно вѣрно отражаетъ характеръ этого человѣка, какъ представляютъ послѣдній свидѣтельства современниковъ.

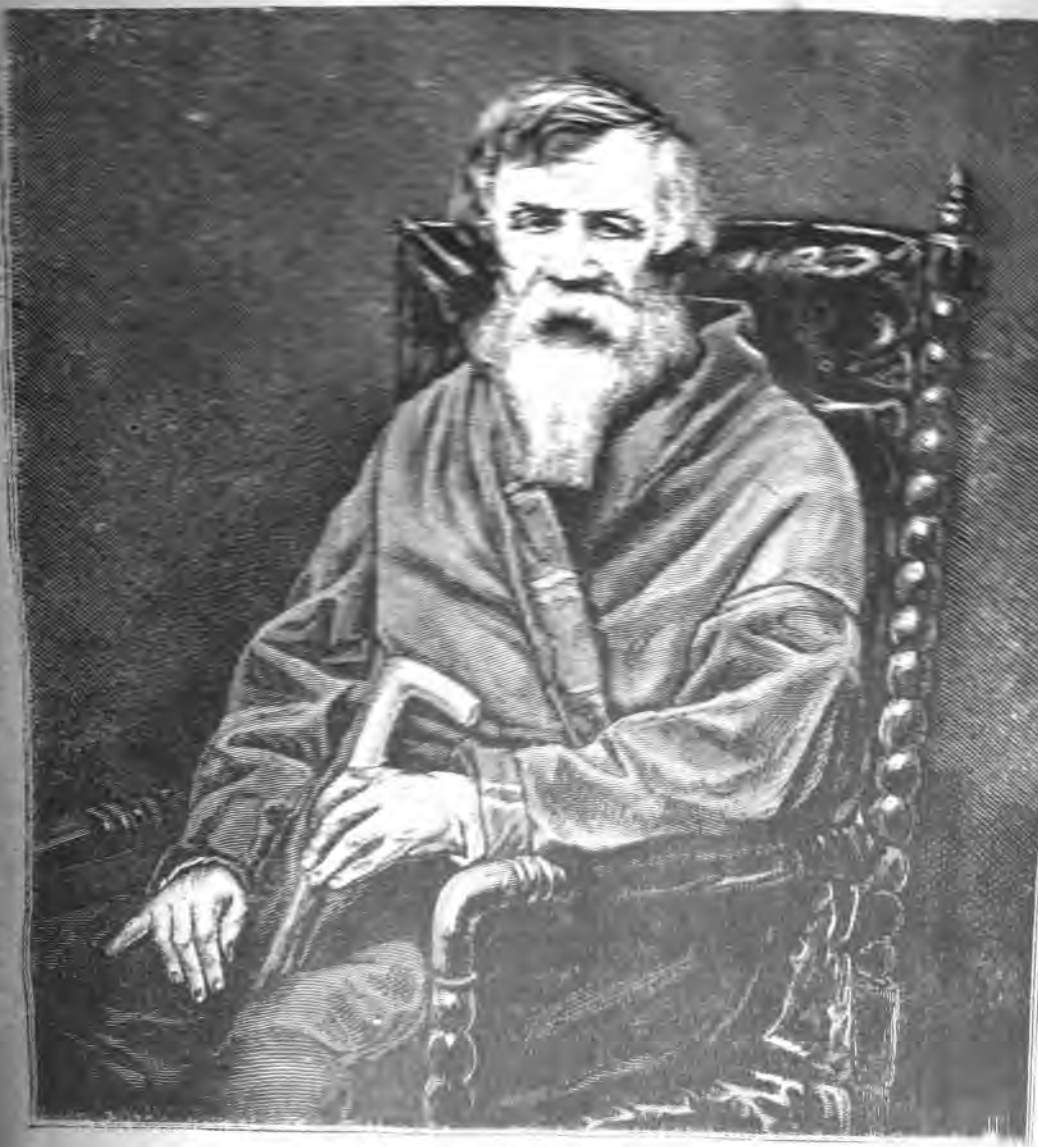
Курьезы административныхъ архивовъ.

Архивы различныхъ административныхъ учрежденій—губернскихъ правленій, управленій областныхъ и т. п., неисчерпаемый источникъ любопытнѣйшихъ документовъ, живо характеризующихъ прошлое мѣстнаго общества, нравы бюрократіи, административные навыки и пріемы и т. п., вслѣдствіе чего особенно жаль, что эта богатая историческая нива не находитъ „дѣлателей" и что вопросъ объ упорядоченіи мѣстныхъ архивовъ далекъ у насъ отъ правильной постановки.

Здѣсь мы приведемъ нѣсколько курьезовъ, проникшихъ случайно въ провинціальную печать и подтверждающихъ вышесказанное.

Прошеніе чиновника 8 класса.

Разбираясь, напр., въ дѣлахъ архива мѣстнаго управленія калмыцкимъ народомъ г. Иванову (Астрахань) пришлось натолкнуться на «дѣло», озаглавленное «объ увольненіи чиновника 8-го класса Дубасова отъ должности попечителя Большедербетовскаго улуса». По первому взгляду, заглавіе, ничего особеннаго не сулящее. Ну что въ томъ, что «дѣло объ увольненіи»? Мало-ли увольнялось и увольняется чиновниковъ не только 8 класса, а и выше? Словомъ, заглавіе самое ординарное. Однако, при перелистываніи дѣла объ увольненіи Дубасова выяснилось, что какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію, встрѣчаются въ этомъ дѣлѣ прелюбопытнѣйшія особенности. Чтобы судить о всей прелести



М. П. ПОГОДИНЪ.

Къ столѣтію со дня рожденія.

этого любопытнаго «историческаго документа» мы приведемъ его цѣликомъ.

«Его высокопревосходительство господинъ м-ръ внутр. дѣлъ прошлаго 1835 г. іюля 25-го числа, на основаніи Высочайше утвержденнаго, въ 24 день ноября 1834 г. штата объ управленіи калмыцкимъ народомъ, который находится подъ высшимъ управленіемъ вашего превосходительства, назначилъ меня на службу въ оной; согласно воли господина министра, департаментъ полиціи исполнительной отправилъ меня въ августѣ м-цѣ въ Астрахань и велѣлъ явиться къ вашему превосходительству, куда я прибылъ 23 ноября, и за отсутствіемъ вашимъ явился къ господину управляющему губерніею и въ астраханскую комиссію калмыцкихъ дѣлъ, которая зачислила меня въ свое вѣдомство впредь до приведенія вышеупомянутаго штата въ дѣйствіе. — Между тѣмъ того жъ года 29 декабря, назначила меня къ исправленію временно должности пристава большедербетовскаго улуса, въ которой я прибылъ 31 генваря сего года и вступилъ *поверхностно* въ Управленіе дѣлами, до коль коллегскій регистраторъ Дидакторовъ не сдастъ мнѣ свою обязанность на законномъ основаніи. — Минувшаго марта 26 числа за № 90, имѣлъ я счастіе въ ходить съ представленіемъ къ вашему превосходительству о увольненіи меня по разнымъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ, какъ по службѣ, такъ и по домашнимъ, но не удостоился получить отъ вашего превосходительства разрѣшенія. — По чему нынѣ осмѣливаюсь вторительно прибѣгнуть къ высокой особѣ вашего превосходительства съ нижайшей просьбою, какъ къ начальнику и отцу подчиненныхъ, *окажите ваше человѣколюбіе и милосердіе мнѣ несчастному увольте меня отъ сей обязанности,* ибо я не въ силахъ болѣе продолжать службы по нижеизъясненнымъ придчинамъ: 1-е *нахожусь въ преклонныхъ лѣтахъ,* и въ продолженіи 34-лѣтней дѣйствительной службы моей *лишился отъ письменныхъ дѣлъ зрѣнія глазъ,* а *отъ бывшей ногтоѣдной боли на большомъ пальцѣ правой руки,* съ трудомъ могу писать [1]). 2-е Былъ комиссіонеромъ 18 лѣтъ, развозилъ денежную сумму въ комиссіи и комиссаріатства провіантскіе и комиссаріатскія, такъ же разнымъ лицамъ коей доставилъ: ассигнаціями безъ малаго 38 милліоновъ: золотомъ 576 т. червонныхъ и серебромъ 581 т. рублей, съ коею объѣздилъ 170 т. в. отъ чего потерялъ здоровье; 3-е. Должность пристава большедербетовскаго улуса весьма обширна, которую я исполняю съ большимъ трудомъ одинъ безъ писаря и наконецъ 4-е, Дабы безъ винно не подпасть подъ отвѣтственность за упущеніе должности, *что крайне вынуждаетъ меня оставить службу.*

Ваше Превосходительство Всемилостивѣйшій Государь, позвольте еще предъ особою вашею объясниться, *можноль служить безъ силъ, не имѣвъ совершенно зрѣнія глазъ и чувствуя душевную болезнь.—Хотя я и посвящалъ себя на службу въ калмыцкой штатъ, но не могъ предвидѣть, что займу должность не соотвѣтствующую*

[1]) Все прошеніе написано прекраснымъ по тогдашнему времени писарскимъ почеркомъ лично просителемъ.

своимъ лѣтамъ, и бывъ въ чинѣ штабъ-офицера сдѣлаюсь писцомъ.— За великое благодѣяніе и счастіе почелъ-бы себѣ служить подъ высокимъ начальствомъ вашимъ, *но никакъ не могу*, на что имѣю честь ожидать отъ Вашего превосходительства милостиваго разрѣшенія». (19 мая 1836 г.).

Этому удивительному въ своемъ родѣ прошенію, въ которомъ самъ чиновникъ признаетъ себя никуда негоднымъ, что большая рѣдкость среди чиновничества, ибо какъ-таки самому отказаться отъ возможности получать жалованье и признавать свою непригодность,—наконецъ вняли, и тогдашній губернаторъ Тимирязевъ сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи Дубасова отъ службы...

Пока шла по этому поводу канцелярская волокита, отъ Дубасова, *черезъ мѣсяцъ времени* послѣ подачи только что цитированнаго прошенія, вдругъ получается новое, еще болѣе поразительное. Дубасовъ писалъ: «Болѣзнь, имѣвшаяся по продолженной службѣ полученная, пользованіями медицинскихъ чиновниковъ, совершенно окончилась къ пользѣ моей и лудчшему здоровью на будущее, а самая должность мною несомая по усердному старанію и неусыпному попеченію о устройствѣ общаго спокойствія въ улусѣ мнѣ подвѣдомомъ приведена гораздо въ лутчее противъ прежняго существованіе, отклоняя дѣйствіемъ своимъ раздоры несогласія между калмыцкими племенами, продолжавшіеся до вступленія моего въ обязанность несомую».

Итакъ, въ мѣсяцъ, совершенно никуда негодный чиновникъ, самъ въ томъ признавшійся, вдругъ обращается и въ зрячаго, и сильнаго, и съ обширными административными способностями!.. Было чему удивляться даже въ мірѣ чиновничества...

Далѣе Дубасовъ въ силу вышеприведенныхъ данныхъ просилъ оставить его на прежней должности.

Начальство уважаетъ и эту просьбу и 16 іюня посылаетъ убасову извѣщеніе о томъ...

Едва успѣлъ получить Дубасовъ это извѣщеніе, какъ черезъ недѣлю, очевидно испугавшись того, что онъ наговорилъ о себѣ во второмъ своемъ прошеніи, шлетъ 3 іюля третье прошеніе и уже окончательно проситъ уволить его. Начальство, уставшее, очевидно, возиться съ г. Дубасовымъ, немедленно, уже безъ всякихъ проволочекъ, исполнило его просьбу и водворило на мѣсто Дубасова какого-то штабсъ-капитана Жеребцова...

Проектъ обезпеченія населенія отъ голода.

Другой курьезъ—документъ извлеченный изъ генералъ-губернаторскаго архива въ Одессѣ, представленный гр. Воронцову въ 1833 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

„Мысль русскаго дворянина, живущаго Слободско-Украинской губерніи въ Валковскомъ уѣздѣ, обезпечить поселянъ въ жизненномъ довольствіи при неурожаяхъ и имѣть способъ къ платежу казенныхъ податей“.

Авторъ проекта, нѣкто Николай Горчаковъ, подробно останавливается на характеристикѣ экономическаго быта населенія

генералъ-губернаторства и, между прочимъ, яркими красками рисуетъ печальныя послѣдствія несправедливостей со стороны волостныхъ чиновниковъ: „вдовы нерѣдко съ многочисленными семействами претерпѣваютъ бѣдствія, не находя никакого способа къ пособію, иногда одна мать имѣетъ до шести и болѣе дѣтей, изъ коихъ старшему нѣтъ десяти лѣтъ,—какое средство къ содержанію ихъ? Что находитъ для себя бѣдный сирота? Лишенный родителей, за кусокъ хлѣба скитается по полямъ, пасетъ стадо въ изорванномъ рубищѣ, безъ пріюту, безъ призору въ нравственности, проведя юныя лѣта развращается, и тогда волостной чиновникъ, составивъ сходку, дѣлаетъ рѣшительный приговоръ отдачи въ рекруты и защищаетъ очередь богатаго, весьма часто пользуясь слабостью, нанимаетъ за свое семейство или своего родного, всегда ли услышенъ гласъ притѣсненнаго? Приговоръ написанъ—какая надобность и если (есть-ли) когда входить кому въ разбирательство справедливъ ли онъ?“ Авторъ предвидитъ возраженіе, что сельскія власти подчинены контролю, что въ каждомъ уѣздѣ есть стряпчій, исправникъ; но, занимая должность уѣзднаго судьи, авторъ самъ видѣлъ, что этого контроля недостаточно. Стряпчіе сами злоупотребляютъ своей властью; нужды нѣтъ, что въ одномъ уѣздѣ стряпчій былъ преданъ суду за разныя злоупотребленія и устраненъ отъ должности: должность была нужна ему прежде, когда онъ не имѣлъ никакого состоянія, „но когда теперь съ ста двадцати рублей годового жалованья, собралъ недвижимаго имѣнія тысячъ на двадцать и, кромѣ того, капиталъ,—то пойдетъ ли онъ стряпчимъ: сволоча богатство и его состоянію (?), когда мѣсто свое передалъ мужу своей дочери“. Что касается исправника, то у него столько занятій, что врядъ ли онъ можетъ обратить должное вниманіе на положеніе крестьянъ.

Очевидно, дѣятельность исправника авторъ, при всей своей прямотѣ, считалъ неудобнымъ критиковать въ запискѣ, поданной начальнику края.

Молебствіе о нерѣшенныхъ дѣлахъ.

Любопытенъ документъ изъ не-очень глубокой старины опубликованный въ „Олонец. Губ. Вѣд.“. Это сообщеніе о благодарственномъ молебствіи по распоряженію губернатора по случаю... *уменьшенія нерѣшенныхъ дѣлъ.*

„По случаю уменьшенія по сему правленію дѣлъ до крайней возможности и бумагъ, почти не остающихся уже въ нерѣшеніи, такъ что не только каждый мѣсяйъ, но и каждая недѣля сама себя очищаетъ,—его превосходительство считаетъ первымъ долгомъ, за таковый примѣрный успѣхъ, воздать благодареніе Господу Богу. А чтобъ сіе могло быть совершено на самомъ мѣстѣ ежедневной, постоянной дѣятельности нашей и въ совокупномъ присутствіи его превосходительства сотрудниковъ, то его превосходительство предлагаетъ отправить молебствіе въ самомъ правленіи.“ Между тѣмъ, какъ олонецкое губернское правленіе, чрезъ примѣрную дѣятельность, достигло возможности посвящать (чего до-

селѣ, за множествомъ дѣлъ, нельзя было сдѣлать) свободный часъ (по предписанію устава благочинія, статьи 55 и указа 1724, генваря 20) для чтенія законовъ, то его превосходительство предлагаетъ таковое чтеніе открыть первоначально тотчасъ послѣ молебствія".

Молебствіе было совершено въ соборѣ, а затѣмъ совѣтникъ Глинка прочиталъ „вступленіе къ чтенію законовъ" и секретарь— „изъ устава управы благочинія 55 статью, указъ 1724 г., апрѣля 17 дня, и изъ генеральнаго регламента главы 2, 25 и 54".

Два литературныхъ документа.

Первый изъ этихъ документовъ напечатанъ въ „Новомъ Обозрѣніи"—это письмо Д. И. Писарева къ И. С. Тургеневу. Принадлежитъ письмо г. Н. Макарову, а къ нему перешло отъ лица, близкаго къ И. С. Тургеневу. Письмо имѣетъ несомнѣнный литературный интересъ. Помѣчено оно 18 (30) мая, 1867 года. Первыя строки—личнаго характера. Далѣе читаемъ:

„Буду говорить теперь о вашей послѣдней повѣсти. Вы спрашиваете: какое впечатлѣніе произвелъ „Дымъ" на меня и на мой кружокъ? Вы, вѣроятно, удивитесь, если я вамъ скажу, во-первыхъ, что у меня нѣтъ кружка. Я никого не вижу и не знаю изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ и называютъ моими послѣдователями. Даже о существованіи такихъ людей я знаю только потому, что о нихъ не разъ говорили печатно мои противники. Въ томъ журналѣ, въ которомъ я работалъ прежде, и въ томъ, въ которомъ работаю теперь, есть сотрудники, которыхъ я уважаю, и которыхъ мнѣніями я дорожу,—но эти люди разбросаны по разнымъ концамъ Россіи и Европы, и почти ни съ кѣмъ изъ нихъ я даже не нахожусь въ перепискѣ. Словомъ, я стою одинъ и могу подѣлиться съ вами только моимъ личнымъ мнѣніемъ. Такъ было и прежде. Мое мнѣніе объ „Отцахъ и дѣтяхъ" было также моимъ личнымъ мнѣніемъ, съ которымъ, въ первое время послѣ появленія романа, не соглашался никто изъ моихъ сотрудниковъ.

„Я, по всей вѣроятности, не буду писать о „Дымѣ",—по крайней мѣрѣ, теперь. Не буду по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мнѣ необходимъ нѣкоторый просторъ, чтобы я могъ высказать тѣ мысли, на которыя меня наводитъ ваша повѣсть. А этого простора у меня нѣтъ, потому что на моемъ журналѣ лежитъ рука предварительной цензуры. Во-вторыхъ, я нахожу, что объ васъ надо писать хорошо и увлекательно, или совсѣмъ не писать. А я все это время, уже около полугода, чувствую себя неспособнымъ работать такъ, какъ работалось прежде, въ запертой клѣткѣ. Вся моя нервная система потрясена переходомъ къ свободѣ, и я до сихъ поръ не могу оправиться отъ этого потрясенія. Вы видите сами, какъ нескладно написано это письмо, и какъ дрожитъ моя рука. Я подожду писать о „Дымѣ", пока не буду чувствовать себя спокойнѣе и крѣпче. Но я передамъ вамъ теперь, насколько сумѣю, основныя черты моего взгляда на вашу повѣсть. Изъ этого очерка вы увидите сами, почему мнѣ дѣй-

ствительно необходимъ просторъ. Сцены у Губарева меня нисколько не огорчаютъ и не раздражаютъ. Есть русская пословица: дураковъ въ алтарѣ бьютъ. Вы дѣйствуете по этой пословицѣ, и я съ своей стороны ничего не могу возразить противъ такого образа дѣйствій. Я самъ глубоко ненавижу всѣхъ дураковъ вообще, особенно глубоко ненавижу тѣхъ дураковъ, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками. Далѣе, я вижу и понимаю, что сцены у Губарева составляютъ эпизодъ, пришитый къ повѣсти на живую нитку, вѣроятно для того, чтобы авторъ, направившій всю силу своего удара направо, не потерялъ окончательно равновѣсія и не очутился въ несвойственномъ ему обществѣ красныхъ демократовъ. Что ударъ дѣйствительно падаетъ направо, а не налѣво, на Ратмирова, а не на Губарева,—это поняли даже и сами Ратмировы. При всемъ томъ „Дымъ“ меня рѣшительно не удовлетворяетъ. Онъ представляется мнѣ страннымъ и зловѣщимъ комментаріемъ къ „Отцамъ и дѣтямъ“. У меня шевелится вопросъ вродѣ знаменитаго вопроса: Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?—Мнѣ хочется спросить у васъ: Иванъ Сергѣевичъ, куда вы дѣвали Базарова?—Вы смотрите на явленія русской жизни глазами Литвинова, вы подводите итоги съ его точки зрѣнія, вы его дѣлаете центромъ и героемъ романа, а вѣдь Литвиновъ—это тотъ самый другъ Аркадій Николаевичъ, котораго Базаровъ безуспѣшно просилъ не говорить красиво. Чтобы осмотрѣться и оріентироваться, вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тѣмъ какъ въ вашемъ распоряженіи находится настоящая каланча, которую вы же сами открыли и описали. Что же сдѣлалось съ этою каланчей? Куда она дѣвалась? Почему ея нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ числѣ тѣхъ предметовъ, которые вы описываете съ высоты муравьиной кочки? Неужели же вы думаете, что первый и послѣдній Базаровъ дѣйствительно умеръ въ 1859 году отъ порѣза пальца? Или неужели же онъ, съ 1859 года, успѣлъ переродиться въ Биндасова? Если же онъ живъ и здоровъ, и остается самимъ собою, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, то какимъ же образомъ это случилось, что вы его не замѣтили? Вѣдь это значитъ не замѣтить слона, и не замѣтить его не при первомъ, а при второмъ посѣщеніи кунсткамеры, что оказывается уже совершенно неправдоподобнымъ. А если вы его замѣтили и умышленно устранили его при подведеніи итоговъ, то, разумѣется, вы сами, de propos délibéré, отняли у этихъ итоговъ всякое серьезное значеніе. Не скрою также отъ васъ, что меня удивила и сильно покоробила въ самомъ концѣ „Дыма“ одна глубокофальшивая и неожиданносладкая рулада. Вы, безъ сомнѣнія, поймете, о чемъ я говорю. Это, конечно, мелочь, но я рѣшительно не могу себѣ объяснить, какъ это вамъ удалось написать такую странную фразу. Извините меня: въ отвѣтъ на ваше любезное письмо, я написалъ вамъ нѣсколько такихъ вещей, которыя, пожалуй, можно принять за дерзости. Я не желалъ бы, чтобы вы приняли ихъ такимъ образомъ. Я старался только сказать вамъ искренно и

добросовѣстно то, что я думаю. Если вы можете выслушивать такія мнѣнія безъ раздраженія и безъ огорченія, то знакомство и переписка наши будутъ продолжаться къ нашему обоюдному удовольствію. Si non—non. C'est a prendre ou à laisser..

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга *Д. Писаревъ*".

Таково единственное письмо Д. И. Писарева къ И. С. Тургеневу.

Второй документъ относится къ самому недавнему прошлому и нигдѣ не былъ опубликованъ.

Это привѣтъ умершему недавно „Словцу" неизвѣстнаго автора, въ стихахъ.

„Словцу"
Я совсѣмъ не поэтъ—я читатель
и мечтатель...
Наканунѣ двадцатаго вѣка
Я мечталъ о правахъ человѣка...
Я мечталъ и мечталъ безъ конца.
Мнѣ казалось—дождусь я вѣнца
Для „великаго" нашего вѣка
Всѣхъ священнѣйшихъ правъ
человѣка:
Для печати—свободнаго слова!
Что-жъ оно... не таё... не готово?
Такъ начнете съ другого конца—
со „словца"?
Что-жъ—спасибо на томъ:
Порой быть мудрецомъ гордецомъ
Хуже чѣмъ поразить врага
острымъ словцомъ!
Что-жъ—спасибо на томъ...

Стихотвореніе это подписано иниціалами *„М. В. Г."*

Грузинскій пергаментный манускриптъ 1042 года объ осадѣ Царьграда русскими въ 626 году.

Въ церковный музей грузинскаго экзархата, какъ сообщаетъ г. М. Джанашвили въ газ. „Кавказъ", поступило 16 манускриптовъ изъ тифлисскаго Сіонскаго собора. Изъ числа этихъ манускриптовъ особенно важное значеніе имѣютъ двѣ рукописи на пергаментѣ, изъ коихъ одна—роскошно иллюстрированный синаксарій, переписанный Захаріемъ [1]), грузинскимъ епископомъ *Алашкерта* и *Капизмана*, и другой манускриптъ, появившійся въ свѣтъ по заботамъ знаменитаго грузина-перелагателя Георгія въ 1042 году.

Эта рукопись—громадный сборникъ, состоящій изъ 322 листовъ (начало и конецъ книги утеряны). „Осада и штурмъ великаго и

[1]) Этотъ ученый іерархъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ императора Василія съ царемъ Георгіемъ I-мъ (1014—1027).

святаго града Константинополя *скивами* (*скивъ—скивъ*), *которые суть русскіе*" помѣщена въ послѣдней части сборника (стр. 284—322). Въ этой же статьѣ изложена подробная исторія походовъ императора Ираклія (610—642) въ Персію вмѣстѣ съ союзникомъ его Джибгу (Забелемъ), царемъ хазарцевъ.

Въ 602 году вступилъ на престолъ императоръ Византіи узурпаторъ Фока, солдатъ — невѣжда, незнавшій ни законовъ, ни военнаго дѣла. Онъ скоро расточилъ всю государственную казну, попралъ всѣ священные законы царей и совершилъ множество злодѣяній, напр., имъ былъ убитъ императоръ Маврикій и обезглавленъ знаменитый полководецъ Нарсесъ, персъ по происхожденію.

Этимъ Маврикіемъ былъ усыновленъ персидскій шахъ Хосрой II-ой, который, узнавъ, что Маврикій убитъ въ Халкедонѣ и сынъ его Ѳеодосій, поѣхавшій въ Персію, погибъ въ Никеѣ отъ руки Фоки, выступилъ мстить за своего благодѣтеля. Фока послалъ противъ врага огромное войско, но оно было опрокинуто Хосроемъ, который приступомъ взялъ города и крѣпости: Мердину, Дару, Амиду, Эдессу, Гіерополь, Халкиду, Алеппо и Антіохію. Въ это время въ самой Византіи возгорѣлась революція, которая закончилась смертью Фоки и вступленіемъ на престолъ Ираклія (въ 610г.).

Между тѣмъ, Хосрой, взявъ Антіохію и плѣнивъ множество грековъ и отправивъ ихъ въ Персію, самъ пошелъ въ Палестину и, взявъ Іерусалимъ, сжегъ и разрушилъ храмы Гроба Господня и др., избивъ 90.000 христіанъ. Животворящій крестъ и патріарха отослалъ въ Персію. Самъ же пошелъ въ Египетъ и, покоривъ его, вернулся обратно, взялъ Халкедонъ и сталъ станомъ въ виду Константинополя. Войска его завоевали также островъ Родосъ. Близость Хосроя навела страхъ на византійцевъ. Императоръ Ираклій, будучи угрожаемъ Хосроемъ съ юга и дикими племенами „скивовъ" съ сѣвера, хотѣлъ было оставить Царьградъ и переселиться въ Карѳагенъ. Но онъ раздумалъ и примирился съ Хосроемъ, которому предложилъ 1.000 талантовъ золота, 1.000 шелковыхъ одеждъ, 1.000 коней и 1.000 дѣвушекъ.

Казалось, что наступаетъ послѣдній часъ существованія Царьграда и слава всемірныхъ императоровъ уже отдается поруганію варваровъ. „Однако Влахернская Божья Матерь появилась щитомъ св. города", и дѣло приняло другой оборотъ.

Въ 622 году Ираклій за большую сумму денегъ уговорилъ „скивовъ, которые суть русскіе", не тревожить имперію и потомъ отправился отомстить Хосрою. На Иссѣ, т. е. тамъ, гдѣ Александръ Македонскій разгромилъ Дарія, произошло ожесточенное сраженіе. Ираклій одержалъ блистательную побѣду и отбросилъ назадъ персовъ. Ираклій, прогнавъ персовъ изъ Малой Азіи, перешелъ чрезъ Трапезондъ и призвалъ къ себѣ воиновъ изъ Грузіи и изъ всѣхъ областей, лежащихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Императоръ взялъ множество городовъ, освободилъ 50.000 христіанъ, плѣненныхъ Хосроемъ, и, обременный добычею, вернулся въ Амиду и отсюда послалъ въ Византію извѣщеніе о своихъ славныхъ побѣдахъ (въ 625 г.).

Но Хосрой, который считалъ себя владѣтелемъ всего подне-

[illegible] воиновъ изъ всѣхъ провинцій [illegible] выступилъ противъ врага. [illegible] склонилъ „русскаго хагана“ [illegible] Константинополь [1]). Это предложе-

[illegible] воиновъ на лодки, которыя выдол- [illegible] и которыя на ихъ „варвар- [illegible] монокевило“ [2]). Хаганъ причалилъ къ [illegible] и съ моря. Воины его были [illegible] было столь много, что на одного [illegible] русскихъ. Тараны и осадныя машины [illegible] требовалъ сдаться, оставить „ложную“ [illegible] угрозы его не подѣйствовали, а только [illegible] У стѣнъ города произошла страшная [illegible] уже висѣла на волоскѣ. Патріархъ [illegible] громадную сумму денегъ. Подарокъ былъ [illegible] была только тому, кто въ одеждѣ [illegible] и уберется, куда хочетъ. Но опять яви- [illegible] Богородицы. Ираклій прислалъ съ во- [illegible] которые, будучи вспомоществуемы Матерью [illegible] городъ до паденія. Хаганъ осаждалъ городъ [illegible] предшествующей субботы [3]) дня Благовѣщенія», [illegible] приступы, билъ стѣны города таранами, но [illegible] Богородица оказалась непоколебимой, и [illegible] мужество хагана и его ратниковъ. Наконецъ, [illegible] надежду взять городъ, сѣли въ свои «монок- [illegible] ко-свояси.

[illegible] въ это время оборонялся отъ персовъ на [illegible] обманутъ уходомъ русскихъ. Онъ пригласилъ [illegible] хазарцевъ Джибгу, обѣщавъ ему сдѣлать [illegible] Императоръ и Джибгу, у котораго было [illegible] встрѣтились въ Тифлисѣ. Отсюда они отправи- [illegible] и Тигра и одержали славную побѣду въ [illegible] двинулся далѣе, всюду сокрушая силу пер- [illegible] сокровища шахскаго дворца въ Дастаджердѣ [illegible] Ираклія. Хосрой убѣжалъ въ Ктезифонъ, [illegible] его же сыномъ Сируэ и убитъ. Сируэ заклю- [illegible] императоромъ, уступилъ ему всю Малую Азію, [illegible] Животворящій крестъ, который самимъ Ирак- [illegible] въ Іерусалимъ и положенъ на своемъ [illegible] [4]).

[illegible] еще при Маврикіи дѣлалъ нападеніе на имперію и [illegible] 12.000 грековъ и требовалъ отъ императора, чтобъ онъ [illegible] давъ за душу по драхмѣ.

[illegible] не варварское, а греческое и значитъ судно изъ «одного [illegible]).

[illegible] день, по словамъ автора, назначенъ праздникомъ въ память [illegible] имперіи отъ нашествія варваровъ.

[illegible] Финлей въ своей «Греція подъ римскимъ владычествомъ» [illegible] 432): «Доказательствомъ тому, что не произошло перемѣны

Въѣздъ императора Ираклія въ Царьградъ былъ [illegible] [illegible].

Далѣе манускриптъ [illegible] (въ той же главѣ) [illegible] [illegible] Магометъ.

Магометъ, [illegible] въ манускриптѣ, былъ бѣднымъ [illegible] [illegible] занимался торговлею. [illegible] [illegible] оставила [illegible] его души. Онъ страдалъ [illegible] за что [illegible] [illegible] стороны своей [illegible] [illegible]. Магометъ [illegible] же, что онъ страдаетъ [illegible] [illegible] [illegible] быть пророкомъ. [illegible] [illegible] *[illegible] и видѣнія*, открыли ему тайну [illegible] [illegible] [illegible], что Богъ ставитъ Магомета [illegible] [illegible] [illegible]. Магометъ начинаетъ проповѣдь. Ученіе [illegible] распространяется. [illegible] своими приверженцами онъ [illegible] въ Іерусалимъ и встрѣчаетъ тамъ [illegible]. Ираклій [illegible] [illegible] для [illegible] своей [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]. Проходятъ послѣ этого нѣсколько [illegible] Константинополя [illegible] грозные сарацины [illegible] [illegible]).

Гербарій Петра Великаго.

Петръ I былъ не только великимъ реформаторомъ, [illegible] администраторомъ и вообще практическимъ дѣятелемъ, [illegible] [illegible] любовь и къ чистой наукѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ [illegible] бранный имъ гербарій, совершенно забытый до настоящаго времени. Недавно, по словамъ „Прав. Вѣстника“, получено [illegible] Москвы сообщеніе, что гербарій Петра Великаго находится [illegible] [illegible] [illegible] вмѣстѣ съ другими письмами этого Государя [illegible] [illegible] папку въ московскомъ архивѣ министерства [illegible] [illegible] дѣлъ.

Форматъ его, приблизительно, in quarto, состоитъ [illegible] гербарій изъ двадцати листовъ бумаги, [illegible] [illegible] [illegible]. Что касается растеній, то между листами вторымъ и третьимъ и третьимъ съ четвертымъ находится цвѣточная [illegible] [illegible] растенія — [illegible] officinalis, какъ [illegible], [illegible] ботаникомъ, московскій корреспондентъ, между [illegible] [illegible] ками сохранились еще два цѣлыхъ и одинъ [illegible] [illegible] сточки какихъ-то растеній; мѣстами на бумагѣ видны [illegible] лежавшихъ на ней раньше листьевъ.

Этотъ гербарій былъ найденъ [illegible] въ [illegible] году. Въ III томѣ „Записокъ Императорскаго [illegible] общества естествоиспытателей“ находится [illegible] [illegible] [illegible] сообщеніе общества относительно гербарія [illegible] [illegible] [illegible] слѣдующее:

въ мѣстоположеніи: послѣ [illegible] церкви Гроба Господня [illegible] въ 614 г. можетъ служить то, что [illegible] [illegible]. [illegible] его походахъ, имѣли до [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] молье къ св. Гробницѣ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и что они продолжали дѣлать это и послѣ [illegible] [illegible].

[illegible]

ли выборъ какой, или иное дѣло, а ежели дѣло криминальное, или нужное государству, то чинить полную присягу и потомъ ту или другую подписать всѣмъ.

5) Потомъ велѣть носить чашу открытую з балами и чтобъ явно всякой бралъ по одному балу, который надлежитъ быть въ чашѣ столько, сколько персонъ будетъ баллатировать, а не болѣе, такожь, чтобъ балы были ис холста, или иной мягкой матеріи, а не деревянные или иной тяшкой матеріи.

6) Потомъ велѣть носить ящикъ кругомъ, начать отъ президента, въ которой долженъ всякъ, вложа руку, класть балы въ бѣлой или черной ящикъ, по своей совѣсти и присягѣ съ прикрытіемъ епанчи, дабы другой, или кто держитъ ящикъ, не видалъ, куды рука погнетца.

7) И когда всѣ положатъ, то, кто носилъ, поставитъ оной ящикъ на столъ, потомъ приступить всѣмъ къ столу и открыть перво у бѣлого ящика снизу, а потомъ у чернаго, дабы каждые въ особой разгородокъ на столъ высыпались, а потомъ счесть оныхъ, сколько изъ бѣлаго и сколько изъ черного высыпалось и осмотрѣть въ ящикѣ не осталось-ли что и что буде осталось, положить туды жъ, гдѣ было самой упасть надлежало и велѣть записать секретарю и оную записку всѣмъ заручить и вершить то дѣло такъ, какъ *указъ о балатированьи* повелѣваетъ. Носить балы и ящикъ, чтобъ не всегда одному, не перемѣняяся и чтобъ не зналъ тотъ кому прикажутъ носить заранѣе".

Не съ особеннымъ довѣріемъ относился Великій Преобразователь къ нашимъ избирателямъ начала прошлаго вѣка!

Изъ области археологіи.

Международный конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи въ Парижѣ.

Вопросы доисторической археологіи обсуждались во время парижской выставки какъ въ засѣданіяхъ 29 конгресса Ассоціаціи движенія наукъ, такъ главнымъ образомъ и въ засѣданіяхъ „международнаго конгресса доисторической археологіи и антропологіи“.

Ходъ занятій конгресса и впечатлѣнія, произведенныя имъ, подробно изложены были княземъ П. А. Путятинымъ въ одномъ изъ засѣданій антропологическаго общества при Спб. университетѣ.

Конгрессъ продолжался 7 дней, съ 20 по 26 августа.

Первый день конгресса посвященъ былъ выборамъ. Въ число вице-президентовъ конгресса избраны были: предсѣдатель Имп. Археологической комиссіи графъ А. А. Бобринскій, а въ члены совѣта князь П. А. Путятинъ. Президентомъ конгресса былъ директоръ Сенъ-Жерменскаго музея академикъ Александръ Бертанъ.

Общее число членовъ конгресса доходило до 250 человѣкъ, но прибывшихъ оказалось не болѣе 100 человѣкъ; изъ русскихъ, кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, присутствовали проф. Цагарелли, Г. Г. Могилянскій и Волковъ.

Первое засѣданіе конгресса и выборы происходили въ большой залѣ дворца Конгрессовъ. Второе и послѣдующія засѣданія были посвящены общимъ и частнымъ вопросамъ доисторической археологіи и происходили въ „Collége de France“.

Прочитанный на второмъ засѣданіи 21 августа рефератъ Л. Ремона „1.200,000 лѣтъ человѣчества и возрастъ земли“ служило отчасти подтвержденіемъ идей Родье и Габріэля де-Мортилье, от-

носящихъ существованіе человѣка къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ жизни земли.

Докладъ Вольдемара Шмидта „Доисторическое время въ Даніи и послѣднія открытія“ возбудилъ чрезвычайный интересъ сообщеніемъ о найденныхъ на остаткахъ гончарныхъ издѣлій первобытнаго человѣка признакахъ современной ему растительности.

Второй отдѣлъ вопросовъ, разбиравшихся конгрессомъ, долженъ былъ относиться къ эпохѣ каменныхъ отбивныхъ орудій.

На первомъ мѣстѣ стоялъ докладъ кіевлянина В. В. Хвойко о загадочныхъ глиняныхъ площадкахъ и о находкахъ на нихъ.

Объ этихъ площадкахъ, въ виду ихъ особаго интереса, мы скажемъ особо, на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія ихъ, А. А. Спицинымъ.

Докладъ В. В. Хвойко прочтенъ былъ г. Волковымъ, такъ какъ самъ референтъ на конгрессъ не явился.

Изъ дальнѣйшихъ рефератовъ, относящихся къ палеолитической эпохѣ, отмѣтимъ докладъ проф. Томаса Вильсона, проведшаго параллель между періодомъ, который признанъ палеолитическимъ въ Сѣверной Америкѣ, и тѣмъ же періодомъ Западной Европы. Въ результатѣ референтъ пришелъ къ заключенію, что въ Сѣверной Америкѣ не существовало палеолитическаго періода.

Проф. Ами сдѣлалъ докладъ о „каменномъ вѣкѣ у западныхъ негровъ“.

Вопросъ о четвертичной эпохѣ былъ обиленъ докладами. Къ этому отдѣлу вопросовъ отнесенъ былъ и рефератъ князя П. А. Путятина „о расколотыхъ кремняхъ и о первыхъ шагахъ въ техникѣ вторичной оббивки (каменныхъ орудій)“. Основная мысль референта заключается въ томъ, что осколки треснувшихъ или расколовшихся кремней послужили впослѣдствіи для созданія новыхъ орудійныхъ типовъ. При этомъ референтъ высказалъ мнѣніе, что климатъ эпохи примѣненія вторичной оббивки орудій былъ холодный, поверхность земли представляла собою сплошную тундру. Во время доклада демонстрировалась и коллекція каменныхъ орудій, найденныхъ княземъ близъ Бологое.

Горячія возраженія вызвалъ докладъ доктора Канкалона „О сохраненіи стоянокъ четвертичной эпохи“. Канкалонъ предполагалъ подать министру народнаго просвѣщенія и художествъ петицію объ охраненіи мѣстностей указанныхъ стоянокъ отъ раскопокъ.

Слѣдующимъ вопросомъ, которому были посвящены рефераты конгрессистовъ, была переходная эпоха отъ палеолитическаго періода (отбивныхъ каменныхъ орудій) къ неолитическому (шлифованныхъ орудій). Эпоху эту, названную французами Кампиньенскою, характеризуютъ рѣзаки, ломики и пр.; связываются съ нею и такъ называемыя „основанія хижинъ“.

Изъ невошедшихъ въ программу докладовъ интересенъ рефератъ доктора Отто Шотенсокке „О жезлахъ начальниковъ магдаленовой эпохи“. Загадочнымъ издѣліямъ изъ кости или рога въ видѣ палочки приписывали роль жезловъ, какъ символовъ власти начальниковъ первобытнаго населенія. Но докладчикъ далъ дру-

гое объясненіе назначенію этихъ палочекъ. По его мнѣнію, это былъ родъ длинныхъ булавокъ для прикрѣпленія на груди одеждъ. Какъ пережитокъ далекаго прошлаго, эти палочки употребляются еще и въ настоящее время у эскимосовъ.

Другую поправку сдѣлалъ г. Капитэнъ: каменныя кольца давно уже принимались за круги для бросанія, въ настоящее время и они причисляются къ принадлежностямъ одежды.

Пятый вопросъ конгресса: „описаніе открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы сооруженій на сваяхъ, подобныхъ озернымъ жилищамъ Альпъ", вызвалъ лишь одинъ докладъ, принадлежащій барону де-Лое: „Новыя открытія, сдѣланныя въ Бельгіи".

Что касается экскурсій членовъ конгресса, то несмотря на всю кратковременность его дѣятельности, конгрессисты успѣли осмотрѣть: музей національныхъ древностей въ Сенъ-Жерменѣ, антропологическую выставку въ музеѣ Трокадеро, коллекціи антропологическія и палеонтологическія въ музеѣ. Группы предметовъ доисторической жизни человѣка на выставкѣ въ Трокадеро образуютъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ посвященъ былъ искусству первобытнаго человѣка: скульптурѣ и рѣзьбѣ изъ кости и рога; въ этомъ же отдѣлѣ фигурировали и росписные камни (голыши). Изображалъ первобытный обитатель земли преимущественно животныхъ, сѣвернаго оленя и другихъ, а также и разнообразные орнаменты. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена была цѣлая серія превосходныхъ вазъ и другихъ находокъ изъ кургановъ. Затѣмъ слѣдовали памятники доисторической архитектуры и ремесленнаго производства. Образцы послѣдняго чрезвычайно многочисленны. Огромныя коллекціи проф. Капитэнъ, Д. Эванса, Адріэна, де-Мортиме даютъ ясное представленіе о постепенномъ развитіи формъ первобытныхъ орудій каменнаго и бронзоваго вѣковъ.

Подъ руководствомъ профессоровъ Ами и Годри членами конгресса осмотрѣны были также антропологическія и палеонтологическія коллекціи въ музеѣ. Здѣсь также были сосредоточены и памятники первобытной археологіи, но коллекціи ихъ состояли почти исключительно изъ находокъ на территоріи Франціи. Было однако и небольшое собраніе находокъ, привезенныхъ изъ Россіи барономъ де-Бай.

Кіевскія кирпичныя площадки. А. А. Спицинымъ сдѣланъ былъ на засѣданіи русскаго отдѣленія археологическаго общества докладъ о загадочныхъ кирпичныхъ площадкахъ, полахъ какихъ то танственныхъ хижинъ, какъ предполагали, открытыхъ В. В. Хвойко.

Площадки представляютъ совершенно новый сюжетъ въ русской археологіи. Въ Галиціи подобное открытіе было сдѣлано въ 1877 году, но забыто и мало изслѣдовано. А. А. Спицынъ самъ произвелъ раскопки нѣкоторыхъ площадокъ и сдѣлалъ о нихъ собственные выводы.

Площадки разсѣяны въ Кіевскомъ уѣздѣ въ большомъ количествѣ. Это рядъ пластовъ, лежащихъ одинъ на другомъ. Въ нихъ и въ землѣ подъ площадками найдены цѣлые и полуразрушенные

сосуды, подъ нѣкоторыми площадками обнаружены таинственные погреба, глубиною до 4 аршинъ. На днѣ ихъ находятся также сосуды со слѣдами зеренъ и золы. Возлѣ площадокъ найдены загадочные столбы. Судя по тому, что сверху эти столбы отшлифованы, что возлѣ лежатъ кости животныхъ, быка и барана, статуетки людей — можно предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ алтарями. Форма площадокъ весьма разнообразна. Пласты нѣкоторые окрашены.

Находки В. В. Хвойко: глиняные сосуды орнаментированные весьма древней росписью и съ большимъ разнообразіемъ, немного предметовъ каменнаго и мѣднаго вѣковъ, наконечники стрѣлъ, клинья и мѣдный молотокъ.

По изслѣдованію А. А. Спицина, глина, изъ которой приготовлены площадки, искусственнаго состава, иногда смѣшана съ оболочкой хлѣбныхъ зеренъ. Сверху она очень хорошо обожжена.

А. А. Спицинъ не соглашается съ принятымъ мнѣніемъ, что площадки представляютъ полы какихъ то жилищъ. Обыкновенно жилища имѣютъ опредѣленную форму и размѣръ. Здѣсь же въ этомъ отношеніи полное разнообразіе. Обмазка половъ находится иногда даже не на брусьяхъ, какъ это чаще всего встрѣчается, а на битой посудѣ. Поражаетъ обиліе сосудовъ на площадкахъ, что также едва ли возможно было бы, если бы это были жилища. Иногда посуда вмазана въ глину.

Вслѣдствіе цѣлаго ряда соображеній А. А. Спицинъ приходитъ къ выводу, что площадки не остатки какихъ нибудь жилищъ, а скорѣе остатки какихъ то сооруженій, имѣвшихъ религіозное значеніе. Время, къ которому относятся площадки, референтъ относитъ къ глубокой древности, къ домикенской эпохѣ (третье—четвертое тысячелѣтіе до Р. Х.).

Точныхъ, аналогичныхъ кіевскимъ площадкамъ находокъ въ другихъ странахъ не было, но встрѣчались нѣсколько схожихъ съ этою культурою, напр. въ Венгріи.

Пантикопейскія Ніобиды. С. А. Жебелевъ въ докладѣ, сдѣланномъ въ одномъ изъ засѣданій И. Р. А. О., сообщилъ объ особомъ типѣ изображеній, наблюдаемыхъ на боковыхъ стѣнкахъ, открытыхъ при раскопкахъ саркофаговъ. Служили эти изображенія украшеніями саркофаговъ и, представляя собою фигуры Ніобы и членовъ ея семьи, иллюстрировали исторію ихъ жизни.

Фигуры Ніобы съ младшею дочерью, братьевъ, отца съ сыномъ, педагога, кормилицы, слугъ встрѣчаются въ различныхъ комбинаціяхъ, такъ напр. на одномъ саркофагѣ изображено до 14 фигуръ. Техника фигуръ не одинакова, но вообще она не высока и носитъ ремесленный характеръ. Относятся эти изображенія ко времени не ранѣе половины III вѣка до Р. Х. Образцами для нихъ могли служить рельефы на римскихъ саркофагахъ, гдѣ часто встрѣчается напр. изображеніе „Гибели дѣтей Ніобы“. Замѣтное сходство пантикопейскія фигуры имѣютъ съ монументальными памятниками V вѣка до Р. Х. Оригиналомъ для пантикопейскихъ фигуръ могла служить также и древняя живопись на вазахъ.

Классификаціи доисторической культуры. На первомъ общемъ собраніи членовъ Археологическаго института Г. М. Болсуновъ выступилъ вновь, какъ и въ прошломъ году, съ своими критическими воззрѣніями на существующія научныя классификаціи при изученіи доисторической культуры первобытнаго человѣка.

Первый докладъ его служитъ какъ бы введеніемъ въ рядъ рефератовъ, въ которыхъ онъ предполагаетъ критически изслѣдовать всѣ установившіяся системы классификацій доисторической культуры, основанныя на данныхъ наукъ: геологіи, палеонтологіи, антропологіи, этнологіи, а также и на данныхъ вещественныхъ археологическихъ памятниковъ.

Опредѣляетъ Г. М. Болсуновъ классификацію какъ научный пріемъ, при помощи котораго случайныя, нерѣдко безсознательныя эмпирическія обобщенія обращаются въ логическія слѣдствія другихъ обобщеній высшаго порядка. Заключается классификація въ соединеніи отдѣльныхъ предметовъ въ группы, этихъ группъ въ еще большія группы и т. д., причемъ процессъ ведется на основаніи одного или нѣсколькихъ признаковъ, общихъ отдѣльнымъ предметамъ. Отсюда, наилучшей классификаціей является та, въ основаніе которой положены самые общіе основные признаки.

Приводя затѣмъ доводы противниковъ научныхъ обобщеній въ доисторической археологіи, въ виду ихъ преждевременности, референтъ съ своей стороны, находитъ, что несмотря на недостаточность добытыхъ наукою точныхъ познаній о жизни первобытнаго человѣка, весьма полезно было бы отъ времени до времени оглядываться на пройденный наукою путь, опредѣляя такимъ образомъ пробѣлы нашего знанія, чтобы не упустить существеннаго, гоняясь за блестящими мелочами.

Необходимость классификаціи обусловливается еще и тѣмъ, что сырой матеріалъ археологическихъ находокъ все увеличивается и обнять его въ цѣломъ становится еще труднѣе.

Но критическое отношеніе къ существующимъ системамъ и классификаціямъ также необходимое условіе для правильнаго развитія науки, иначе системы поработятъ умъ и задержатъ естественную эволюцію человѣческаго знанія.

Успѣхъ и быстрое развитіе археологіи за послѣднее полустолѣтіе объясняется примѣненіемъ эволюціоннаго метода, связавшаго въ одно цѣлое длинный рядъ явленій и вызвавшаго естественное стремленіе найти между ними закономѣрную послѣдовательность.

Не признаетъ референтъ дѣленій археологіи и исторіи, какъ науки, изъ которыхъ первая изучаетъ прошлое съ точки зрѣнія статики, вторая же съ точки зрѣнія его движенія (динамики). Культурную исторію, подтверждая положеніе И. Е. Забѣлина, референтъ относитъ къ области археологіи.

Объемъ доисторической археологіи—это изученіе жизни первобытнаго человѣка отъ появленія его на землю въ третичномъ періодѣ (современника мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ) и до перехода каждой отдѣльной народности къ формамъ государственной жизни и съ образованіемъ среди нея коллективной

духовной культуры, принимающей участіе въ общей жизни человѣчества. Въ послѣднемъ, т. е. въ границѣ области доисторической археологіи, референтъ также уклонился отъ обычнаго опредѣленія конца доисторическаго періода — возникновеніемъ письменности. По своему характеру доисторическая археологія признается референтомъ наукою „естественно-историческою".

Интересный камень. Въ непродолжительномъ времени будетъ доставленъ въ Россію рѣдкій памятникъ семитической эпиграфики II вѣка по Р. Х. Это огромный камень, носящій названіе „Пальмирскій таможенный тарифъ" съ надписями на греческомъ и арамейскомъ языкахъ. Открытъ онъ въ 1882 г. дѣйствительнымъ членомъ Русскаго археологическаго общества княземъ С. С. Абамелекъ-Лазаревымъ. По иниціативѣ члена того же общества П. К. Коковцева, археологическое общество обратило вниманіе на этотъ камень академіи наукъ, и благодаря ходатайству академіи, по сношеніи съ турецкимъ правительствомъ, камень былъ уступленъ Россіи. Право на научное изданіе этого памятника общество оставляетъ за собою, храненіе же его предположено въ залахъ Императорскаго Эрмитажа.

Сношенія нашего посла въ Константинополѣ съ турецкимъ султаномъ по вопросу о камнѣ происходили въ сентябрѣ. Султанъ подарилъ камень Россіи. Но доставка камня представляетъ значительныя затрудненія въ виду его огромной тяжести. Нашимъ археологическимъ институтомъ въ Константинополѣ было снаряжено нѣсколько экспедицій къ камню, причемъ съ него сдѣланы были фотографическіе снимки. Предполагается еще экспедиція съ цѣлью открыть и вторую сторону камня, до сихъ поръ еще не изслѣдованную, а также произвести раскопки возлѣ камня. Вѣсъ камня до 500 пудовъ. Доставка его, вѣроятно, будетъ поручена драгоману нашего консульства въ Іерусалимѣ. По всей вѣроятности, придется доставить его въ распиленномъ видѣ въ телѣгахъ до Бейрута и далѣе морскимъ путемъ въ Одессу.

Пятое евангеліе. Интересное открытіе въ области древней письменности сдѣлано недавно тремя профессорами страсбургскаго университета: Шпигельбергомъ, Шмидтомъ и Якоби. Названнымъ ученымъ посчастливилось найти въ папирусахъ, пріобрѣтенныхъ въ Каирѣ для библіотеки страсбургскаго университета, два отрывка изъ пятаго евангелія. Сначала эти папирусы возбудили нѣкоторое подозрѣніе, но затѣмъ, тщательныя изслѣдованія, сдѣланныя египтологами, подтвердили ихъ подлинность и, въ связи съ нею, ихъ важность. По мнѣнію профессора Шмидта, въ этихъ рукописяхъ находится коптскій переводъ (сдѣланный въ V столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ) евангелія, написаннаго по-гречески во II вѣкѣ. Эти новооткрытые отрывки, по Шмидту, могутъ принадлежать одному изъ недошедшихъ до насъ евангельскихъ текстовъ. Профессоръ Якоби склоненъ думать, что данные отрывки принадлежатъ именно „евангелію отъ египтянъ", о которомъ говорятъ блаженный Іеронимъ, Оригенъ, греческій историкъ Ѳеофилактъ, а также имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія въ твореніяхъ св. Ипполита и св. Стефанія Кипрскаго. Въ одномъ изъ отрывковъ, пріобрѣтен-

ныхъ страсбургскимъ университетомъ, заключается новая версія евангельскаго повѣствованія о Іисусѣ Христѣ въ Геѳсиманскомъ саду; другой отрывокъ содержитъ повѣствованіе, къ сожалѣнію, очень неполное, о воскресеніи Спасителя. Извѣстный ученый, профессоръ Гарнакъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ комментаторовъ и знатоковъ библейскаго текста въ Германіи, уже раньше высказалъ мнѣніе, что папирусъ, заключавшій „изреченія Христа“ (найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ), могъ представлять извѣстную часть или отрывокъ изъ „Евангелія отъ египтянъ“. Профессоръ Якоби также склоненъ къ принятію этой гипотезы. Онъ именно предполагаетъ, что папирусъ съ „изреченіями Христа“ и новооткрытые отрывки евангелія происходятъ изъ одной и той-же рукописи, которую продавцы, въ цѣляхъ наживы, раздѣлили на нѣсколько частей. Въ виду этого, профессоръ Якоби въ настоящее время усиленно занятъ разысканіемъ остальныхъ листовъ рукописи.

Античныя геммы. (A. Furtwängler. Die Antiken Gemmen. 1900 г.). „Античныя геммы“ представляютъ огромный капитальный трудъ нѣмецкаго ученаго Адольфа Фуртвенглера. Изданъ онъ, несмотря на огромныя затраты, на средства частной фирмы. Цѣна его 250 марокъ. На засѣданіи классическаго отдѣленія русскаго археологическаго общества трудъ Фуртвенглера разсмотрѣнъ былъ спеціалистами археологами по докладу секретаря отдѣленія С. А. Жебелева. Задуманъ трудъ Фуртвенглеромъ болѣе 12 лѣтъ тому назадъ, впродолженіе которыхъ появился рядъ его предварительныхъ на ту же тему научныхъ работъ. Трудъ Фуртвенглера имѣетъ большую важность какъ съ точки зрѣнія классической археологіи, и такъ въ отношеніи историческомъ.

Въ первомъ томѣ помѣщено 3600 сюжетовъ различныхъ геммъ въ натуральную величину. Второй томъ заключаетъ описаніе и разборъ геммъ. Описаны, между прочимъ, геммы восточныя, греческія, архаическія скарабеи, сардинскія, геммы среднихъ вѣковъ и византійскія.

Третій томъ содержитъ изложеніе исторіи развитія искусства геммъ. Этотъ отдѣлъ очень обширенъ и важенъ. Авторъ прослѣдилъ развитіе искусства начиная съ Микенской эпохи, изложилъ технику геммъ, литературу о нихъ и выяснилъ ихъ мѣсто въ общей исторіи искусства.

Особенно интересенъ отдѣлъ, касающійся исторіи древнѣйшей эпохи греческаго искусства—Микенской. Наслѣдіе ея—іоническое искусство VII вѣка до Р. Х. Въ древне-греческомъ искусствѣ отмѣчены авторомъ два художественныхъ теченія: одно—идущее отъ первобытнаго греческаго населенія, другое—принадлежащее племенамъ сѣверной Греціи.

Удивительная неослабѣвающая энергія автора „Античныхъ геммъ“ дала ему возможность выпустить и второй также прекрасно исполненный трудъ: „Griechische Wasenmalerei“. Въ этомъ художественномъ изданіи помѣщена лишь живопись, находящаяся на вазахъ, относящихся къ эпохѣ высшаго расцвѣта греческаго искусства. Для общей исторіи развитія греческой живописи вазовые рисунки имѣютъ большое научное значеніе.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Полемика о «Знаменіяхъ времени».—Идеи англійскихъ экономистовъ.—Переворотъ въ образованіи русской женщины.—Европейскій романъ и его судья.—Популярность Надсона и его раннія произведенія.—Жизнь въ началѣ вѣка.

За послѣдніе три мѣсяца между журналами „Міръ Божій“ и „Русское Богатство“ возникъ и обострился споръ по поводу новаго изданія романа г. Мордовцева „Знаменія времени“. Романъ первоначально былъ напечатанъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ тогдашнемъ журналѣ „Всемірный Трудъ“, и обратилъ на себя усиленное вниманіе читателей, преимущественно молодежи. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь повело къ тому, что романъ возбудилъ какія-то опасенія и отдѣльное изданіе его состояться не могло; романъ перешелъ въ разрядъ почти запрещенной литературы, а нумера „Всемірнаго Труда“, гдѣ онъ печатался, сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Спросъ на эти нумера журнала, какъ намъ достовѣрно извѣстно, никогда не прекращался. Слѣдовательно, въ романѣ есть что-то такое, что сообщаетъ ему постоянный интересъ. Авторъ „Критическихъ замѣтокъ“ въ „Мірѣ Божьемъ“, г. А. Б., отмѣчая появленіе романа вновь, совершенно упустилъ изъ виду этотъ неослабѣвшій къ произведенію г. Мордовцева интересъ и удивляется появленію романа такъ же, какъ удивился бы воскресшему изъ мертвыхъ человѣку. „Воскрешеніе такихъ произведеній, говоритъ онъ, является для нихъ не воскресеніемъ, а скорѣе вторичными похоронами. Люди переживаютъ нерѣдко свое время и настроеніе, выдвинувшее ихъ когда-то, но время не повторяется. Довлѣетъ бо дневи злоба его, и у каждаго дня своя печаль, у каждаго времени — свое знаменіе. Что прошло, того не будетъ вновь. Requiescat in pace“.

Это—трюизмъ, съ которымъ нельзя не согласиться.

Но это — такой трюизмъ, такая общая мысль, которая одинаково приложима и къ г. Мордовцеву съ его „Знаменіями времени", и къ г. Гомеру съ его „Иліадой", и къ г. Матвѣю Маркову, автору романа, извѣстнѣйшаго всей грамотной и безграмотной Россіи—„Англійскаго Милорда Георга".

Существуетъ многое множество историческихъ, проблематическихъ и фантастическихъ именъ прошлаго, которыя до сего времени встаютъ передъ нами какъ живыя, мы разговариваемъ объ нихъ другъ съ другомъ, споримъ, раздражаемся и расходимся какъ враги. Къ числу такихъ именъ, которыхъ въ дѣйствительности никогда не было, а если бы были, такъ теперь уже умерли бы, и которыя всетаки продолжаютъ насъ интересовать, и не только изъ любознательности или простого любопытства, но какъ живые люди, принадлежатъ и герои романа «Знаменія времени". Легко сказать: покойтесь въ мирѣ! но не легко намъ самимъ успокоиться. Достаточно сказать, что персонажи романа „Знаменія времени" были не кто иные, какъ олицетворенія шестидесятыхъ годовъ. Вотъ почему знакомство съ такими романами, какъ „Знаменія времени" Мордовцева, „Трудное время" Слѣпцова, „Шагъ за шагомъ" Омулевскаго, „Николай Негоревъ" Кущевскаго, „Что дѣлать?" и пр. и пр., несмотря на то, что эти романы лишены художественности, сдѣлалось обязательнымъ для каждаго только что вступившаго въ жизнь молодого человѣка обоего пола. Въ этихъ романахъ брошена почти вскользь, затронута масса животрепещущихъ вопросовъ, которые постоянно такую молодежь волнуютъ и раздражаютъ.

Авторъ „Критическихъ замѣтокъ", мало того, что не видитъ въ этомъ романѣ интереса для нашего времени, но и безотносительно ко времени онъ, кажется, недоволенъ романомъ. Онъ видитъ въ немъ грубость изложенія, недостатокъ художественности, рѣжущую прямолинейность, аляповатость формы и т. п. недостатки, присущіе всѣмъ нашимъ романамъ шестидесятыхъ годовъ. Въ каждомъ изъ героевъ романа онъ видитъ пародію на державинскаго богатыря:

„Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на бездны—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни руками за облакъ бросаетъ".

Однако авторъ статьи самъ замѣчаетъ, что въ этомъ романѣ прямолинейно и рѣзко подчеркнуты ходячія идеи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Но эти идеи, по его мнѣнію, уже насъ, людей конца вѣка, болѣе не интересуютъ. То, на что въ романѣ указывалось какъ на глубокое и важное, насъ теперь поражаетъ какъ бредъ. Всѣ эти рѣчи о страданіяхъ человѣчества, проекты о спасеніи его—кажутся до нельзя наивными. Тогдашній читатель, можетъ быть, упивался такими рѣчами и проектами, а мы, отдаленные отъ него тридцатилѣтіемъ, можемъ теперь только, посмѣяться надъ этимъ идеализмомъ, которому уже не удастся насъувлечь.

Интересуютъ или не интересуютъ теперь насъ эти идеи—это вопросъ совсѣмъ иной; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы романъ потерялъ уже всякій интересъ. Если романъ до сего времени читается, то надо считаться съ тѣмъ, почему онъ до сихъ поръ интересуетъ публику.

Замѣтки г. А. Б. о романѣ г. Мордовцева обратили на себя вниманіе г. Михайловскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“. Онъ соглашается съ г. А. Б., что романъ потерялъ злободневный характеръ, что романъ перешелъ въ разрядъ *историческихъ*, что къ роману можно отнестись и такъ: „Да почіетъ въ мирѣ“ и это будетъ образчикомъ истинно спокойнаго отношенія къ произведенію, насчитывающему тридцатилѣтнюю давность, и къ тому настроенію, которое въ немъ отразилось. Остается только одно: выдержать такое отношеніе, и тогда всѣ преклонятся передъ Ѳемидой г. А. Б. Но отчего же, продолжаетъ г. Михайловскій, въ статьѣ г. А. Б. слышится какое то сдержанное волненіе, довольно таки сердитое? Отчего это волненіе мѣстами доходитъ до того, что въ идеяхъ одного изъ героевъ „Знаменій времени“ г. А. Б. видитъ „кончикъ ослинаго уха“, а „мы“, современные новые люди, съ г. А. Б. единомысленные, относимся къ прошлому „съ насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“? Если—requiescat in pace, то горькая насмѣшка по малой мѣрѣ не нужна, если не безстыдна. „Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“. А между тѣмъ современные „новые люди“ еще недавно, можно сказать, на дняхъ, наровили, а отчасти и теперь, вотъ какъ г. А. Б., наровятъ при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ пнуть покойника ногой.... Отчего это?

Г. Михайловскій на этотъ вопросъ отвѣчаетъ во-первыхъ краткимъ изложеніемъ содержанія романа (что напрасно, — потому что, повторяемъ, романъ достаточно извѣстенъ), во-вторыхъ довольно подробно и обстоятельно характеризуетъ бурное время шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, какъ оно отразилось въ тогдашней печати. Напомнивъ, какъ „властители думъ“ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ отнеслись къ своему времени: одни спокойно, безъ смѣха и гнѣва, другіе — съ запальчивостью и обличеніемъ, рубя спереди и сзади, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ:— кто не за насъ, тотъ противъ насъ,—г. Михайловскій замѣчаетъ, что въ этомъ нестройномъ концертѣ роль второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей литературы была крайне трудной. Имъ приходилось, во что бы то ни стало, каждую черту выдумывать, изобрѣтать, потому что подъ руками ничего не было или не знали, гдѣ взять, пускать въ ходъ невѣроятныя краски, преувеличенія, выдумки. Подлиннаго во всемъ этомъ была только подкладка настоятельной жажды общественной совѣсти въ великомъ, сильномъ и честномъ. И будущій историкъ русскаго общества сумѣетъ усмотрѣть эту подкладку подъ разнообразными вышитыми на ней комическими и нелѣпыми узорами. Да и теперь ужъ, черезъ тридцать-то, сорокъ лѣтъ, можно бы, кажется, это сдѣлать. Вотъ въ чемъ состоитъ задача совре-

менѣй крупныхъ такихъ романовъ, ставшихъ историческими, и не слѣдуетъ ограничиваться первой умѣлой по ихъ адресу.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на обстоятельно написанную статью г. Михайловскаго. То, о чемъ онъ говоритъ: „Можно бы это сдѣлать", имъ въ данной статьѣ и сдѣлано—спокойно и безпристрастно. Но это спокойное и безпристрастное прежде всего не понравилось г. А. Б. Въ октябрьской книжкѣ „Міра Божьяго" онъ обвиняетъ г. Михайловскаго какъ разъ въ обратныхъ качествахъ и приписываетъ своему противнику печальные полемическіе пріемы, употребляемые имъ не только противъ него, г. А. Б., но и противъ всѣхъ, несогласно мыслящихъ съ г. Михайловскимъ.

Что же въ отвѣтъ на это сказалъ г. Михайловскій? Недоумѣваю, говоритъ онъ между прочимъ:—г. А. Б. пишетъ о моей нетерпимости, что я привыкъ всѣхъ несогласно мыслящихъ обвинять въ измѣнѣ... Измѣна слишкомъ громкое слово. Не измѣна, а просто такъ—легкость мыслей. „Припоминая статьи о Писаревѣ и нѣкоторыя другія, въ разное время напечатанныя въ почтенномъ журналѣ („Міръ Божій"), я нашелъ бы, можетъ быть, не измѣну, а напротивъ—большую послѣдовательность".

Нигдѣ экономическая наука не получала такого быстраго, обширнаго и глубокаго развитія, какъ въ Англіи. Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сеніоръ, Д. С. Милль и Кернсъ—имена, которыя говорятъ сами за себя. Экономическая наука казалась до такой степени прочно установленной этими изслѣдователями, что объ измѣненіи основъ ея не возникало вопроса. Самъ Марксъ, поколебавшій и разрушившій многіе ея столбы, не коснулся ея фундамента. Законъ производства и распредѣленія продуктовъ потребленія—вотъ основа всей экономической науки. Если смотрѣть на экономическую науку чисто теоретически, то въ основу ея другого закона нельзя и положить. Однако, англійскіе экономисты, какъ люди дѣла, а не одного слова, не забывали и другого положенія, что хотя законъ производства и покоится на неизмѣнныхъ естественныхъ основаніяхъ, но законъ распредѣленія находится въ зависимости отъ существующаго общественнаго строя. Поэтому, развитіе этого положенія сводилось въ дальнѣйшемъ къ изслѣдованію организаціи распредѣленія въ связи съ измѣненіемъ общественныхъ формъ. Но давно уже стало очевидно, что и производственная часть находится въ зависимости отъ общественнаго прогресса или регресса. Милль, послѣдній изъ правовѣрныхъ крупныхъ экономистовъ, помнится, первый замѣтилъ этотъ новый факторъ, который долженъ скоро ворваться въ экономическую науку. Онъ дѣйствительно ворвался и пошатнулъ всѣ ея старые законы. Милль, а за нимъ и Кернсъ доказали, что наука, разработкой которой они до сего времени занимались, гипотетична, она имѣетъ дѣло не съ реальнымъ человѣкомъ, а съ воображаемымъ, съ существомъ, цѣль жизни котораго заключается единственно въ томъ, чтобы „добыть деньги". Дѣло не въ деньгахъ, даже не въ законахъ

производства и распредѣленія, а въ возможности фундаментальныхъ улучшеній общественной организаціи и въ полномъ удовлетвореніи общественныхъ потребностей. Пророкъ новой экономической науки скоро нашелся. Это былъ молодой энтузіастъ Арнольдъ Тойнби (1852 — 1883). Онъ объявилъ, что существующая экономическая наука должна быть исправлена, пересмотрѣна и приведена въ связь съ жизнью; иначе, на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на доказанный умственный обманъ. Міросозерцаніе Тойнби и перваго его послѣдователя, Томаса Грина, основывалось главнымъ образомъ на благородныхъ порывахъ человѣческаго сердца и требовало филантропической дѣятельности просвѣщеннаго общества. Много вышло въ Англіи замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, воспитавшихся на идеяхъ Тойнби, и образовалась новая школа англійскихъ экономистовъ: Сидней Веббъ, Бернардъ Шо, Оливеръ, Клеркъ, Гидламъ — все имена, которыя въ настоящее время даже русская публика постоянно встрѣчаетъ въ печати, не подозрѣвая, можетъ быть, что имена эти уже извѣстны въ Англіи около двадцати лѣтъ и составили эпоху въ экономической наукѣ. Школа ихъ называется *исторической*.

Обратимся къ статьѣ г. Климентова („Русская Мысль"), „Англійскіе экономисты—просвѣтители" и посмотримъ, въ чемъ заключаются основныя положенія этихъ новыхъ экономистовъ, которыхъ онъ называетъ „просвѣтителями".

Современная культура, которая породила много отрицательныхъ явленій, необходимо должна вызвать работу человѣческаго мозга надъ ея улучшеніемъ. Послѣдовательныя мирныя реформы должны быть необходимыми проявленіями современной государственной и общественной дѣятельности. Но важно, чтобы общество сознавало происходящее вокругъ него движеніе жизни. Старая ортодоксальная политическая экономія, убѣждавшая общество въ ненарушимости абстрактныхъ принциповъ, обратилась въ апріорныя схоластическія построенія. Общественную жизнь надо изучать въ ея послѣдовательномъ историческомъ развитіи. Всякая идея, всякое явленіе, всякое общественное движеніе связывается съ прошлымъ длинною цѣпью причинъ, безъ которыхъ немыслимо никакое проявленіе исторической жизни человѣчества. Наука не рисуетъ теперь идеальнаго общества, какъ вѣчно покойнаго инертнаго существованія. Человѣческія идеи и стремленія есть лишь динамическія, постоянно измѣняющіяся силы. Необходимость безпрерывнаго роста и развитія общественнаго организма сдѣлалась аксіомою. И при изученіи современной экономической науки необходимо оглянуться назадъ. Изученіе прошлаго въ связи съ настоящимъ выяснитъ значеніе каждаго фактора въ современномъ развитіи человѣчества, выдѣлитъ положительныя стороны и отрицательныя стороны общественнаго прогресса.

Это историческое изслѣдованіе поможетъ общественному сознанію бороться съ отрицательными явленіями экономической жизни путемъ государственно-хозяйственныхъ реформъ. Необходимо собирать и изслѣдовать факты, освѣщающіе анархію произ-

водства и машинной индустріи современной индивидуалистической системы хозяйства. Болѣе детальный анализъ хозяйственной жизни въ ея цѣломъ доказываетъ изслѣдователю о возникновеніи новыхъ факторовъ человѣческой культуры, зародыши новой эпохи, новаго движенія общества по пути къ государственно-хозяйственному строю.

Съ идейной стороны, замѣчаетъ авторъ, новые англійскій экономисты являются эволюціонистами; ихъ взгляды носятъ характеръ продуманнаго критическаго міросозерцанія. Несмотря на пессимистическое отношеніе ко многимъ сторонамъ современной хозяйственной дѣйствительности, новая англійская наука согрѣвается твердой убѣжденностью въ положительныхъ результатахъ современнаго общественнаго прогресса. Въ каждой эпохѣ есть залогъ будущаго развитія человѣчества.

Идеи Тойнби и его послѣдователей называютъ филантропическими. Однако, искаженное понятіе, соединенное съ этимъ словомъ, требуетъ поправки. Англійская просвѣтительная школа экономистовъ не только отметаетъ всякое понятіе о благотворительности, какъ случайномъ порывѣ, прихоти, палліативѣ, но съ особенной силой и остроуміемъ возстаетъ противъ слѣпой вѣры въ частную иниціативу, въ безграничный индивидуализмъ въ промышленности. Школа имѣетъ въ виду филантропію государственную, общественную, послѣдовательную, строго выдержанную, заколачивающую тѣ отверстія, въ образованіи которыхъ виноватъ не отдѣльный человѣкъ, а весь строй общества, а главная цѣль школы заключается въ томъ, чтобы достичь такого общественнаго устройства, при которомъ уклоненія отъ справедливости сдѣлать невозможными.

Можетъ возникнуть такого рода опасеніе, что экономисты-просвѣтители стремятся къ тому совершенному устройству общества, осуществленіе котораго убьетъ въ человѣчествѣ всякую общественную энергію. Дѣйствительно, принципъ просвѣтительной школы—„Salus populi suprema lex!“ Но это не то спокойствіе, которое погружаетъ людей въ спячку. Подъ спокойствіемъ школа разумѣетъ только... *правовой порядокъ*. Для дѣятельности людей остается обширное поле на проявленіе энергіи въ поддержаніи порядка. Такая трата энергіи производительнѣе и пріятнѣе, чѣмъ трата на борьбу съ порядкомъ.

Это — задача будущаго XX вѣка, которую онъ едва-ли даже разрѣшитъ. Поэтому, до наступленія блаженнаго времени еще далеко. Авторъ приводитъ выдержки изъ произведеній новой экономической школы, рисующія отрицательныя явленія современной англійской жизни въ ужасныхъ краскахъ. Напр., существуетъ съ давняго времени рабочая форма производства, называемая „системою пота“. При этой системѣ заработная плата не превышаетъ 3 шиллинговъ въ сутки, срокъ работы ограниченъ изнеможеніемъ, всякое санитарное состояніе отсутствуетъ.

Одно время нѣкоторая часть нашего общества сильно заблуждалась въ взглядахъ на ходъ, размѣры и качество жен-

скаго образованія въ Россіи, особенно по сравненію того же образованія въ другихъ европейскихъ странахъ. Полагали, что мы въ этомъ отношеніи опередили Европу и стали во главѣ. Между тѣмъ, въ 60-хъ годахъ у насъ даже не заикались о предоставленіи женщинѣ средствъ къ высшему образованію. Только въ началѣ названныхъ годовъ открыли доступъ женщинѣ въ университетъ, но черезъ годъ университетская дверь была вновь закрыта. До того же времени, начиная съ Екатерины II, всѣ работы по этому дѣлу сводились къ предоставленію дѣвицамъ, преимущественно благороднаго происхожденія, укрѣпиться черезъ науку въ добродѣтели и стать доброй женой и полезной матерью семейства. Впослѣдствіи эта скромная программа была значительно расширена; къ ней присоединили еще эстетическія тенденціи. Дѣвушкѣ изъ хорошей семьи необходимо было прежде всего привлекать, нравиться; и вотъ на первый планъ были выдвинуты салонные таланты—музыка, танцы, иностранные языки, преимущественно французскій, на которомъ преподавались и науки. Развитія ума, въ смыслѣ пріобрѣтенія женщиной какой либо самостоятельности, боялись чуть не всѣ поголовно, даже такіе люди, какъ Сперанскій. Боялись особенно того, чтобъ не сдѣлалась женщина писательницей. Поэтесса Бунина совершенно серьезно, хотя въ стихахъ, давала такой совѣтъ:

„Ты женщина! учись быть въ юности покорна,
Въ своихъ желаньяхъ неупорна;
Упорство въ женщинѣ порокъ,
Упорство ей къ напасти!
Надъ нами всюду власти".

Карамзинъ восторженно, въ слащавыхъ выраженіяхъ, воздѣвая глаза къ небу, со вздохами и умиленіемъ, рисуетъ такой портретъ идеальной женщины: „Она никогда не упражнялась въ авторствѣ, но ея письма украшены легкимъ слогомъ, исполнены чувствительности, философіи; христіанская набожность, безъ суевѣрія, есть первая ея добродѣтель. Вы примѣтите въ церкви на глазахъ ея слезы, которыя она украдкой обтираетъ. Но не думайте, чтобъ не было въ ней и кокетства; напротивъ, и она любитъ тонкимъ образомъ обращать на себя вниманіе. Къ увѣнчанію похвалы ея скажу, что она совершенная послѣдовательница оптимизма; какая бы ни случилась ей непріятность, задумается... и всегда скажетъ потомъ: можетъ быть это къ лучшему".

Авторъ статьи въ „Русской Мысли" (Н. Мировичъ—„Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи XVIII—XIX вв.") въ сжатомъ изложеніи даетъ достаточно полное представленіе объ этихъ основныхъ тенденціяхъ женскаго образованія въ дореформенное время и затѣмъ переходитъ къ исторіи его за послѣднія сорокъ лѣтъ.

Новое теченіе, выразившееся въ 60-хъ годахъ, конечно, не явилось изъ ничего. Уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ начало проглядывать сознаніе на неудовлетворительность соціальныхъ и семейныхъ устоевъ, что до извѣстной степени стали приписывать отсутствію образованія у женщинъ. Но до 60-хъ годовъ этого

вопроса почти нельзя было касаться. Освободительное теченіе, пробудивъ къ жизни лучшіе элементы нашего общества, разбудило и женщину. Она, можетъ быть, впервые „почувствовала себя не только вспомогательнымъ существомъ, придаткомъ, но человѣкомъ—индивидуальной личностью, съ обязанностями, интересами и цѣлями, присущими всѣмъ человѣческимъ существамъ. Рядомъ съ этимъ стремленіемъ явилось и стремленіе къ духовному развитію, которое одно могло дать женщинѣ силу и мощь стряхнуть съ себя узы многовѣкового рабства". Возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобы положить въ Россіи начало высшему женскому образованію. Это именно и былъ самообольщенный ошибочный взглядъ, что, дескать, достаточно начать дѣло, а ужъ оно потомъ само благополучно разовьется. Вся послѣдующая исторія высшаго женскаго образованія въ Россіи представляетъ собою калейдоскопъ унылыхъ картинъ, изрѣдка чередующихся съ отрадными.

Послѣ продолжительныхъ хлопотъ и стремленій, были основаны въ Москвѣ въ 1869 г. первые женскіе курсы подъ названіемъ Лубянскихъ. Программа ихъ состояла изъ предметовъ классическихъ гимназій, хотя въ дѣйствительности нѣкоторые предметы читались въ объемѣ университетскаго курса, что къ 1881 г. окончательно упрочилось и получило надлежащую санкцію. Но еще въ 1872 г. курсы эти выдѣлили изъ себя предметы словесно-историческіе, преподаваніе которыхъ всецѣло перешло на открывшіеся въ это время курсы проф. Герье, а на Лубянскихъ курсахъ остались математическіе и естественные предметы. Такимъ образомъ, въ Москвѣ возникъ полный университетъ. Какъ тѣ, такъ и другіе курсы возникли безъ всякихъ субсидій со стороны правительства и все время существовали на частныя субсидіи, сборы со спектаклей и на плату за обученіе (50 р. въ годъ). Въ организаціи курсовъ встрѣчается одна своеобразная черта: „право избранія преподавателей, извѣстныхъ своею опытностью въ дѣлѣ преподаванія, предоставлялось самимъ слушателямъ", какъ равно и веденіе хозяйственной части и всей отчетности. Учебное дѣло, основанное на началахъ самоуправленія, явилось въ то же время для слушательницъ общественной школой: женщина пріучалась здѣсь къ самостоятельности, развивалась въ общественномъ отношеніи, привыкала искать и находить опору въ себѣ и въ своихъ силахъ.

Но уже въ 1878 г. появились признаки приближенія грозового облака, которое въ то время принимали за свѣтлую точку, предвѣщавшую блестящую перспективу. На возбужденное ходатайство о присвоеніи курсамъ названія „Женскихъ курсовъ при московскомъ университетѣ", подъ контролемъ послѣдняго, съ надеждой на предоставленіе курсамъ впослѣдствіи *правъ*, полученъ отказъ. Предлагалось только составить проектъ правилъ для производства особыхъ при университетѣ спеціальныхъ испытаній для лицъ женскаго пола, желающихъ пріобрѣсти права преподаванія во всѣхъ классахъ гимназій и институтовъ. Но все окончилось однимъ проектомъ. Дальнѣйшаго развитія курсы не имѣли, а въ

1886 г., по распоряженію правительства, всѣ такъ называемые «высшіе женскіе курсы» были закрыты. Наступилъ двѣнадцатилѣтній перерывъ въ развитіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Говорить о высшихъ женскихъ курсахъ въ другихъ городахъ Россіи значитъ повторить исторію московскихъ курсовъ.

Конечно, всѣ высшіе женскіе курсы въ Россіи представляютъ изъ себя привлекательную, но очень маленькую страницу въ исторіи женскаго образованія, которая и вся-то до крайности мала.

Достаточно сказать, что при существованіи *курсовъ* русская женщина все время массами принуждена была искать за границей средствъ къ всестороннему, основательному изученію тѣхъ или другихъ наукъ. Въ то время, какъ у насъ писалась эта крохотная страница исторіи, которая будто-бы говоритъ о нашемъ передовомъ посту, за этотъ періодъ въ Западной Европѣ не прекращался постепенный прогрессъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Англіи женщинѣ давно уже открытъ доступъ въ университетъ; также во Франціи, Германіи, Италіи, Голландіи, Даніи, Швейцаріи, Норвегіи и Швеціи, гдѣ женщины, наравнѣ съ мужчинами имѣютъ право занимать университетскія каѳедры.

Авторъ выражаетъ надежду, что скоро и у насъ то же будетъ.

Потрудился писатель на нивѣ отечественной литературы сорокъ лѣтъ, выпустилъ въ свѣтъ болѣе сорока томовъ своихъ сочиненій, каждый читатель установилъ свой опредѣленный взглядъ на такого писателя, а когда при *случаѣ* наступила нѣкоторая потребность объ этомъ писателѣ столковаться между собою, опредѣлить общій взглядъ на него, то не оказалось въ наличности у людей, заинтересованныхъ въ такомъ опредѣленіи, ни одной общей точки прикосновенія, и всѣ вновь разбрелись въ разныя стороны, каждый при собственномъ взглядѣ. Писатель этотъ—г. Боборыкинъ, нынѣ юбиляръ за сорокалѣтнюю литературную службу. Послѣдняя его работа носитъ названіе „Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка“; объ этомъ произведеніи теперь очень много говорятъ въ печати, и говорятъ именно такъ, какъ сказано выше, всѣ разно и розно: Что такое изъ себя представляетъ г. Боборыкинъ, какъ писатель, соціологъ ли онъ (какъ Тургеневъ), или натуралистъ (какъ Зола), или тенденціонистъ (какъ наши шестидесятники)? Наконецъ, народникъ ли онъ, или буржуа?... Либералъ, или консерваторъ?.. И то и другое, и третье и четвертое, все что хотите, но не что нибудь одно. Въ дополненіе ко всей этой смѣси г. Боборыкинъ называетъ самъ себя эстетикомъ, чѣмъ противорѣчитъ, за малыми исключеніями, всей своей литературной дѣятельности и тѣмъ вноситъ въ представленіе о немъ самую невообразимую путаницу. Съ точки зрѣнія этой своей эстетики онъ и разсматриваетъ *романъ на западѣ за двѣ первыя трети вѣка*.

Неблагодарную роль принялъ на себя авторъ статьи („Западный романъ передъ судомъ эстетика“) г. Коганъ. Онъ взялся доказать г. Боборыкину, что эстетическая точка зрѣнія послѣдняго не приложима къ роману на западѣ, что самый эстетическій методъ г. Боборыкина прямо несостоятеленъ.

Г. Боборыкинъ заявляетъ о себѣ, что онъ не только эстетикъ, сторонникъ самостоятельности красоты, какъ понятія, но и эволюціонистъ. Красота, по его мнѣнію, есть нѣчто совершенно обособленное, стоящее независимо, почти не связанное ни съ какими другими элементами. Затѣмъ, какъ эволюціонистъ онъ говоритъ, что до сихъ поръ большинство критиковъ довольствуется пріемами оцѣнщиковъ, которые позволяютъ себѣ безповоротно судить, произносить похвалы или порицанія, что эволюціонный принципъ могъ бы очистить критику отъ такого рода пріемовъ. По г. Боборыкину, эволюціонному принципу присуще исключительно объективное отношеніе къ предмету. Но ставъ на такую точку зрѣнія, г. Боборыкинъ тотчасъ же пошатнулся на этой опорѣ. Прежде всего въ западной литературѣ онъ не нашелъ ни одного романа, который бы удовлетворялъ безусловно его эстетическимъ требованіямъ; затѣмъ, при желаніи *совершенно* объективно отнестись къ дѣлу, ему пришлось *совершенно* произвольно раздѣлить всю западную литературу на двѣ части, изъ коихъ одна будто бы застыла въ своей формѣ и содержаніи, другая прогрессировала. Разумѣется, эту только послѣднюю онъ и признаетъ за желательную и заслуживающую вниманія.

Какой же *романъ* считаетъ онъ удовлетворяющимъ *истиннымъ* принципамъ искусства? Тотъ, который не проводитъ никакихъ идей, не слѣдуетъ никакимъ направленіямъ, не зависитъ въ своемъ творчествѣ отъ жизни, довлѣетъ самъ себѣ. Обозрѣвая всю западную литературу, г. Боборыкинъ, однако, не нашелъ такого романа, который бы всецѣло этимъ требованіямъ удовлетворялъ. Г. Боборыкинъ беретъ извѣстныхъ авторовъ и каждаго изъ нихъ развѣнчиваетъ, обращая въ полнѣйшее ничтожество. Такъ, по его мнѣнію, „истинное завоеваніе творческаго романа въ работѣ Шпильгагена сводится, въ сущности къ весма малому, если цѣнить всего больше художественныя завоеванія романа“. Романы Ауэрбаха, оказываются, тоже не представляютъ собою истинныхъ завоеваній художественнаго творчества. Гуцковъ могъ бы оставить произведенія цѣнныя по лучшимъ работамъ художественнаго труда, если бы онъ былъ свободенъ отъ тенденціозности. Характеризуя соціальные романы Жоржъ-Зандъ, къ которымъ романистка перешла отъ апологіи правъ женщинъ на ракенство и свободную любовь, г. Боборыкинъ усмотрѣлъ въ фактѣ этого перехода весьма немного.

Такимъ образомъ, Шпильгагенъ, Ауэрбахъ, Гуцковъ, Жоржъ-Зандъ и проч. и проч. суть такіе писатели—романисты, которые застыли въ формѣ и въ содержаніи и, мало того, по г. Боборыкину, прямо таки внесли въ творчество вредные отрицательные элементы, потому что ихъ романы были идейны, слѣдовали опредѣленному направленію, зависѣли всецѣло отъ жизни; романы ихъ были только формою для выраженія извѣстныхъ убѣжденій. Словомъ, г. Боборыкинъ побѣдоносно проѣхалъ по всему западноевропейскому роману и оставилъ послѣ себя *поле, усѣянное мертвыми костями.* Гдѣ же тотъ романъ, который долженъ быть названъ эстетико-эволюціоннымъ? Онъ встрѣчается у многихъ писателей,

но въ зачаточномъ видѣ, и ни у одного—въ законченномъ. Это романъ будущаго. Но г. Боборыкинъ, должно быть, шутитъ.

Авторъ статьи, г. Коганъ, такъ характеризуетъ романъ XIX столѣтія. „Романъ сыгралъ огромную роль въ исторіи мысли XIX в. Онъ помогъ европейскому обществу понять и осмыслить сложную работу, которой отмѣчено новѣйшее время, онъ далъ неоцѣненный матеріалъ въ руки мыслителей, онъ помогъ художественной литературѣ расширить сферу своихъ владѣній до невиданныхъ предѣловъ, именно, онъ вывелъ ее изъ сферы чистой красоты, сблизилъ съ другими формами выраженія человѣческой мысли; апостолы новыхъ идей выбирали эту форму для своей пропаганды; публицисты, философія и политическая экономія одинаково укладывались въ эту эластичную, гибкую, всеобъемлющую форму". „Европейскій романъ XIX вѣка! Цѣлый міръ идей и чувствъ, мыслей и настроеній, цѣлое море страстей и интересовъ связано съ этимъ краткимъ, но многозначительнымъ заглавіемъ! И тягости меттерниховскаго режима, и революціи, словно разъяренныя волны, носившіяся по европейскому материку, и медленная, но упорная борьба новаго класса, грозно оспаривающая у буржуазіи ея права на господство—всѣхъ бурь вѣка никогда не понять, не уяснить историку безъ европейскаго романа". „Романъ далъ то, чего не могли дать ни философскіе трактаты, ни экономическія системы, ни самая добросовѣстная фактическая научная работа. Въ вѣкъ, когда масса начинала управлять своей судьбою, онъ сильнѣе всѣхъ говорилъ этой массѣ и освѣщалъ ей общественныя отношенія. Прослѣдить эволюцію романа XIX в.—значитъ прослѣдить эволюцію взаимныхъ отношеній всѣхъ группъ европейскаго общества, эволюцію идей, выросшихъ на почвѣ этихъ отношеній, короче говоря, охватить всю жизнь Европы въ ея развитіи. Эволюція новѣйшаго романа менѣе всего допускаетъ примѣненіе эстетической точки зрѣнія".

Но „жалкое зрѣлище представляетъ европейскій романъ при свѣтѣ эстетической критики! Книга г. Боборыкина ясно показываетъ, что ни эстетическій вкусъ, ни обширная начитанность не въ состояніи привести къ удовлетворительнымъ результатамъ при изслѣдованіи явленій художественнаго творчества, если искуственно отдѣлить послѣднее отъ жизни, если разсматривать его какъ нѣчто независимое и самостоятельное. Исторію литературы нельзя изучать внѣ другихъ общественныхъ наукъ".

Въ заключеніе позволительно спросить, что же представляютъ изъ себя романы самого г. Боборыкина? Отражали ли они общественную жизнь, или они были только авторскимъ вымысломъ, отрѣшеннымъ отъ жизни?... Своимъ послѣднимъ словомъ г. Боборыкинъ самъ подъ себя подкопался.

Къ произведеніюг. Боборыкина относится г. Спасовичъ („Вѣстникъ Европы") снисходительнѣе предыдущаго автора, но и онъ, между прочимъ, отзывается такъ: „Я полагаю, что П. Д. Боборыкинъ имѣлъ собственно въ виду не то, что написалъ, и отсюда вышло недоразумѣніе". Такъ, авторъ „Романа XIX столѣтія", не признавая за романомъ и вообще за искусствомъ, права на какое бы то ни

было служебное отношеніе къ добру, морали и тому подобнымъ необходимымъ условіямъ жизни, вполнѣ, конечно, послѣдовательно, требуетъ и отъ критики соотвѣтствующаго отношенія къ роману, т. е., чтобы ея оцѣнка художественныхъ произведеній, ограничивалась эстетической стороной предмета. Такъ какъ эти требованія г. Боборыкина достаточно произвольны, то г. Спасовичъ вновь возбуждаетъ старый вопросъ о назначеніи художественныхъ произведеній. Положимъ, говоритъ онъ, что „искуство не имѣетъ притязаній быть въ жизни законодателемъ или руководителемъ, не обязано быть для жизни служкою, доставлять жизни что бы то ни было практически полезное, но его задача— эмоціонировать людей; значитъ, оно существуетъ только въ средѣ общества и должно сообразоваться съ необходимыми общественными условіями". Если даже существуютъ такіе писатели — художники, которые всецѣло способны отрѣшиться отъ жизненныхъ условій, способны создавать вещи, которыхъ въ природѣ нѣтъ, хотя и болѣе совершенныя, чѣмъ сама дѣйствительность, то и тогда позволительно критикамъ „заглянуть въ душу писателя" слѣдовательно, ввести въ критику психологическій элементъ. Здѣсь г. Спасовичъ ставитъ г. Боборыкина лицомъ къ лицу къ Эннекену, котораго тотъ всецѣло признаетъ, но которому всецѣло не слѣдуетъ. Далѣе, по понятіямъ г. Боборыкина, изящныя произведенія подлежатъ суду эстетики не только по формѣ, но и по содержанію. Разумѣется, г. Спасовичу, и кому бы то ни было, чрезвычайно легко возразить противъ этого совершенно обветшалаго реторическаго архаизма. „Такъ какъ содержаніе поэзіи— чувства, значитъ, другими словами, то, что художникъ сильно любилъ или ненавидѣлъ, то изъ сего неизбѣжно слѣдуетъ, что художникъ влагалъ въ произведеніе и свои личныя привязанности и отвращенія, а значитъ, вмѣстѣ съ ними, и тѣ идеи общества, націи, вѣка, которыми былъ непроизвольно со своей стороны одушевленъ. Оказывается, что собственно и не бываетъ нетенденціозныхъ преизведеній. Если исключить всѣ въ какой бы то ни было степени тенденціозныя произведенія, какъ служебныя, какъ преслѣдующія цѣли не только красоты, но и морали, то въ выставочной витринѣ настоящаго художества, очутятся только бездѣлицы, только пустыя игрушки. Изъ этого большого затрудненія г. Боборыкинъ выпутывается съ трудомъ. Онъ съ нимъ справляется, какъ справился съ субъективизмомъ; онъ допускаетъ тенденцію, какъ одинъ изъ многихъ факторовъ творчества, но допускаетъ ее со всевозможными сокращеніями и ограниченіями. По этому случаю совершенно кстати замѣчаетъ г. Спасовичъ, что нельзя задаваться такими неразрѣшимыми вопросами, какъ „созданъ ли носъ для ношенія очковъ, или очки для украшенія носа?"

Будетъ ли, въ свою очередь, законна такая критика, которая, кромѣ элементовъ эстетическихъ и психологическихъ, вдается также въ разборъ элементовъ соціологическихъ? Имѣетъ ли право критика уяснять личныя привязанности автора, опредѣлять точно его идеи, выраженныя имъ образно и часто иносказательно, по-

казывать правдивость или лживость этихъ идей, способность или безнадежность распространенія ихъ; наконецъ, показать, какихъ людей авторъ вывелъ: живыхъ или мертвыхъ, возможныхъ или фантастическихъ? Если признавать законность идейныхъ тенденціозныхъ произведеній (а ихъ признаетъ даже г. Спасовичъ), то необходимо признать и соціологическую критику, которая бы раскрывала эти идеи, уясняла тенденцію автора, очищала ее отъ фальши, ошибокъ и замаскированной преднамѣренности. Такая критика законна еще и потому, что каждый читатель также именно относится къ каждому художественному произведенію: это есть свойство и потребность нашего разума—относиться ко всему безусловно въ большей или меньшей степени критически, не стѣсняясь рѣшительно никакими рамками. Г. Боборыкинъ можетъ издать законъ, ограничивающій литературную критику *должными* предѣлами, но онъ не можетъ къ душѣ читателя приставить квартальнаго надзирателя, чтобъ тотъ читалъ въ мысляхъ читателя. Г. Спасовичъ также замѣчаетъ, что „въ произведеніяхъ крупнѣйшихъ русскихъ романистовъ художественный умыселъ перемѣшанъ съ соціологическими грезами, причемъ иногда послѣднія преобладаютъ надъ первымъ, такъ что критика поставлена въ необходимость съ ними считаться“, и онъ затрудняется отвѣтить, будетъ-ли когда-нибудь отдѣлено одно отъ другого, художественный умыселъ отъ грезъ, и даже желательно ли такое отдѣленіе?

Вообще, г. Боборыкинъ, придерживаясь своего эстетико-эволюціоннаго принципа, сдѣлалъ большіе шаги.... назадъ и въ сторону. Онъ не признаетъ ни романовъ національныхъ, ни романовъ историческихъ.

Но г. Спасовичъ надѣется, что авторъ въ дальнѣйшемъ продолженіи своего труда, а именно—„о русскомъ романѣ“, отрѣшится отъ своихъ недостатковъ. Если г. Боборыкинъ дѣйствительно отрѣшится отъ недостатковъ, то не окажется въ наличности никакого *продолженія*.

Касаясь вопроса, постоянно поднимаемаго критикою о значеніи поэзіи Надсона и мѣстѣ его въ ряду русскихъ поэтовъ XIX вѣка, П. Ф. Гриневичъ (въ „Русскомъ Богатствѣ“), между прочимъ, сообщаетъ интересныя цифры объ изданіи стихотвореній Надсона, этого „пѣвца общественныхъ порывовъ и настроеній“, который, какъ сейчасъ увидимъ, съ перваго своего появленія въ литературѣ и до сего дня продолжаетъ пользоваться успѣхомъ, не только не ослабѣвающимъ, но все растущимъ.

„8 марта 1885 г. вышло I изданіе въ количествѣ всего 600 экземпляровъ; въ январѣ и мартѣ слѣдующаго года напечатаны II и III изданія, по 1.000 экз. каждое. При жизни поэта разошлось, такимъ образомъ, всего 2.600 экз. его стихотвореній. Первое посмертное (IV по счету) изданіе вышло 19 февраля 1887 г. въ 1.000 экз.; напечатанное одновременно V изданіе состояло также изъ 1.000 экз. Слѣдующее (VI), такъ называемое солдатенковское, изданное на превосходной бумагѣ, вышло въ августѣ

1887 г. (т. е. полгода спустя) уже въ 4.500 экз. Ровно два мѣсяца спустя, понадобилось VII изданіе въ 6.000 экз. Въ такомъ же количествѣ печатались и слѣдующія десять изданій.

Семнадцатое изданіе было расхватано такъ быстро, что уже полгода спустя литературному фонду (собственнику стихотвореній) пришлось подумать о новомъ изданіи. Становилось очевиднымъ, что имя Надсона успѣло сдѣлаться на Руси классическимъ, извѣстнымъ наравнѣ съ лучшими именами литературы, что поэзія его стала близкой и понятной всякому болѣе или менѣе культурному человѣку, въ которомъ просыпается интересъ къ литературѣ и поэзіи.... Въ виду этого фондъ рѣшилъ отпечатать XVIII изданіе (которое и вышло въ маѣ 1900 г.), уже не въ *шести*, а въ *двѣнадцати тысячахъ* экземпляровъ... Такимъ образомъ, за короткій періодъ 15 лѣтъ было напечатано 87.100 экз. стихотвореній Надсона".

Авторъ полагаетъ, что столь широкое распространеніе стихотвореній Надсона заключается въ томъ значеніи его поэзіи, которое не зависитъ отъ даннаго времени и данныхъ историческихъ обстоятельствъ. Надсонъ былъ не только „пѣвцомъ больного поколѣнія", но и пѣвцомъ юности вообще, чистоты и свѣжести юнаго чувства, красоты дѣвственныхъ порываній къ идеалу. Раздвоенность, рефлексія внесли, несомнѣнно, свою законную долю въ острую, почти болѣзненную популярность Надсона въ концѣ 80-хъ годовъ, но главная притягивающая сила и непреходящая прелесть его поэзіи—въ томъ, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣковѣчная красота молодости. „Тревога юныхъ силъ", „боль за идеалъ и слезы о свободѣ", мечты о любви—не любви знойныхъ ночей и сладострастныхъ объятій, а любви—подвигѣ и молитвѣ, привязанность къ родинѣ до готовности стать ея «псомъ сторожевымъ», жизнь—«келья святая дѣвственныхъ думъ и завѣтныхъ трудовъ», всѣ эти трогательнѣйшіе мотивы надсоновской музы—не что иное, въ сущности, какъ мечты, наполняющія и волнующія всякую здоровую юность.

Авторъ получилъ доступъ къ тетрадямъ поэта и пересмотрѣлъ всѣ оставшіеся послѣ него стихи. По мнѣнію автора, въ отысканныхъ имъ отрывкахъ и наброскахъ, можетъ быть, нельзя встрѣтить какихъ-либо шедевровъ надсоновской музы, того, что бросило бы неожиданно новый свѣтъ на его поэтическую личность, явилось бы серьезнымъ вкладомъ въ поэзію. Но сила таланта и искренности Надсона ярко бросаются въ глаза даже въ самыхъ, незначительныхъ наброскахъ (въ 2—3 стиха), кинутыхъ бѣглою рукою на бумагу, забытыхъ тотчасъ же и оставленныхъ навсегда безъ окончанія, безъ отдѣлки, даже порой безъ соотвѣтствующей рифмы. Но по этимъ наброскамъ можно, до извѣстной степени уяснить процессъ творчества, „муки слова". Слѣды этой работы сохранились не столько въ видѣ помарокъ и надстрочныхъ поправокъ, сколько въ огромномъ числѣ списковъ одного и того же стихотворенія, слѣдующихъ во множествѣ одинъ за другимъ. Отсюда, слѣдуетъ ли вообще заключать, что писать стихами значитъ толковать объ *искуственности* стихотворной формы, иску-

ственности, доходящей до возможности писать стихи механически? Авторъ по этому поводу замѣчаетъ, что конечная цѣль стиховъ, какъ и прозы, не одни только красивые звуки, но и достигаемая ими поэзія. „Всякое искусство по самой природѣ своей искуственно и только отъ личныхъ свойствъ ума, склада душевной организаціи художника зависитъ, какому роду искусства онъ отдается, въ какія формы съ наибольшимъ удобствомъ и силой отольются его идеи, эмоціи, образы“ для передачи мысли, чувства и настроенія художника другимъ людямъ. Очевидно, что одинъ изъ законовъ художественнаго творчества заключается въ простотѣ, легкости и доступности художественнаго произведенія. Естественно, предположить, что одни художники выливаютъ въ окончательную форму свои произведенія легко, а другіе мучительно, но результатъ можетъ получиться одинаковый.

Въ тетрадяхъ Надсона оказалось множество законченныхъ стихотвореній, которыя могли бы быть тогда же напечатаны. Но Надсонъ не торопился сдавать ихъ въ печать, вѣроятно, признавая ихъ недостаточно совершенными. До такой степени онъ не довѣрялъ самъ себѣ и ревниво оберегалъ русскую литературу отъ всякой невыдержанной лишней строки. *Мукой слова* онъ постоянно терзался; ему казалось, что стихи его выражаютъ совсѣмъ не то, что онъ чувствовалъ на дѣлѣ и что хотѣлъ выразить, — отсюда эти безчисленныя поправки, эти неустанные поиски новыхъ болѣе точныхъ эпитетовъ и сравненій, новыхъ метровъ“. Въ настоящее время нѣкоторыя изъ такихъ стихотвореній напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“, преимущество въ октябрской книжкѣ. Трудно догадаться, какія бы еще измѣненія могъ внести въ нихъ Надсонъ: до такой степени они закончены.

Въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“ г. Н. Дубровинъ („Русская жизнь въ началѣ XIX в.“) останавливается преимущественно на томъ моментѣ, когда вниманіе всего русскаго общества было сосредоточено на одномъ человѣкѣ, его замыслахъ и дѣйствіяхъ. Этимъ моментомъ былъ 1808 годъ, а человѣкомъ—Наполеонъ, достигшій къ тому времени вершины своего могущества и славы. Замыслы его на Россію уже не составляли секрета. Вся Европа была ему прямо или косвенно подчинена; внѣ сферы его вліянія оставались только Англія и Россія, на подчиненіе которыхъ онъ смотрѣлъ только какъ на вопросъ времени, а въ геніѣ своемъ, который ему еще не измѣнялъ, онъ не сомнѣвался. Надвигающуюся опасность всѣ предвидѣли. Въ это время Россіей была объявлена война со Швеціей. Объявленіе было встрѣчено не только не сочувственно, но съ нѣкоторымъ ропотомъ. „Всѣ страшились навязанныхъ Россіей войнъ, съ Швеціей и Англіей, имѣя на рукахъ еще двѣ: съ Турціей и на Кавказѣ съ Персіею и горцами“. „Всѣ были увѣрены, что и теперь Наполеонъ, желая только ослабить Россію, не допуститъ ее къ какимъ-либо пріобрѣтеніямъ, а безъ нихъ новая война является только бременемъ и разстройствомъ“. Въ сдавленной Германіи образовались противъ Наполеона тайныя общества. Для поддержанія ненависти къ Напо-

леону и въ виду все увеличивающихся опасностей, нѣкоторые русскіе патріоты приняли на себя роль общественныхъ будильниковъ. Въ этой роли, между прочимъ, выступилъ С. Н. Глинка, начавшій періодическое изданіе „Русскій Вѣстникъ". Задачей изданія, какъ говорилось въ объявленіи, будетъ защита всего отечественнаго и порицаніе рабскаго поклоненія иностранному. „Русскій Вѣстникъ" былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ; гр. Растопчинъ предложилъ себя въ сотрудники, въ журналъ посыпались статьи, совѣты и пожеланія. Глинка былъ именно тотъ человѣкъ, котораго какъ будто ожидали на этомъ посту. Сильные міра не страшили его, онъ никогда и ничего не искалъ у нихъ, при каждомъ случаѣ высказывалъ свой независимый характеръ, и менѣе всего, конечно, его страшилъ Наполеонъ. Такимъ образомъ, съ выходомъ „Русскаго Вѣстника" была объявлена война повелителю Франціи. „Если неисповѣдимыми творческими судьбами, говорилъ Глинка, назначено когда-нибудь возгорѣться войнѣ между Россіей и Франціей, то Россія явится во всеоружіи". „Не угнетая чужихъ земель, не разоряя себя, Россія можетъ содержать въ мирное время милліонъ войска". Патріотизмъ Глинки и вѣра въ русскую мощь у Глинки были безграничны. Воейковъ въ своей извѣстной поэмѣ „Домъ сумасшедшихъ" такъ охарактеризовалъ Глинку:

„Нумеръ третій: на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ „духъ русскій" въ склянкѣ
Не закупоренъ стоитъ.
„Книга Кормчая" отверзта
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены".

Книжки „Русскаго Вѣстника" читались нарасхватъ, возбуждали народный духъ и разжигали нерасположеніе не только къ Наполеону, но и къ представителямъ его въ Россіи, да и вообще къ французамъ. „Императоръ Александръ I, по ненависти къ Наполеону, долженъ былъ втайнѣ сочувствовать такому направленію общества, но, считая его рановременнымъ, не поощрялъ его и въ то же время не запрещалъ, а ограничивался молчаніемъ". Между тѣмъ, зоркіе глаза Наполеона и его представителей въ Россіи не упускали ничего изъ вида. Французскій посолъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, приказалъ перевести нѣсколько статей изъ „Русскаго Вѣстника" и пожаловался государю.

— Я не мѣшаюсь въ печатныя мнѣнія моихъ подданныхъ, отвѣчалъ государь,—это дѣло цензуры.

Событія шли, однако, своимъ чередомъ, и, разумѣется, не печати того времени было остановить ихъ. Состоялось знаменитое эрфуртское свиданіе, на которомъ узы, соединяющія дружбу двухъ императоровъ, сдѣлались еще крѣпче и неразрушимѣе. Такъ писалъ одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Всѣ русскіе журналы и газеты такъ же, какъ и иностранные, были переполнены извѣстіями объ *искренней дружбѣ императоровъ*.

Бдительность цензуры была страшно усилена: изъ снисходительной она сдѣлалась строгой и придирчивой. И при такихъ-то условіяхъ Глинка не остановился и продолжалъ свою дѣятельность. Можно себѣ вообразить, сколько заключалось траги-комическаго въ упорной взаимной борьбѣ между Глинкою и цензурою. Глинка успокоился только тогда, когда владычество Наполеона повсюду окончилось. Скончался тогда же и „Русскій Вѣстникъ".

Во второй изъ указанныхъ книжекъ журнала авторъ сообщаетъ о первыхъ самостоятельныхъ шагахъ Сперанскаго на поприщѣ преобразованій. Были изданы новыя правила о чинопроизводствѣ. Сперанскій быстро вошелъ въ силу и занялъ мѣсто въ рядахъ тогдашней знати. Разумѣется, эта знать принуждена была терпѣть его, какъ человѣка близкаго къ государю. Но каково же было ея удивленіе и озлобленіе, когда она узнала, что авторъ этихъ правилъ не кто иной, какъ Сперанскій, дьячекъ и... конечно, революціонеръ! Но Сперанскій не слушался. Указомъ 3 апрѣля 1809 г. повелѣно было всѣмъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоявшимъ въ дѣйствительности на военной и гражданской службѣ, пріискать таковую втеченіе двухъ мѣсяцевъ или быть уволенными въ отставку. 9 августа появился указъ, поразившій даже и тѣхъ, кто защищалъ Сперанскаго. Указомъ устанавливались правила о производствѣ гражданскихъ чиновниковъ въ чинъ коллежскаго асессора и выше... по предъявленіи свидѣтельства отъ одного изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, что онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ, гражданской службѣ свойственнымъ. А указомъ 10 августа повелѣно было всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, незаявившихъ желанія поступить на дѣйствительную службу, числить въ отставкѣ.

Намъ теперь понятны мѣры Сперанскаго, въ особенности изложенная въ указѣ 6 августа. Эта мѣра „была вызвана необходимостью обновить администрацію какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. До тѣхъ поръ Россія управлялась малограмотнымъ чиновничьимъ міромъ, во многихъ мѣстахъ государства извѣстнымъ подъ именемъ міроѣдовъ и вышедшимъ, можно сказать, изъ *ничтожества*". Но тогда, когда знать смотрѣла на *казенныя мѣста*, какъ на неотъемлемую привиллегію, когда *ничтожество* смотрѣло на всѣ пути, ведущіе къ кормленію и почету, какъ на законные, тогда новшество Сперанскаго всѣ встрѣтили, какъ покушеніе революціонера съ цѣлію поколебать устои государства. Одинъ дворянинъ изложилъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Мысли унылаго дворянина:

„Отъ Рюрика до днесь дворянъ не утѣсняли,
За то Россію всѣ владычицей считали.
Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
Но правда и законъ былъ общій всѣмъ.
Геройство, подвигъ, трудъ—трофеи созидали
И въ общемъ счастье всѣ свое считали...
Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ,—хотя того не знали,
Но быть подпорой всѣ отечества желали...

А сынъ поповскій днесь, какъ мыльный шаръ летая,
У счастья подъ рукой, цѣны трудамъ не зная,
Науки вводитъ онъ, невѣжей бывши самъ.
Гдѣ гибель общая, онъ ищетъ счастья тамъ,
Искуственнымъ мечомъ Россію поражая.

Худой политикъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,
Невѣдѣнья завѣтъ у всѣхъ онъ хочетъ снять".

Даже Карамзинъ называлъ указъ объ экзаменахъ несчастнымъ.— Злопыхательство дошло до того, что Сперанскому стали „приписывать, какъ бы сторонніку Наполеона, прямое участіе во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ невзгодахъ". Извѣстно, что на этомъ пути цѣль враговъ Сперанскаго была достигнута.

И. М.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Записки англичанина о 14 декабря.—Дворецъ и дворъ въ Византіи при императорѣ Юстиніанѣ Великомъ.—Наполеонъ и Жозефина Богарне.—Неудавшіеся переговоры о женитьбѣ Наполеона I на русской великой княжнѣ.—Изъ переписки прусской королевы Луизы съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Стрелецкимъ.

Въ послѣдней книжкѣ лондонскаго Cornhill Magazine помѣщенъ нелишенный нѣкотораго интереса для русскихъ читателей отрывокъ изъ дневника англійскаго путешественника Charles Earle, посѣтившаго въ 1825—26 гг. Данію, Швецію и Россію. Можно лишь пожалѣть, что г-жа Earle, напечатавшая эти отрывки, сочла, по ея собственнымъ словамъ, нужнымъ чрезвычайно сильно сократить многія мѣста дневника, находя ихъ мало интересными для англійскихъ читателей. Авторъ дневника отличается незаурядной наблюдательностью и точностью описаній, и можно думать, что, благодаря „сокращеніямъ", читатели лишены многихъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей.

Петербургъ того времени произвелъ на путешественника сильное впечатлѣніе, какъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его дневника:

„*Октября 6, 1825 г.* По мѣрѣ нашего приближенія къ С.-Петербургу увеличивалось наше желаніе поскорѣе увидать этотъ знаменитый городъ; но, не смотря на то, что мы пользовались всякимъ попадавшимся по пути холмомъ—нельзя было увидать ничего кромѣ необозримой равнины, плохо культивированной, мало населенной и вообще ничѣмъ не указывающей на близость большого города. Но вотъ, наконецъ, мы достигли Невы, и я велѣлъ возницѣ остановиться, чтобы обозрѣть величественный городъ. Ничто, видѣнное мной до сихъ поръ, не можетъ сравниться съ coup d'oeil этого города. Все, на чемъ останавливаются взоры, поражаетъ своимъ величіемъ: берега рѣки, украшенные великолѣпными дворцами, Адмиралтейство съ его золоченымъ шпилемъ, словомъ, все какъ будто нарочно создано для того, чтобы произвесть глубокое впечатлѣніе на умъ зрителя".

Дальше напечатанъ отрывокъ, описывающій возстаніе декабристовъ и подавленіе его.

„9-го декабря (н.с.) до столицы дошла печальная вѣсть о кончинѣ императора: извѣстіе объ его болѣзни и о кончинѣ получены были почти одновременно. Казалось, всѣ были поражены этимъ прискорбнымъ событіемъ, ибо покойный императоръ былъ любимъ всѣми классами общества.

„На слѣдующее утро войска принесли присягу великому князю Константину. Начиная съ этого дня, вплоть до возвращенія курьера изъ Варшавы (25 декабря) умы русской публики были въ значительной степени заняты вопросомъ о престолонаслѣдіи, такъ какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что великій князь Константинъ формально заявилъ о намѣреніи отказаться отъ престола въ пользу своего брата Николая. Утромъ 25 декабря было торжественно объявлено во всеобщее свѣдѣніе объ отреченіи великаго князя Константина, а 26 декабря (т. е. 14 дек. с. ст.) былъ опубликованъ манифестъ новаго императора. Въ тотъ-же день государственный совѣтъ, сенатъ и святѣйшій синодъ принесли присягу на вѣрность императору Николаю. Около половины 12-го ч. полковники кавалергардскаго, конно-гвардейскаго, преображенскаго и другихъ 6-ти полковъ донесли, что солдаты ихъ полковъ принесли присягу. То обстоятельство, что не было одновременно получено подобныхъ же донесеній изъ другихъ полковъ сначала объяснялось отдаленностью положенія изъ казармъ. Но въ 12-мъ часу дня во дворцѣ были получены свѣдѣнія объ арестѣ нѣсколькихъ офицеровъ конной артиллеріи, выказавшихъ оппозицію въ вопросѣ о принесеніи присяги.

Какъ разъ въ этотъ моментъ я проходилъ по Исаакіевской площади, направляясь въ англійскую библіотеку. На площади было много народа, сильно шумѣвшаго. Я спросилъ сопровождавшаго меня лакея—въ чемъ дѣло? и онъ объяснилъ мнѣ, что народъ чествуетъ новаго императора. Считая подобное явленіе въ порядкѣ вещей, я не обратилъ на него особаго вниманія и продолжалъ свой путь. Не успѣлъ я провести десяти минутъ въ библіотекѣ, какъ въ нее вбѣжала полумертвая отъ страха жена библіотекаря и сказала мнѣ, что на улицахъ сражаются солдаты и что полиція приказала закрыть входы во всѣхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ публикой. При выходѣ изъ библіотеки я встрѣтилъ самого библіотекаря, сообщившаго мнѣ, что убитъ графъ Милорадовичъ. Я немедленно сѣлъ въ сани и направился къ мѣсту происшествія, но нашелъ всѣ проходы, ведущіе къ площади, занятыми полиціей. Не получивъ разрѣшенія проѣхать черезъ площадь, я отправился домой окольной дорогой, но на пути встрѣтилъ графа Дёрнбера (Doernbers), который разыскивалъ лорда Стрэнгфорда (Lord Strangford). Онъ сѣлъ въ мои сани и мы вмѣстѣ отправились въ Hotel de Londres, гдѣ нашли лорда Стрэнгфорда, бывшаго свидѣтелемъ паденія графа Милорадовича съ лошади. Мы всѣ трое отправились обратно на площадь. Было уже около часа и Московскій полкъ, отказавшійся присягать, выстроился на площади. Императоръ, неогражденный никѣмъ, вышелъ изъ дворца

и былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ толпами, собравшимися на улицахъ. Но вскорѣ сдѣлалась очевидной необходимость привлеченія къ дѣлу войскъ, и императоръ во главѣ батальона преображенскаго полка направился къ возмутившимся войскамъ. Говорили, что онъ рѣшился не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, пока не будутъ испробованы пути умиротворенія. Вскорѣ на площади появилось еще нѣсколько полковъ, такъ какъ приходилось противопоставлять силу силѣ. Толпа, собравшаяся на площади, начала дѣлаться очень буйной и, сломавъ полисадникъ напротивъ Исаакіевскаго собора, вооружалась копьями и, окруживъ полковника конной гвардіи, угрожала его жизни. Было очевиднымъ, что настроеніе толпы и возмутившихся полковъ таково, что приходилось отказаться отъ всякихъ попытокъ къ умиротворенію, и кавалергардамъ было приказано идти въ аттаку. Они были встрѣчены со стороны мятежниковъ залпомъ. Возлѣ того мѣста, гдѣ я стоялъ съ княземъ Щварценбергомъ, лошадь была ранена пулей въ плечо и солдату стоило не малыхъ трудовъ вывести бѣдное животное изъ рядовъ. Надо отдать справедливость императору: онъ прибѣгъ къ крайнимъ мѣрамъ, лишь испытавъ другія средства. Лишь послѣ того какъ увѣщанія митрополита оказались тщетными и мятежники дали нѣсколько залповъ по войскамъ, императоръ рѣшилъ пустить въ ходъ средства, которыя положили быстрый конецъ дѣлу. Эта рѣшительность была тѣмъ болѣе необходима, что уже начинало темнѣть. Были привезены пушки, заряженныя картечью. Въ надеждѣ испугать мятежниковъ первый залпъ былъ сдѣланъ по очень высокому прицѣлу и картечь пронеслась надъ ихъ головами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ знаки на стѣнахъ зданія сената. Но въ виду того,что толпа не расходилась, слѣдующій залпъ былъ направленъ прямо въ карре мятежныхъ войскъ. Разстояніе было не болѣе 100 ярдовъ, такъ что легко представить—какой эффектъ произвела картечь, направленная въ компактную массу войскъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала кавалерійская аттака; толпа и мятежныя войска разбѣжались во всѣ стороны и были преслѣдуемы кавалеріей и конной гвардіей, гнавшимися за ними съ обнаженными саблями. Навсегда останется тайной—сколько жертвъ вызвало это возстаніе, такъ какъ тѣла убитыхъ были немедленно спущены въ Неву подъ лёдъ. Сынъ содержателя извозчичьихъ экипажей, у котораго я нанималъ свой экипажъ, палъ жертвой любопытства; многіе съ трудомъ избѣжали подобной-же участи. Войска, принимавшія участіе въ подавленіи возстанія, расположились бивуаками на всѣхъ главныхъ улицахъ и площадяхъ. Ночью въ городѣ царила полная тишина, нарушаемая лишь окликами часовыхъ и говоромъ солдатъ, грѣвшихся вокругъ костровъ. На слѣдующее утро войска, принимавшія участіе въ возстаніи, были собраны напротивъ адмиралтейства, и императоръ возвратилъ имъ знамена, отобранныя у нихъ. На снѣгу, посреди площади былъ воздвигнутъ аналой, и митрополитъ отслужилъ молебствіе."

Послѣ этого интереснаго разсказа идутъ выдержки изъ дневника, въ которыхъ описывается путь изъ Петербурга въ Москву, самая Москва, гдѣ авторъ дневника пробылъ шесть мѣсяцевъ;

вслѣдъ затѣмъ онъ отправился въ Одессу, съ рекомендательными письмами княгини Зинаидѣ Волконской, которую онъ называетъ „La Corinne du Nord“. Къ сожалѣнію, издательница дневника не приводитъ выдержекъ, касающихся Одессы и гр. Воронцова, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что эта часть дневника очень объемиста и интересна.

Когда въ началѣ IV столѣтія Константинъ Великій избралъ своею резиденціею Византію, онъ построилъ тамъ великолѣпный дворецъ, который былъ расширенъ его преемниками и еще болѣе украшенъ во времена Юстиніана и Ѳеодоры. Отъ этихъ великолѣпныхъ построекъ нынѣ не осталось почти никакихъ слѣдовъ въ Константинополѣ, лишь по дошедшимъ до насъ историческимъ даннымъ есть возможность хотя приблизительно составить себѣ представленіе о дворцахъ и другихъ постройкахъ временъ Юстиніана и Ѳеодоры [1]). Разумѣется, они не могли походить на такія зданія, какъ напримѣръ Тюльерійскій дворецъ, но скорѣе всего напоминали московскій Кремль, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи были окружены (въ X вѣкѣ) высокою стѣною. Подъ императорскимъ дворцомъ въ Византіи подразумѣвался цѣлый рядъ разнообразныхъ зданій: дворцовъ, церквей, отдѣльныхъ пріемныхъ залъ, часовенъ, бань, гипподрома, казармъ для дворцовой стражи и высокихъ открытыхъ террасъ на колоннахъ, соединявшихъ всѣ эти постройки между собою. Особенно блестящій и великолѣпный видъ принялъ императорскій дворецъ при Юстиніанѣ, который, послѣ бывшаго въ Византіи огромнаго пожара, истребившаго и часть дворца, не только возстановилъ сгорѣвшія зданія, но расширилъ и украсилъ ихъ еще пышнѣе и богаче. Всѣ эти постройки расположены были кругомъ обширной площади, носившей названіе Августеонъ (Augustéon). На сѣверѣ находился соборъ св. Софіи, на юго-востокѣ гипподромъ и термы Зейксиппа, на западѣ зданіе сената, на юго-западѣ дворецъ Магнавръ и на югѣ императорскій дворецъ. Такимъ образомъ Августеонъ являлся какъ бы обширнымъ внутреннимъ дворомъ—„площадью св. Марка въ Константинополѣ“. Посрединѣ площади возвышалась колоссальная бронзовая конная статуя Юстиніана на высокомъ подножіи изъ бѣлаго мрамора. Императоръ былъ изображенъ смотрящимъ на востокъ: въ лѣвой рукѣ у него держава, а правой рукой онъ указываетъ на востокъ, „какъ бы угрожая—говоритъ историкъ Прокопъ, современникъ Юстиніана—варварамъ, чтобы они не выходили изъ своихъ границъ“. Статуя была такъ велика, что одна нога была больше человѣческаго роста.

Передъ зданіемъ сената Юстиніанъ воздвигъ великолѣпный портикъ, поддерживаемый шестью колоннами изъ бѣлаго мрамора и украшенный статуями. На юго-западной сторонѣ площади подъ портикомъ находилась тяжелая желѣзная дверь, которая вела въ роскошный вестибюль—полукруглый дворъ, обнесенный солидною рѣшеткою; за нимъ находился обширный залъ съ куполомъ, воз-

[1]) Grande Revue № 12 Декабрь 1900 года. „Figures byzantines“ par Charles Diehl.

обновленный Юстиніаномъ въ 538 году. Прокопъ въ своей книгѣ „о постройкахъ" даетъ нѣкоторое представленіе о великолѣпіи этого зала: полъ былъ устланъ блестящимъ мраморомъ, нижняя часть стѣнъ покрыта разноцвѣтными камнями, а самыя стѣны сплошной мозаикой, представлявшей различные военные подвиги Юстиніана и его полководцевъ. Другая дверь двустворчатая бронзовая (изъ вестибюля) вела въ обширныя помѣщенія, предназначавшіяся, вѣроятно, для дворцовой стражи; за ними былъ императорскій дворецъ. Первая замѣчательная въ немъ тронная зала, носившая названіе консисторіонъ (Consistorion). Со стороны наружнаго двора въ нее вели три двери изъ слоновой кости, задрапированныя внутри тяжелыми шелковыми занавѣсками. Стѣны консисторіона покрыты были драгоцѣнными металлами, а полъ великолѣпными пушистыми коврами. Въ глубинѣ залы, на возвышеніи изъ порфира, находился императорскій тронъ, весь изъ драгоцѣнныхъ камней и золота, подъ золотымъ балдахиномъ на четырехъ колоннахъ. За тропомъ три бронзовыя двери, ведущія во внутренніе парадные покои. Отсюда являлся Юстиніанъ въ консисторіонъ, въ сопровожденіи императрицы и придворной свиты, въ торжественные дни или пріема иностранныхъ пословъ. Великолѣпіе и пышность тронной залы были таковы, что чужеземные послы, какъ утверждали современные историки, приходили въ восторгъ и думали, что находятся въ раю. Возлѣ консисторіона находилась другая роскошная зала—триклиніонъ. Въ ней давались пышныя празднества въ честь иностранныхъ пословъ и высокихъ государственныхъ мужей и полководцевъ; также служила она и для нѣкоторыхъ торжественныхъ церемоній, какъ напримѣръ коронованія императрицы, или выставленія тѣла умершаго императора. Возлѣ триклиніона находилась церковь Спасителя, которая до IX-го столѣтія считалась часовнею при дворцѣ. Кромѣ того, было еще нѣсколько пріемныхъ залъ во дворцѣ Дафны съ прекрасной галлереей, съ которой видна была статуя нимфы Дафны, привезенная Константиномъ Великимъ изъ Рима. Отъ статуи получила названіе и вся эта часть дворца.

Изъ описанія видно, что всѣ эти зданія заключали въ себѣ лишь парадныя комнаты и залы, и слѣдовательно личные императорскіе покои находились въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ; и дѣйствительно, между дворцомъ Дафны и моремъ въ обширныхъ садахъ въ IX столѣтіи были видны еще два небольшихъ дворца, въ которыхъ кромѣ пріемныхъ залъ были помѣщенія, предназначенныя для интимной жизни императорской фамиліи. Но при императорахъ Ѳеофилѣ и Василіи они такъ были перестроены, что представить себѣ расположеніе ихъ во времена Юстиніана и Ѳеодоры положительно невозможно.

Передъ вступленіемъ своимъ на престолъ Юстиніанъ жилъ на берегу моря въ небольшомъ домикѣ-дворцѣ, который впослѣдствіи онъ разукрасилъ и присоединилъ къ дворцовымъ постройкамъ. Еще и теперь на берегу Мраморнаго моря, невдалекѣ отъ церкви св. Сергія, видны развалины этого дворца и обширные своды,

оставшіеся отъ галлерей, соединявшихъ домикъ Юстиніана съ главнымъ дворцомъ.

Вообще всѣ дворцы были соединены между собою открытыми воздушными террасами, съ которыхъ открывался чудный видъ на море; кромѣ того дворецъ Магнавръ имѣлъ сообщеніе съ соборомъ св. Софіи и дворецъ Дафны съ гипподромомъ.

Императоръ Юстиніанъ и Ѳеодора были низкаго рода и, хотя они быстро свыклись съ новымъ положеніемъ, но все таки старались окружить себя необычайною пышностью и строгимъ церемоніаломъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе по крайней мѣрѣ наружное. Въ прежнія времена доступъ къ императору былъ довольно свободный, но Юстиніанъ установилъ, чтобы при оффиціальныхъ выходахъ всѣ, безъ различія званія и положенія, падали предъ нимъ и его супругою ницъ и цѣловали край царской мантіи, называя себя при этомъ вѣрными рабами ихъ величествъ.

У императора Юстиніана былъ свой многочисленный придворный штатъ, у императрицы свой. Тутъ были и министръ двора (praepositus sacri cubiculi) множество камергеровъ (cubiculares), веститоры, референдаріи, секретари и многіе другіе. Затѣмъ слѣдовали высшіе государственные сановники: рефектъ Восточной области, который управлялъ большею половиною имперіи и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе законодательною частью, административною, юстиціею и финансами; градоначальникъ, министры: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, финансовъ; начальники императорской гвардіи, полководцы и другіе. Какъ придворные чины, такъ и всѣ сановники принимали всегда участіе во всѣхъ торжествахъ во дворцѣ.

Наполеонъ женился на графинѣ Жозефинѣ Богарне при странныхъ условіяхъ; бракъ ихъ не былъ освященъ церковью, а одними лишь гражданскими законами [1]). И хотя Наполеонъ вѣрилъ въ таинство брака, любилъ свою будущую жену и желалъ бы крѣпче связать себя съ нею, потому что Жозефина принадлежала къ высшему кругу стараго режима, а онъ хотѣлъ войти въ это высшее общество, но не смѣлъ настаивать; онъ былъ еще очень молодъ, неопытенъ и слишкомъ провинціаленъ. Между тѣмъ Жозефина знала чего хотѣла: такой гражданскій бракъ ни къ чему ее не обязывалъ, и она всегда могла разойтись съ мужемъ. Въ молодомъ корсиканцѣ она видѣла талантливаго генерала, которому улыбалось счастье, вотъ и все; она не любила его и доказала это своимъ поведеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы Наполеонъ уѣхалъ къ своей арміи въ Италію; послѣдовалъ рядъ славныхъ побѣдъ. Однако скоро онъ привыкъ къ славѣ и сталъ скучать по своей горячо любимой супругѣ и звать ее къ себѣ, но Жозефина выше всего ставила удовольствія и жизнь въ Парижѣ. Она не можетъ оторваться отъ нихъ и не внемлетъ его просьбамъ. Наконецъ, послѣ долгихъ отговорокъ, Жозефина принуждена ѣхать къ мужу,

---

[1]) Revue de Paris отъ 15-го ноября 1900 года.

тѣмъ болѣе, что этого требуетъ и директорія, опасаясь, что Наполеонъ броситъ свое побѣдоносное войско и самъ пріѣдетъ къ женѣ. Жозефина съ плачемъ усаживается въ карету, плачетъ въ дорогѣ и не потому, что оставила своихъ дѣтей, или любовника, нѣкоего г-на Шарля, котораго она взяла съ собой, а ей жалко Парижъ, ей жаль разставаться съ веселой жизнью, которую она вела въ Парижѣ благодаря не деньгамъ мужа, ихъ не было, а открытому безграничному кредиту, предоставленному ей побѣдами Наполеона. Вотъ она въ Италіи со своимъ Шарлемъ. Но Наполеонъ уже вернулся въ Парижъ и ждетъ ее. Жозефина не понимаетъ, она не можетъ понять, что съ каждымъ днемъ, съ каждой новой побѣдой Бонапартъ превращается изъ маленькаго якобинца въ героя-освободителя, что слава его растетъ все больше и больше, и онъ дѣлается руководителемъ народа. Наполеонъ удивляется, что жена его не ѣдетъ, но „погода плохая, ужасныя дороги“, и онъ вѣритъ и ничего не подозрѣваетъ.

Наполеонъ уѣхалъ въ Египетъ, Жозефина довольна, она почти открыто живетъ съ г. Шарлемъ. Она уже начинаетъ поговаривать о разводѣ съ Наполеономъ. Дурныя извѣстія изъ Египта, слухи о плѣненіи Наполеона и объ его смерти побуждаютъ Жозефину принимать мѣры предосторожности: всѣ драгоцѣнности она отдаетъ на храненіе своимъ друзьямъ.

Женясь на Жозефинѣ, Наполеонъ зналъ, что у нея были любовники, онъ не убѣжденъ былъ, что и послѣ свадьбы ихъ не было. Но онъ не угрожаетъ Жозефинѣ, не предъявляетъ ей никакихъ требованій, онъ лишь умоляетъ ее быть вѣрной ему. Онъ все еще чувствуетъ ея превосходство надъ собою и боится прослыть ревнивцемъ, боится скомпрометировать себя передъ обществомъ.

Но въ Египтѣ дѣло приняло другой оборотъ „Завѣса спала съ моихъ глазъ“, пишетъ Наполеонъ своему брату Іосифу. Откуда онъ узналъ про Жозефину? Это объясняетъ письмо Евгенія Богарне къ матери, въ которомъ онъ писалъ: „Бонапартъ уже пятый день очень грустенъ и печаленъ, и это случилось послѣ разговора съ Жюльеномъ, Жюно [1]) и самимъ генераломъ Бертье. По всему видно, что дѣло касается Шарля; онъ будто бы доѣхалъ въ твоей каретѣ до ближайшей станціи къ Парижу; ты видѣлась съ нимъ въ Парижѣ, даже сидѣла съ нимъ вмѣстѣ въ ложѣ въ театрѣ. Я, разумѣется, нисколько всему этому не вѣрю, но генералъ очень раздраженъ. Со мною однако сталъ еще любезнѣе, какъ будто хочетъ этимъ показать, что дѣти молъ невиновны въ ошибкахъ матери. Но твой сынъ все-таки думаетъ, что все это однѣ сплетни, выдуманныя твоими врагами. Онъ любитъ тебя не меньше прежняго и также горячо желаетъ обнять тебя. Надѣюсь, что все будетъ позабыто“.

И теперь Наполеонъ не вполнѣ былъ убѣжденъ въ виновности своей жены. Онъ страдалъ, возмущался, но сомнѣвался. Нужны были болѣе вѣрныя доказательства, или же долгая разлука и

[1]) Жюльенъ и Жюно предан[illegible]анты Наполеона.

развлеченія съ другой женщиной, чтобы у него явилась мысль о разводѣ какъ о необходимости. И кто знаетъ, что было, если бы въ это время у г-жи Фуре явился ребенокъ, котораго такъ желалъ Наполеонъ?

По возвращеніи изъ Египта Бонапартъ простилъ Жозефину, онъ не могъ устоять передъ старою любовью, но и забыть всего также не былъ въ состояніи. Кромѣ того, его начала безпокоить мысль о неимѣніи дѣтей. Тогда у Наполеона начинаетъ зарождаться мысль о разводѣ, но онъ все еще не высказывается, объ освященіи своего брака церковнымъ обрядомъ тоже не упоминаетъ, несмотря на намеки Жозефины. Теперь уже Жозефина заискиваетъ у Наполеона, она хочетъ имѣть отъ него дѣтей, совѣтуется съ докторами, пьетъ воды, но ничто не помогаетъ; она съ ужасомъ вспоминаетъ, что уже не молода (родилась 23-го іюня 1763 г.), но сознаться въ этомъ ей трудно: она имѣла дѣтей отъ перваго брака, слѣдовательно не она, а Наполеонъ неспособенъ къ супружеской жизни. Жозефина доходитъ до того, что готова пожертвовать честью своей дочери Гортензіи, вышедшей замужъ за брата Наполеона, Людовика Бонапарта короля голландскаго. Наконецъ Жозефина начинаетъ ревновать ко всѣмъ мужа и, подъускиваемая родными Наполеона, дѣлаетъ ему сцену за сценой. Наполеонъ волнуется, выходитъ изъ себя, бросаетъ ей упреки и намекаетъ на разводъ. Но вспышка проходитъ, онъ догадывается объ интригахъ своей сестры Каролины и братьевъ и, чтобы „насолить“ имъ, вдругъ рѣшаетъ короновать свою супругу. Однако, прежде чѣмъ короноваться, нужно освятить церковью свой бракъ съ Жозефиной, Наполеонъ соглашается и на это. Между тѣмъ интриги со стороны братьевъ и сестеръ еще болѣе усилились: они хотятъ во что бы то ни стало быть наслѣдниками. Наконецъ Наполеонъ, утомленный интригами, перессорился со всѣми своими родными и рѣшилъ, что наслѣдниками должны быть Богарне, и усыновилъ Евгенія.

1805 и 1806 годы Жозефина провела относительно спокойно, была счастлива, казалось, положеніе ея упрочилось. Но въ концѣ 1806 года спокойствіе Жозефины было нарушено: „у Гортензіи родился 13-го декабря сынъ Леонъ, слѣдовательно въ способности Наполеона къ брачной жизни сомнѣваться было нельзя“. Императоръ перенесъ на ребенка все свое отцовское чувство, всю нѣжность и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. Но черезъ пять мѣсяцевъ сынъ Гортензіи умеръ отъ крупа въ Гаагѣ. Это событіе окончательно рѣшило участь Жозефины: у Наполеона не только утвердилась мысль о разводѣ, но онъ началъ уже думать и о выборѣ новой себѣ супруги.

Задумавъ развестись съ Жозефиною, Наполеонъ первымъ долгомъ обратилъ свое вниманіе на Россію. Послѣ заключенія въ Тильзитѣ политическаго союза съ императоромъ Александромъ, онъ думалъ укрѣпить этотъ союзъ еще болѣе брачными узами

съ русскою великою княжною [1]). Онъ былъ убѣжденъ, что очаровалъ императора Александра, и поэтому полагалъ, что стоитъ ему захотѣть, стоитъ лишь сказать одно слово и ему отдадутъ великую княжну. Онъ даже не подозрѣвалъ, что дѣло это зависитъ собственно не отъ государя, а отъ императрицы-матери, кромѣ того, отъ согласія самой невѣсты и отъ придворныхъ сферъ. Вообще Наполеонъ слишкомъ мало зналъ Россію, ея нравы и обычаи. Онъ судилъ объ императорѣ Александрѣ по себѣ и глубоко ошибался въ разсчетахъ.

Въ это время въ Парижѣ были двѣ партіи: Фуше интриговалъ противъ Жозефины и стремился развести супруговъ, напротивъ Талейранъ на этотъ разъ боролся за Жозефину. Разумѣется, какъ для Фуше, такъ и для Талейрана интересы Жозефины были не причемъ: Фуше старался развести и женить Наполеона, чтобы заручиться вліяніемъ въ будущемъ; что касается Талейрана, то въ его дѣйствіяхъ трудно разобраться, вѣрнѣе всего, что онъ замаскировалъ свои настоящія стремленія — онъ видѣлъ, что Франція долго не выдержитъ завоевательной системы Наполеона, поэтому нужно было или пересилить императора, заставить его дѣйствовать иначе, или низвергнуть его. Можетъ быть, Тайлеранъ уже задумывалъ провести свои планы при помощи Россіи, почему и хотѣлъ расположить въ свою пользу русскаго государя, и чтобы понравиться ему, старался облегчить государю выходъ изъ затруднительнаго положенія при сватовствѣ Наполеона. По крайней мѣрѣ въ Эрфуртѣ Талейранъ прямо обратился къ государю со слѣдующими словами, чтобы заявить Александру о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, Франціи и Европѣ: „Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь варваръ; русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій; и такъ, русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа".

Между тѣмъ слухи въ Европѣ о разводѣ Наполеона и сватовствѣ его въ Россіи становились все упорнѣе. Говорили, что Савари вернулся изъ Петербурга и привезъ уже подписанныя условія о бракѣ Наполеона съ русскою великою княжною; другіе сообщали, что вице-король Евгеній ѣдетъ изъ Италіи за матерью, а Талейранъ отправляется въ Петербургъ за невѣстой. Однимъ словомъ, вся Европа волновалась, и Наполеонъ, хотя и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о намѣреніяхъ императора Александра по этому дѣлу, самъ началъ вѣрить слухамъ.

Въ Парижѣ совершенно не знали, что творится въ Петербургѣ. Наполеонъ даже не подозрѣвалъ о миссіи Куракина въ Вѣну для переговоровъ о бракѣ великой княжны Екатерины съ австрійскимъ императоромъ, потомъ съ принцемъ баварскимъ и наконецъ съ принцемъ прусскимъ. Лишь въ сентябрѣ 1808 года узналъ объ этомъ Наполеонъ и то смутно. Савари, по возвраще-

[1]) Revue de Paris № 23 отъ 1-го декабря 1900 года.

ніи изъ Россіи, передалъ ему о вліяніи императрицы-матери и недоброжелательствѣ русскаго общества къ Франціи, но при этомъ увѣрялъ, что ему удалось все сгладить и теперь отношенія русскихъ стали гораздо лучше, что во всякомъ случаѣ почва подготовлена и нужно дѣйствовать быстрѣе. Коленкуръ, съ цѣлью ли польстить Наполеону, или онъ дѣйствительно ничего не подозрѣвалъ, сообщалъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ императрицы-матери и великой княжны невѣсты. Тамъ, гдѣ была непримиримая ненависть, даже презрѣніе, желаніе во что бы ни стало унизить узуплатора, уничтожить и его творенія, Коленкуръ видѣлъ расположеніе, желаніе союза, чуть-ли не пламенную любовь со стороны невѣсты. А между тѣмъ, какъ удивился бы Наполеонъ, если бы узналъ, что даже русскій посолъ въ Парижѣ графъ Толстой, узнавъ о ходившихъ слухахъ, требовалъ своего отозванія изъ Парижа. Какъ удивился бы онъ, если бы зналъ, что думали въ Петербургѣ по этому поводу. Въ Петербургѣ разсуждали такъ: великой княжнѣ Екатеринѣ 20 лѣтъ, слѣдовательно Наполеонъ можетъ думать лишь о ней, поэтому нужно поспѣшить выдать ее скорѣе замужъ, лишь бы она не досталась этому чудовищу. Остается еще великая княжна Анна, но ей всего 14 лѣтъ, тутъ можно отговориться малолѣтствомъ.

Ѣдучи въ Эрфуртъ, Наполеонъ рѣшилъ окончить дѣло съ женитьбою. Но не самому же ему начать переговоры съ императоромъ Александромъ. А если отказъ? Миссія была возложена на Талейрана. Но какъ мы видѣли раньше, намѣренія послѣдняго были обойти Наполеона, съ тѣми же намѣреніями ѣхалъ въ Эрфуртъ и императоръ Александръ. Передъ отъѣздомъ императрица-мать долго разговаривала съ сыномъ, она говорила ему „о тиранѣ, управляющемъ Европою желѣзною рукою", „о Тильзитскомъ свиданіи, какъ неизгладимомъ пятнѣ, лежащемъ на его, Александра, репутаціи". На это государь отвѣтилъ, что „цѣль его—усыпить бдительность Наполеона и втихомолку приготовляться и выжидать удобнаго случая", что „открыть свои карты теперь, значитъ возбудить месть со стороны Наполеона, а можемъ-ли мы въ данный моментъ потягаться съ нимъ—это еще вопросъ".

Послѣ Эрфурта Талейранъ говорилъ: „Съ первыхъ же словъ государь отлично меня понялъ и отвѣтилъ: „Если бы дѣло касалось одного моего согласія на бракъ, я бы охотно далъ его; но тутъ нужно и согласіе моей матери: она сохранила за собою власть надъ своими дочерьми, которую оспаривать я не могу. Я могу попробовать поговорить съ ней, и она, можетъ быть, согласиться, но ручаться за это я опять таки не могу". Все это исходитъ изъ вѣрной дружбы—говоритъ Талейранъ—и должно удовлетворить Наполеона".

И дѣйствительно Наполеонъ остался доволенъ отвѣтомъ Александра и, убѣжденный, что дѣло это не уйдетъ отъ него, занялся испанскими дѣлами. Итакъ, въ Эрфуртѣ онъ не проронилъ ни слова о своемъ сватовствѣ, что было на руку и императору Александру, которому важно было выиграть время.

Между тѣмъ Наполеонъ осыпалъ милостями русскаго посла

въ Парижѣ Куракина—приверженца императрицы-матери, и старался уступками въ политикѣ еще болѣе обворожить императора Александра.

Объявленіе Австріею войны Франціи и поведеніе русскаго государя нѣсколько озадачили Наполеона. Разгромивъ Австрію, онъ сталъ не довѣрять и Александру, а когда австрійскій императоръ, опасаясь сближенія между Россіею и Франціею путемъ брака Наполеона съ сестрою русскаго государя, самъ предложилъ въ невѣсты Наполеону свою дочь эрцгерцогиню Марію Луизу, Наполеонъ очень обрадовался и 7-го февраля подписалъ брачный контрактъ.

Прусская королева Луиза—супруга короля Фридриха Вильгельма III извѣстна своею обширною перепискою. До сихъ поръ были опубликованы ея замѣчательно сердечныя и нѣжныя письма къ отцу. Нынѣ появилась въ печати ея переписка съ братомъ наслѣднымъ принцемъ Георгомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ [1]). Особенно интересны ея письма послѣ окончательнаго пораженія Пруссіи Наполеономъ.

9-го августа 1807 года она писала: „То зло, о которомъ мы всѣ знали, живетъ, дѣйствуетъ, оно тутъ, вблизи. Да, дорогой Георгъ, пережить то, что происходило здѣсь, очень было тяжело. Свиданіе трехъ коронованныхъ особъ! Развѣ можно было думать, что изъ этого ничего добраго и хорошаго не выйдетъ! А между тѣмъ, когда я явилась въ Тильзитъ, увидѣла идола, которому всѣ поклоняются, я сразу поняла, что все пропало. Тутъ происходили такія событія, что трудно даже повѣрить, если бы говорили. Съ одной стороны холодность, обманъ и вѣроломство, съ другой полнѣйшая слабость. Что претерпѣлъ бѣдный король, уму непостижимо: впродолженіи 14 дней онъ долженъ былъ выносить постоянныя оскорбленія за то только, что всѣми силами старался, изъ любви къ родинѣ, вырвать изъ когтей діавола по крайней мѣрѣ свои древнія провинціи“.

Въ ноябрѣ того же года въ Парижъ былъ отправленъ для переговоровъ съ Наполеономъ по дѣламъ Пруссіи принцъ Вильгельмъ, братъ Фридриха Вильгельма III.

По этому поводу королева Луиза писала изъ Мемеля отъ 5-го ноября 1807 года: „Если принцу Вильгельму не удастся убѣдить императора (Наполеона) измѣнить свои рѣшенія относительно насъ, тогда все пропало, тогда Пруссія уже не будетъ существовать. Да, въ исторіи, кажется, не найдется другого такого примѣра, и никто еще не страдалъ такъ какъ мы страдаемъ и притомъ совершенно безвинно. Страна истощена до послѣдней степени, король и дворянство разорены, при всемъ томъ нужно заплатить контрибуцію въ размѣрѣ 150 милліоновъ ливровъ, а насъ лишаютъ даже возможности выплатить ихъ. А какую мы жизнь ведемъ, если бы знали; но не пишу дальше, боюсь вызвать слезы на вашихъ глазахъ“.

---

[1]) Deutsche Rundschau. Heft 3. Декабрь 1900 года.

Всѣ свои скитанія въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ королева описываетъ очень трогательно. А между тѣмъ Наполеонъ былъ непреклоненъ. „Отъ вѣрнаго друга — писала королева Луиза 28-го февраля 1809 года изъ Кенигсберга—получила вчера слѣдующее свѣдѣніе: Наполеонъ говоритъ, что если король не согласится принять его условій, то онъ предпишетъ арестовать его и препроводить въ Парижъ. Талейранъ открыто говоритъ, что участь короля прусскаго будетъ та же, что и участь Карла испанскаго, только путь будетъ много короче. А, каково?".

Братъ королевы Георгъ, любившій ее и почитавшій какъ святую женщину, говаривавшій: „если кто позволитъ себѣ сравнить ее съ кѣмъ бы то ни было, того я убью", будучи въ Парижѣ, храбро защищалъ передъ Наполеономъ интересы королевы Луизы. Наконецъ явилась для нея возможность возвратиться въ любимый городъ Берлинъ. Можно представить себѣ въ какомъ она была восторгѣ.

Новыя книги.

Православная богословская энциклопедія. Изданіе подъ редакціей профессора *А. П. Лопухина*. Томъ I. А.—Архелая, Съ иллюстраціями и картами. Петроградъ. Приложеніе къ духовному журналу „Странникъ" за 1900 г.

Потребность въ подобномъ изданіи давно уже сознана: еще въ 18 вѣкѣ вышелъ „церковный" словарь протоіерея Алексѣева; выходили богословскіе словари и въ болѣе близкое къ намъ время, но всѣ они ставили себѣ задачу гораздо болѣе узкую, чѣмъ „энциклопедія" г. Лопухина, и ограничивались одной церковной исторіей (напр. словарь Петрова, отчасти Яцкевича и Благовѣщенскаго и др.) или библейской исторіей (напр. библейскій словарь архим. Никифорова). Притомъ, одни изъ нихъ устарѣли, другіе исчезли изъ продажи, а иные къ тому-же остались не законченными. Настоящее-же изданіе охватитъ всѣ отрасли богословскихъ наукъ и даже соприкасающихся (философія, исторія); такимъ образомъ, передъ нами попытка заполнить пробѣлъ. Въ виду этого желаемъ труду г. Лопухина всякаго успѣха и прежде всего—благополучно дойти до конца.

Въ основу „Энциклопедіи" полагается, какъ указано въ предисловіи, нѣмецкая богословская энциклопедія Герцога; общая редакція изданія лежитъ на профессорѣ с.-петербургской духовной академіи г. Лопухинѣ; сотрудниками - ихъ болѣе 30—явились представители профессорской корпораціи духовныхъ академій, главнымъ образомъ с.-петербургской. Изданіе предназначается преимущественно „для широкой публики", что однако не исключаетъ у редакціи намѣренія давать статьи по возможности обстоятельныя, исчерпывающія предметъ, и не скупиться на библіографію. Въ вышедшемъ первомъ томѣ, дѣйствительно, много статей очень подробныхъ: Абиссиніи посвящено 2 печатныхъ

листа; нѣсколько меньше статьи объ Англіи и объ Архангельской епархіи. Обширны также, хотя менѣе указанныхъ, статьи объ Апологетикѣ, Апокрифахъ, Апокалипсисѣ и пр.

Даже простое изложеніе выводовъ европейской богословской науки не всегда возможно для русскихъ богословскихъ изданій; тѣмъ болѣе нельзя этого требовать отъ нашего изданія, исходящаго отъ оффиціальныхъ представителей нашего богословія, да притомъ предназначеннаго „для широкой публики". И такъ, отъ изложенія выводовъ критики „Энциклопедія" г. Лопухина свободна, не впадаетъ она и въ противоположную крайность, и „широкая публика" найдетъ, можетъ быть, въ ней нѣсколько „камней соблазна" для себя (напр. объясненіе, почему пропущено жизнеописаніе св. Александра Свирскаго или замѣчаніе о русскомъ переводѣ начала 2-й главы книги пророка Аггея).

Внѣшность изданія хороша: бумага хорошая, шрифтъ крупный и четкій; рисунки, числомъ 16, удовлетворительны; 2 приложенныя карты (Абиссиніи и Архангельской епархіи) исполнены также хорошо; спеціальная карта Архангельской епархіи будетъ, вѣроятно, очень полезна для мѣстнаго духовенства. Цѣна изданія (2 р. за довольно большой томъ въ 35 печатныхъ листовъ) недорогая; всѣхъ томовъ предполагается 10, но будетъ, вѣроятно, больше, если 1-й томъ не вмѣстилъ даже букву А.

Въ изданіяхъ такого характера, какъ „Энциклопедія", первой заботой редакціи является постоянная „борьба съ размѣрами", стремленіе не дать труду далеко перерости намѣченные предѣлы. Лучшее къ тому средство это соблюденіе классическаго правила: ничего лишняго. Болѣе независимое отношеніе къ нѣмецкому подлиннику избавитъ трудъ г. Лопухина отъ статей ненужныхъ (напр. „Августинъ Ласо") или маловажныхъ (смѣло можно сократить напр. статью „Адвокатъ церкви") для русскихъ читателей. Съ излишней для богословскаго словаря подробностью написаны статьи о византійскихъ писателяхъ (Акоминаты Михаилъ и Никифоръ, Агаѳій, Акрополитъ), тогда какъ достаточно было ограничиться указаніемъ на богословское и церковно-историческое значеніе ихъ трудовъ (такъ и написана статья объ Амміанѣ Марцеллинѣ). Въ статьяхъ объ императорахъ Александрахъ: I, II и III для цѣлей словаря достаточно было ограничиться исторіей русской церкви въ ихъ царствованіе, не излагая ни ихъ біографіи, ни, тѣмъ болѣе, исторіи Россіи въ эпоху каждаго изъ нихъ (составлены онѣ, кстати сказать, не достаточно тщательно).

Однако, дать болѣе необходимаго—не такая еще большая бѣда. Гораздо хуже дать не все то, что необходимо. Мы вовсе не нашли напр. статей объ Аварахъ (съ ними связано учрежденіе праздника Покрова Богородицы), Аллеманнахъ (играютъ роль въ крещеніи Франковъ), Албанцахъ (любопытныхъ уже своимъ раздѣленіемъ между 3 вѣроисповѣданіями: православіемъ, католичествомъ и исламомъ), Александрѣ Северѣ (римскій императоръ, благосклонный къ христіанству, если и не христіанинъ), Арно (богословъ-янсенистъ, 17 вѣкъ), Арнольдѣ (церковный историкъ, замѣчательный своей симпатіей къ ересямъ и тѣмъ, что первый

написалъ исторію церкви не по-латыни, а на родномъ нѣмецкомъ языкѣ), Аврамовѣ (писатель, жилъ въ 18 вѣкѣ, противникъ церковныхъ реформъ Петра Вел.) и т. д.

Въ статьѣ объ Армянахъ указано только, что около 100 тыс. ихъ католики, но ни слова не сказано о томъ, что они составляютъ особую армяно-католическую церковь, которая заслуживала-бы отдѣльной статьи въ энциклопедіи; такой статьи, однако, нѣтъ въ ней. Статья объ Александріи лишена указаній на современное положеніе Александрійскаго патріархата, что, однако, оказалось возможнымъ дать въ статьѣ Антіохія. Въ статьѣ Англія изложена исторія англиканства, но нѣтъ исторіи англійскаго сектантства (къ нему принадлежитъ болѣе половины населенія). Конечно, въ свое время будутъ отдѣльныя статьи о сектахъ глекеровъ, методистовъ, квакеровъ и пр. Но гдѣ же искать общую исторію религіозной жизни англійскаго народа, если ея нѣтъ въ статьѣ „Англія"? Богослуженіе церкви абиссинской нашло себѣ мѣсто въ словарѣ; точно также и богослуженіе англиканъ заслуживало-бы отдѣльнаго изложенія, а не попутнаго при опредѣленіи отношенія англиканства къ католичеству. Въ статьѣ объ академіяхъ за свѣдѣніями о русскихъ духовныхъ академіяхъ насъ отсылаютъ къ статьямъ объ Академіи Московской, Кіевской и пр. Одно изъ двухъ: или, по мнѣнію составителей словаря, между 4 академіями нѣтъ ничего общаго (а уставы ихъ?) или... намъ придется 4 раза читать одно и то же! Статья о сектѣ адвентистовъ не указываетъ ихъ вліянія на русское сектантство (см. журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе" за послѣдніе годы); точно также, терминъ адіафоризмъ встрѣчается не только въ нравственномъ богословіи. Въ статьѣ объ аріанствѣ (въ концѣ ея) мы, къ удивленію, читаемъ: „Дальнѣйшія историческія свѣдѣнія касаются аріанства у германскихъ народовъ, у которыхъ оно сохранилось значительно долѣе, чѣмъ въ греко-римскомъ мірѣ". И только? Неужели аріанство у германцевъ—вопросъ маловажный? Вспомнимъ, что изъ аріанства вышелъ первый переводъ Библіи на народный языкъ (Ульфилы, на готскій), что религіознымъ различіемъ покорителей: остготовъ, вестготовъ, вандаловъ—аріанъ отъ покореннаго ими православнаго „римскаго" населенія объясняется скорая гибель королевствъ вандальскаго и остготскаго и вытѣсненіе вестготовъ изъ Галліи франками, что аріанство держалось упорно (исчезло лишь въ 7 в.), не только оборонялось, но и шло въ аттаку на православіе (переходъ (временный) бургундовъ изъ православія въ аріанство, гоненіе отъ аріанъ на православныхъ въ Африкѣ у Вандаловъ, въ Испаніи у Вестготовъ и пр.), что, наконецъ, цѣлями противо-аріанской полемики православные богословы склонны объяснять появленіе (въ Испаніи) въ Символѣ вѣры слова filioque. Нѣтъ также указаній на такъ называемое „аріанство" реформаціоннаго времени (въ Польшѣ, въ Англіи, гдѣ „аріаниномъ" былъ напр. Ньютонъ).

Многія статьи, на нашъ взглядъ, недостаточно подробны. Напр. „Арсеній Гренъ", „Арсеній Сухановъ", „Артемида", „Агаѳангелъ Соловьевъ". Для послѣдняго слѣдовало указать на его отношеніе къ переводу Библіи на русскій языкъ и къ вопро-

самъ о предполагавшейся во времена Александра II реформѣ церковнаго суда и о власти оберъ-прокурорской. Въ статьѣ объ „Артемидѣ“ нельзя ограничиваться однимъ указаніемъ на храмъ ея въ Ефесѣ и его связь съ исторіей апостола Павла, разъ было признано нужнымъ посвятить подробную статью „Авестѣ“.

Большимъ недостаткомъ „Энциклопедіи“ является также и крайняя неравномѣрность изложенія. Вотъ примѣры: соборы въ Ахенѣ, маловажные для русскихъ читателей, изложены довольно подробно, для большинства-же соборовъ александрійскихъ и антіохійскихъ указаны только года ихъ. Еще болѣе неправильно удѣлять „Аверкіевой эпитафіи“ 6 столбцовъ, а „Апостольскому собору“ 1/2 столбца. „Аверкіева эпитафія“ только любопытна по своей древности и способу изложенія, Апостольскій же соборъ—крайне важенъ, ибо отъ того или другого рѣшенія разбиравшихся на немъ вопросовъ зависѣла вся судьба христіанства. Между тѣмъ, статья словаря не указываетъ даже того, какіе апостолы были на соборѣ и что они говорили, не исчерпываетъ даже содержанія 15-й главы Дѣяній; даже постановленія собора изложены какъ-то неопредѣленно. Напрасно также „Абиссинія“ посвящено 30 страницъ, если на „Англію“ не признано возможнымъ удѣлить ихъ больше 22. Наконецъ, въ статьѣ объ апокрифахъ новозавѣтные апокрифы разобраны, хотя кратко, ветхозавѣтные—же только поименованы, да и то не всѣ. Такой-же неравномѣрностью страдаютъ и библіографическія указанія (сравните напр. статью „Августъ“ со статьями: „Адріанъ“, „Антонинъ Пій“, „Авреліанъ“; статьи о русскихъ святыхъ со статьей объ „Августинѣ Блаженномъ“ и пр.).

Изложеніе часто страдаетъ растянутостью, напыщенностью, впадаетъ иногда (въ біографіяхъ современниковъ,) въ панегирическій тонъ и вообще многословно. Совершенно напрасно увеличивается объемъ книги обширными буквальными выписками изъ историческихъ памятниковъ, (это особенно часто въ статьяхъ о святыхъ; въ статьѣ „Александръ Невскій“ житіе его приведено даже цѣликомъ, на славянскомъ языкѣ) и, что еще труднѣе объяснить,—изъ разныхъ оффиціальныхъ „журналовъ засѣданій“, „протоколовъ“ и пр., съ сохраненіемъ всѣхъ канцелярскихъ красотъ подлинника.

Встрѣчаются и прямыя ошибки, которыя, однако, мы готовы отнести просто къ редакторскому недосмотру. Таковы напр. открытіе въ католичествѣ ордена кардиналъ-дьяконовъ (ст. 869), выборъ Манфреда Гогенштауфена въ римскій сенатъ (въ столбцѣ 456) и чья-то неудача при „Эззелико да-Романо“ (стл. 455), невѣрная передача заглавія сочиненія Арнобія (стл. 1047) и т. д.

Передача западно-европейскихъ собственныхъ именъ не всегда исправна. Примѣры: герцогъ Браганци (стл. 459) вмѣсто Браганцскій; Кастельнау (с. 568), Легнано (с. 454), Буцъ (Booth) вмѣсто Кастельно, Леньяно, Бусъ; Гуго Вермандойскій (с. 247) вмѣсто Вермандуа и т. д.

Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что отъ 30 спеціалистовъ можно было ожидать нѣсколько большаго; пробѣлъ, который г. Лопухинъ надѣялся заполнить, такъ и остался незаполненнымъ; статьи,

подписанныя именами сотрудниковъ, дѣйствительно хороши, но не искупаютъ собой неравномѣрности и неполноты статей, неподписанныхъ (т. е. менѣе крупныхъ), а ихъ большинство.

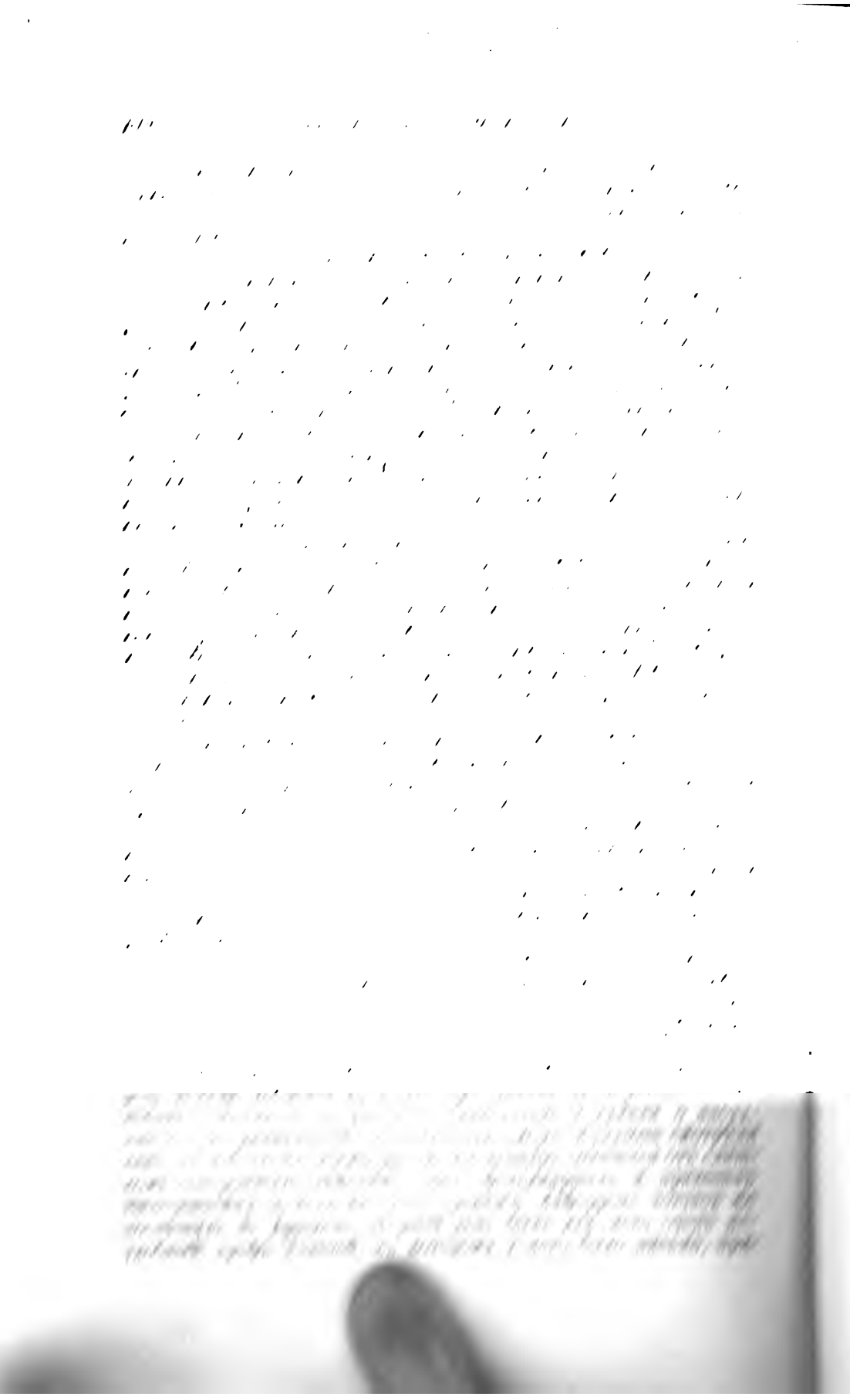
En Emigration. Souvenirs tirés des papiers du comte *A. de La Ferronnays* (1777—1814), par le *M-is Costa de Beauregard* de l'Académie française. Paris, 1900.

Книга состоитъ изъ писемъ графа Лаферроне къ его женѣ и изъ воспоминаній послѣдней. Графъ Пьеръ-Луи-Огюстенъ Лаферроне родился въ 1777 года въ Санъ-Мало, дѣтство свое провелъ въ Вандеѣ. Былъ отвезенъ дядей въ Парижъ и помѣщенъ въ одинъ изъ тамошнихъ колледжей. 13-ти лѣтъ эмигрировалъ съ отцомъ и въ 1795 году вступилъ въ армію Конде. Возвратился во Францію въ 1814 году, въ 1819 году былъ назначенъ посланникомъ въ С.-Петербургъ. Во время министерства Виллеля въ 1828 году состоялъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ 1830 году совершенно удалился отъ дѣлъ.

Лаферроне былъ очень преданъ Бурбонамъ и всѣми силами старался возстановить ихъ на французскомъ престолѣ. Людовикъ XVIII, цѣня его преданность и недюжинныя дипломатическія способности, еще въ 1812 году хотѣлъ послать Лаферроне въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ съ Армфельдтомъ — генералъ-адъютантомъ и близкимъ другомъ императора Александра I, также очень расположеннымъ къ Бурбонамъ. Но дѣло какъ то затянулось. Въ началѣ 1813 года въ Гартвель прибылъ изъ Петербурга графъ Алексисъ де-Ноайль (французскій посланникъ) съ утѣшительными извѣстіями: онъ разсказывалъ, что императоръ Александръ готовъ теперь же возстановить Людовика XVIII во Франціи. Хотя словамъ де-Ноайля не особенно повѣрили, но во всякомъ случаѣ извѣстіе это ускорило отправку Лаферроне въ Петербургъ. Дѣло при этомъ касалось уже не однихъ переговоровъ съ Армфельдтомъ, на Лаферроне возложена была настоящая дипломатическая миссія: онъ долженъ былъ отвезти въ Петербургъ новую прокламацію короля и развѣдать о намѣреніяхъ самого государя. Кромѣ того, ему поручено было еще одно щекотливое дѣло: развѣдать, какъ посмотритъ русскій дворъ на женитьбу герцога Беррійскаго на великой княгинѣ Аннѣ.

„Въ прекрасную столицу въ мірѣ,—пишетъ второпяхъ Лаферроне изъ Петербурга,—прибылъ лишь сегодня 29-го марта, послѣ пяти дней ужасной дороги. Все здѣсь громадно: улицы, площади, дворцы. Что-то меня здѣсь ожидаетъ".

Черезъ нѣсколько дней онъ сообщалъ женѣ: „Все зависитъ отъ одного лишь государя. За насъ только старая русская партія. Мало надежды и на Армфельдта: онъ уже не въ такомъ фаворѣ. „Это ангелъ, но мудръ какъ змій", вотъ какъ отзывается Армфельдтъ о государѣ. Императоръ Александръ и канцлеръ Румянцевъ очарованы Наполеономъ, но Румянцевъ менѣе сентименталенъ, поэтому любитъ французскаго императора, какъ любятъ *сообщника*, необходимаго въ дѣлѣ для раздѣленія міра. Канцлеръ только и мечтаетъ о Константинополѣ, даже послѣ 1812 года,



записки, онъ прочелъ ихъ и сказалъ: „Я совершенно согласенъ съ вами, но повторяю, что теперь это неисполнимо. Кромѣ того, вы видите, какъ я занятъ: я даже не могу больше задерживать васъ; приходите завтра въ 10 час. утра, и я лучше все объясню вамъ. Я дамъ вамъ письма для короля, и тогда уѣзжайте немедленно отсюда, прошу васъ очень объ этомъ. Попрошу васъ также зайдти къ г. Лебзельштерну. Вы очень меня обяжете, если предложите ему свои услуги свезти его депеши, чтобы убѣдить его въ вашемъ отъѣздѣ въ Лондонъ".

На другое утро государь принялъ Лаферроне въ назначенный часъ и передалъ ему два письма: одно королю, а другое къ принцу Конде. „Вы должны мнѣ повѣрить, г. Лаферроне, сказалъ государь, что я дѣйствительно въ отчаяніи, не имѣя возможности ничего сдѣлать теперь для графа де-Лилль. Вы сами видите, что борьба предстоитъ долгая и кровавая. И несмотря на отличное состояніе моихъ войскъ и энтузіазмъ пруссаковъ, я не могу обойтись безъ Австріи. Я говорю съ вами совершенно откровенно, вполнѣ надѣясь на вашу скромность. Условія Австріи, готовой соединиться съ нами, таковы, что я не могу принять ни одного вашего предложенія. Вы меня понимаете. А я очень спѣшу и долженъ на все согласиться въ данную минуту. Итакъ представимъ все обстоятельствамъ. Если намъ удастся отбросить Наполеона за Рейнъ, и если, въ чемъ я не сомнѣваюсь, во Франціи появится движеніе въ пользу короля, повѣрьте, я воспользуюсь этимъ моментомъ, чтобы дать понять Австріи, что единственною моею цѣлью было дать свободу народамъ, и желаніе французской арміи призвать своихъ старыхъ королей, разумѣется, должно свести на нѣтъ всѣ соглашенія съ Австріею. До тѣхъ же поръ нужно вооружиться терпѣніемъ и осторожностью. Повѣрьте мнѣ, я знаю лучше чѣмъ кто-либо другой, что возстановленіе повсюду законнаго престолонаслѣдія есть единственно прочное основаніе, на которомъ можно воздвигнуть миръ и спокойствіе Европы. „Если бы вы явились сюда только по рекомендаціи Армфельдта, я охотно разрѣшилъ бы вамъ остаться при мнѣ; но англійскія газеты уже успѣли протрубить о васъ, да и недоброжелательные люди въ Петербургѣ уже указали на васъ, какъ на посланнаго графомъ де-Лилль съ дипломатическою миссіею. Оставить васъ здѣсь при такихъ условіяхъ—значитъ признать его королемъ; а поступить такъ я не могу, это свыше моихъ силъ. По этому же поводу я не могу согласиться и на предложеніе герцога Беррійскаго. Я дамъ приказаніе графу Ливену поддерживать васъ въ Англіи. Работайте и вы, а тамъ ужъ мы сойдемся. Надѣюсь, что черезъ нѣкоторое время я въ состояніи буду призвать васъ, вообще, мнѣ очень пріятно имѣть дѣло съ вами лично. Теперь же немедленно уѣзжайте, такъ нужно".

Въ заключеніи Лаферроне говоритъ: „Эти любезныя и многозначительныя слова на счетъ Бурбоновъ и слова, сказанныя императоромъ Алвксандромъ впослѣдствіи Макдональду: „Я не интересуюсь Бурбонами; если они не подходящи, возьмите иностраннаго принца, или выберите кого-нибудь между вашими мар-

шалами, какъ то сдѣлала Швеція, избравъ Бернадотта" — доказываютъ, что императоръ Александръ вовсе не сочувствовалъ Бурбонамъ и не отъ него, слѣдовательно, зависѣло возстановленіе ихъ на французскомъ престолѣ".

Napoleon, the last phase; by *lord Rosebery*. London, 1900.

Настоящій трудъ извѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля лорда Розбери весьма интересенъ: онъ представляетъ собою окончательную оцѣнку Наполеона I и его дѣятельности. Большая часть книги посвящена разбору сочиненій наиболѣе выдающихся авторовъ, когда либо писавшихъ о Наполеонѣ. Особенно долго останавливается лордъ Розбери на дневникѣ Гурго, изданномъ въ 1898 году. Гурго, молодой офицеръ, состоявшій при Наполеонѣ I во время заточенія послѣдняго на островѣ св. Елены; онъ былъ очень преданъ императору, но несмотря на это въ дневникѣ своемъ относится къ нему совершенно безпристрастно, подчасъ даже довольно строго. Дневникъ Гурго представляетъ Наполеона совершенно другимъ человѣкомъ: тихимъ, добрымъ, скромнымъ, терпѣливымъ, вообще возводитъ его въ страдальцы.

Былъ-ли Наполеонъ великимъ? Если—говоритъ лордъ Розбери—подъ этимъ словомъ подразумѣвать соединеніе нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествъ, то приходится отвѣтить отрицательно. Но Наполеонъ былъ великъ какъ человѣкъ изъ ряда вонъ выходящій, стоявшій выше своихъ современниковъ и по уму и по энергіи. Это былъ великій военный геній, великій администраторъ и еще болѣе великій законодатель. Онъ былъ посланъ небомъ для очищенія Франціи, судя по его дѣйствіямъ, съ которыми онъ выступилъ въ первое время своего царствованія. Революціонный вулканъ весь выгорѣлъ, и Наполеону пришлось удалить холодную лаву, уничтожить остатки бывшаго разрушенія и снести наросты всеобщаго растлѣнія. Франція падала въ пропасть, и онъ вынесъ ее на концѣ своей шпаги.

Между прочимъ, лордъ Розбери разсказываетъ, что Наполеонъ и на островѣ св. Елены замышлялъ войти въ сношенія съ императоромъ Александромъ I. Онъ продиктовалъ однажды Гурго бумагу, въ которой благодарилъ государя за приглашеніе поселиться въ Россіи и отвѣчалъ на присланные будто бы государемъ вопросы относительно занятія герцогства Ольденбургскаго, войны Франціи съ Россіей и неудачныхъ переговоровъ о женитьбѣ. Лордъ Розбери утверждаетъ, что письма съ подобными вопросами никогда Наполеонъ не получалъ отъ государя, а тѣмъ болѣе приглашенія поселиться въ Россіи. Напротивъ, въ это время какъ разъ былъ конгрессъ въ Эксъ-ла-Шапелѣ и русское правительство особенно твердо настаивало на болѣе строгомъ надзорѣ за Наполеономъ. Оказывается, что Наполеонъ хотѣлъ послать Гурго въ Европу къ императору Александру I, и продиктованная бумаго должна была послужить ему вѣрительной грамотой. Наполеонъ все еще надѣялся на симпатію къ себѣ русскаго царя, зналъ, что государь не сочувствовалъ Бурбонамъ, и думалъ этой бумагой вызвать дальнѣйшую переписку. Все это Наполеонъ затѣялъ будто

бы въ видахъ своего сына, хотѣлъ упрочить его положеніе и возстановить его на французскомъ престолѣ.

Относительно суроваго обращенія съ Наполеономъ, лордъ Розбери говоритъ, что Наполеонъ ввѣрилъ свою судьбу Англіи, а та, въ благодарность за такое довѣріе къ себѣ, послала его умирать на отдаленный недоступный островъ св. Елены. Большинство въ Европѣ было тогда крайне возмущено подобнымъ поступкомъ Англіи съ бывшимъ французскимъ императоромъ. Гурго оставилъ островъ св. Елены въ 1818 году, а Наполеонъ умеръ въ 1812 году, такъ что о послѣднихъ трехъ годахъ его жизни всетаки ничего неизвѣстно.

O. Sjögren. **Karl den tolfte och hans män.** Stockholm. 1899.

Къ двухсотлѣтней годовщинѣ начала царствованія Карла XII, совпавшаго съ началомъ Великой Сѣверной войны, въ шведской исторической литературѣ появилось нѣсколько новыхъ трудовъ, посвященныхъ этой эпохѣ. Самымъ обширнымъ изъ нихъ является книга О. Шёгрена „Карлъ XII и его сподвижники". Это довольно объемистый томъ (около 700 страницъ), снабженный множествомъ иллюстрацій и картой военныхъ дѣйствій и содержащій полную исторію царствованія Карла XII въ живомъ и общедоступномъ изложеніи.

Задачей автора было, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, во-первыхъ „приподнять тотъ блестящій и вмѣстѣ таинственный покровъ, которымъ долгое время была окутана личность Карла XII, и представить его въ настоящемъ свѣтѣ; при этомъ картина, можетъ быть, окажется не столь эффектной, зато она будетъ ближе къ дѣйствительности, а для историка истина — прежде всего; во вторыхъ, авторъ хотѣлъ „воздать должное сподвижникамъ Карла, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые, покинутые своимъ королемъ, вели геройскую, но—увы—безнадежную борьбу за цѣлость восточной границы государства"; наконецъ, въ третьихъ, ему хотѣлось дать не только внѣшнюю исторію царствованія Карла XII, но и внутреннюю исторію этой эпохи, которая до сихъ поръ, можно сказать, еще не написана".

Одаренный отъ природы недюжинными умственными способностями, по натурѣ Карлъ былъ настоящій викингъ изъ скандинавскихъ сагъ, которыхъ онъ не въ мѣру начитался въ юности: беззавѣтная храбрость, выносливость, неутолимая страсть къ войнѣ и полное отвращеніе къ мирной дѣятельности вотъ отличительныя черты его характера.

Судьба дала Карлу въ руки почти неограниченную власть, которою онъ поспѣшилъ воспользоваться для удовлетворенія своей страсти; охваченный ею, упрямый король не слушалъ никакихъ совѣтовъ, никакихъ предостереженій своихъ болѣе дальновидныхъ министровъ. Авторъ нисколько не умаляетъ военныхъ талантовъ Карла, но онъ не ослѣпленъ мишурнымъ блескомъ его побѣдъ, такъ какъ знаетъ, къ чему приведетъ короля эта ненасытная жажда подвиговъ. Паденіе владычества Швеціи на Балтійскомъ морѣ и почти полное экономическое разстройство государства вотъ ближайшіе результаты этой войны. Устами лучшихъ людей

Швеціи авторъ горько осуждаетъ то безучастіе, съ какимъ Карлъ относился къ защитѣ прибалтійскихъ провинцій, а между тѣмъ сюда-то ему и слѣдовало обратить главное вниманіе. Но былъ и положительный результатъ дѣятельности Карла, котораго самъ онъ и не подозрѣвалъ. Многіе изъ его боевыхъ генераловъ, послѣ перваго періода войны, были назначены членами королевскаго совѣта и заняли видныя административныя и судебныя должности; они вернулись съ театра войны, утомленные скитаніями по чужимъ странамъ, съ твердымъ намѣреніемъ отдать свои силы на мирное служеніе родинѣ, которая теперь сдѣлалась для нихъ еще дороже; они вернулись съ совершенно другими впечатлѣніями, чѣмъ предполагали; они узнали цѣну абсолютизма, такого, какимъ онъ являлся въ рукахъ Карла; но этотъ-же абсолютизмъ, пріучивъ ихъ не расчитывать ни на постороннюю помощь и дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, тѣмъ самымъ воспиталъ въ нихъ духъ самодѣятельности и такимъ образомъ подготовилъ выясненіе того новаго свободнаго строя, который Швеція получила въ концѣ вѣка.

Извѣстіе о смерти Карла,-- убійцей котораго авторъ считаетъ француза Siere (Siquier), адъютанта наслѣднаго принца,—было всѣми встрѣчено съ нескрываемымъ чувствомъ облегченія; для всѣхъ было ясно, что въ лицѣ Карла Швеція хоронитъ послѣдняго короля-завоевателя и что отнынѣ совсѣмъ иной геній будетъ руководить судьбами государства. Однако образъ воинственнаго короля еще долго занималъ воображеніе народа, несмотря на всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ навлекъ на страну. Его сподвижники, „каролины", какъ ихъ называютъ въ Швеціи, свято чтили память своего короля и не терпѣли, чтобы кто-либо „омрачалъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь". Народъ еще въ 1808 г. вѣрилъ, что Карлъ не умеръ, а только скрывается въ какомъ-то лѣсу на островѣ Вонъ, что скоро онъ вновь появится, чтобы спасти Швецію отъ погибели.

Таковъ взглядъ автора на Карла XII, болѣе безпристрастный, сравнительно съ взглядами шведскихъ историковъ, и вполнѣ отвѣчающій нашимъ представленіямъ объ этомъ королѣ.

Много труда посвятилъ авторъ на выполненіе второй своей задачи—достойнымъ образомъ изобразить заслуги сподвижниковъ Карла. Прежніе историки оращали на эту сторону черезчуръ мало вниманія; личность Карла у нихъ слишкомъ заслоняла фигуры его сотрудниковъ. Авторъ постарался восполнить этотъ пробѣлъ. Онъ добросовѣстно воспользовался всѣми бывшими въ его распоряженіи матеріалами и на основаніи ихъ весьма обстоятельно очертилъ дѣятельности Левенхаупта, Реншельда, Шлиппенбаха, Дальберга, Хорна, Делагарди, Рууса, Мандели и др. каролиновъ. Особенно подробно описана дѣятельность В. А. Шлиппенбаха по оборонѣ прибалтійскихъ провинцій, дѣло, „выполненіе котораго - по словамъ автора - было выше силъ человѣческихъ". Для исторіи этой геройской обороны авторъ имѣлъ возможность втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользоваться архивомъ В. А. Шлиппенбаха, принадлежащимъ Госуд. Архиву и заключающему въ себѣ около 8,000 рукописей различнаго содержанія.

Этотъ періодъ сѣверной войны былъ лишь слегка затронутъ прежними шведскими историками и потому является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ книги Шёгрена. Новостью отчасти является у него также исторія внутренняго состоянія Швеціи, которой посвящены двѣ главы въ первой части сочиненія, одна глава въ 3-ей ч. и три главы въ 4-ой ч.

Будучи наиболѣе полной и научной исторіей Карла XII, книга Шёнгрена является цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу о XVIII в. Русскаго читателя пріятно поражаетъ въ ней отсутствіе всякой тенденціозности и почти полная объективность во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится говорить о Россіи и русскихъ,—качество весьма рѣдкое у иностранныхъ писателей вообще, а у шведскихъ въ особенности. Для примѣра приведемъ заключительныя строки сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о смерти Б. Шереметева, послѣдовавшей вскорѣ послѣ Карла: „Карлъ и Шереметевъ, этотъ величайшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ противниковъ короля, дрались другъ противъ друга въ продолженіе всей войны, все время, пока шведъ дрался съ русскимъ; въ этой борьбѣ одинъ изъ нихъ ниспровергъ могущество своего народа, другой его создалъ. Къ нимъ обоимъ подходятъ слова датскаго поэта: „судьба соединила ихъ въ жизненной борьбѣ и въ тишинѣ могилы, въ блескѣ доблести и въ безсмертіи славы". **Н. Я.**

„The Rise of Russian Empire", *by H. Munro.* 1900.
„The Story of Moscow", *by Wirt Gerrare.* 1900.

Обѣ эти книги выгодно отличаются среди шовинистическихъ произведеній о Россіи, наполняющихъ англійскій книжный рынокъ. Книга Мунро представляетъ добросовѣстный и живо написанный сводъ свѣдѣній по исторіи до-петровской эпохи, опирающійся исключительно на работы русскихъ историковъ. Мунро принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ и полезныхъ популяризаторовъ, которые, не мудрствуя лукаво, излагаютъ результаты работъ авторитетныхъ ученыхъ, дѣлая ихъ доступными широкой публикѣ. „Исторія Москвы" Вирта Джеррара, составляющая одинъ изъ томовъ серіи „Исторія городовъ Европы", издаваемой большой книгопродавческой фирмой Дента, не лишена нѣкотораго интереса и для русскихъ читателей, такъ какъ является довольно полнымъ сводомъ записокъ о „Московіи" старинныхъ англійскихъ путешественниковъ: Джерома Горсія (Gerom Horsey), Коллинса (Collins), извѣстнаго Флетчера, Крюля (Crulle) и мн. др. Написана она очень живо и читается съ интересомъ. Крупнымъ ея недостаткомъ является отрицательное отношеніе автора къ реформамъ Петра Великаго, ничѣмъ въ сущности не мотивированное и представляющее любопытный образчикъ англійскаго „славянофильства". **В. Б—скій.**

I. S. Tourgenev's Works, Translated by ***M-rs Garnett.*** Vol. I—IX. 1898—1900.

На-дняхъ вышли послѣдніе томы превосходнаго худо[жест]наго перевода г-жи Гарнеттъ произведеній Тургенева. Тур[генев] наряду съ Толстымъ, является однимъ изъ любимцевъ

ской и американской читающей публики. Собственно говоря, благодаря Тургеневскимъ романамъ, появившимся въ 70-хъ годахъ въ переводахъ друга Тургенева Рольстона, въ англійской публикѣ развился интересъ къ русской литературѣ. Тургеневъ проложилъ дорогу Толстому и Достоевскому, а вслѣдъ за ними значительному числу новѣйшихъ русскихъ писателей. Среди послѣднихъ особыми симпатіями пользуются Короленко и Потапенко. Повѣсть Потапенко „На дѣйствительной службѣ" выдержала нѣсколько изданій. Въ послѣднее время начали появляться переводы произведеній А. Чехова (Въ „Ethical World" появился переводъ его разсказа „Враги" съ очень лестнымъ для автора предисловіемъ переводчицы, m-rs D. Zhook, которая ставитъ А. Чехова во главѣ современныхъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ). Переводы г-жи Гарнеттъ отличаются большей точностью и обнаруживаютъ въ ней знатока русской жизни и литературы. Переводы большинства романовъ снабжены объяснительными историко-библіографическими комментаріями. Г-жа Гарнеттъ, судя по недавно вышедшей книжкѣ ея разсказовъ изъ русской жизни (St.. Peterbourg Tales), провела нѣсколько лѣтъ въ Россіи и провела ихъ недаромъ: ея разсказы обнаруживаютъ въ ней внимательнаго вдумчиваго наблюдателя и проникнуты большой симпатіей къ Россіи. Помимо произведеній Тургенева г-жа Гарнеттъ недавно перевела на англійскій языкъ „Грозу" Островскаго, и можно надѣяться, что она не остановится на этомъ и будетъ продолжать знакомить англійскую публику съ сокровищами русской литературы.

В. Б—скій.

„Siberia and Central Asia", *by John W. Bookwalter.* 1900. (New-York).

Книга г. Букволтера прежде всего поражаетъ читателя своей роскошной внѣшностью и массой превосходныхъ иллюстрацій; можно даже сказать, что только иллюстраціи и придаютъ нѣкоторую цѣнность этому произведенію случайнаго путешественника. Нѣкоторымъ оправданіемъ автору можетъ служить то обстоятельство, что книга составлена изъ ряда корреспонденцій, не предназначавшихся для печати и была издана лишь благодаря „настояніямъ друзей автора". Очевидно, также, уступая „настояніямъ друзей", авторъ не поскупился на собственныя изображенія; такъ вы можете наблюдать г. Букволтера на тройкѣ, его-же—за самоваромъ, его-же въ тарантасѣ, его-же въ лодкѣ, его-же на паромѣ и т. д. ad nauseam. Нельзя безъ улыбки читать наблюденія г. Букволтера о томъ, что „судьбы земледѣлія въ Россіи вызываютъ особую заботливость и нѣжное попеченіе властей", а также его увѣренія, что „рѣдко гдѣ можно встрѣтить такой хорошій дорожный путь, какъ въ Россіи". Вообще, въ книгѣ много наивностей, неточностей и курьезовъ, но въ общемъ авторъ (американецъ) относится съ большой симпатіей къ нашему отечеству.

В. Б—скій.

„Russia and Russians", *by Edmund Hoble* (New-York) 1900.

Авторъ настоящей книги заслуживаетъ благодарность за свою добросовѣстную и трудолюбивую работу, проникнутую искрен-

нимъ сочувствіемъ ко всѣмъ прогрессивнымъ начинаніямъ въ нашемъ отечествѣ Книга заключаетъ въ себѣ тринадцать главъ, въ которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ разсказана очень живо и занимательно исторія общественнаго и національнаго развитія Россіи. Содержаніе главъ слѣдующее: „Страна и населеніе.—Начало государственности.—Самодержавіе.—Петръ Великій и европеизація. — Екатерина Великая.—Декабристы.—Освобожденіе крестьянъ.—Революціонное движеніе.—Сектанство.—Ростъ Имперіи.—Система ссылки.—Языкъ и литература.—Будущность Россіи".—Авторъ книги, американскій журналистъ, давно уже занимается русскими вопросами, и его предыдущая работа „Russian Revolt" выдержала нѣсколько изданій. **В. Б—скій.**

Bilder aus dem Kaukasus. Neue Studien zur Kenntnis Kaukasiens. Von C. von Hahn, professor am ersten Gymnasium zu Tiflis. Leipzig. 1900.

Г-нъ Ганъ выпускаетъ уже третью книгу о Кавказѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Первая его книга „Aus dem Kaukasus... Reisen und Studien" (Beiträge zur Kenntnis des Landes) появилась въ 1892: черезъ 4 года онъ издалъ „Kaukasische Reisen und Studien. Neue Beiträge zur Kenntnis des Kaukasischen Landes" и въ этомъ году отпечаталъ новую свою работу, заглавіе которой я выше привелъ. Характеръ всѣхъ названныхъ выше сочиненій одинъ и тотъ же, намѣченный авторомъ планъ выполненъ съ одинаковыми достоинствами. Его книги представляютъ добросовѣстную компиляцію существующихъ въ печати матеріаловъ касательно тѣхъ вопросовъ, которые затрогиваются въ его „Картинахъ". Эти Bilder [illegible] [illegible]

[illegible] сообщеній въ очеркахъ или этюдахъ о Кавказѣ. Такъ настоящая книга заключаетъ въ себѣ десять главъ. Первую авторъ посвящаетъ путешествію въ долины [illegible] (лѣтомъ 1896 г.), вторая заключаетъ свѣдѣнія о Пшавахъ, хевсурахъ, [illegible] и [illegible] (лѣто 1897), третья описываетъ [illegible] (лѣто 1898), въ четвертой [illegible] [illegible]

Эта глава составляетъ наиболѣе самостоятельную статью, такъ какъ этотъ вопросъ въ кавказской этнографической литературѣ мало пока разработанъ. Десятая глава обращена на обзоръ бассейна рѣкъ Куры, Терека, Кубани и Ріона, причемъ описывается характеръ мѣстности, флора, фауна, достопримѣчательности. Въ заключеніе книги приводится приложеніе о распредѣленіи населенія Кавказа по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ, съ указаніемъ количественнаго состава. Почтенный трудъ г-на Гана съ знаніемъ дѣла и съ любовью „къ величественной природѣ" Кавказа займетъ видное мѣсто въ скудной свѣдѣніями о Кавказѣ иностранной литературѣ. Мы бы желали видѣть въ его книгахъ болѣе правильную транскрипцію мѣстныхъ словъ (напримѣръ, sachli, а не sacli. samtheli, а не samteli и др.) и краткое указаніе на литературу предмета въ началѣ или въ концѣ книги. Отъ указанія источниковъ его сочиненіе не только ничего не проиграетъ, но и получитъ научную цѣнность въ глазахъ иностранныхъ ученыхъ. **А. Хахановъ.**

Remarques sur la parenté de la langue etrusque.
Par *Vilh. Thomsen* (Extrait du bulletin de l'académie royale des Sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4) Copenhague. 1899.

Извѣстный датскій лингвистъ, которому, между прочимъ, удалось открыть ключъ къ дешифровкѣ орханскихъ надписей, собранныхъ русскимъ академикомъ г. Радловымъ, возвращается къ вопросу о типѣ этрусскихъ памятниковъ, остающихся по-нынѣ загадкой для ученыхъ. До настоящаго времени сравнивали этрусскій языкъ съ различными идіомами, но ни одна теорія не оказалась убѣдительной. Для этрусскаго языка искали родственныхъ связей среди индо-европейской группы: одни въ италійскихъ нарѣчіяхъ (Corssen, Deeck etc.), другіе въ армянскомъ (Сафусъ Буги). Затѣмъ перешли къ сопоставленію съ семитическими языками, съ языкомъ басковъ, берберовъ; съ урало-алтайской группой, но все безъ прочныхъ результатовъ. Вильгельмъ Томсенъ доказываетъ родство этрусскаго языка съ *„кавказскими"* языками. Предваривъ читателей, что для сравненія языковъ имѣетъ болѣе важное значеніе сходство грамматическихъ формъ, а не лексиконъ, такъ какъ слова могутъ быть заимствованы, онъ устанавливаетъ прежде всего надежные суффиксы этрусскаго языка и затѣмъ ищетъ имъ аналогичные въ *"кавказскихъ"* языкахъ. Я подчеркиваю терминъ *кавказскій* потому, что г. Томсенъ сравниваетъ этрусскія формы не съ одною изъ трехъ пока установленныхъ группъ языковъ Кавказа (восточно-горская, западногорская и южная или картвельская, причемъ для опредѣленія родства этихъ группъ между собою по-нынѣ ничего не сдѣлано), а со всѣми съ ними, розыскивая аналогичныя явленія то въ одной, то въ другой группѣ. Переходя къ розысканію аналогичныхъ формъ въ другихъ языкахъ, онъ видитъ ближайшее родство между этрусскимъ языкомъ и языками Кавказа. Распредѣливъ послѣдніе по группамъ, согласно классификаціи Р. фонъ-Эркерта, онъ перечисляетъ діалекты каждой изъ нихъ: *А.* группа восточная: I. языки лезгинскіе: *а.* группа западная

(аварскій, андійскій, дидойскій): *b.* группа центральная (ланскій или казикумукскій); *c.* группа сѣверо-восточная или даргуа (варкунъ, кубатчи, акуша, хуркилинъ или гурканъ и др.); *d.* группа юго-восточная или куринская (удинскій, куринскій, арчи и др.); II. Чеченская; *B.* группа западная; III. Черкесскій; IV. Абхазскійі *C.* группа южная: V. Грузинская (собств. грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванскій). Авторъ при этомъ высказываетъ одну осторожную мысль: онъ видитъ въ сванскомъ языкѣ нѣкоторые падежи и формы, переходные или связывающіе группу южныхъ языковъ (иберійскихъ) съ языками сѣверными (горскими). Еще Паули сравнивая этрусскій языкъ съ различными языками (между прочими и съ лидійскимъ), отмѣтилъ сходство этрусскаго языка съ языками южно-кавказскими или иберійской группой. (До Паули еще Ellis, оказывается, искалъ сближенія этрусскаго языка съ кавказскими). Такъ, онъ отмѣчаетъ сходство этрусскаго слова *tiv*—„луна". tivr—„мѣсяцъ" съ сванскимъ thöv, мингрельскимъ и лазскимъ *thutha*, *tuta*, („мѣсяцъ, луна"), грузинскимъ *thve*, *ththve*, — „мѣсяцъ", *mthuare* — „луна", иншлойскій *thoi* „мѣсяцъ", *thorai*—„луна". Г. Томсенъ обращаетъ больше вниманія на сходство этрусскаго съ сѣверно-кавказскими языками. Такъ, признакъ этрусскаго множ. числа *r* онъ находитъ въ казикумукскомъ. Родит. падежъ, какъ въ этрусскомъ, языки даргуа имѣютъ окончаніе *la*, казакумукскій — *l*, напр. musi золото, род. п. musil. Въ языкѣ дидайцевъ род. п. имѣетъ *s*, окончаніе, свойственное иберійской группѣ. Суффиксъ *l* играетъ роль образовательнаго аффикса въ именахъ прилагательныхъ; *kiva*—„баринъ", отсюда имя прилагат. kivala; въ груз. яз. ему соотвѣтствуетъ —*eli*, напр. горе ли житель Гори (а не *gorieli*, какъ транскрибируетъ г. Томсенъ и, вѣроятно, также Паумъ) и т. д.

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній относительно установленія значенія числительныхъ, г. Томсенъ вспоминаетъ нѣсколько историческихъ фактовъ, подверждающихъ возможность связей этрусскаго языка съ кавказскими языками. Этруски не аборигены въ Италіи. Геродотъ передаетъ, что тирсены и этруски—лидійскаго происхожденія, переселились во время голода въ страну, ранѣе обитаемую умбрійцами и здѣсь они приняли имя тираенцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Томсенъ, что въ древности извѣстныя части М. Азіи были заняты народами, родственными нынѣ живущимъ на Кавказѣ. Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе для сопоставленія языка этрусскова — выходцевъ изъ Лидіи съ языками Кавказа. Языка лидійцевъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. Въ Египтѣ сохранилась надпись, буквы которой отличаются отъ алфавита карійскаго и фрокійскаго. Извѣстный ассиріологъ Сейсъ видитъ въ ней образецъ азбуки и языка Лидіи. Эта надпись транскрибируется и переводится Сейсомъ такъ: *A-l-n-s M-r-s-h-t-l, s-u-l* т. е., „Alys the son of Mrcht". Сейсъ оставляетъ zul безъ перевода, а г. Томсенъ сопоставляетъ его съ [illegible]инскимъ svili („швили"), интл. sülu усматриваетъ въ словѣ [illegible] окончаніе род. п. *l*. Такъ, заключаетъ онъ, мы находимъ м[illegible] М. Азіи, соединяющій этрусскій языкъ съ языками Кав[illegible]чемъ, авторъ не

считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ, онъ только обращаетъ вниманіе своихъ коллегъ и приглашаетъ ихъ къ болѣе глубокому изслѣдованію намѣченнаго пути. На этотъ призывъ отозвался извѣстный лингвистъ, проф. Шухардтъ, помѣстившій въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes (Wien, 1899, XIII B., 4 Heft, стр. 388—392) замѣтку, въ которой онъ не вполнѣ раздѣляетъ взгляды г. Томсена. Онъ говоритъ, что мы мало или совсѣмъ не знаемъ пракавказскій языкъ, не рѣшенъ вопросъ о степени родства группъ кавказскихъ языковъ, а при разнообразіи ихъ можно находить близость какого угодно языка съ однимъ изъ нихъ или въ совокупности въ извѣстныхъ формахъ. Томсенъ останавливается на транзитивномъ характерѣ кавказскихъ языковъ, и проф. Шухардтъ указываетъ, что эта особенность свойственна нѣкоторымъ другимъ не-кавказскимъ языкамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ, поднятый г. Томсеномъ, представляется весьма любопытнымъ.

А. Хахановъ.

Etude sur la langue laze. Par *M. H. Adjarian* (Extrait des Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. X). Paris. 1899.

Лазы, языкъ которыхъ обозрѣваетъ г. Аджаріанъ, принадлежатъ къ иверійской или грузинской группѣ народовъ. Языкъ грузинскій мало изученъ. Вообще, литература по изученію кавказскихъ языковъ крайне скудна. Для многихъ изъ нихъ до сихъ поръ не существуетъ ни грамматики, ни словаря. Въ особенности скудность эта замѣчается тѣми учеными, которые не владѣютъ русскимъ языкомъ, служащимъ нынѣ органомъ для грамматическихъ и лексическихъ работъ по кавказскимъ идіомамъ. Вслѣдствіе незнакомства съ русской ученой литературой, европейцы впадаютъ въ заблужденіе, и въ этомъ числѣ оказывается авторъ вышепоименованной книги. Въ самомъ *введеніи* онъ обнаруживаетъ незнакомство съ тѣми немногими эскизами, которые имѣются касательно лазскаго языка въ русской литературѣ. Опредѣливъ не вполнѣ точно географическія границы Лазистана, онъ говоритъ, что „лазы—христіане, зависятъ отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ, говорятъ *по-гречески* и считаютъ сами себя *греками*“. А между тѣмъ у этихъ самыхъ лазовъ, *говорящихъ по-гречески*, онъ записалъ слова и фразы лазскія! Далѣе, онъ отмѣчаетъ рядъ діалектовъ у лазовъ-христіанъ и лазовъ-магометанъ, прибавляя при этомъ, что діалекты „немного“ отличаются другъ отъ друга. Указавъ на то, что діалекты восточные, на которыхъ говорятъ ближе къ Батуму, сохранили все богатство произношенія языковъ Кавказа, онъ почему-то не называетъ ближайшаго родственнаго къ лазскому языку—мингрельскаго и не отмѣчаетъ нигдѣ связи ихъ съ грузинской группой языковъ. Это тѣмъ болѣе странно, что его предшественники, которыми онъ пользуется, и Розенъ (Ueber die Sprache der Lazen, Berlin, 1843) и Фонъ-Еркертъ (Die Sprachen des Kaukas. Stammes, Wien, 1895) указываютъ связи между лазско-мингрельскимъ и грузинскимъ языками. Игнорированье, вольное или невольное, этого научнаго пріобрѣтенія языкознанія приводитъ автора ко многимъ курьезнымъ

толкованіямъ и сопоставленіямъ, легко устранимымъ при пользованіи данными мингрельскаго и грузинскаго языковъ. Вся работа его состоитъ изъ небольшого словарчика, грамматическаго эскиза лазскихъ діалектовъ и нѣсколькихъ фразъ вмѣстѣ съ четырьмя народными пѣснями. Указавъ, что лазы не имѣютъ собственнаго алфавита, онъ предлагаетъ свои 32 буквы, выражающія лазскіе звуки. Здѣсь ему много пользы принесло бы знакомство съ матеріалами по мингрельскому языку, напечатанными въ „Сборникѣ“ попечителя Кавказ. учеб. округа. Изъ его грамматическаго эскиза еще разъ становится убѣдительнымъ родство лазскаго языка съ мингрельскимъ и грузинскимъ языками. Анализъ формъ сдѣланъ имъ умѣло и съ знаніемъ лингвистическихъ методовъ. Что касается до словаря и фразъ, то они не всегда вѣрно переведены. Игнорированіе грузинской грамматики обусловило недостатки этого труда.

А. Хахановъ.

Редакторъ-Изд[illegible] **С. Сухонинъ.**

Вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе журнала

„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“

„ОТКРЫТІЕ КИТАЯ“

и др. статьи академика В. П. Васильева.

Посмертное изданіе съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Милліонная, 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта напрагляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣта.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) Редакція открыта для объясненій ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 3 до 5 час. дня.

2) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ принимаетъ для личныхъ объясненій по субботамъ отъ 7½ до 9

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. до

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИЧ. ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Первое въ Россіи, общедоступное, **ежемѣсячное иллюстрированное** историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ: Путемъ широкой аналогіи освѣтить преемственность историческихъ явленій въ жизни народовъ, **научно объяснить и художественно** воскресить вѣчно живые образы прошлаго, установить связь прошедшаго съ настоящимъ и отмѣтить великія завоеванія человѣчества въ безсмертной области духа, красоты и правды. **Исторія продолжается**, и на порогѣ XX вѣка, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо искать въ прошломъ разгадку сложнѣйшихъ проблемъ современности.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: *И. П. Аксаковъ, В. А. Анучинъ, К. И. Арсѣньевъ, кн. В. В. Барятинскій, В. Ѳ. Боцяновскій, Б. П. Бирюковъ, кн. Д. И. Голицынъ (Муравлинъ), М. В. Головинскій, проф. А. Х. Гольмстенъ, В. М. Грибовскій, И. А. Гриневская, академикъ И. Н. Ждановъ, проф. Ѳ. Ф. Зелинскій, проф. Н. И. Ивановъ, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. П. Н. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Н. М. Коркуновъ, Госибуши-Куроно (лек. японскаго языка петерб. унив.), проф. И. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, Г. Ф. Львовичъ, М. Н. Малаевъ, А. А. Мироновъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. С. Морозовъ, К. В. Наларьева, Ф. К. Несмуховскій, Н. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. П. Панаевъ, пр.-доц. В. Н. Перетцъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. А. Рейснеръ, В. Я. Стоюновъ, проф. Н. Н. Сторожевко, А. П. Субботинъ, А. Е. Суровцевъ, Я. Г. Сверскій, А. В. Тавастшерна, К. А. Тепловъ, проф. А. С. Трачевскій, А. Н. Фаресовъ, И. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, Н. К. Шильдеръ, проф. И. А. Шляпкинъ, Н. К. Ядринцевъ, З. Ю. Яковлева, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)* и *др.*

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: «**На рубежѣ XIX вѣка**»—изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего вѣка; «**Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи народовъ Европы**»—ближайшему историческому прошлому; «**Странички прошлаго**»—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; «**Изъ области археологіи**»—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области и «**Литературная лѣтопись**»—ежемѣсячн. обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ.

ВЪ ПЕРВЫХЪ КНИЖКАХЪ ЖУРНАЛА будутъ напечатаны: историч. ст. *Л. Е. Оболенскаго*—«Механизмъ идеала въ исторіи»; *Карла Каутскаго*—«Табориты», «Перекрещенцы»; *проф. Н. И. Стороженко*—«Мартинъ Марпрелатъ и перв. пуритане»; ст. по исторіи Грузіи прив.-доц. *Хаханова* и др. авторовъ. *В. Смоленскаго*—«Судьбы Польши послѣ раздѣловъ»; *М. В. Грибовскаго*—«Сверхчеловѣкъ конца прошлаго столѣтія»; *проф. М. А. Рейснера*—«Реформація и право реформированія въ Германіи» и др. ст. по исторіи **Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и Греціи** и **по исторіи восточныхъ народовъ.**

ИСТОР. БЕЛЛЕТРИСТ. ПРОИЗВЕДЕНІЯ *Д. Л. Мордовцева, кн. Д. И. Голицына (Муравлина), В. М. Грибовскаго, В. Н. Никитина, В. И. Лебедева, К. А. Тепловой*—«Изувѣрка» истор. повѣсть изъ древнерусской жизни, истор. романъ знаменитаго *Гверацци*—«Беатриче Ченчи» и мн. др.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІЯ (съ особ. нум. стран.): Библіотека избран. сочин. **по исторіи народовъ Европы**»—«Ист[illegible] финскаго народа» *Шекспиру*, въ излож. *Н. К. Ядринцева* и [illegible], и «Сборникъ иностр. истор. романовъ»—«Послѣ[illegible]инихъ» истор. роман. *Рэдберна* изъ временъ Юліана Отступника.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по[illegible]ла каждаго мѣ[illegible]

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ (съ декабря по де[illegible]ст. и перес. *6 р.*, подгода *3 р.* и за границу *9 р.* **ПОДПИСКУ ПРИ[illegible]К КНИГОПРОДАВЦ[illegible]**

Примѣчаніе. Подписка на первый годъ нада[illegible]ники и небольш[illegible] количество оставшихся комплектовъ за прошл[illegible]ается по цѣ[illegible] 7 руб. за годичн[illegible]ерь съ платою за[illegible]го разстоян[illegible]

Контора и ре[illegible]МАЛОННОЙ УЛ., Д. [illegible]Т.

Редакторъ-издат[illegible]ИНЪ.

Столичн[illegible]ографія, 12 Гутс[illegible]